

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ю. В. Кравцова

Ю. В. Кравцова

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

Ю. В. Кравцова

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Монография

Киев – 2014

УДК 811.161.1'373.612.2'821
ББК 81.2 Рос
К 78

Рекомендовано к печати Ученым советом Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (протокол № 6 от 30.01.2014 г.)

Рецензенты:

Брицын В. М., доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института языковедения НАН Украины имени А. А. Потебни

Синица И. А., доктор филологических наук, старший научный сотрудник, заведующая кафедрой русской филологии Киевского национального лингвистического университета

К 78 Кравцова Ю. В.

Метафорическое моделирование мира в художественном тексте: семантико-когнитивный анализ. – К.: Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2014. – 320 с. Яз. рус.

ISBN 978-966-660-976-5

В монографии представлено теоретико-прикладное исследование метафорики художественного текста. Дано обоснование нового семантико-когнитивного подхода к изучению метафоры, изложены его основные принципы и произведена верификация, вследствие которой установлены закономерности метафорического моделирования, репрезентации и концептуализации мира в русской поэзии и прозе первой половины XX в. Описаны разработанные методики построения метафорических моделей, анализа метафорических концептов и реконструкции метафорической концептосферы. Выявлены продуктивные метафорические модели и базовые метафорические концепты, охарактеризованы метафорическая картина мира и метафорическая концептосфера русской литературы данного периода. Рассматриваются отдельные вопросы лингвистической семантики, лингвокогнитологии, лингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвопоэтики.

Предназначена для лингвистов – ученых, преподавателей, студентов.

УДК 811.161.1'373.612.2'821
ББК 81.2 Рос

ISBN 978-966-660-976-5

© НПУ имени М.П. Драгоманова, 2014
© Кравцова Ю.В., 2014

ВВЕДЕНИЕ

Теория метафоры, которая имеет более чем двухтысячелетнюю историю и давно сложившиеся традиции, постепенно обогащается и совершенствуется вследствие возникновения тех или иных направлений ее исследования, предлагающих свое понимание сущности метафоры, свои представления о ее типах и функциях, что в целом способствует расширению и углублению научного знания о ней. «Феномен метафоры изучается со времен Аристотеля, но, кажется, последнее слово о ней не будет сказано никогда» [Кобозева 2001: 132]. История изучения метафоры описана во многих трудах второй половины XX в. (В. П. Адрианова-Перетц, В. И. Корольков, С. Ю. Медведева, Л. В. Балашова, М. И. Панов и др.), когда началось глубокое осмысление наследия ученых прошлого. В работах начала XXI в. (А. Н. Баранов, О. И. Глазунова, О. Н. Лагута, А. П. Чудинов) анализ и описание достижений в области теории метафоры продолжается.

Очередное проявление научного интереса к метафоре в последние десятилетия обусловлено изменениями, произошедшими в структуре и динамике современного знания о мире, фундаментальным пересмотром позиций по вопросам соотношения языка и мышления, языкового отражения действительности, осознанием значимости метафоры в познании, концептуализации и репрезентации мира, стремлением к постижению сущности индивидуального, национального и общечеловеческого образного мышления. Изучение метафоры активизировалось в разных отраслях науки: философии, логике и психологии, ориентированных на выяснение генетической природы метафоры; этнологии, социологии и культурологии, рассматривающих каузальные связи метафор; герменевтике, лингвистике и когнитологии, изучающих структуру метафоры и механизмы метафоризации; риторике, литературоведении, стилистике и дискурсологии, выявляющих особенности функционирования метафор.

В языкознании уже стало традиционным исследование метафоры как объекта лексикологии, семасиологии и ономасиологии, осуществляемое уже более полувека. В современных отраслях лингвистики – психолингвистике, этнолингвистике, лингвокогнитологии, лингвокультурологии – описание этого сложного явления приобретает полиаспектный характер. Учение о метафоре, разрабатываемое в различных исследовательских направлениях, в конце 1990-х гг. оформилось как самостоятельная наука – метафорология (термин Х. Блюменберга), основополагающей проблемой которой по-прежнему остается определение сущности метафоры и механизмов ее образования.

Объектом лингвистической теории метафора стала лишь во второй половине XX в. (В. В. Виноградов, Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. И. Левин, Н. А. Басилая, В. П. Ковалев, Н. А. Кожевникова, В. Н. Телия, Г. Н. Складарская и др.), что было обусловлено поисками научного обоснования метафоры как языкового явления. В этот период и начала формироваться лингвометафорология как самостоятельная отрасль языкознания, хотя соответствующий статус она приобрела только в последнее десятилетие.

Внимание современных исследователей привлекает целый ряд проблем, многие из которых являются уже традиционными: генезис метафоры (Л. О. Андриенко, К. Бюлер, Е. Кассирер); роль метафоры в языковой картине мира (Н. Д. Арутюнова, Ж. А. Вардзелашвили, З. Ю. Петрова, Г. Н. Складарская, В. Н. Телия); семная структура метафоры (Л. В. Балашова, О. И. Глазунова, О. Н. Лагута); функционирование метафоры в разных стилях (Е. В. Ермилова, Т. А. Ещенко, Е. О. Опарина, А. В. Сергеева); когнитивная функция метафоры (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов); научные метафоры (Л. М. Алексеева, Г. С. Баранов, М. И. Панов); окказиональные метафоры (В. Г. Гак, К. В. Гулый, Д. М. Колесник); метафора как объект лексикографии (О. Н. Лагута, Н. А. Кожевникова, Г. Н. Складарская) и др. Количество лингвистических работ, посвященных метафоре, очень велико, но интерес к ней по-прежнему сохраняется. В связи с этим некоторые ученые справедливо полагают, что «представление о вездесущности метафоры привело к размыванию самого концепта метафоры: метафорой стали называть любой способ косвенного и образного смысла» [Арутюнова 1990: 7] и «четкое описание объектных границ метафоры в настоящее время утрачено» [Лагута 2003а: 24]. Поэтому первоочередной задачей лингвистической теории метафоры становится ограничение ее понятийного объема и возвращение генетической сущности.

В языкознании существует более десяти направлений исследования метафоры. Так, Г. Н. Складарская (1993) и Ж. А. Вардзелашвили (2001) выделяют следующие: семасиологическое, ономасиологическое, лексикологическое, лексикографическое, лингвостилистическое, экспрессиологическое, психолингвистическое, гносеологическое, логическое, собственно лингвистическое, лингвистиколитературоведческое. О. Н. Лагута (2003) указывает на существование в современной лингвометафорологии таких направлений, как лексикологическое, лингвокогнитивное, лингвокультурологическое, социолингвистическое, герменевтическое, прагматическое, семиотическое, коммуникативное, онтолингвистическое, нейролингвисти-

ческое, лингвопоэтическое, идиолектное, лексикографическое, хотя, как она отмечает, «с учетом синхронного и диахронного описания метафорических объектов количество “смешанных” подходов может возрасти почти вдвое» [Лагута 2003б: 58]. Проведенный нами анализ теоретических и прикладных лингвометафорологических исследований конца XX – начала XXI вв. показал, что наиболее продуктивно осуществляется изучение метафор в семасиологическом, ономасиологическом, психолингвистическом, лингвокогнитивном и лингвокультурологическом направлениях.

Изучение метафоры в современной семасиологии проводится с целью установления ее семной структуры (Ж. А. Вардзелашвили, Л. А. Кудрявцева, О. Н. Лагута, М. В. Никитин, Г. Н. Скляревская, Н. П. Тропина и др.) и структурно-семантического описания метафоры на том или ином материале (Л. В. Балашова, Ж. А. Вардзелашвили, О. Н. Лагута, Н. В. Павлович, Г. Н. Скляревская и др.). Такие работы постепенно приобретают лингвокогнитивную, этнопсихологическую и коммуникативную ориентацию. Однако до настоящего времени не существует обобщающего комплексного исследования, подытоживающего классификационные процедуры фактов метафоризации, так как типологизировать языковой материал значительного объема крайне трудно. Предлагаемые авторами различные описания метафор, по их собственному признанию, возможно, не всегда объективны и в целом достаточно условны, потому что «современные классификации метафор фактически не имеют единой объектной базы» [Лагута 2003б: 24]. Поэтому данная проблема находится в стадии активной разработки.

В ономасиологических исследованиях последних лет наблюдается стремление проникнуть в механизм метафоризации и описать типичные метафорические модели, однако специальных работ в области собственно метафорической номинации до сих пор нет. Процесс образования метафоры рассматривается, как правило, либо параллельно с семасиологическим ее анализом (Ж. А. Вардзелашвили, И. Д. Гажева, О. Н. Лагута, Г. Н. Скляревская и др.), либо в рамках семантической дериватологии (Л. А. Кудрявцева, М. Н. Лапшина, М. В. Москалева, О. Б. Пономарева, Н. П. Тропина и др.), где она трактуется как семантическая модель и соответственно описывается вместе с другими моделями семантической деривации. Некоторые работы (О. И. Блинова, В.Н. Прохорова, Г.Н. Скляревская, О. И. Усминский, Л. Г. Яцкевич и др.) посвящены изучению семантической (в том числе метафорической) мотивации и установлению различных мотивирующих признаков метафоризации. Данным исследова-

ниям, как и семасиологическим, свойственна постепенная интеграция в русло лингвокогнитологии, что проявляется в актуализации проблем метафорического моделирования и метафорической мотивации, отражающих процессы метафорогенной деятельности человека.

Современные психолингвистические исследования метафоры, как правило, ориентированы на решение проблем, связанных с порождением, распознаванием и пониманием метафорического смысла, созданием моделей понимания метафоры (К. И. Алексеев, Д. Балота, Я. Босман, Р. Гиббс, В. В. Знаков, Р. Стернберг и др.), особенностями формирования и функционирования метафор в разных стилях (Б. Бриттон, Дж. Кесс, Р. Стернберг, А. А. Залевская, В. В. Петров, Р. М. Фрумкина, В. А. Цепцов и др.), осознанием метафоризации как взаимосвязанных процессов смыслопроизводства и смысловосприятия (С. В. Агеев, А. А. Залевская, В. Харди и др.), однако эти проблемы пока остаются открытыми.

Лингвокогнитивное исследование метафоры, которое началось с фундаментальной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980), ставшей «библией когнитивного подхода к метафоре» [Баранов 2004: 7], осуществляется в разных направлениях. В последние годы сформировались различные теории метафоры: концептуальной интеграции (М. Тернер, Ж. Фоконье), концептуальной проекции (К. Аренс), коннективная (Д. Ричи), дескрипторная (А. Н. Баранов), когнитивно-дискурсивная (А. П. Чудинов) и др. В американской лингвокогнитологии наиболее распространенной является теория концептуальной интеграции (М. Тернер, Ж. Фоконье, Дж. Барнден, Т. Вил, Дж. Грэди, С. Коулсон, Т. Оукли и др.), в российской и украинской науке – дескрипторная (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, Е. К. Казакевич, О. В. Михайлова, П. Б. Паршин, А. А. Попова, Г. А. Сатаров и др.) и когнитивно-дискурсивная (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, Х. П. Дацишин, А. Б. Ряпосова, Ю. Б. Феденева, А. А. Федосеев, И. А. Филатенко, О. М. Чадюк и др.) теории метафоры. Когнитивное направление в изучении метафоры, получившее широкое распространение в мировой науке, нашло применение в различных прикладных исследованиях. Вместе с тем многие вопросы являются дискуссионными, поэтому когнитивная теория метафоры продолжает активно развиваться и реализовываться в новых научных интерпретациях.

Изучение метафоры в лингвокультурологическом направлении связано с проблемами картины мира и концептосферы этноса. Теоретическое исследование метафорической картины мира как само-

стоятельного объекта началось сравнительно недавно (Ж. А. Вардзелашвили, З. Ю. Петрова, З. И. Резанова, Г. Н. Скляревская, А. П. Чудинов, Д. Е. Эрнер и др.), вследствие чего наблюдается неоднозначность ее понимания. Понятие метафорического концепта / концептуальной метафоры, которое было введено Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, вошло в научный узус в конце 1990-х гг. (А. Н. Баранов, М. В. Никитин, И. В. Толочин, А. П. Чудинов и др.), однако до настоящего времени он трактуется по-разному и не выработана единая методика его анализа.

В российской и украинской лингвистике конца XX – начала XXI вв. последовательно разрабатывается теория метафорического моделирования, которая развивается в двух направлениях – когнитивном, базирующемся на постулатах лингвокогнитологии с учетом достижений когнитивной и лингвистической семантики (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, В. В. Петров, А. П. Чудинов и др.), и семантическом, продолжающем традиции лингвистической семантики и осуществляющемся в русле семантической дериватологии в контексте основных положений когнитивной лингвистики (Л. А. Кудрявцева, О. Н. Лагута, О. Б. Пономарева, Г. Н. Скляревская, Н. П. Тропина и др.), где метафора рассматривается соответственно как когнитивная и семантическая модель. Установлению конкретных метафорических моделей в текстах / дискурсах определенной жанрово-стилевой квалификации посвящено немало специальных публикаций (Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, Х. П. Дацишин, Р. Д. Керимов, А. Б. Ряпосова, Ю. Б. Феденева, И. А. Филатенко, О. Н. Чадюк и др.), однако в этой сфере остается много нерешенных вопросов. Изучение художественной метафоры с позиций моделирования в последнее время значительно активизировалось (Н. В. Головенкина, А. С. Назин, Е. Н. Осатюк, Е. Б. Рябых, М. Б. Шинкаренкова и др.), но принципы описания такого материала находятся еще в стадии разработки.

Современная лингвистическая теория метафоры в целом только формируется, поэтому необходимо продолжить всестороннее исследование данного объекта, что позволит «проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка» [Гак 1998: 13]. Результаты проведенного анализа существующих работ в области лингвометафорологии свидетельствуют о том, что метафора в них рассматривается как языковой (семантический) или ментальный (когнитивный) феномен. Комплексное изучение метафоры как явления языка и мышления еще не осуществлялось. В связи с

этим значительный интерес представляют, на наш взгляд, основные идеи сформировавшегося в российской лингвистике начала XXI в. семантико-когнитивного направления (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, Е. В. Лукашевич, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. В. Рахилина и др.), которое манифестируется как путь «от языка к концепту», «от языковой картины мира к когнитивной, к описанию национальной концептосферы» [Попова 2007].

В данной работе предлагается новый семантико-когнитивный подход к изучению метафорики языка и речи, предназначенный для корпусного исследования метафорических контекстов и интегративного описания метафоры как ментального и языкового явления. Сущность такого подхода состоит в том, что на основе анализа семантики метафорических номинаций и построения метафорических моделей, реконструируемых на том или ином языковом материале, можно установить типовые модели метафорического мышления и базовые метафорические концепты, свойственные носителям определенной этнокультуры, а также общие закономерности метафорической репрезентации и концептуализации мира, характерные для конкретного исторического периода.

При таком подходе метафора рассматривается как ментально-вербальный конструкт, служащий для характеристики и номинации какого-либо объекта и создаваемый на основе его аналогии или ассоциативного подобия с другим объектом, уже имеющим наименование, в процессе когнитивной метафорогенной деятельности человека. Она является компонентом метафорической картины мира как фрагментарной проекции языковой картины мира и метафорической концептосферы как составной части общей концептосферы (концептуальной картины мира) этноса. Семантико-когнитивный анализ фактов метафоризации предполагает изучение семантики метафор как средств языка (речи) и способа объективации метафорических концептов.

Корпусное исследование художественной метафорики на материале обширного фрагмента русской поэзии и прозы первой половины XX в. позволяет продемонстрировать возможности предлагаемого семантико-когнитивного подхода и верифицировать его основные положения. Проведение такого исследования имело следующие предпосылки: интенсивное развитие или формирование отдельных отраслей современного языкознания (лингвистическая семантика, лингвокогнитология, лингвокультурология, лингвоконцептология, корпусная лингвистика, лингвопоэтика); возникновение нового семантико-когнитивного направления в изучении языка, позво-

ляющего устанавливать тесную взаимосвязь языковых и когнитивных структур; активизация лингвометафорологических исследований в связи с осознанием значительной роли метафоры в познании, концептуализации и репрезентации мира. Актуальность данного монографического исследования обусловлена объективной необходимостью теоретического осмысления метафоры как ментально-вербального конструкта в свете современных направлений лингвистики, потребностью в формировании нового интегративного семантико-когнитивного подхода к ее изучению, способствующего установлению взаимосвязи семантических и когнитивных структур на уровне метафоризации, значимостью описания общих закономерностей метафорического моделирования, репрезентации и концептуализации мира в художественном тексте.

В монографии дано обоснование предлагаемого семантико-когнитивного подхода к изучению метафоры и описаны выявленные закономерности метафорического моделирования, репрезентации и концептуализации мира в художественном тексте, что основано на результатах реконструкции и сопоставительного анализа индивидуальных метафорических картин мира русских поэтов-прозаиков первой половины XX в. – А. Ахматовой, А. Белого, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Кузмина, Б. Пастернака, И. Сельвинского, М. Цветаевой.

Семантико-когнитивный подход к анализу метафоры языка и речи (текста, дискурса), разработанный на базе основных положений лингвометафорологии, лингвистической семантики, лингвокогнитологии, лингвокультурологии и лингвоконцептологии, позволяет рассматривать метафору как явление языка и мышления, устанавливать тесную взаимосвязь метафорических номинаций и метафорических концептов. Он открывает возможности для дальнейших исследований, ориентированных на реконструкцию метафорической концептосферы носителей той или иной этнокультуры.

Представленное в монографии комплексное теоретико-прикладное исследование художественной метафоры будет способствовать постепенному формированию нового семантико-когнитивного направления лингвометафорологии.

ГЛАВА 1 СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МЕТАФОРЫ

Когнитивные исследования, получившие широкое распространение в современной лингвистике, ориентированы, как известно, на решение важнейших проблем взаимосвязи языка и мышления, «роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова 2004: 11] и осуществляются в разных направлениях. В русистике начала XXI вв. одним из ведущих является семантико-когнитивное направление (А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, Е. В. Лукашевич, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. В. Рахилина и др.), которое сформировалось как интегративная отрасль науки, возникшая на стыке лингвистической семантики, лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

Сущность семантико-когнитивного подхода состоит в изучении «лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере народа» [Попова 2005: 8]. Путь исследования «от языка к концепту», по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «наиболее надежен», так как «анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт» [Попова 2007: 49]. Отличие данного направления от исследовательских традиций лингвистической семантики и когнитивной лингвистики очевидно и определяется установлением тесной взаимосвязи семантических и когнитивных структур, языка и мышления (ментальности носителей этнокультуры), соотношения языковой семантики и концептов, характерных для того или иного народа.

Одним из этапов семантико-когнитивного анализа является так называемая когнитивная интерпретация, под которой понимается «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта» [Попова 2006: 39]. Без когнитивной интерпретации изучение того или иного языкового объекта остается, как считают некоторые представители данного направления [Стернин 2004; Попова 2005, 2006, 2007], в рамках лингвистической семантики. Следовательно, идея излагаемой концепции

заключается в исследовании «от содержания значений к содержанию концептов» и выявлении когнитивных признаков, формирующих концепт как ментальную единицу.

Семантико-когнитивный подход к изучению метафорики языка и речи (текста, дискурса), предлагаемый в данной работе, состоит в том, что через исследование семантики метафорических наименований и построение метафорических моделей, реконструируемых на том или ином языковом материале, можно установить типовые модели метафорического мышления и базовые метафорические концепты, характерные для носителей данной этнокультуры в конкретный исторический период, а в общем виде – закономерности отражения определенных когнитивных структур знания (метафорических концептов) в языковых структурах (метафорических значениях). Данный подход базируется на положениях о тесной взаимосвязи когнитивных и языковых категорий, неполном изучении языка без обращения к когнитивным структурам, системности когнитивных структур и их корреляции с системами языковых структур (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). Он также основан на общности семантического (Л. А. Кудрявцева, О. Н. Лагута, Г. Н. Скляревская, Н. П. Тропина и др.) и когнитивного (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, В. В. Петров, А. П. Чудинов и др.) метафорического моделирования – развитии тезиса о моделирующей роли метафоры, которая организует и регулирует мировосприятие человека.

Объектом семантико-когнитивного анализа в нашей работе является метафора как компонент метафорической картины мира, входящей в состав языковой картины мира, и метафорической концептосферы, входящей в состав концептуальной картины мира (концептосферы этноса), изучение которой с таких позиций способствует реализации идеи комплексного ее рассмотрения как ментально-вербального конструкта.

1.1. Метафорическая картина мира как специфическая форма отражения действительности

Понятие картины (модели) мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человеческого бытия. Человек не может отразить окружающий мир во всем его многообразии, так как реальная действительность намного богаче, чем некое представление о ней, однако потребность ее осмысления вызывает необходимость структурирования знаний об этой реальности. «Че-

ловек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира; и это не только для того, чтобы преодолеть мир, в котором он живет, но и для того, чтобы в известной мере попытаться заменить этот мир созданной им картиной» [Эйнштейн 1965: 9]. По поводу возникновения термина «картина мира» высказываются разные мнения. Одни ученые (П. С. Дышлевый, В. Н. Михайловский, О. В. Ртищева, Ю. И. Светов и др.) считают, что он появился в гносеологии, или шире – философии, и связан с работами Л. Витгенштейна. Другие (Ж. А. Вардзелашвили, А. Е. Забавников, И. М. Фесенко, Г. З. Шараева и др.) полагают, что понятие картины мира возникло в области физического знания и было введено в научный обиход Г. Герцем, трактовавшим его как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов.

В российскую и отечественную лингвистику понятия картины мира и модели мира вошли, как известно, в 1970-е гг. благодаря работам Г. А. Брутяна (1973, 1976) и Ю. Н. Караулова (1976). В современной науке данные термины большинством исследователей признаны равноценными, хотя многие ученые употребляют, как правило, лишь один из них. К примеру, Ю. С. Лазебник, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян и др. используют в своих работах понятие «модель мира», а Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Бульгина, С. А. Жаботинская, А. А. Зализняк, В. И. Заботкина, О. А. Корнилов, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, Е. С. Яковлева и др. применяют термин «картина мира». А. Д. Шмелев (2002, 2003) употребляет оба термина как синонимичные. В. И. Постовалова различает понятия «картина мира» как субъективированное и «модель мира» как объективированное представления о мире. Она считает, что построение модели мира возможно с помощью анализа картины мира и является результатом сознательного акта рефлексии, тогда как картина мира может существовать в сознании человека «в неоформленном и неотрефлексированном состоянии» [Постовалова 1988: 23], т. е. можно предположить, что под «моделью мира» понимается некая формализованная система, характеризующаяся более четкой структурой и схематизацией. Поддерживая мнение большей части исследователей, считаем термины «картина мира» и «модель мира» тождественными, однако в данной работе будем оперировать понятием картины мира во избежание терминологических разночтений, связанных с рассмотрением проблемы моделирования как метода реконструкции картины мира.

В современных исследованиях предлагаются разные определения картины мира: те или иные представления человека о каких-либо явлениях действительности, которые сформировались у него в результате его жизненного опыта (Р. А. Будагов); сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции (В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян); «сетка координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании (А. Я. Гуревич) и др. Несмотря на различия в толкованиях, значимым моментом их схождения является следующее: картина мира – это не фотографическое отображение предметов и явлений окружающей действительности, а отражение реальности через призму ментальности воспринимающего субъекта, т. е. общим является понимание ее как совокупности представлений человека о реальности.

В имеющихся по данной проблеме работах (Ж. А. Вардзелашвили, Г. Д. Гачев, В. П. Даниленко, П. С. Дышлевый, С. В. Зенин, Е. Л. Мосунов, К. О. Погосова, В. С. Степин и др.) выделяются разные типы картин мира: научная, философская, религиозная, мифологическая, художественная, концептуальная, языковая и др. Кроме того, научная картина мира – совокупность научных знаний о мире, выработанных всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества (О. А. Корнилов), – рассматривается как общенаучная, которая состоит из частнонаучных картин мира – физической, биологической, химической и т. п. По мнению некоторых лингвистов (Б. А. Серебренников, В. И. Постовалова), существует столько картин мира, сколько имеется субъектов, контактирующих с этим миром, сколько «призм мировидения», сколько миров, которые воспринимает субъект [Серебренников 1988: 88]. Действительно, человеческие контакты с миром многообразны, поэтому с приобретением опыта в разных областях деятельности человека соответственно возникают и различные картины мира, по-особому структурирующие знания о нем и охватывающие его лишь в определенных аспектах. Картина мира «не есть зеркальное отображение мира и не “открытое окно” в мир, а именно картина, т. е. интерпретация, акт миропонимания, она зависима от призмы, через которую совершается мировидение» [Постовалова 1988: 11]. Следует отметить, что деление картины мира на разные виды относительно условно и вызвано в большей мере потребностью в специальном научном исследовании фрагментов или проекций картины мира как таковой, а все выделяемые разновидности так или иначе взаимодействуют и пересекаются друг с другом.

В лингвистических исследованиях конца XX – начала XXI вв. (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. А. Зализняк, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев и др.) одним из приоритетных направлений является разработка теории языковой картины мира, хотя многие вопросы до сих пор остаются дискуссионными. Понятие языковой картины мира восходит, как известно, к идеям В. Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа. Так, В. Гумбольдт выдвинул антропоцентрический принцип изучения языка и ввел понятие промежуточного мира, который является связующим звеном между миром внешних явлений и внутренним миром человека. В XX в. неогумбольдтианцы (И. Трир, Ф. Дорнзайф, Л. Вайсгербер, Е. Косериу), разрабатывая метод внешнего структурирования семантических полей и систематизации отношений между ними, активно занимались изучением проблемы языковой репрезентации действительности. В связи с этим появились такие термины, как «языковая организация мира» и «языковая картина мира», последний из которых впервые был введен в научный обиход Л. Вайсгербером, отмечавшим, что в каждом языке содержится особое мировоззрение, являющееся единым для его носителей и выступающее как совокупность всех представлений об окружающем мире и ощущений, вызываемых им [Вайсгербер 1993].

В современной лингвистике термин «языковая картина мира» понимается неоднозначно: это продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации (В. Н. Телия); совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывающаяся в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми носителями данного языка (Ю. Д. Апресян, А. Д. Шмелев); отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности (В. И. Поставалова, В. Г. Гак); выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира (Н. Ю. Шведова); совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике (В. А. Маслова); исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире (А. А. Зализняк) и т. п. В некоторых работах (Т. А. Гуральник, В. Н. Демин, Е. А. Перехвальская, О. В. Ртищева) понятия языковой и лингвистической картины мира отождествляются, с чем нельзя согласиться: языковая кар-

тина мира – это совокупность знаний о мире, зафиксированных в языке, а лингвистическая – одна из частнонаучных картин мира, совокупность научных лингвистических знаний, вербализованных в подъязыке науки. А. Я. Шайкевич, напротив, вообще не видит необходимости в термине «языковая картина мира», считая наличие термина «семантическая система» вполне достаточным [Шайкевич 2005: 9].

Язык играет активную роль в процессе концептуализации действительности, а значит, языковая картина мира тесно связана с концептуальной: с одной стороны, «концептуальная картина мира реализуется посредством языка» [Кубрякова 2003: 6], а с другой – языковая картина мира представляет собой ту «часть концептуального мира человека, которая имеет “привязку” к языку и преломлена через языковые формы» [Кубрякова 1988: 142]. Взаимосвязь языковой и концептуальной картин мира проявляется также в том, что «язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную картину мира в национально-культурные цвета» [Телия 1988б: 177]. Из этого следует, что языковая картина мира как исторически сложившаяся в сознании определенной лингвокультурной общности и отраженная в языке совокупность представлений о действительности может этнически различаться, в отличие от концептуальной картины мира, в целом сходной для всех, так как человеческое мышление едино (хотя, естественно, объем тех или иных понятий может несколько отличаться в разных этнокультурах). Языковая картина мира этноспецифична, потому что отражает особый способ мировидения, присущий данному языку и отличающий его от каких-либо других языков [Апресян 1995], но одновременно она является составляющей общей концептуальной картины мира.

Проблема изучения языковой картины мира непосредственно связана с проблемой исследования метафоры как одного из способов фиксации национально-культурного наследия народа, основных средств создания языковой картины мира. Система метафор, складывающаяся в узусе, во многом оригинальна для каждого лингвокультурного сообщества, что, безусловно, детерминировано спецификой конкретного национального словаря. Антропоцентрический подход к языку вообще и к метафоре в частности, разрабатываемый в современной лингвистике, позволяет рассматривать метафоры данного языка как специфическую форму отображения действительности и создания образа мира, соответственно, метафорика составляет некое автономное образование. «Рассмотрение всего корпуса метафорических номинаций отдельного языка позволяет сде-

лать вывод, что классифицированная совокупность метафорических номинаций дает возможность экстраполировать данную совокупность за пределы традиционной языковой картины мира и выстроить новую парадигму – метафорическую картину мира как упорядоченную систему образов, ассоциаций, коннотаций, узаконенных языком как арсенал его выразительности» [Вардзелашвили 2001: 98]. Следовательно, метафорика языка образует метафорическую картину мира этноса, которая представляет собой результат осмысления и отражения действительности, позволяющий запечатлеть национально-культурное богатство образных средств.

Термин «метафорическая картина мира» вошел в научный обиход лишь в последнее десятилетие (Ж. А. Вардзелашвили, Д. Н. Галимова, З. Ю. Петрова, З. И. Резанова, Д. Е. Эртнер и др.), в связи с чем наблюдается неоднозначность его понимания. Одни ученые (З. И. Резанова, Д. А. Катунин, Н. А. Мишанкина, А. М. Мухачева, В. В. Рожков и др.) рассматривают метафорическую картину мира как фрагмент языковой картины мира, а другие (Г. Н. Скляревская, Ж. А. Вардзелашвили, А. П. Чудинов и др.) – как более широкое явление. Так, Г. Н. Скляревская считает, что метафорика языка создает не фрагмент языковой картины мира, а заполняет все ее пространство [Скляревская 1993: 77]. Ж. А. Вардзелашвили также полагает, что метафорическая картина мира с некоторыми лакунами покрывает все семантическое пространство языка и, налагаясь на языковую картину мира, почти полностью совпадает с ней [Вардзелашвили 2001: 178]. А. П. Чудинов отмечает, что «это своего рода система метафорических полей, свойства которой во многом аналогичны свойствам системы лексико-семантических полей» [Чудинов 2003: 38], хотя такая трактовка, по сути, дублирует толкование данного явления Г. Н. Скляревской, которая ввела понятие метафорического поля, существующего наряду с функционально-семантическим полем и обладающего всеми его особенностями.

Понимание метафорической картины мира как фрагмента языковой картины мира представляется нам не совсем верным, так как процесс метафоризации охватывает семантическое пространство языка в целом, а не отдельную его часть, хотя, естественно, далеко не все лексемы обладают способностью к метафоризации. Однако с тезисом о наложении метафорической картины на языковую и почти полном с ней совпадении тоже трудно согласиться, потому что это практически приводит к отождествлению двух картин мира. На наш взгляд, метафорическая картина мира – это фрагментарная проекция языковой картины мира. Во-первых, с позиций лексической

семантики, если условно разделить все лексические значения на прямые и переносные, метафорические значения являются проекцией соответствующих прямых, – при этом в метафоризации участвуют уже имеющееся в языке значение и вызванное им аналоговое или ассоциативное представление о тех или иных реалиях носителей языка. Этот процесс «сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого слова» [Телия 1988б: 186], и завершается их фиксацией в метафорическом значении. Во-вторых, с точки зрения грамматической семантики способностью к метафоризации обладает значительная часть полнозначных слов (существительных, прилагательных, глаголов, реже – причастий, деепричастий, наречий). В-третьих, в когнитивном плане при создании метафоры некоторые свойства области источника проецируются в область цели и проявляются в языке в качестве метафорических следствий: «в процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит “метафорическая проекция”» [Баранов 2004: 10]. Поэтому считаем, что метафорика языка представляет собой некое самостоятельное образование – метафорическую систему, спроецированную языком не полностью, а фрагментарно. Она воссоздается посредством построения тематической сетки лексики, способной к вторичной (метафорической) номинации [Вардзелашвили 2001: 158]. Таким образом, совокупность языковых метафор составляет метафорическую картину мира данного этноса, которая, с одной стороны, как бы противопоставлена языковой (условно говоря, неметафорической) картине мира, а с другой – входит в ее состав.

Метафорическая картина мира понимается нами как фрагментарная проекция языковой картины мира, как совокупность образных аналогово-ассоциативных представлений о мире, существующих в национальном сознании данного этноса или индивидуума и эксплицируемых в языке. В ходе исторического развития того или иного лингвокультурного сообщества его метафорическая картина мира постепенно преобразуется, поэтому, чтобы установить характер происходящих изменений, необходимо изучать ее на разных этапах эволюции.

Метафорическая картина мира тесно связана не только с языковой, но и концептуальной картиной мира, которая представляет собой универсальное знание, формируемое на основе физического, чувственного и культурного опыта человека. Концептуальная картина мира отражает знания о мире носителя языка как на языковом,

так и на доязыковом этапах. «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его благодаря известным каналам чувственного восприятия мира. Он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система» [Павиленис 1983: 101]. Язык, в том числе его метафорика, вербализует знания, существующие в концептуальной картине мира, хранит их, пополняет и передает из поколения в поколение. Метафоры, как известно, не ограничиваются лишь сферой языка, – сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны (М. Бирдсли, М. Блэк, М. Джонсон, Дж. Лакофф, М. Редди, А. Ричардс, М. Тернер, Ж. Фоконье, А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, О. И. Глазунова, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.). С этой точки зрения метафора не столько средство описания действительности, сколько устойчивый способ ее осмысления, поэтому метафоры непосредственно входят в концептосферу того или иного этноса, а в целом – в общую концептуальную систему отражения мира.

Метафорическая картина мира как специфическая форма отображения реальности так или иначе соотносится и с другими типами картин мира. Она пересекается с научной картиной мира как совокупностью научных знаний о мире, выработанных всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества, так как основой терминообразования во многих случаях является метафоризация. Обращение к метафоре в науке объясняется тем, что она способна служить средством получения нового научного знания. В языке специальной области знаний метафора часто является не только наиболее адекватной номинацией определенного понятия, но и единственно возможным наименованием изучаемого объекта или процесса, – в таких случаях лишь она способна передать сущность того или иного явления. При всей своей условности метафора может содержать необходимый объем информации, который позволяет ей становиться терминологическим обозначением соответствующих научных понятий. По мнению многих исследователей (И. В. Ивина, М. Г. Павлова, А. А. Седов и др.), роль метафоризации в терминообразовании и формировании новых терминосистем очень велика и в ходе дальнейшего развития науки распространенность метафорической номинации новых объектов и процессов будет возрастать за

счет все более широкого проведения аналогий между объектами и системами разных семантических сфер.

Очень тесная взаимосвязь существует между метафорической и художественной картинами мира, которые отражают специфику индивидуально-авторского восприятия действительности и создают уникальные, неповторимые модели мира. Художественная картина мира, как и метафорическая, является результатом креативного образного мышления писателя, реализацией субъективных представлений о мире в создаваемых им текстах. Метафоры, ориентированные на поиск образа, проникновение в сущность характеризуемого, употребляются автором сознательно и преднамеренно. Мастер слова в силу естественного стремления к самовыражению и нестандартного мировидения вводит в художественное пространство своих произведений метафоры, которые одновременно формируют его, воплощая авторский замысел. Метафорика писателя как составляющая его художественной картины мира – это, с одной стороны, отображение реального мира и объективного знания о нем, закрепленного в языке, через призму авторского творческого мышления, а с другой – способ создания индивидуального образного мира.

Следовательно, метафорическая картина мира, уникальная по характеру образования и универсальная вследствие экстраполяции на другие картины мира, по своей лингвистической природе является производной от языковой картины мира, ее фрагментарной проекцией, а по когнитивным свойствам – совокупностью сложившихся в той или иной этнокультуре образных аналогово-ассоциативных представлений о мире. Она постепенно формируется и периодически модифицируется носителями языка; в ней фиксируются и суммируются метафорические номинации, накапливаемые этносом в ходе его исторического развития, обнаруживая некоторую стереотипность национального образного мышления.

1.2. Особенности индивидуальной метафорической картины мира

Метафорическая картина мира в сознании отдельного представителя определенного лингвокультурного сообщества вариативна и обусловлена его личностными особенностями. Личность, познающая окружающий мир и выражающая свои знания с помощью языковых средств, не только пользуется доставшимися ей «генетически» национальными богатствами языка, но и интерпретирует их в соответствии с личным социальным, культурным, профессиональ-

ным, речевым опытом. Поэтому индивидуальные картины мира содержат как объективно существующие, так и самостоятельно приобретенные, субъективно освоенные (языковые, культурные, профессиональные и др.) знания. Отражение окружающего мира у отдельного индивидуума, несмотря на общность категорий мышления у всех людей, проходит через его личное сознание, формирующееся на основе полученного опыта и психологических особенностей. С другой стороны, индивидуальное мышление не является самодовлеющим, – оно априори подвергнуто влиянию общественного мышления, так как в лингвокультурном сообществе, к которому принадлежит индивидуум, уже сформировалось определенное национальное сознание и общий язык, поэтому индивидуальное мышление и речь неизбежно выступают как составная часть общественного мышления и языка. Носитель лингвокультуры реализует себя как языковую личность через восприятие и создание текстов. Его речь, таким образом, является средством репрезентации и последующего восприятия субъективной картины мира, поэтому возможно описание метафорической картины мира данной языковой личности по результатам ее речевой деятельности.

Картина мира в авторском тексте создается языковыми средствами и воплощается в отборе различных объектов действительности как элементов содержания речевого произведения, использовании определенных средств языка (слов тех или иных тематических групп, отдельных языковых единиц и их групп, обладающих высокой или низкой частотностью, и т. д.) и приемах их употребления. Однако исследование специфики выражения индивидуально-личностного начала автора в созданных им текстах предполагает анализ не только средств речевой выразительности, отражающих своеобразие авторского стиля, но и единиц когнитивного уровня (основных идей, базовых концептов и т. п.), существующих у каждого индивидуума в его сформировавшейся картине мира.

Наибольший интерес представляет изучение индивидуальной картины мира писателя, постижение художественного мира его произведений. В лингвистике существуют разные термины для обозначения картины мира автора художественного текста (Ю. В. Казарин, Н. А. Кузьмина, Л. В. Миллер, Л. А. Петрова, Т. Л. Рыбальченко, М. Б. Шинкаренко и др.): художественная (поэтическая, индивидуально-авторская) картина мира или картина мира (художественный мир, художественное пространство) писателя. Исследование художественной картины мира писателя всегда является неисчерпаемым средством познания и осмысления ее как картины мира оп-

ределенного народа, так и индивидуально созданной модели мира, являющейся следствием творческого позиционирования отдельной языковой личности, ее особым видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками. Пристальное внимание лингвистов к художественной картине мира того или иного автора обусловлено прежде всего тем, что индивидуализированная речь более подвижна и в силу этого более подвержена изменениям в языковой и социокультурной среде, что позволяет наблюдать данные процессы в их эволюционном развитии.

Художественная картина мира писателя понимается в лингвистике по-разному: индивидуально-авторская модель мира, отображенная при помощи семантики различных единиц языка в сознании автора и зафиксированная в его лингвосмысловой сфере [Казарин 1999: 76]; поэтическая альтернатива миру действительному, физическому [Кузьмина 2000: 58]; концептуализированное художественное пространство, обрамляющее каждый литературный феномен и обладающее своими постоянными и переменными [Миллер 2003: 76]; мировоззренческая система, особый склад мировидения, особый характер прочтения действительности [Петрова Л. 2006: 15] и др., однако общим моментом выступает признание ее уникальности. Следовательно, художественная картина мира писателя является специфической формой репрезентации индивидуального мировидения, морально-этических и эстетических представлений, когнитивного освоения действительности, личного опыта и личностных установок автора художественного текста.

Специфика художественной картины мира состоит в том, что она «является частью общезыковой в той мере, в какой творческое сознание является частью общенародного сознания. Степень совпадения в каждом случае разная и зависит от творческой манеры автора» [Бутакова 2000: 52]. С другой стороны, общезыковая картина мира получает уникальное воплощение в художественной картине мира, которая «не только реализует языковую картину мира, но и сама порождает новое мироотношение, требующее нового языка. Картина мира автора моделирует не столько знания о реальности, сколько систему ценностных ориентаций, дает не полноту представлений о мире, а представление о мире как о целом» [Рыбальченко 2002: 261]. Как отмечала В. Н. Телия, «факты авторского словоупотребления столь же неотъемлемое достояние живого языка, как и нормативно фиксированная сочетаемость слов» [Телия 1981: 12]. Однако своеобразие художественной картины мира заключается «не столько в языковых формах, сколько в избирательности видения

художника слова» [Кузьмина 2000: 61]. Художественное сознание писателя либо вскрывает новые свойства, признаки объектов действительности, либо представляет новые проекции уже известных объектов. Таким образом, картина мира писателя как особая форма мировидения имеет свою специфику, проявляющуюся в совмещении общенационального и ярко выраженного индивидуального компонента, так как образ действительности отображается в художественном произведении сквозь призму языкового сознания автора.

Составляющей художественной картины мира писателя (поэта и / или прозаика) является метафорическая картина мира, образуемая совокупностью всех метафорических номинаций в созданных им текстах. **Индивидуальная метафорическая картина мира** как специфическая форма отражения личностного образного восприятия действительности представляет собой результат ментально-вербальной деятельности автора, метафорического моделирования объективной действительности на основе субъективной ее интерпретации. В ней находят отражение личные представления автора об окружающей действительности, зафиксированные в метафорике его произведений. Метафорика писателя не просто репрезентирует реальность и объективные знания о ней, существующие в данной лингвокультуре, а отражает особенности авторского творческого мышления, вследствие чего возникает неповторимый образ мира. Следовательно, метафорическая картина мира писателя детерминирована языковой (общей для всех носителей языка) и художественной (индивидуальной) картинами мира.

Важной особенностью авторской метафорической картины мира является то, что она воспроизводит не только индивидуальные представления писателя как языковой личности с неординарным креативным мышлением, но и общенациональные образные представления о мире, так как он выступает носителем определенных этнокультурных стереотипов, поэтому в его произведениях сосуществуют речевые (авторские, окказиональные) метафоры, непосредственно отражающие своеобразие ментальной деятельности их создателя, и языковые (узуальные) метафоры, наличие которых возможно в текстах других авторов, однако их отбор также является индивидуальным и вариативным.

Метафорическая картина мира писателя характеризуется такими признаками, как: 1) единство субъективного и объективного, творческого и репродуктивного начал образа мира; 2) иерархизация информации об окружающем мире и выделение главного в объективной и субъективной информации, на основе чего конструируется

авторская метафорическая картина мира; 3) многоаспектность взаимоотношений языковой личности писателя с миром и многообразие способов образно-художественного (метафорического) его воплощения; 4) детерминированность выбора языковых средств для создания метафорических образов, характеризующих те или иные объекты действительности, особенностями индивидуального восприятия окружающего мира; 5) обусловленность авторского отношения к миру и его метафорической репрезентации в художественном произведении внешними (национальными, социальными) и внутренними (духовными) ценностями творческой личности писателя; 6) структурированность метафорической картины мира, отражающая доминирующие и периферийные образные (метафорические) представления автора о мире.

Авторская метафорическая картина мира постепенно складывается в результате последовательного ее моделирования писателем. Реконструкция картины мира автора на основе созданных им произведений способствует установлению этнокультурных, художественных, смысловых и т. п. доминант в сознании данной языковой личности. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка [Маслова 2001: 11]. На основании языковых репрезентаций в произведениях данного писателя (поэта и / или прозаика) возможно восстановление его индивидуальной метафорической картины мира и ее концептуально-метафорической базы.

Таким образом, метафорика писателя образует уникальную модель мира с разветвленной структурой исходных и новых сфер метафоризации, отражающей иерархию образных смыслов в языковом сознании автора. Воссоздание авторской метафорической картины мира целесообразно проводить с помощью метода моделирования.

1.3. Моделирование как метод лингвометафорологических исследований

Современный этап эволюции научного знания характеризуется интенсивным развитием идей моделирования. Моделирование как способ научного познания окружающего мира неразрывно связано с процессами получения и совершенствования знания о нем. Моделирование обычно понимается как метод изучения свойств и структуры реального объекта на основании изучения свойств и структуры модели этого объекта, как выяснение свойств какого-либо предмета

или явления при помощи построения его модели [БЭС.Я 1998; НФС 2003; ФЭС 2003; БЭС 2004]. Реальные объекты бывают настолько многогранны и сложны, что наиболее эффективным способом их изучения часто становится создание модели, отображающей определенный фрагмент действительности в несколько упрощенном виде, и всестороннее ее исследование.

Лингвистическая методология рассматривает моделирование как метод изучения свойств и структуры языковых единиц (подсистемы, системы в целом) или явления на основании изучения свойств и структуры их модели (подробнее в [Кравцова 2011: 40–50]). Отображая релевантные свойства объекта-оригинала, модель выступает как некий абстрактный идеализированный объект. Языковая модель, как и любая другая модель, строится на основе гипотезы о возможном устройстве оригинала и представляет собой функциональный его аналог, что позволяет переносить знания с модели на оригинал. Критерием адекватности языковой модели является наблюдение или эксперимент. Язык, как известно, относится к числу объектов, недоступных для непосредственного наблюдения, – для изучения доступны только результаты языковых процессов в сознании человека, выраженные в тексте, дискурсе и устной речи. Поэтому моделирование языка и языковой деятельности оказывается одним из основных методов лингвистического исследования [Кибрик 1992: 42].

В настоящее время метод моделирования активно применяется в лингвистике, однако термин «модель» имеет разное толкование (Ю. Д. Апресян, А. А. Зализняк, А. Г. Лыков, Е. В. Падучева и др.): «искусственно создаваемое реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее языковое явление в более упрощенном виде» [БЭС.Я 1998: 304]; «копия оригинала, под которым понимается какой-либо исследуемый объект объективной действительности»; «своего рода “представитель” или “заместитель” изучаемого оригинала» [Лыков 1999: 22] и др., т. е. модель понимается как некая общая схема описания системы языка, какой-либо его подсистемы или отдельного языкового явления.

Лингвистическое моделирование, имеющее сходную с моделированием в любой области науки последовательность и содержание этапов проведения, осуществляется следующим образом: 1) постановка проблемы и задач исследования: выделение важнейших черт и свойств моделируемого объекта и абстрагирование от второстепенных; изучение структуры объекта и основных зависимостей, связывающих его элементы; формулирование гипотез, способству-

ющих выяснению сущности, состояния и развития объекта; 2) построение языковой модели: определение основной конструкции (типа) модели; уточнение деталей данной конструкции (конкретный перечень переменных и параметров, форма связей); 3) исследование и анализ модели (выяснение ее общих свойств); 4) подведение предварительных итогов исследования модели: перенос знаний с модели на оригинал; корректировка знаний о модели с учетом свойств объекта-оригинала; 5) анализ полученных результатов и их применение: верификация результатов моделирования; выяснение степени их практической реализации и характера использования для построения обобщающей теории объекта. Лингвистическое моделирование осуществляется с целью выявления и изучения структур, лежащих в основе тех или иных языковых явлений, что предполагает формализацию накопленных эмпирических знаний о языке и его закономерностях и способствует уточнению соответствующих лингвистических понятий и связей между ними.

Изучение специальной литературы по лингвистическому моделированию, появившейся в последние десятилетия (Н. Ф. Алефиренко, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, М. В. Варламов, К. Ю. Ваулина, Т. В. Калашникова, Л. А. Кудрявцева, О. Н. Лагута, В. В. Ларичев, В. И. Одинокова, М. А. Пацева, Н. А. Санцевич, И. В. Толочин, Н. П. Тропина, Н. Ю. Шабалина, Г. И. Шумейко и др.), показало, что моделирование в языкознании является аналоговым, идеализированным, аппроксимативным и вызывает ряд онтологических трудностей. Во-первых, существуют релевантные метаязыковые различия в употреблении терминологии при характеристике метода моделирования, когда он практически отождествляется с типологизацией, категоризацией, концептуализацией и т. д., поэтому четкие границы описания моделируемого объекта часто отсутствуют. Во-вторых, понятия «модель» и «моделирование» в лингвистике, как и в других отраслях науки, в связи с широким пониманием и применением фактически детерминируются, а их дефиниции становятся все более аморфными. В-третьих, языковая модель нередко осмысливается как категория, категориальный признак, универсалия, тип, схема и т. п., а статус модели приписывают выявлению существенных признаков изучаемого объекта или результатам расчленения объекта. В-четвертых, вследствие неоднозначности толкования данных терминов в лингвистике их видовые характеристики трудноопределяемы. В-пятых, использование моделирования в разных разделах и отраслях языкознания создает проблемы с определением статуса и границ описания моделируемого объекта. Поэтому, «несмот-

ря на широчайшее использование в научном узусе терминологии, связанной с описанием моделирования, единого или хотя бы близкого смыслового наполнения она не имеет. Гармонизация данной терминологии еще практически не начиналась, а анализ ситуации усложняется тем, что в работах одного и того же исследователя, в трудах представителей одной научной школы, использующих единую терминосистему, единицы данной терминологической лексики употребляются недопустимо “вольно”» [Лагута 2003а: 32]. Как видим, применение моделирования в лингвистических исследованиях требует дальнейшей унификации соответствующего методологического аппарата.

В лингвометафорологии моделирование с 1990-х гг. стало одним из ведущих методов исследования. Это было обусловлено тем, что активное изучение метафоризации привело ученых к пониманию метафоры как моделируемого объекта. Появилось «огромное количество описательных работ, выявляющих и регистрирующих метафорические модели, используемые в обыденной жизни, науке, политике, искусстве, в том числе специальные словари метафор и электронные базы данных» [Кобозева 2001: 132]. В российской и отечественной лингвометафорологии постепенно сформировалось два основных подхода к моделированию метафоризации – семантический (Л. А. Кудрявцева, М. Н. Лапшина, О. Н. Лагута, О. Б. Пономарева, Г. Н. Скляревская, Н. П. Тропина и др.) и когнитивный (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, И. М. Кобозева, И. А. Филатенко, О. Н. Чадюк, А. П. Чудинов и др.). Установлению и описанию конкретных метафорических моделей в разных по жанрово-стилевой дифференциации текстах / дискурсах посвящено уже немало прикладных исследований (Т. С. Вершинина, Х. П. Дацишин, А. А. Каслова, Р. Д. Керимов, Е. В. Колотнина, А. Б. Ряпосова, Ю. Б. Феденева и др.), однако многие вопросы все еще остаются нерешенными или дискуссионными. Сам термин «метафорическая модель» понимается в них по-разному, в связи с чем наблюдаются расхождения в выделении составляющих ее компонентов и параметров моделирования, в принципах описания и классификации.

1.3.1. Семантическое моделирование метафоризации

Метафорическое моделирование с позиций семантики можно охарактеризовать как построение моделей метафоризации, демонстрирующих регулярный перенос наименования с одного класса предметов на другой на основе сходства их признаков и отражающих

специфику образно-ассоциативного мышления этноса на определенном этапе его развития. Моделирование является «мощным инструментом изучения и удобным способом описания мотивационно-деривационных процессов. Введение понятия модели позволяет перейти от разрозненных фактов пополнения словаря способом семантической деривации <...> к обобщениям, позволяющим видеть за частными проявлениями закономерности, характерные для семантического развития слов» [Тропина 2003: 116]. В языке существуют «определенные “ментальные модели”, по которым происходит формирование вторичных значений. Эти модели характеризуются относительным постоянством, продуктивностью и универсальным характером, что подтверждает наличие сходных моделей в разных языках» [Пономарева 2005: 28].

Термин «модель» («семантическая модель») в русской лингвистической семантике впервые появился в работе Д. Н. Шмелева при описании регулярной многозначности, где он отмечал распространенность «контекстно обусловленных метонимических замен, опирающихся на определенную более или менее устойчивую семантическую модель» [Шмелев 1964: 54]. Ученый подчеркивал необходимость вхождения слов в одно семантическое объединение как обязательное условие развития параллелизма семантических структур. Он разграничивал регулярные, относительно регулярные и нерегулярные вторичные значения и рассматривал вопрос о продуктивности метонимических и метафорических переносов. Однако в тот период термин «модель» применительно к результатам вторичной номинации не получил широкого распространения в языкознании и стал использоваться только в 1980-е гг. (Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, А. А. Тараненко и др.). По отношению к метафоре данный термин был введен в лингвистический категориально-понятийный аппарат еще позднее: «По существу метафора является моделью, выполняющей в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но только более сложную и к тому же действующую “скрыто” и нестандартно» [Телия 1988а: 38], поэтому «описать технику метафоры, т. е. то, как она организует новое значение, – значит описать метафору как модель, аналогичную словообразовательным и синтаксическим моделям» [Телия 1988б: 183]. Ранее же «метафора (в отличие от метонимии) рассматривалась исключительно как нерегулярное явление» [Балашова 1998: 30], а следовательно, немоделируемый объект.

В середине 1990-х гг. термины «модель метафоры (метафоризации)» (В. Н. Телия) и «метафорическая модель» (А. Н. Баранов)

вошли в широкий лингвистический обиход, что стало логическим следствием утвердившегося понимания метафоры как моделируемого объекта. До этого времени для обозначения данного понятия использовались другие наименования: «модель регулярной многозначности», «семантическая модель» (Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, А. А. Тараненко), «метафорический архетип» (А. М. Панченко, И. П. Смирнов), «метафорическое поле», «семантическая модель метафоризации» (Г. Н. Скляревская), «модель лексико-семантической деривации (метафоризация)» (Л. А. Кудрявцева) и др., отражающие традиции различных научных школ.

В лингвистических работах, содержащих описание результатов исследований в области семантического моделирования процессов вторичной номинации, в частности метафоризации (Л. В. Балашова, Л. А. Кудрявцева, Т. А. Кукса, Г. И. Кустова, О. Н. Лагута, М. Н. Лапшина, М. В. Москалева, О. Б. Пономарева, Н. П. Тропина и др.), понимание метафорической модели базируется на теории регулярной многозначности (Д. Н. Шмелев, Ю. Д. Апресян, А. А. Тараненко и др.), прежде всего на положении о семантическом параллелизме, состоящем в том, что близкие по значению слова часто имеют однотипные вторичные значения, а типовое соотношение первичных и вторичных значений этих слов может служить моделью для модификации значений других слов, принадлежащих к какому-либо семантическому объединению. Однако «такое моделирование стало в полной мере возможным только после признания дискретности семем и иерархического характера сем, их составляющих, в структуре семем» [Тропина 2003: 121].

Термин «сема» стал активно использоваться в семасиологии, как известно, с 1970-х гг. (В. Г. Гак, И. А. Стернин, Л. М. Васильев, Э. В. Кузнецова и др.) и трактовался как «семантический различительный признак семемы относительно незначительного набора элементов, которыми действительно располагает и которые с вероятностью использует говорящий в данных коммуникативных обстоятельствах» [Васильев 1990: 69]. В современных работах по компонентной семантике рассматриваются возможные подходы к определению статуса сем: семы – это единицы субстанции содержания; они являются свойствами референта или части понятия; семы универсальны; они немногочисленны; семы это – предельные (минимальные) компоненты, или примитивы [Растье 2001: 19–41].

В зависимости от аспекта исследования выделяют те или иные типы сем. Развернутая типология сем была представлена, к примеру, И. А. Стерниным: 1) по отношению к системе языка: узуальные

и окказиональные, системные и личностные, дизъюнктивные и инвариантные; 2) по различительной силе: интегральные и дифференциальные; 3) по степени проявления: яркие и слабые; 4) по характеру выявленности: эксплицитные и скрытые; 5) по характеру конкретного содержания: постоянные и вероятностные; 6) по отношению к акту речи: актуализированные и неактуализированные [Стернин 1985: 56–70]. Большинство ученых (Г. В. Степанова, И. А. Стернин, Н. П. Тропина и др.) выражают единодушие, выделяя при описании структуры значения интегральные (архисемы, гиперсемы), дифференциальные и потенциальные семы. Следует отметить, что понятие потенциальных сем, часто используемое в специальной литературе, не имеет единого терминологического обозначения: «потенциальные семы» (В. Г. Гак), «ассоциативные признаки» (Л. А. Новиков, О. Н. Селиверстова, Л. А. Кудрявцева), «вероятностные семы» (И. А. Стернин), «импликационал» (М. В. Никитин) и др. Кроме того, вопросы о сущности данных сем и принципах их корреляции со структурными компонентами сознания остаются открытыми.

Семная структура семемы не осмысливается при изолированном употреблении первичной номинации, но она становится релевантной во вторичных номинациях, и это свойство является неотъемлемым условием возникновения метафоры. Так, некоторые ученые (И. А. Стернин, О. Н. Лагута) считают, что в процессе метафоризации, как правило, актуализируются «условно присутствующие», не реализованные в номинативном значении семы. «Метафорические значения представляют собой самостоятельные значения, содержащие семы производящих значений (но не полностью!) и так называемые “актуализированные потенциальные семы”» [Лагута 2003б: 48]. Другие ученые (Л. А. Кудрявцева, Ж. А. Вардзелашвили, Н. П. Тропина, О. А. Лапшина и др.) утверждают, что в метафорическом значении могут актуализироваться не только потенциальные семы мотивирующего прямого значения. «При метафорической мотивации происходит образование новых слов на основе какой-либо семы в значении производящего на основании подобия, сравнения определенных свойств денотатов. Нельзя говорить о переносе только ассоциативных сем во всех ситуациях метафорической мотивации» [Лапшина 1996: 15]. Мы также считаем, что в основе метафоризации может быть аналоговое (актуализация сем номинативного значения) или ассоциативное (актуализация потенциальных сем) образное представление о реалиях в сознании носителей данного языка. Например, метафорические семемы лексемы *струя* «узкий поток воздуха, света и т. п.» (*воздушная струя*) и «направление, сторона,

черта в ч.-л.» (*струи юмора*) являются проекцией номинативного значения «узкий поток текущей воды, жидкости» (*струя воды*) [МАС.4: 293], однако в первом случае метафоризация осуществляется вследствие актуализации интегральной семы «узкий поток», во втором – потенциальной семы «движущийся в каком-л. направлении, в какую-л. сторону». Метафорические значения слова *крик* – узуальное «сильное, бурное проявление какого-л. чувства» (*крик души*) и окказиональное «громкие звуки, издаваемые чем.-л.» (*крик паровоза* [ВИ.П.: 264]) – мотивированы прямым значением «громкий, напряженный звук голоса; очень громкое восклицание» (*крик женщины*) [МАС.2: 129], но в языковой метафоре актуализируется потенциальная сема «сильное, бурное проявление», а в речевой – интегральная сема «громкий звук». Для языковой (узуальной) метафоризации характерным является в большей мере перенос значения по аналогии, а для речевой (окказиональной, художественной) – на основе ассоциаций, что подтверждают результаты нашего исследования. Таким образом, значение слова выступает как обобщенное отражение обозначаемого им объекта, что подразумевает фиксированность в значении не всех признаков и свойств, присущих или приписываемых носителями языка определенной реалии, а только наиболее существенных, основных, чаще употребляемых; при метафоризации могут выявляться как основные, так и несущественные (периферийные, потенциальные) признаки предмета или явления. Следовательно, семная структура производного метафорического значения детерминирована характером образующих сем производящего номинативного значения и спецификой их актуализации в процессе метафоорообразования.

В имеющихся по данной проблеме лингвистических исследованиях метафора как семантическая модель трактуется неоднозначно: «существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений» [Чудинов 2001: 56]; «описание способа образования, при котором учитывается денотативно-понятийное значение мотивирующей семемы, денотативно-понятийное значение производной семемы, а также семантический формант, характеризованный с содержательной и формальной стороны» [Тропина 2003: 123]; «регулярный перенос слов, идеографически соотносительных, с одного класса предметов на другой на основе сходства свойств этих предметов или их восприятия»; «типовое соотношение прямых и переносных значений у тематически близких слов» [Кукса 2007: 8–

9] и др. В целом же метафорическая модель представляет собой некую схему смыслообразования и трактуется как регулярное соотношение денотативно-понятийных сфер мотивирующего и мотивированного значений слов.

Описания метафорических моделей в современных семантических исследованиях также имеют существенные различия как в установлении их компонентного состава, так и характеристике этих компонентов:

– 1) основание метафоры как мысль о мире (предмете, событии, свойстве и т. п.); 2) некое образное представление о вспомогательной сущности, которое актуализируется в части метафоры, соизмеримой с формирующейся мыслью о мире как по содержанию, так и по подобию; 3) само значение переосмысляемого при посредстве метафоризации наименования [Телия 1988б: 185–186];

– 1) архисема, мена которой осуществляется; 2) актуализируемая в деривате сема; 3) новые дифференциальные семы [Кудрявцева 1993: 274];

– 1) агент (слово-параметр; термин сравнения); 2) основной и вспомогательный субъекты (переносное и прямое значения); 3) соотносимые свойства объектов; 4) основание сравнения; 5) контекст (слово-аргумент) [Балашова 1998: 92];

– 1) слово-параметр (метафоризируемый компонент); 2) слово-аргумент (метафоризирующий компонент, микроконтекст), указывающее на основной субъект метафоры и являющееся «ключом к семантической разгадке»; 3) семантический реализатор метафоры (смысловой посредник между исходным и метафорическим значениями) [Вардзелашвили 2001: 112];

– 1) предельно обобщенная идеографическая отнесенность мотивирующего и производного значений, сфера-донор и сфера-реципиент; 2) лексико-тематическая или лексико-грамматическая отнесенность мотивирующего и производного значений; 3) лексическое значение мотивирующего и мотивированного значений; 4) содержательная характеристика семантических формантов; 5) формальная характеристика семантических формантов [Тропина 2003: 123];

– 1) идеографические поля мотивирующего и мотивированного значений (поле-источник и поле-цель); 2) основание переноса (ассоциативные признаки); 3) интегральные семы прямого и переносного значений идеографически соотносительных слов [Кукса 2007: 9];

– 1) исходная понятийная область; 2) новая понятийная область; 3) понятия, структурирующие соответствующую понятийную область; 4) составляющие каждое понятие компоненты (разные виды

сем – интегральные, дифференциальные и потенциальные); 5) компонент, связывающий первичные и метафорические значения (основание метафорического переноса) [Шабалина 2007: 17] и др.

Таким образом, несмотря на различия в параметризации семантических моделей метафоризации, их количественном и качественном составе, сходным является указание на обязательное выделение денотативно-понятийных сфер или других семантических объединений, к которым относятся производящие и производные значения, и основания / мотивации переноса, хотя на практике, при описании конкретных метафорических моделей, семантический компонент, связывающий первичные и вторичные (метафорические) значения, не всегда отмечается. В целом же построение метафорических моделей как разновидности моделей семантической деривации воссоздает процедуру проецирования области источника на область цели и выявляет сущность различных метафорических наименований.

В работах, описывающих результаты семантического моделирования метафоризации, проведенного на значительном языковом материале, наблюдается классификация метафорических моделей по разным основаниям. Так, Л. А. Кудрявцева представляет четыре модели метафоризации, выявленные на основе анализа словарей новых значений 1970–1980-х гг.: 1) метафоризация с актуализацией скрытой периферийной семы: мена архисемы + актуализация скрытой периферийной семы, ее переход в ядерную (*букет, весна, жаворонок, морж, экватор* и др.); 2) метафоризация с актуализацией семы ‘внешний признак’: мена архисемы + новые дифференциальные семы + актуализация семы ‘внешний признак’ (*восьмерка, газета, грибок, зебра, пенал, распахонка* и др.); 3) функциональная метафоризация: мена архисемы + актуализация функциональной дифференциальной семы – эксплицитной или имплицитной (*водовоз, дворник, калькулятор, лесоруб* и др.); 4) ассоциативная метафоризация: мена архисемы + актуализация ассоциативного признака + новые дифференциальные семы (*бегунок, зубр, маяк, мозг, обойма, отключиться* и др.) [Кудрявцева 1993: 103–122]. Как видим, автор, выделяя данные «модели лексико-семантической деривации», подтверждает, что в метафорическом значении могут актуализироваться не только потенциальные (периферийные), но и дифференциальные семы мотивирующего прямого значения.

Г. Н. Скляревская [Скляревская 1991, 1993], опираясь на данные идеографических словарей, описывает установленные ею на материале толковых словарей современного русского языка регулярные модели субстантивной метафоризации, в которых указывается сфе-

ра-источник метафоризации и направление метафорической проекции. По мнению автора, метафорические переносы в языке подчинены достаточно жестким закономерностям и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой. Она выделяет всего около десяти регулярных «семантических моделей субстантивной метафоризации»: «Предмет → Психический мир» (*звезда удачи, каскад красноречия*); «Предмет → Абстракция» (*море проблем, цепь событий*); «Животное → Человек» (*осел, петух*); «Человек → Человек» (*актер, барин*); «Предмет → Человек» (*лопух, пробка*); «Предмет → Предмет» (*гора книг, джунгли города*); «Физический мир → Психический мир» (*взрыв смеха, крушение надежд*) и «Предмет → Физический мир» (*сноп света, веер лучей*), где выделены такие сферы, как «Человек», «Животное», «Предмет», «Абстракция», «Физический мир», «Психический мир». Все остальные типы переносов автор из-за немногочисленности языковых реализаций считает нерегулярными [Склярёвская 1993: 16–21]. Таким образом, данная классификация семантических моделей метафоризации в сфере имен существительных подтверждает, что в русском языке их сравнительно немного, однако перечисленные направления свидетельствуют о наличии системных отношений в метафорической лексике.

Ж. А. Вардзелашвили [Вардзелашвили 2001], анализируя русскую субстантивную метафорику, выделяет следующие семантические сферы: «Человек», «Предмет», «Физический мир (объекты природы)», «Животное», «Отвлеченные понятия», «Ментальная активность человека». Слова, вовлеченные в метафорический процесс, распределены по тематическим группам, объединяемым под рубрикой той или иной семантической сферы: «Предмет → Предмет», «Предмет → Человек», «Предмет → Физический мир», «Предмет → Отвлеченные понятия», «Животное → Человек», «Человек → Человек» и др. Однако предложенная автором классификация практически повторяет классификацию Г. Н. Склярёвской, что, с одной стороны, несколько снижает ценность проведенного исследования, а с другой – подтверждает результаты исследования другого автора.

О. Н. Лагута [Лагута 2003б] разработала детальную тематическую классификацию субстантивных метафор, относящихся к неживому миру, которые распределены по основным семантическим сферам: 1) артефакты (обозначения предметов и реалий, непосредственно связанных с человеком и результатами его прагматической деятельности: *отмычка, мешок, ключ, ожерелье, окно* и др.); 2) аб-

стракции (номинации отвлеченных понятий, соотносимые с человеческой деятельностью опосредованно и являющиеся продуктом человеческого интеллекта, ментальной деятельности, эмоций и т. п., с гиперсемами «пространство», «свойство», «состояние», «действие», «количество»: *дыхание, нирвана, бой, истерия, мания* и др.); 3) природа (номинации различных реалий мира природы с гиперсемами «стихия», «природа»: *болото, источник, гроза, русло, золото, солнце* и др.). В качестве основных параметров классификации выдвинуты сферы источника и направления метафоризации – понятийные сферы производящего (прямого) и производного (метафорического) значений, характерные для узуальной русской субстантивной метафоризации. В целом автором выделено двадцать типов метафорических переносов, которые определяются как регулярные в области неодушевленных существительных. Кроме типов, установленных в работах Г. Н. Складневской (1991, 1993), О. Н. Лагута выделяет и ряд других: «Предмет → Социальное явление», «Физическое явление → Предмет», «Физическое явление → Отвлеченное понятие», «Психическое явление → Физическое явление», «Отвлеченное понятие → Психическое явление» и т. п. В данной классификации в качестве основных представлены такие семантические сферы, относящиеся к неживому миру, как «Предмет», «Физическое явление», «Психическое явление», «Социальное явление», «Отвлеченное понятие».

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в соответствии с семантическим подходом каждая модель предопределяет возможность преобразования значений близких в смысловом отношении слов. В основе моделирования могут быть различные принципы, что соответственно находит отражение в характере описания и классификации моделей. Поэтому при описании метафоры как семантической модели чаще всего характеризуются денотативно-понятийные сферы (или другие семантические объединения – лексико-семантические / тематические группы, семантические поля и т. п.), к которым относятся соответствующие слова в первичных и вторичных (метафорических) значениях, и, реже, мотивирующие метафорический перенос признаки. В разных семантических исследованиях метафорические модели включают различные по характеру и количеству компоненты, однако сходным является выделение идеографических сфер производящих и производных значений. Таким работам обычно присуща доскональность рассмотрения фактов вторичной номинации, основанного на компонентном анализе, который способствует глубокому проникновению в сущность метафоризации.

Однако подобные описания метафорических моделей осуществляются, как правило, на сравнительно небольшом по объему материале, нередко носят избирательный характер, отличаются сложностью структурирования и неоднозначностью параметризации моделей.

1.3.2. Когнитивное моделирование метафоризации

Метафорическое моделирование в лингвокогнитологии рассматривается как отражающее национальное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки действительности на определенном этапе развития общества (А. П. Чудинов, Т. С. Вершинина, А. Б. Ряпосова, Н. А. Красильникова и др.).

В основе понимания метафоры как когнитивной модели, сложившегося сначала в русской, а затем и отечественной лингвокогнитологии (в американской и западноевропейской когнитивной лингвистике термин «модель» по отношению к метафоре практически не используется), лежит представление о ней как о ментальном образовании, отражающем процесс познания окружающего мира и эксплицируемом в языке. Метафорические модели, таким образом, заложены в самой понятийной системе человеческого разума как некие схемы, определяющие мыслительную деятельность и речевое поведение человека (А. Н. Баранов, Н. М. Бердникова, И. И. Дубровина, Н. А. Мишанкина, А. Д. Плисецкая, Н. А. Санцевич, А. П. Чудинов и др.), что является одним из основных тезисов когнитивной теории метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Метафора – стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знание о мире. Образное мышление человека позволяет творчески воспринимать окружающую незнакомую ему действительность и не только идентифицировать объекты благодаря установлению сходства между областями, воспринимаемыми разными органами чувств, но и улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами. Следовательно, с позиций лингвокогнитологии метафорическая модель в общем виде рассматривается как соответствие между областью источника и областью цели (взаимодействие двух понятийных сфер), отражающее ментальные и культурные традиции данного этноса.

В прикладных исследованиях метафорическая модель трактуется неоднозначно: область источника, элементы которой связаны различными семантическими отношениями [Баранов 1991, 2003, 2004, 2006; Шинкаренкова 2005; Уткина 2006]; существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя

понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [Чудинов 2001, 2003; Керимов 2005; Рябых 2006; Головенкина 2007; Кабаченко 2007]; проецирование области источника на область цели, в результате которого та или иная денотативная сфера получает осмысление и образное представление при помощи понятий, заимствованных из другой сферы, как правило, более близкой и понятной носителям языка [Ряпосова 2002]; иерархия сигнификативных дескрипторов [Кобозева 2001]; выражение двух концептосфер – понятийных сферы-источника (сигнификативной области) и сферы-мишени (денотативной области) метафорической экспансии [Перескокова 2006] и т. п.

В лингвокогнитивных метафорологических исследованиях по-разному описываются составляющие метафорической модели:

– 1) исходная понятийная область (ментальная сфера-источник, сфера-донор, источник метафорической экспансии) как семантическая сфера, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении; 2) новая понятийная область (ментальная сфера-мишень, денотативная зона, реципиентная сфера, направление метафорической экспансии) как семантическая сфера, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении; 3) типовые для данной модели сценарии, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы ситуации (хотя позднее этот компонент был исключен автором [Чудинов 2003]); 4) относящиеся к данной модели фреймы, которые структурируют соответствующую понятийную область; 5) составляющие каждый фрейм типовые слоты; 6) компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц, т. е. дает основания для метафорического использования соответствующих концептов [Чудинов 2001: 44–45] (см. также: [Ряпосова 2002; Красильникова 2005]);

– 1) исходная понятийная сфера; 2) реципиентная понятийная сфера; 3) фреймы; 4) слоты; 5) показатели модели: продуктивность, частотность [Колотнина 2001];

– 1) сфера-источник; 2) сфера-мишень (сфера метафорического притяжения); 3) фреймы; 4) слоты [Вершинина 2002; Головенкина 2007; Шинкаренкова 2005; Перескокова 2006];

– 1) исходная концептуальная сфера (обобщенная концептуальная сфера); 2) концептуальная сфера (метафорические единицы из исходной концептуальной сферы); 3) концептуальная субсфера; 4) показатели модели: частотность, продуктивность, доминантность [Керимов 2005];

– 1) концепт; 2) сфера-источник как метафорическая репрезентация концепта [Кабаченко 2007] и др.

Следовательно, при описании метафоры как когнитивной модели обычно дается указание на такие ее параметры, как понятийные сферы источника и цели метафорической проекции (или только сферы источника), их фреймов и слотов. При когнитивном подходе понятийное сближение воспринимается как фактор значительно более важный, чем уровневые или структурные различия, вследствие чего при описании метафорических моделей элиминируются ограничения, определяющие особенности семантического подхода (четкая структуризация моделей по семантическим полям / микрополям, лексико-семантическим / тематическим группам и т. п., к которым относятся производящее и производное значения, иерархия сем), а это приводит к определенным разночтениям в представлении фреймово-слововых характеристик одних и тех же понятийных сфер. Кроме того, метафора понимается очень широко и часто включает как материал исследования факты метонимии, перифразы, сравнения, фразеологизмы.

В рамках когнитивного моделирования метафоризации существуют две ведущие теории – дескрипторная (А. Н. Баранов) и когнитивно-дискурсивная (А. П. Чудинов), предлагающие соответствующие методики построения метафорических моделей, предназначенные для описания большого корпуса метафор в каком-либо дискурсе, хотя термин «метафорическая модель» трактуется в них по-разному, что находит отражение в принципах моделирования и используется авторами метаязыка.

Дескрипторная теория, разработанная А. Н. Барановым (1991, 2003, 2004, 2006) на материале политического дискурса эпохи перестройки (1985–1991 гг.), основана на достижениях когнитивной и лингвистической семантики и предназначена для описаний тезаурусного типа, или, как отмечает автор, «для формализованного описания большого корпуса контекстов использования метафор, т. е. для исследования метафорики дискурса в целом, а не анализа отдельных изолированных примеров» [Баранов 2004: 8].

Согласно данной теории метафоризация рассматривается как отображение элементов области источника в элементы области цели. Область источника и область цели понимаются как структурированные области знаний, описываемые «специальным метаязыком семантических дескрипторов – денотативных (для области цели) и сигнификативных (для области источника)» [Баранов 2006: 6]. Тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов форми-

руют метафорические модели (М-модели). Например, сигнификативные дескрипторы, имеющие семантику военных действий, армии, образуют М-модель войны; дескрипторы, тематически связанные с родственными отношениями, формируют М-модель родственных отношений и т. д. А. Н. Баранов установил, что в русском политическом дискурсе эпохи перестройки чаще всего использовались метафоры, образующие около пятидесяти М-моделей – войны, спорта, игры, транспорта, механизма, родственных отношений, фауны и т. п. Каждая М-модель описывается в его классификации иерархически упорядоченными «деревьями» сигнификативных дескрипторов. Множества М-моделей, профилирующих в текстах конкретной проблемной сферы общие или близкие смыслы, автор называет констелляциями (например, констелляция метафор рационального: «строительство», «механизм», «транспорт», «объект / предмет»). Метафорические констелляции в разных текстах могут модифицироваться. Принятое в дескрипторной теории толкование метафоры отражает языковой аспект ее функционирования. «Метафорической моделью оказываются однородные области источника – однородные с точки зрения опыта человека и, отчасти, семантики. В этом смысле М-модель в дескрипторной теории метафоры – это “языковая метафорическая модель”» [Баранов 2004: 11]. Таким образом, понимание метафорической модели, представленное в дескрипторной теории, отличается от общепринятой ее трактовки в когнитивной теории, согласно которой метафорическая модель (или метафора в широком смысле) интерпретируется как пара сущностей – устойчивое соответствие между областью источника и областью цели. В дескрипторной теории метафорическая модель рассматривается только как понятийная сфера источника, структурированная с помощью сигнификативных дескрипторов.

В соответствии с данной теорией метафора характеризуется как множество кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, которые представлены в виде семантических «деревьев», демонстрирующих иерархические отношения, существующие между дескрипторами, – при этом в основном отображаются отношения типа «род – вид». Например, в рамках семантического поля, которое организует метафорическую модель «Война», выделяется несколько понятийных областей, например «оружие», «виды военных действий», «участники военных действий» и т. д., которые, в свою очередь, образуются совокупностью терминальных понятий: «оружие» – *винтовка, меч, динамит* и т. п. Сходным образом группируются и денотативные дескрипторы. Список денотативных дескрип-

торов является открытым, – его состав во многом зависит от набора категорий исследуемой проблемной области. Список сигнификативных дескрипторов также открыт и формируется в зависимости от того, какие сферы человеческого знания привлекаются для интерпретации концептов изучаемой проблемной области. Использование метаязыка сигнификативных и денотативных дескрипторов позволяет, по мнению автора теории, во-первых, «единообразно описывать контексты употребления метафор и обрабатывать их с помощью компьютерных программ – баз данных» [Баранов 2004: 9]; во-вторых, количественно оценивать М-модели с точки зрения их функционирования в дискурсе; в-третьих, осуществлять объективный анализ метафор в их реальном употреблении. Исследование метафорики данного дискурса с использованием подобных технологий предполагает сбор представительного корпуса метафор, описание типичных метафорических моделей, выявление концептуальных метафор и определенного набора М-моделей.

Предложенная А. Н. Барановым методика анализа и корпусного описания метафорики дает возможность использовать стандартные средства компьютерной обработки данных и привлекать для анализа значительные объемы фактической (языковой) информации, что существенно повышает достоверность получаемых результатов. Корпусная инвентаризация метафорических моделей представляет собой важный этап научного описания функционирования метафор в реальном употреблении, что подтверждается появлением все большего количества исследований (И. М. Кобозева, Е. К. Казакевич, П. Б. Паршин, Г. А. Сатаров, Е. А. Шилова и др.) не выборочного, а «сплошного» анализа метафорики.

Когнитивно-дискурсивная теория метафоры, которая разработана А. П. Чудиновым (2001, 2003) на материале политического дискурса конца XX в., основывается на постулатах семантической теории регулярной многозначности и когнитивной теории метафоры. Автор использовал «все лучшее, что создано представителями каждого из названных лингвистических направлений – совершенно различных по исходным теоретическим предпосылкам и в то же время удивительно близких по методике и некоторым конкретным результатам исследования речевой деятельности» [Чудинов 2001: 6].

Согласно данной теории метафоризация рассматривается как основная когнитивная операция, состоящая во взаимодействии между структурами знаний двух понятийных сфер – сферы-источника и сферы-мишени, т. е. в соответствии с концептуальной теорией Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Метафорическая модель понимается

как существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами («X – это Y»). В соответствии с этим система одной ментальной сферы, включающая фреймы и слоты, служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы. Под фреймом понимается концептуальная структура данных для представления стереотипной ситуации (типичных свойств объекта), а слотом называют компонент фрейма, включающий какой-либо аспект его конкретизации и детализирующий данную стереотипную ситуацию [КСКТ 1996: 188]. Фреймово-слотовая структура метафорической модели отражает обыденные (наивные) представления человека о мире. При описании метафорической модели предлагается характеризовать такие параметры, как исходная и новая понятийные области (сфера-источник и сфера-мишень), структурирующие их типовые сценарии, фреймы и слоты, а также компонент, связывающий первичные и вторичные значения [Чудинов 2001], хотя позднее из этого перечня типовые сценарии были исключены [Чудинов 2003]. Так, А. П. Чудинов выделяет такие идеографические сферы-источники метафорической проекции, как «Человек», «Социум», «Артефакт», «Природа» (сфера-мишень – политика), в рамках которых установлены частотные метафорические модели и подробно описана их фреймово-слотовая структура. К примеру, в сфере-источнике «Человек» представлена модель «Политические реалии – это человеческий организм», структурируемая в виде фреймов «тело человека», «физиологические органы», «части тела», «физиологические действия» и др. Фрейм «физиологические действия» составляют слоты «питание, пищеварение и смежные процессы» (*глотать, переваривать*), «сон и его фазы» (*дремать, сон, спать, спячка*), «рождение, смерть и смежные концепты» (*зачаточный, родиться, умереть*), «опьянение и смежные концепты» (*похмелье, трезвый*), «дыхание» (*дышать, перекрыть кислород*).

Метафорические модели, как считает А. П. Чудинов, должны рассматриваться в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социальном фоне [Чудинов 2001: 11]. Он полагает, что классификация и инвентаризация метафорических моделей позволит выделить наиболее частотные и продуктивные модели, а возможно, и установить общие закономерности метафорического моделирования мира. При этом важным является выбор основания для классификации, поэтому ученый предлагает взять за основу такой систематизации сферу-источник (и ее отдельные фреймы) или сферу-мишень.

Когнитивно-дискурсивная теория метафоры приобрела немало последователей как в российской (Н. И. Борковец, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, А. Б. Ряпосова, Ю. Б. Феденева, А. А. Федосеев, О. А. Шаова и др.), так и украинской (Х. П. Дацишин, И. А. Филатенко, О. М. Чадюк и др.) лингво-метафорологии. В имеющихся работах материал научного исследования представляет собой сферу-цель (политический, экономический, медицинский и т. п. дискурс) и описание метафорических моделей сводится, как правило, к инвентаризации и классификации сфер-источников метафорической номинации (как, собственно, и в дескрипторной теории) и их фреймово-слотовой структуры.

Лингвокогнитивное исследование метафорики и описание метафорических моделей осуществлялось в большей мере на материале политического дискурса (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, Р. Д. Керимов, А. Ю. Перескокова, А. Б. Ряпосова, О. А. Солопова, И. А. Филатенко, О. М. Чадюк и др.), значительно в меньшей степени – научного (К. И. Алексеев, А. Д. Плисецкая), медицинского (С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина), экологического (Е. В. Иванова, Н. А. Красильникова), экономического (Е. В. Колотнина), педагогического (Е. Г. Кабаченко) и других дискурсов, художественного текста / дискурса (Н. В. Головенкина, А. С. Назин, Е. Н. Осатюк, Е. Б. Рябых, М. Б. Шинкаренкова). Так, в работе Т. С. Вершининой (2002) представлен анализ моделей органистической метафоры: «Политика – это мир животных», «Политика – это мир растений» и «Политика – это человеческий организм», где сферой-мишенью, как видим, является политика. Затем данные метафорические модели структурируются по фреймам и слотам. К примеру, в модели «Политика – это мир животных» выделяются фреймы «наименования животных» (*зверь, животное, хищник, гиена* и т. д.), «части тела животных» (*когти, копыта, лапы, рога, хвост* и т. п.), «поведение животных» (*бодаться, гавкать, грызться, рычать* и др.), «места обитания животных» (*берлога, гнездо, конюшня, логово* и пр.), «обращение с животными» (*доить, дрессировать, запрягать, стричь* и др.). В свою очередь, фрейм «наименования животных» включает слоты «птицы», «рыбы», «насекомые», «пресмыкающиеся». Странники этой теории считают перспективным дальнейшее ее развитие, так как это является основой для практического выявления корреляций между концептуальными метафорами, отражающими национальное сознание, и дискурсом, в котором концептуальные метафоры реализуются как лингвосоциальный феномен.

В рамках когнитивного метафорического моделирования разработаны три основные методики исследования метафоры текста / дискурса: 1) изучение метафор, объединяемых сферой-источником метафорической проекции (А. Ченки, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, Р. Д. Керимов, Е. В. Колотнина, А. Ю. Перескокова, Н. М. Чудакова и др.); 2) исследование метафор, объединяемых сферой-целью метафорической проекции (С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина и др.); 3) анализ метафор, объединяемых донорской и реципиентной сферами метафорической проекции (Дж. Лакофф, Й. Цинкен, А. П. Чудинов, Е. Н. Осатюк, А. Б. Ряпосова и др.). Каждая методика представлена в двух вариантах: исследования метафорических моделей на материале одного языка (Т. С. Вершинина, Н. В. Головенкина, Р. Д. Керимов, Е. Н. Осатюк, А. Б. Ряпосова и др.) и сопоставительные исследования, осуществляемые последовательно, когда описываются метафорические модели сначала одного языка, затем – другого (Е. В. Колотнина, Н. А. Красильникова и др.), и параллельно, когда метафорические модели разных языков непосредственно сопоставляются (Е. Б. Рябых, А. С. Назин, А. Ю. Перескокова, О. А. Солопова и др.).

Сопоставительное изучение закономерностей метафорического моделирования действительности предоставляет возможность выявления универсального и национально-специфичного в ментальном мире человека и социума. Так, Э. В. Будаев (2006) проводит когнитивно-дискурсивное исследование метафорических моделей, функционирующих в российском и британском политическом дискурсе. Сравнительный анализ метафоры позволил автору выделить дискурсивно устойчивые метафорические модели, не проявляющие значимых различий по критерию сферы-мишени метафорической экспансии, и дискурсивно неустойчивые метафорические модели, свойства которых существенно варьируются в зависимости от сферы-мишени. К числу первых относятся, например, метафорические модели со сферами-источниками «Человеческий организм», «Болезнь», «Спорт» «Игра» и др., вторых – модели со сферами-источниками «Родство» и «Монархия». По мнению автора, «интегральный, когнитивно-дискурсивный подход к анализу метафорических моделей в политическом дискурсе обладает эвристиками, недоступными для когнитивного анализа и дискурс-анализа, если они применяются в научном исследовании по отдельности» [Будаев 2006: 10]. Такой подход предоставил автору возможность на широком материале разных языков провести глубокий анализ метафоры и прийти к сходным с А. П. Чудиновым (2001, 2003) результатам.

Таким образом, в соответствии с когнитивно-дискурсивным подходом метафорическая модель понимается как регулярное соотношение области источника с областью цели (взаимодействие двух понятийных сфер), отражающее стереотипы национального мышления определенного этнокультурного сообщества. Поэтому при описании метафорической модели в когнитивных лингвометафорологических исследованиях чаще всего дается характеристика идеографических сфер источника и /или цели метафорической проекции, их фреймово-слотовой структуры.

В завершение необходимо отметить, что дескрипторная и когнитивно-дискурсивная теории предназначены для корпусного изучения метафор, в рамках которых разработаны соответствующие методики построения и описания метафорических моделей. Метафорическая модель понимается в них по-разному, в связи с чем наблюдаются расхождения в принципах моделирования, параметризации, классификации и описания моделей. В целом же исследования, проводимые авторами данных теорий, отличаются масштабностью представленного в них материала, тщательностью его систематизации, детальным анализом структуры метафор. Однако описания метафорических моделей, выполненные другими учеными в русле дескрипторной и когнитивно-дискурсивной теорий, имеют некоторые недочеты: широкое понимание метафоры, куда нередко включаются сравнения (Т. С. Вершинина, Н. В. Головенкина, Е. Г. Кабаченко, А. С. Назин и др.), перифразы (Н. В. Головенкина), факты метонимии (Е. Г. Кабаченко), фразеологизмы (Р. Д. Керимов); отсутствие терминологического единства (Т. С. Вершинина, Н. В. Головенкина, А. Ю. Перескокова, Е. Б. Рябых и др.); разночтения при описании фреймово-слотовой структуры одних и тех же метафорических моделей (Е. Г. Кабаченко, А. Ю. Перескокова и др.); фактическое отсутствие при характеристике метафорических моделей указаний на основание метафорической проекции; сложность структурирования моделей.

Сопоставление семантического и когнитивного подходов к изучению метафоры позволило сделать следующие выводы:

1. В семантических исследованиях метафора понимается как существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений. В лингвокогнитивных работах метафора трактуется как характерная для представителей данной этнокультуры ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и

позволяет использовать возможности структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы.

2. Целью семантического анализа метафоры является установление основания (мотивации) метафоризации, когнитивного – понятийных сфер, участвующих в метафорической проекции.

3. Согласно семантическому подходу каждая модель предопределяет возможность преобразования значений семантически близких слов, а метафора представляет собой вторичное производное значение, созданное на основе определенной мотивации – аналоговой или ассоциативной. В соответствии с когнитивным подходом при анализе метафоры принимаются во внимание не только собственно метафоры, но и другие образные средства, т. е. понятийное сближение воспринимается как более важный фактор, чем системные различия.

Несмотря на отмеченные расхождения, семантический и когнитивный подходы к изучению и моделированию метафоризации имеют сходные моменты: единство основных понятий метафорического моделирования (при наличии, однако, разной терминологии); оперирование одним и тем же термином «метафорическая модель»; общность таких составляющих модели, как исходная (сфера-источник) и новая (сфера-цель) денотативно-понятийные сферы. С целью интегративного описания метафорических моделей наиболее целесообразным представляется семантико-когнитивный подход к изучению метафоры, выработка единых параметров моделирования и принципов классификации моделей.

1.4. Принципы семантико-когнитивного метафорического моделирования

Семантико-когнитивный подход к изучению фактов метафоризации состоит в исследовании семантики метафорических номинаций как средств языка и способа объективации метафорических концептов.

Метафоры являются составляющей как языковой, так и концептуальной картины мира, которая отражает познавательный опыт носителей той или иной этнокультуры, совокупность их знаний о мире, а язык, в том числе метафорика, вербализует эти знания, фиксируя и сохраняя в языковой картине мира. С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются существенными для носителей языка, а с другой – носители языка начинают видеть мир в соответствии с его

концептуализацией, характерной для данной этнокультуры. В этом смысле метафора не столько средство описания действительности, сколько устойчивый способ ее осмысления. Человеку свойственно познавать неизвестное через известное, а метафора – самый удобный в этом отношении когнитивный механизм.

Семантико-когнитивное исследование метафоры как продукта метафорогенной ментально-вербальной деятельности носителей той или иной этнокультуры, осуществляемое путем реконструкции их метафорической картины мира и метафорической концептосферы, способствует реализации идеи комплексного рассмотрения этого уникального явления языка и мышления.

Методика семантико-когнитивного метафорического моделирования разработана в соответствии с определенными принципами.

1. Понимание метафоры как ментально-вербального конструкта

Метафоры имеют существенное значение в процессе познания человеком действительности, так как они позволяют ему обнаруживать сходство между различными предметами и явлениями, давая возможность применить знания и опыт, приобретенные в одной области, с целью осмысления другой области. Понятийная система носителя языка содержит определенный набор метафорических проекций, которые как бы встроены в обыденное мышление, поэтому они являются неотъемлемой частью культурной парадигмы этноса, отражая некую стереотипность ментальных процессов, в силу чего легко осмысляются членами языкового коллектива и без каких-либо усилий вызываются сознанием в процессе восприятия действительности. В связи с этим остаются актуальными основополагающие в концептуальной теории метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) утверждения, что «понятийная система, в рамках которой человек думает и действует, метафорична по своей природе» и «языковые выражения возможны именно потому, что метафоры имеются в самой концептуальной системе человека» [Лакофф 1990: 392]. Однако при этом необходимо учитывать, что природа метафоры имеет два аспекта: с одной стороны, она представляет собой объект смысловосприятия, а с другой – является объектом смыслопорождения. Данное свойство метафоры выступает немаловажным осложняющим фактором моделирования метафоризации, так как процессы создания метафоры (метафорообразования, кодирования метафоры) и ее понимания (метафоровосприятия, декодирования метафоры) могут не совпадать, поэтому исследователь должен обладать не только хорошим знанием языка и его семантических закономерностей, но и

в определенной мере интуицией при реконструкции смыслового содержания метафоры как продукта ментально-вербальной деятельности ее создателя. Кроме того, собственно результаты метафоризации как когнитивного процесса эмпирически можно наблюдать только в речи (языке), а метафоры как языковые единицы являются экспликациями когнитивных возможностей человека. Это разные по своей сущности процессы, протекающие, условно говоря, во взаимно обратном порядке.

Метафоризация как смыслопроизводство является когнитивным процессом, проявлением образно-ментальной метафорогенной деятельности носителей языка, эксплицируемым в их коммуникативном поведении и, как правило, фиксируемым в языке. С семантической точки зрения метафорообразование – это формирование у лексемы метафорического значения по определенной семантической модели, выявляемой только в результате анализа моделей метафоровосприятия, свойственных другим, уже существующим в языке, метафорам. Новая метафора возникает на основе актуализации тех или иных сем производящей семемы как следствие выбора определенных параметров такой модели метафоризации. Метафорообразование, как отмечается в некоторых работах [Агеев 1999; Лагута 2003б], осуществляется в несколько этапов: 1) восприятие человеком нового объекта или явления, т. е. вычленение из окружающей действительности объекта, требующего нового, отсутствующего в языке, особого обозначения; 2) соотнесение этого объекта с другим, уже известным (поиск ассоциируемых с новым объектом знаний о стереотипных ситуациях); 3) вычленение инвариантного признака или признаков у нового и уже известного объектов, номинация которого будет участвовать в метафорообразовании (помещение нового смыслового содержания в уже существующую ситуативную модель); 4) интерпретация с учетом ранее приобретенных знаний, обозначение нового объекта уже имеющимся именем известного объекта на основе типовых ситуаций.

Метафоризация как смысловосприятие также представляет собой ментальный процесс, состоящий в понимании известного или интерпретации неизвестного смыслового содержания в процессе коммуникации, непосредственной или опосредованной через текст. Основными параметрами метафорического моделирования на уровне понимания являются: 1) признак (сочетание признаков), мотивирующий перенос наименования; 2) направление метафоризации, тип метафорического переноса по денотативно-понятийной отнесенности сфер источника и цели (например, «Человек → Артефакт»;

«Животное → Человек» и др.). Каждая метафора определяется принадлежностью к конкретной модели, которая, в свою очередь, зависит от сочетания данных параметров. По мнению некоторых исследователей (Дж. Серль, В. В. Петров и др.), процесс понимания метафоры происходит в определенном порядке: 1) установление буквального значения слова; 2) сопоставление этого значения с контекстом; 3) установление небуквального значения слова [Петров 1990], что выглядит несколько упрощенно и скорее предшествует собственно пониманию заложенного в метафоре смысла. На наш взгляд, распознавание смыслового содержания метафоры осуществляется следующим образом: 1) вычленение неизвестного объекта (производного метафорического значения), обозначенного уже имеющимся именем известного объекта; 2) соотнесение этого объекта с уже известным (исходной понятийной сферой) на основе типовых ситуаций; 3) вычленение инвариантных признаков у нового и уже известного объектов и установление признака, участвующего в организации нового смысла; 4) распознавание ранее неизвестного объекта, формирование представлений о новой понятийной сфере. Как видим, вопрос о методике описания метафоризации как процессов смыслопроизводства и смысловосприятия остается открытым.

Потребность в метафоре возникает всякий раз, когда необходимо при назывании чего-либо установить определенные отношения между тем фрагментом действительности, которому нужно дать название, и тем, с которым он сравнивается [Кубрякова 1991: 24]. Метафора способна не только выполнять данную функцию, но и существенно изменять способы восприятия и освоения действительности. Распространенность метафор обусловлена тем, что часто «новое может быть высказано только метафорой, а в любой метафоре непременно присутствует нечто новое» [Кулиев 1987: 31]. При всей своей условности метафора содержит необходимый объем информации, и, более того, нередко именно метафорический образ дает возможность без дополнительных средств передать сущность того или иного понятия. «Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» [Ортега-и-Гассет 1990: 71]. Поэтому вполне закономерным является то, что для современных лингвометафорологических исследований характерна ориентация не столько на роль метафоры в процессе коммуникации, сколько на механизм ее образования.

Возникновение метафоры или придание нового метафорического смысла ранее существовавшей образной номинации происходит с помощью комплекса определенных когнитивных операций над знанием, в результате которых формируется фактически новое или модифицированное ментальное представление о предмете или явлении, в последующем закрепляющееся благодаря частичному заимствованию структур из различных концептуальных областей. Процесс метафорической номинации, безусловно, происходит не хаотично, а подчиняясь определенным объективным и субъективным факторам. Материал для создания метафор черпается из областей, обладающих общей или индивидуальной значимостью.

В основе метафоризации лежит сопоставление реалий по аналогии или ассоциации. Метафорическая аналогия имеет когнитивную природу, позволяя представить ментальные процессы с помощью материальных, физических [Аругюнова 1999: 86]. Формирование значения по аналогии ориентировано на некий вербальный образец, схему смыслообразования, оно осуществляется путем воспроизведения определенной семантической модели и отдельных компонентов семной структуры слова. Принцип аналогии играет важную роль в процессе семантической деривации (вторичной номинации) и помогает прогнозировать и объяснять дальнейшее развитие языка [Рахилина 2000; Пономарева 2002, 2005; Песина 2005]. Продуцирование метафор, основанных на ассоциативном подобии объектов, свидетельствует о выявлении и актуализации каких-либо новых признаков метафоризируемых понятий и, соответственно, способствует реализации семантического потенциала языка. Обращение к таким сферам-источникам уже само по себе способно вызывать оценочный эффект, придавая им другой смысловой колорит.

Метафора, несомненно, играет значительную роль в познании и понимании человеком действительности. С одной стороны, она служит для характеристики и номинации тех или иных явлений, предметов, процессов и т. п. Регулярное использование метафорического наименования, как правило, не осознается адресатом сообщения и может применяться в качестве средства речевого воздействия. С другой стороны, постоянное употребление одной и той же метафоры по отношению к определенному объекту действительности позволяет сформировать стереотипное представление о нем. Метафоры являются неотъемлемой частью понятийной системы человека, важным свойством его мышления и эффективным средством пополнения лексико-семантической системы языка. «Метафора – это и процесс, создающий новое значение языковых выражений в ходе их

переосмысления, и способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении» [Телия 1988б: 178]. Метафора как языковое явление становится своеобразным ключом к пониманию основ образного мышления и процессов создания ментальных представлений о мире.

Таким образом, **метафоризация** – семантико-когнитивный механизм, позволяющий обнаруживать общность у различных объектов действительности на основании аналогово-ассоциативных комплексов, существующих в сознании представителей данной этнокультуры. Соответственно **метафора** представляет собой ментально-вербальный конструкт, предназначенный для характеристики и номинации какого-либо объекта и созданный на основе его аналогии или ассоциативного подобия с другим объектом, уже имеющим наименование, в процессе познавательной деятельности человека.

2. Синтез идей семантического и когнитивного моделирования метафоризации

Человеческое мышление обладает основополагающими для метафоризации способностями к анализу воспринимаемых объектов и ситуаций, сравнению разных сущностей, проведению аналогий между сходными в каком-либо отношении представлениями о тех или иных реалиях, т. е. в процессе освоения действительности человек выделяет актуальные для него элементы, раскладывает их в своем сознании на определенные части и затем осмысливает воспринятое, опираясь на разложенные им составляющие. Познавая мир, он приспосабливается к изменяющимся условиям, и при этом «язык как постоянный процесс переконструирования семантического поля обеспечивает его метафорами, необходимыми для освоения потока новой информации» [Телия 1988б: 198]. В основе метафоризации лежит, как уже было отмечено, сопоставление неких реальных объектов на базе существующей между ними аналогии или какой-либо ассоциативной связи. Метафора дает возможность «выразить трудновыразимое и обозначить то, для чего еще нет прямого обозначения» [Там же: 189]. Метафорические номинации, возникающие в результате креативного когнитивного процесса, на который оказывают непосредственное влияние язык и свойственный данной культуре способ концептуализации действительности, постепенно накапливаются этносом в ходе его исторического развития, вследствие чего формируется и постепенно модифицируется метафорическая

картина мира, обнаруживая некоторую стереотипность национального мышления. Это, по сути, означает, что образная ментально-вербальная (метафорогенная) деятельность носителей языка осуществляется по определенным, сравнительно ограниченным в своем числе схемам и моделям.

Метафорическое моделирование как метод познания представляет собой построение моделей метафоризации, которые отражают национальные стереотипы образного аналогового и ассоциативного мышления данного этнокультурного сообщества на определенном этапе его эволюции.

В современных исследованиях по семантическому моделированию (Л. А. Кудрявцева, Г. И. Кустова, О. Н. Лагута, М. В. Москалева, О. Б. Пономарева, Н. П. Тропина и др.) понимание метафоры как модели сложилось на основе концепции семантического параллелизма. В разных работах метафорические модели, рассматриваемые как образцы, схемы смыслообразования, включают различные по характеру и количеству компоненты, однако сходным является выделение понятийных сфер (идеографических полей, тематических групп и т. п.), к которым относятся производящие и производные значения, и мотивирующих метафорический перенос признаков. Следовательно, метафорическая модель в целом трактуется как регулярное соотношение денотативно-понятийных сфер мотивирующего и мотивированного значений слов, связанных общим семантическим элементом.

Неоспоримым достоинством семантических исследований в области метафорического моделирования является стремление к детальному рассмотрению фактов вторичной номинации, которое основано на компонентном анализе, позволяющем глубже проникать в сущность процессов метафорообразования. Однако описания метафорических моделей, во-первых, осуществляются, как правило, на сравнительно небольшом по объему материале (от отдельно взятых контекстов до лексико-грамматического класса слов), а иногда вообще носят избирательный характер; во-вторых, они отличаются сложностью структурирования и неоднозначностью параметризации моделей, что не способствует выработке единой методики описания и классификации метафорических моделей.

В работах по когнитивному моделированию метафоризации (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, И. М. Кобозева, А. Б. Ряпосова и др.) существует, о чем говорилось ранее, две основные методики построения и описания метафорических моделей. Согласно дескрипторной теории (А. Н. Баранов) под метафорической моделью пони-

мается тематическое поле сигнификативных дескрипторов, а значит, только понятийная сфера источника метафоризации (такая трактовка отличается от общепринятой в лингвокогнитологии). В соответствии же с когнитивно-дискурсивной теорией (А. П. Чудинов) метафорическая модель рассматривается традиционно, как существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами источника и цели метафорической проекции. Метафорические модели описываются обычно как структурированные в виде фреймов и слотов сферы-источники и сферы-цели.

К преимуществам когнитивного моделирования метафоризации можно отнести четко выраженную тенденцию к полноте и многоаспектности описания, к детальности систематизации, использованию корпусных методик, предполагающих значительный объем исследуемых языковых фактов. Кроме того, несмотря на то, что авторы дескрипторной и когнитивно-дискурсивной теорий манифестируют их как когнитивные, наблюдается явное намерение совместить когнитивный и семантический аспекты, приближающее их к идее рассмотрения метафоры одновременно как ментального и языкового явления. Однако описания метафорических моделей, выполненные другими исследователями в русле данных концепций, содержат, на наш взгляд, некоторые погрешности: широкое понимание метафоры, включающее сравнения, перифразы, факты метонимии, фразеологизмы, хотя такой подход в целом присущ когнитивной семантике; смешение терминосистем лингвокультурологии, лингвокогнитологии, лингвистической семантики; отсутствие терминологического единства, нередко даже в работах одного автора; разночтения при описании фреймово-слотовых структур одинаковых метафорических моделей; практическое отсутствие указания на основание метафорической проекции; сложность структурирования моделей, что не создает условий для унификации результатов проводимых исследований в целях общего описания.

Сопоставление семантического и когнитивного подходов к моделированию метафоризации показало, что они имеют общие черты: понимание метафоры как моделируемого объекта, оперирование термином «метафорическая модель» («модель метафоризации»), выделение сходных параметров метафорической модели и соотносимая в рамках метаязыков их описания терминология. В данной работе метафорическая модель понимается как существующая в сознании носителей языка схема вербализации коррелятивных в аналого-ассоциативном плане понятий.

3. Осуществление метафорического моделирования на основе реконструкции метафорической картины мира

Метафорическое моделирование в широком понимании представляет собой способ познания, концептуализации, категоризации и репрезентации мира на основе образного (аналогового и ассоциативного) мышления этноса, отображающий специфику коллективного и индивидуального сознания на определенном этапе развития данного лингвокультурного сообщества. В более узком смысле это средство создания и реконструкции национальной или индивидуальной метафорической картины мира, отражающей регулярность и продуктивность тех или иных метафорических моделей в конкретный исторический период.

Определение закономерностей порождения и восприятия метафор предполагает описание особенностей национального или индивидуального мышления путем последовательного установления и построения типичных метафорических моделей, – при этом необходимо учитывать, что моделирование метафоризации как смыслообразования возможно только через выявление моделей метафоризации как смысловосприятия. Это может быть достигнуто вследствие наблюдения за речевой эмпирикой, выяснения актуальных при декодировании метафор параметров моделирования, продуктивных в языке (речи) метафорических моделей, что предоставит значительный материал для установления основных тенденций метафорического моделирования действительности.

4. Корпусное исследование метафорических контекстов

Под корпусом (термин У. Френсиса и Г. Кучеры) в корпусной лингвистике обычно понимается совокупность текстов, которая считается достаточно представительной для конкретного языка, диалекта или другого подмножества языка, предназначенная для лингвистического анализа, а также любое собрание текстов объединенных каким-либо общим признаком (языком, жанром, автором, периодом создания текстов). К принципам отбора текстов для таких исследований относятся: их однородность по происхождению и составу; синхронизация; корреляция численной представленности исследуемых явлений; доступность для компьютерной обработки. Целесообразность создания текстовых корпусов объясняется демонстрацией исследуемых языковых (речевых) фактов в реальном контексте, достаточно большой их представленностью, возможностью многократного использования единожды созданного корпуса данных [Рыков 2003, 2004].

Методика корпусного исследования метафор была разработана А. Н. Барановым (1991, 1998, 2003, 2004, 2006), который отмечал, что «словарная инвентаризация контекстов использования метафор в реальном речевом употреблении необходима как для чисто лингвистических задач, так и для приложений языкознания. <...> Между тем имеющийся категориальный аппарат теории метафоры не пригоден для кодирования и последующей автоматической обработки значительных объемов языковых данных, включающих тысячи употреблений метафор» [Баранов 2004: 19]. Поэтому в изучении метафорических моделей важным моментом является их инвентаризация и систематизация. Инвентаризация представляет собой максимально полное выявление метафорических моделей, а систематизация – выделение тех или иных существенных признаков с целью последующей классификации моделей по этим признакам. В настоящее время имеется уже не один вариант перечней метафорических моделей по разным основаниям (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Н. В. Павлович, Г. Н. Складарская, А. П. Чудинов и др.). Работа в этом направлении будет способствовать наиболее полной инвентаризации, систематизации и классификации моделей метафоризации, что станет важным шагом в постижении сущности национального и общечеловеческого мышления.

В соответствии с разработанной нами методикой осуществляется анализ собранного путем сплошной выборки представительного корпуса метафорических контекстов, предварительная их систематизация и классификация по понятийным сферам, участвующим в метафоризации, и направлениям метафорической проекции из одной понятийной сферы в другую. При описании результатов исследования фактический материал приводится в минимальных и расширенных метафорических контекстах, необходимых и достаточных для понимания смыслового содержания метафор: к примеру, *море колосьев*; *бурное море листвы* (А. Белый), что обусловлено значительным количественным составом анализируемых фактов метафоризации. Такой способ описания метафорических контекстов используется в работах Н. А. Басилая, В. П. Григорьева, В. П. Ковалева, Н. А. Кожевниковой, Е. А. Некрасовой, В. В. Образцовой и др.

5. Параметризация метафорической модели как исходной и новой понятийных сфер и семантико-когнитивного форманта

Согласно разработанной методике каждая метафорическая модель включает исходную и новую идеографические сферы (например, «физические свойства человека → атмосферные явления»).

Идеографический способ представления сфер метафоризации (исходной и новой) дает возможность понять систему логико-понятийных связей между мотивирующим и мотивированным значениями. При таком описании актуализируются сферы-источники (денотативно-понятийные сферы мотивирующего значения) и сферы-цели (денотативно-понятийные сферы мотивированного значения), что является общим для семантического и когнитивного моделирования, и элиминируются частеречные различия, что характерно для когнитивных исследований (в семантических исследованиях описания осуществляются обычно на материале какой-либо части речи).

При описании метафорической модели для обозначения смыслового элемента, отражающего мотивационную связь исходной и новой понятийных сфер, вводится термин «семантико-когнитивный формант», который понимается как ментально-смысловой элемент, интегрирующий разные сущности, сходные в каком-либо отношении. Он служит мотивирующим признаком метафорической проекции из исходной понятийной сферы в новую и формулируется в наиболее общем виде («форма», «цвет» и т. п.). Данное терминологическое обозначение актуализирует содержательную характеристику форманта (понятийные сферы образующих сем) и отображает системные отношения когнитивных и языковых структур, подчеркивая сущность метафоры как явления языка и мышления.

6. Структуризация метафорических моделей как составляющих мегамоделей и организующих субмоделей

Совокупность метафорических моделей со сходными понятийными сферами образует метафорическую мегамодель – направление метафорической проекции из одной идеографической области в другую, сформулированное в наиболее общем виде. Метафорическая модель может иметь разновидности, которые являются средством ее конкретизации и характеризуются вариативностью исходной и / или новой понятийных сфер и / или семантико-когнитивного форманта в пределах данного инварианта (модели), называемые метафорическими субмоделями. Например, метафорическая модель «физические свойства человека → атмосферные явления > звук» выступает в разных субмоделях: «речь → воздушный поток > сила звука»: *шепот ветра; вопли бури* (тихий / громкий); «речь → воздушный поток > сила звука + качество звучания»: *бормотание вьюги; лепет ветерка* (тихий; невнятный); «речь → атмосферные осадки > сила звука + ритм»: *говор ливня; речь дождя* (громкий; ритмичный). В свою очередь, данная метафорическая модель входит в состав мегамодели «Человек → Неорганический мир».

7. Установление регулярных и продуктивных метафорических моделей

Метафорическая модель обладает свойствами регулярности и продуктивности. Регулярность понимается как повторяемость метафор определенной понятийной области. Модель можно считать регулярной, если она является воспроизводимой и не вызывает трудностей при восприятии носителями языка. Продуктивность метафорической модели обычно трактуется как способность служить образцом для производства новых значений. Она обусловлена семантическим потенциалом данной модели в отношении к производству вторичных (метафорических) значений на конкретном синхронном срезе, т. е. можно говорить о продуктивности модели в тот или иной период исторического развития языка.

8. Выявление и структуризация базовых метафорических концептов

Метафорический концепт трактуется нами как образно-ментальный конструкт, отражающий устойчивые в коллективном и индивидуальном сознании аналогово-ассоциативные связи реалий и эксплицируемый в процессе креативной вербальной деятельности человека. Базовый метафорический концепт понимается как концепт, который проявляется в значительном количестве языковых (речевых) реализаций. Метафоры как средства объективации метафорических концептов, их репрезентанты, представляют собой переносные (узуальные и окказиональные) значения, входящие наряду с ассоциатами – вербализованными когнитивными признаками – в содержание данных метафорических концептов, а их структура определяется иерархией смыслов, релевантных для носителей языка, и упорядочивается как ядерная, приядерная и периферийная зоны. Ядро и приядерную зону, как правило, составляют наиболее существенные для носителей языка ассоциаты, что определяется количественным составом репрезентантов данного концепта, а его периферию – индивидуально значимые когнитивные признаки. Например, одним из базовых в поэзии и прозе З. Гиппиус, А. Ахматовой, А. Белого, В. Инбер, М. Кузмина, Б. Пастернака, И. Сельвинского является метафорический концепт «Голос», репрезентантами которого выступают метафоры *бормотание, вопль, говор, голос, крик, лепет, шепот, говорливый, молчаливый, немой, говорить, лепетать, молчать, шептать* и др.

Изложенные принципы семантико-когнитивного моделирования метафоризации обусловили методику построения и описания метафорических моделей.

Рассмотрим этапы метафорического моделирования:

1. Анализ и систематизация корпуса метафорических контекстов (изучение собранных путем сплошной выборки метафорических контекстов, определение связей и зависимостей между ними).

2. Установление основных конструкций – метафорических моделей (построение метафорических моделей как трехкомпонентных структур, которые включают следующие параметры: исходную и новую денотативно-понятийные сферы и семантико-когнитивный формант).

3. Структуризация метафорических моделей как составляющих определенной мегамодели (систематизация метафорических моделей по направлениям метафорической проекции) и организующих субмодели (детализация метафорических моделей).

4. Подведение предварительных итогов исследования метафорических моделей (сопоставление метафорических моделей, характерных для текстов одного / разных авторов; определение общего и индивидуального; выявление закономерностей метафорического моделирования).

5. Верификация полученных данных и их применение (анализ результатов метафорического моделирования и использование для выявления метафорических концептов, установления их содержания и структуры).

Разработанная методика построения и описания метафорических моделей может быть использована: 1) как самостоятельный операционный механизм при семантическом анализе фактов метафоризации или обязательный этап семантико-когнитивного исследования метафор; 2) как в корпусном исследовании метафорики текстов или дискурсов, так и при изучении отдельных фактов метафоризации, что делает ее универсальной. Кроме того, в зависимости от задач исследования можно модернизировать структуру описания метафорических моделей (к примеру, исключить субмодели).

Следовательно, предлагаемый семантико-когнитивный подход к изучению метафор базируется на следующих принципах: понимание метафоры как ментально-вербального конструкта; синтез идей семантического и когнитивного моделирования метафоризации; осуществление метафорического моделирования на основе результатов реконструкции метафорической (национальной или индивидуальной) картины мира или ее фрагментов на определенном языковом материале, проведение анализа представительного корпуса метафор; описание метафорической модели как трехкомпонентной структуры (исходной и новой понятийных сфер и семантико-когни-

тивного форманта); установление регулярных и продуктивных метафорических моделей; структуризация метафорических моделей как составляющих мегамоделей и организующих субмоделей; выявление и структуризация базовых метафорических концептов.

В заключение отметим, что основное положение семантико-когнитивного подхода к изучению метафорики состоит в том, что через исследование семантики метафорических номинаций и построение метафорических моделей, реконструируемых на конкретном языковом материале, можно установить модели метафорического мышления этноса или его отдельного представителя, характерные для данного исторического периода.

1.5. Параметризация метафорической модели

Метафорическое моделирование можно определить как построение моделей метафоризации, которые отражают национальные стереотипы образного аналогового и ассоциативного мышления какого-либо этнокультурного сообщества или индивидуальные представления о мире определенного носителя языка на конкретном этапе исторического развития.

Понятие «метафорическая модель» является общим, как отмечалось ранее, для семантического и когнитивного подходов к моделированию метафоризации, на основе анализа которых нами была разработана методика семантико-когнитивного метафорического моделирования. Метафорическая модель с когнитивной точки зрения – устойчивое соответствие между областью источника и областью цели, фиксированное в языке и культурной традиции данного общества, а с позиций семантики – это типовое соотношение денотативно-понятийных сфер мотивирующего и мотивированного значений слов, проявляющееся в общем семантическом признаке. **Метафорическая модель** в нашем понимании – существующая в сознании носителей языка регулярная схема вербализации коррелятивных в аналогово-ассоциативном плане понятий. Она включает исходную и новую идеографические сферы и семантико-когнитивный формант, – при таком описании актуализируются сфера-источник и сфера-цель (денотативно-понятийные сферы мотивирующего и мотивированного значений) метафоризации и интегрирующий их признак.

Корпусное исследование художественной метафорики и построение метафорических моделей позволяют продемонстрировать возможности моделирования как метода лингвометафорологических

исследований, способствующего установлению общих закономерностей метафоризации в художественном тексте. Полученные данные опровергают сложившиеся представления о том, что «метафорический перенос совершается в определенных направлениях только в узусе» [Скляревская 1993: 20] и «метафоризация номинаций в художественной речи протекает достаточно алогично, произвольно» [Лагута 2003б: 134]. Считаем, что образование речевых (окказиональных, авторских) метафор также подчинено системным закономерностям, и, хотя выявление и описание этих процессов сложнее, чем в случае узуальной метафоризации, оно не выходит за рамки общеязыковой системности. При этом необходимо отметить, что такие идеи высказывались и ранее: «индивидуальная метафора строится по правилам языка, и механизм ее возникновения обусловлен самой природой языка, следовательно, к ней можно подходить не только как к средству создания художественной образности, но и с точки зрения объективных законов, действующих в языке» [Басилая 1971: 72]. Дело в том, что языковые и речевые метафоры имеют не только отличительные черты (языковым метафорам присуща общепринятость употребления, общедоступность понимания и соответственно фиксированность в толковых словарях, что свидетельствует о наличии коллективно осознанных денотативно-понятийных связей; речевым метафорам свойственна контекстуальная обусловленность, отражающая индивидуальное восприятие мира, и сохранение «авторства»), но и общие признаки, основными из которых являются семантическая двуплановость (взаимодействие двух денотативно-понятийных сфер, сходных в каком-либо отношении) и образность (при утрате образного элемента языковая метафора, как известно, становится прямой номинацией) [Кравцова 1995]. Следовательно, речевая (окказиональная) метафоризация так же системна, как и языковая.

1.5.1. Денотативно-понятийные сферы как составляющие метафорической модели

Материал для создания новых метафор или переосмысления уже известных метафорических образов черпается, как отмечалось ранее, из идеографических областей, обладающих общей (объективной) для данного этноса или уникальной (субъективной) для отдельного индивида значимостью и популярностью. Обращение к конкретным сферам-источникам вызывает определенный оценочный эффект, так как замена прямых наименований образно-переносными

придает им иной колорит и подчеркивает наиболее существенные свойства метафоризируемых понятий.

Изучение продуктивности определенных классов слов как «поставщиков метафор» (А. И. Ефимов) и регулярности пополнения понятийных (семантических) сфер за счет метафорических наименований (Л. В. Балашова, Н. А. Басилая, Ж. А. Вардзелашвили, Н. А. Кожевникова, Н. А. Кузьмина, О. Н. Лагута, Е. А. Некрасова, В. В. Образцова, Г. Н. Складневская, А. П. Чудинов и др.) способствует установлению различных источников метафоризации (сфер-доноров), однако такие типологии разрабатываются, как правило, на базе какого-либо лексико-грамматического разряда слов (чаще всего имени существительного) или относительно ограниченного количества текстов.

В данной монографии представлена разработанная на основе анализа лингвистических исследований в области метафорического моделирования (А. Н. Баранов, Г. Н. Складневская, А. П. Чудинов, О. Н. Лагута и др.), идеографических словарей (Ю. Н. Караулов, О. С. Баранов), собственных наблюдений автора над фактами метафоризации в русской поэзии и прозе первой половины XX в. (А. Ахматова, А. Белый, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Кузмин, Б. Пастернак, И. Сельвинский, М. Цветаева) классификация сфер-источников и сфер-целей метафорической проекции в художественном тексте (на значительном корпусе метафор различной частеречной принадлежности), которые объединены в соответствующие понятийные мега-сферы – «Человек», «Социум», «Животный мир», «Растительный мир», «Неорганический мир», «Артефакт», «Время».

Сферы-источники метафоризации

1. Мегасфера «Человек»

1) физические свойства человека:

а) внешний вид (внешность) человека (*борода, кудри, морщина, проседь, ресницы, румянец, седина; бородатый, голубокий, кудрявый, лысый, мускулистый, простоволосый, седобородый, седовласый, седой, худой; курчавиться* и др.): *борода туманца* (И. Сельвинский); *кудри березы; липа кудрявая* (З. Гиппиус); *пенная проседь; в седине пучин; голубокая память; в простоволосой радости* (М. Цветаева); *румянец зари* (М. Кузмин, И. Сельвинский); *мороз седой* (В. Инбер); *туман седовласый* (А. Белый);

б) части тела (как организма в его внешних физических формах) человека (*бедро, бок, брюхо, веко, глаза, голова, грудная клетка, грудь, губы, кадык, лок, лицо, лоб, мочка, нога, очи, палец, перст, рука, стан, тело, торс, туловище, уста, чело* и др.): *грудь утесов;*

очи кабаков (А. Белый); *брюхо* мостов; *тело* земли (А. Ахматова); *лицо* небес; *пожара* огненные *глаза* (З. Гиппиус); *на бедре* башни; *голова* берез; *пальцы* пальмовой *руки* (В. Инбер); *сосновый стан* (М. Цветаева);

в) речь / голос (*болтовня*, *бормотание*, *вопл*, *говор*, *голос*, *крик*, *лепет*, *немота*, *шепот*; *безглагольный*, *безгласный*, *безмолвный*, *болтливый*, *говорливый*, *голосистый*, *немой*; *безмолвствовать*, *болтать*, *бормотать*, *говорить*, *кричать*, *лепетать*, *молчать*, *твердить*, *шептать*, *шушукать* и др.): *болтовня* ручейков; *деревья говорливые* (Б. Пастернак); *естества крик*; *вопл* чувств (М. Цветаева); *говор* моря; *голос* автомобиля; *сердца речь*; *болтливые* ручьи (З. Гиппиус); *голосистая* пила; *говорят* скворцы (В. Инбер); *шепоток* беды (А. Ахматова); *лепет* воды (А. Белый);

г) физические действия (моторные и мимические проявления) человека (*бег*, *шаг*, *улыбка*, *ухмылка*; *бежать*, *бродить*, *жмуриться*, *кидать*, *моргать*, *нестись*, *плестись*, *плыть*, *сопутствовать*, *тащиться*, *улыбаться*, *хмуриться*, *ходить* и др.): *бег* туч (В. Инбер); *улыбка* заката; *бегут* года (А. Белый); *по земле бежало* пламя; *годы неслись* (И. Сельвинский); *бродит* ветер; *наутро притащится* слава; *клевета сопутствовала* мне, *ее* ползучий *шаг* я слышала (А. Ахматова); *сосна на солнце жмурится* (Б. Пастернак); *тени бродили* по подушкам (З. Гиппиус); *шаг* души (М. Цветаева);

д) физические ощущения человека (*горечь*, *сладость*, *холод*, *холодок*; *горький*, *кислый*, *сладкий*, *теплый* и др.): *горькое* чувство; *холодок* свободы (А. Ахматова); *кислое* лицо; *теплое* чувство; *холод* бесстрастья (А. Белый); *сладость* ожидания; *сладкий* голос; *сладчайший* язык (М. Кузмин); *сладкий* сон (В. Инбер); *холод* души (З. Гиппиус);

е) физические состояния человека (*лень*, *мучение*, *отдых*, *стон*, *усталость*; *усталый*; *мучиться*, *отдыхать*, *стонать*, *уставать*, *утомляться* и др.): *стон* души (М. Цветаева); *измученное* сердце; *звук усталый* (И. Сельвинский); *усталое* солнце (А. Белый); *стон* сердца; *сердце измучилось*; *отдыхает* луг (А. Ахматова); *устало* сердце (М. Кузмин); *душа устала* (З. Гиппиус);

2) физиологические свойства человека:

а) внутренние органы человека (*аорта*, *артерия*, *горло*, *гортань*, *десны*, *жила*, *капилляр*, *костяк*, *кровь*, *легкие*, *мускул*, *сердце*, *чрево*, *язык* и др.): *трамвайные аорты*; *торговые артерии*; *гортань* рупора; *десны* стен; *чрево* виолончели (В. Инбер); *сердце тайги* (А. Ахматова); *жилы* тополя; *в капиллярах* ненастья (Б. Пастернак); *жилы* рек; *мускул* полета (М. Цветаева);

б) физиологические процессы человека (взгляд, взор, вздох, голод, глоток, дыхание, жажда, жизнь, плач, слеза; голодный, потный, сытый; вздыхать, вздрагивать, всхлипывать, глядеть, дышать, жить, задыхаться, плакать, потеть, рождаться, рыдать, слышать, смеяться, смотреть, сопеть, стареть и др.): **вдох** души (М. Цветаева); **глоток** воспоминаний; **жажда** мести; **и сердце голодно, и ум не сыт** (В. Инбер); **дыханье** рек; **душа жива**; **сердце плачет**; **смеялся** месяц (З. Гиппиус); **слезы** звезд; **потное** солнце; **дышит** ветерок; **рыдал** рояль (А. Белый); **сопят** тормоза; **катер потел и задыхался** (Б. Пастернак);

в) физиологические состояния человека (бессонница, дрожь, жар, озноб, слабость, сон, судорога; бессонный, полусонный, пьяный, слабый, сонный; дремать, дрожать, проснуться, спать, уснуть и др.): **душевная дрожь** (А. Белый); **жар** сердца; **озноб** клятв; **сонный, бессонный** лес (М. Цветаева); **судорога** крана; **пьяный** ветер (Б. Пастернак); **душа сонная**; **спит** ковыль; **спит** душа (З. Гиппиус); **сонная** вода; **задремывает** вода (И. Сельвинский);

г) болезни (агония, безумие, болезнь, бред, кровоизлияние, лихорадка, малокровие, нарыв, отек, помешательство, порез, рана, столбняк, струп, шрам, язва; больной, бредовый, глухонемой, горячий, незрячий, слепой; слепнуть, тошнить, чахнуть, шелушиться и др.): **агония** рябины; **в кровоизлияниях** заря; **струнья** гильз; **старый шрам** туч; **чахнет** снег и **болен малокровьем**; **столбняк** лоцин; **рельсы слепли и чесались** (Б. Пастернак); **безумье** миров (А. Белый); **больное** солнце (В. Инбер); **раны** рек (М. Кузмин); **душа изранена** (З. Гиппиус);

3) психические свойства человека:

а) память (воспоминание, память; забыть, помнить): **воспоминания** души (В. Инбер); **память** сердца (А. Ахматова, М. Кузмин); **память** зорь; **память** дальнего пути (М. Кузмин); **у истории плохая память**; **память** человечества (И. Сельвинский); **душа не забыла**; **сердце помнит** (А. Ахматова, З. Гиппиус);

б) мышление / интеллект (дума, мысль; задумчивый, мудрый; задуматься, знать): **думы** сердца (М. Цветаева); **мысли** веков (Б. Пастернак); **задумчивые** птицы (И. Сельвинский); **задумчивый** хмель (А. Белый); **мудрое** сердце (А. Ахматова); **рощи задумались**; **сердце знает все** (М. Кузмин); **душа не знает, был ты или нет** (В. Инбер);

4) душевные свойства человека:

а) духовная сущность / духовное начало человека (дух, душа): **дух** столетий; **дух** прошлого (А. Белый); **дух** общежитий (И. Сельвинский); **душа** поэзии (А. Ахматова); **душа** стихов (З. Гиппиус);

б) черты характера (*безжалостный, безрассудный, вежливый, внимательный, жадный, жестокий, злой, капризный, кичливый, кроткий, ласковый, ленивый, лукавый, несмелый, осторожный, плаксивый, покорный, пугливый, робкий, стыдливый, суровый, трусливый, упрямый; лениво, робко и др.*): *сердце жадное, душа покорная; кроткая душа; упрямая душа; злая жизнь; меж ветвями капризных, стыдливых мимоз* (З. Гиппиус); *злое солнце; лениво каркнула ворона* (А. Белый); *снег ленивый, ласковый и осторожный; месяц лукавый; робкие цветы* (А. Ахматова); *стыдливое цветенье хвой* (Б. Пастернак);

в) чувства (*тоска; страстный, сладострастный; любить, ненавидеть, разлюбить, тосковать и др.*): *страстно тянутся ветви* (А. Белый); *сладострастные волны* (И. Сельвинский); *сердце любит; сердце тоскует* (А. Ахматова); *цветы ненавидят меня; душа разлюбила* (З. Гиппиус);

г) эмоции / переживания (*грусть, испуг, печаль, радость; веселый, взволнованный, гневный, грустный, печальный, урюмый; возмущаться, разгневаться, растрогаться и др.*): *грусть фиалок; радость утр; гневные волны; душа разгневанная* (М. Цветаева); *веселый ветер* (М. Кузмин); *взволнованный ветер; растроганные небеса* (А. Белый); *печальная душа; мое сердце радо; угрюмое небо* (З. Гиппиус);

д) желания (*желание, каприз, прихоть; капризный; желать, ждать, мечтать, просить, хотеть и др.*): *души желанья; сердце мечтало о чуде* (В. Инбер); *желанье сердца; ждет душа; сердце хочет и просит чуда; запросит сердце тайны* (З. Гиппиус); *каприз судьбы; по прихоти неба капризного* (Б. Пастернак).

2. Мегасфера «Социум»

1) социальные группы:

а) объединения (совокупность) людей (*орава, орда, толпа, чета; толпиться и др.*): *орава воробьев* (В. Инбер); *орда волос* (И. Сельвинский); *толпа берез* (А. Ахматова); *толпа облаков; за окнами давка, толпится листва* (Б. Пастернак); *чета берез; чета ворон* (А. Белый);

б) семья (*дети, дед, дочь, мать, мачеха, семья, сирота; осиротелый и др.*): *дети земли; березы – безропотные дочери; семья ракит; к семье кустов; на облаке осиротелом* (А. Белый); *не мать, а мачеха – любовь* (М. Цветаева);

в) лицо по профессии, роду занятий (*ворожее, знахарь, колдун, провидица, сиделка, странник, схимница и др.*): *душа-ворожее; ночь-схимница* (М. Кузмин); *сердце-знахарь; бессонница-сиделка;*

судьба-провидица (А. Ахматова); *деревья-колдуны* (В. Инбер); *ивы-провидицы*; *странник-Дух* (М. Цветаева);

2) социальные отношения:

а) речевая коммуникация (*беседа, отзыв, разговор, реплика, собеседник, спор; беседовать, отзываться, разговаривать, спорить* и др.): *беседа ручейков; спор ветров* (А. Ахматова); *реплики леса; спор достоинств; в отзывах ветра* (Б. Пастернак); *спор ветров и ветрил; спорили сотни колоколов* (М. Цветаева); *вода-собеседник; спорят века; воробьишки спорят; птицы разговор ведут* (И. Сельвинский);

б) межличностные отношения (*встреча, лобзание, объятия, поцелуй, разлука; встречать, обнимать, целовать(ся)* и др.): *лобызания ветра; поцелуи зари; среди облачнобледных объятий* (А. Белый); *объятия арфы* (М. Кузмин); *объятия распутицы* (Б. Пастернак); *поцелуи ветра; разлука вдохновенный* (М. Цветаева); *души заветной сердце не встречало* (И. Сельвинский); *солнце со снегом целуется* (З. Гиппиус);

3) армия (военные действия: *атака, плен, освобождение; пленить, освободить* и др.): *гнедая атака денег* (И. Сельвинский); *душа в плену; душа плененная; душа освобожденная* (З. Гиппиус); *сердце в плену* (А. Ахматова); *в плену фантазий* (Б. Пастернак); *в плену часов* (М. Кузмин);

4) искусство:

а) музыка, пение (*аккорд, дуэт, гамма, лейтмотив, мелодия, музыка, напев, пение, песня, прелюдия, речитатив, хор; напевать, петь* и др.): *гамма чувств; музыка слов* (З. Гиппиус, Б. Пастернак); *мелодия воды; речитатив колес; пенье автомобиля; песнь ручья; ветер поет песню; хор газетных голосов* (В. Инбер); *напевы звучных арф; скрипки пели* (М. Кузмин); *вкруг тебя запела тишина; песня последней встречи; песня любви; хор цикад* (А. Ахматова); *песня небосклона* (А. Белый);

б) танец (*бал, пляска, танец, хоровод; плясать, танцевать* и др.): *бал метелей; танец берез; хоровод кипарисов* (А. Ахматова); *хоровод светил; бабочки и осы танцуют хоровод* (М. Кузмин); *пляска ветров; пляска снов; плясала рожь; зелень танцует в лугах* (А. Белый);

в) литература (*драма, комедия, легенда, лирика, миф, поэзия, проза, пролог, эпилог, эпопея* и др.): *любовная драма; поэзия старины; поэзия любви; проза труда; любовная эпопея* (И. Сельвинский); *лирика чувств; поэзия жизни* (А. Ахматова); *поэзия пониманья* (Б. Пастернак); *эпилог любви* (В. Инбер).

3. Мегасфера «Животный мир»

1) виды животных:

а) звери / млекопитающие (*бык, зверь, конь, лиса* и др.): *солнце-бык*; *ветра буйный конь* (М. Кузмин); *конь ветра* (В. Инбер); *пурговый конь* (А. Белый); *сердце-зверь* (З. Гиппиус); *дипломатическая лиса* (А. Ахматова);

б) птицы (*голубь, лебедь, птица, ястреб* и др.): *голубь души*; *сердце – пойманная птица*; *птица-сердце*; *мысли-птицы* (М. Кузмин); *птица-часы*; *ястреб-душа* (З. Гиппиус); *выпустить птицу – мою тоску* (А. Ахматова); *лебедь-душа* (М. Цветаева);

в) пресмыкающиеся (*змея, змей, змий*): *душа-змея* (З. Гиппиус); *измена-змея*; *разлука-змея* (В. Инбер); *тоска-змея* (М. Цветаева); *облачные змии*; *златоголовых облак-змеев* (А. Белый);

2) объединения животных:

а) объединения зверей / млекопитающих (*свора, стадо*): *стада флотилий* (А. Ахматова); *свора мужчин* (А. Белый); *рифм стадо* (З. Гиппиус);

б) объединения птиц (*стая*): *стая стихов* (А. Ахматова); *стая дубов*; *старушечья стая* (А. Белый); *стая девушек*; *стая отважных народов* (И. Сельвинский);

в) объединения насекомых (*муравейник, рой*): *людской муравейник* (В. Инбер); *рой отблесков*; *рой миров*; *облак рой*; *рой пылинок*; *рой дней* (А. Белый);

3) физические свойства животных:

а) внешний вид животных (*грива, оперенье, перья, пух, шерсть*; *косматый, мохнатый, неоперившийся* и др.): *гривы волн*; *снег косматый*; *мохнатые звезды*; *лебяжье оперенье луны* (В. Инбер); *оперенье шхуны* (И. Сельвинский); *косматый дым* (А. Белый); *слово косматое*; *неоперившееся просвещенство* (Б. Пастернак); *пенная шерсть* (М. Цветаева);

б) части тела животных (*горб, жало, крыло, лапы, пасть, рога, туша, хвост*; *бескрылый, двурогий, крылатый* и др.): *лунное жало* (З. Гиппиус); *крылья сердца*; *рога месяца*; *двурогий месяц* (М. Кузмин); *пасть орудий*; *заревые хвосты*; *луна двурога* (А. Белый); *голос крылатый* (М. Цветаева); *крылья рей* (И. Сельвинский);

в) физические действия животных (*взмах, вой, жужжание, полет, порхание, рев, рык, трель, щебетание*; *ворковать, выть, жалить, грызть, мурлыкать, нахохлиться, порхать, роиться, скалиться, стрекотать, чирикать, щебетать* и др.): *полет столетий*; *метелицы рев*; *барышни щебетали* (А. Белый); *порхание пурги*; *мурлыкало море* (Б. Пастернак); *барабаны воркуют* (М. Кузмин);

почки **верб** **нахохлятся**; **офицерик** **что-то чиркнул** (И. Сельвинский); **щебетание** дождевых капель; **нежно**, словно **неопытный соловей**, **защебетал** маленький кран (В. Инбер);

4) условия обитания животных (места обитания: **гнездо**, **логово**; **гнездиться** и др.): **гнезда** **квартир**; **разбойничье гнездо**; **здесь гнездилась** **кордонная батарея**; **вражье логово** (И. Сельвинский); **отчаянный гнездо**; **в душе гнездилась радость** (М. Цветаева).

4. Мегасфера «Растительный мир»

1) виды растений (цветы: **астра**, **лилия**, **лютик**, **роза**, **фиалка**, **цветок** и др.): **астра** **славы**; **лютик** **влюбленности** (З. Гиппиус); **лилии** **ланит** (А. Белый); **розы** **щек**; **фиалки** **глаз**; **цветы** **любви** (М. Кузмин); **цветок** **любви** (М. Цветаева);

2) совокупность растений:

а) совокупность цветов (**букет**, **цветник**): **букет** **огней**; **женский цветник** (В. Инбер); **букет** **болезней** (Б. Пастернак);

б) совокупность трав (**сноп**): **сноп** **огней**; **сноп** **зарев**; **сноп** **искр** (А. Белый);

в) совокупность деревьев (**лес**, **чаща**): **лес** **хризантем** (Б. Пастернак); **в чаще** **сомнений** (И. Сельвинский);

3) физические свойства растений (части растений: **гроздь**, **зародыш**, **завязь**, **зерно**, **кожура**, **корень**, **лепесток**, **плод**, **семена**, **семечко**, **стебель**, **ствол** и др.): **гроздь** **люстры**; **зерно** **поэзии**; **лепесток** **ланит** (А. Ахматова); **мысли-зерна**; **лепестки** **красноречия**; **плод** **труда**; **семечко** **огня**; **стебелек** **ртути** (В. Инбер); **кожура** **абажура** (Б. Пастернак); **уста-лепестки** (А. Белый); **корни** **обиды** (И. Сельвинский);

4) физиология растений (этапы развития растений: **спелый**; **вянуть**, **плодоносить**, **расцветать**, **цвести** и др.): **спелый** **смех**; **вянет** **разговор**; **вянут** **веки**; **не завянет** **рассвет** (И. Сельвинский); **искусство** **расцветает**; **любовь** **цветет** (М. Кузмин); **спелый** **возраст** (Б. Пастернак).

5. Мегасфера «Неорганический мир»

1) физические явления:

а) световые явления (**луч**, **мрак**, **отсвет**, **свет**, **тень**, **тьма** и др.): **луч** **взора**; **луч** **улыбки**; **свет** **любви**; **тень** **суждений** (А. Белый); **в лучах** **любви**; **в лучах** **страдания**; **отсветы** **мыслей**, **тени** **слов**; **отсветы** **жизни**; **тени** **мыслей**; **во тьму** **души** (З. Гиппиус); **мрак** **упрощения** (Б. Пастернак); **луч** **вдохновения** (А. Ахматова); **тень** **мысли** (М. Кузмин);

б) звуковые явления (**гром**, **тишина**, **треск**; **громкий**, **трескучий** и др.): **гром** **пролетов**; **гром** **музыки**; **треск** **лозунгов** (А. Белый);

грома оаций; гром телеграмм; тишина чувств; громкая слава (В. Инбер); *в душе тишина; без тишины в душе; в трескучих пьесах* (З. Гиппиус);

в) тепловые явления (*горение, дым, жар, искра, лава, накал, огонь, пепел, пламя, пожар, температура; огненный, пламенный; гаснуть, гореть, кипеть, плавиться, пылать, раскалиться, таять, теплиться, тухнуть* и др.): *горение души; дым почестей; жар страстей, пепел раскаянья; огонь познания; пылающе-красное пламя луны* (В. Инбер); *жар сердца; лава ненависти; огонь неистовости* (М. Цветаева); *лава дыханья* (А. Белый); *огонь души; пламя небес* (З. Гиппиус); *пылает лиризм; сердце испыталось в пепел; идея теплится* едва (И. Сельвинский);

2) атмосферные явления:

а) воздушный поток (*буря, ветер, вихрь, дуновение, метель, порыв, шквал* и др.): *буря ревности; дуновение надежд* (Б. Пастернак); *буря прений* (В. Инбер); *ветер встреч* (З. Гиппиус); *вихрь событий* (А. Ахматова); *вихрь веков* (А. Белый); *дуновенье – вдохновенье; морская метель* (М. Цветаева);

б) состояние атмосферы (*гроза, закат, зарево, заря, мгла, молния, мрак, облако, пыль, радуга, туман, туча* и др.): *гроза двора; зарево мысли; тучи сводок и газет* (В. Инбер); *на закате лет; заря веков; молнии газет; туман столетий* (И. Сельвинский); *мгла сомнений; молния взгляда; туман оплакиванья* (Б. Пастернак); *радуга слез* (А. Ахматова); *туча толп* (М. Цветаева);

в) атмосферные осадки (*град, дождь, ливень, снег*): *град телеграмм; дождь стихов* (А. Ахматова); *дождь ландышей* (Б. Пастернак); *под градом пуль; посыпался град замечаний; дождь лепестков; косые дожди единиц; счастье – тишайший снег; в снегу подушек* (В. Инбер); *дожди летящих метеоров; дождь симфоний; над ливнем лет; ливень писем* (А. Белый); *огненных ливней* (И. Сельвинский);

3) космические объекты (небесные тела: *звезда, звездочка, созвездие, луна, метеор, солнце, зенит, орбита* и др.): *звезда любви* (З. Гиппиус); *звездочки снега* (Б. Пастернак); *снежные звездочки; в зените славы* (В. Инбер); *луны глаз* (М. Цветаева); *созвездие имен* (А. Ахматова); *орбита любви* (И. Сельвинский);

4) земные объекты:

а) участки земли (*берег, грот, дорога, путь, пустыня, стезя, тропа* и др.): *берег дней; души пустыня; жизненная стезя; зари стезя* (А. Белый); *путь исканий; тропа любви* (З. Гиппиус); *грот парты; пустыня славы; тропы эпох* (М. Цветаева);

б) рельеф местности (*бездна, вершина, глубина, гора, гряда, горизонт, ландшафт, оползень, пейзаж, пик, пропасть, холм, яма* и др.): *бездна* времени; *ландшафт* жизни (А. Белый); *горы* времени; *пенный холм* (М. Цветаева); *оползень царств*; *в яме* января (Б. Пастернак); *пейзаж* глаз (И. Сельвинский); *на пике* славы; *ямы* карманов (В. Инбер); *пенный холм*; *пены холмы* (М. Цветаева);

5) водные объекты:

а) водоемы (*болото, море, озеро, океан, пруд, пучина, топь, капля, пена*; *пениться* и др.): *море* ржи (А. Белый); *море* нив; *море* слез (М. Цветаева); *на лунном море*; *озера* грусти; *топь* неизвестности (З. Гиппиус); *океан* колосьев (В. Инбер); *пруд* очей (М. Кузмин); *заболоть* унылого житья; *в пучинах* речи; *ранений* гнойные *топи* (И. Сельвинский);

б) водный поток (*брызги, водопад, волна, всплеск, зыбь, плеск, поток, прибор, прилив, разлив, река, ручей, струя, ток*; *залить, лить(ся), разливать(ся), растекаться, струиться, течь, хлынуть* и др.): *брызги* огней (А. Белый); *водопады* занавеса; *ласк бурный прибор*; *разливы* листовенные; *расплескался* небосвод (М. Цветаева); *поток* времен; *прилив* отчаяния; *река* земного бытия (З. Гиппиус); *всплески* беседы; *ветра струится* волна (А. Ахматова); *страданье* лилось в моей груди (И. Сельвинский); *разливается* закат (В. Инбер); *нахлынули* воспоминанья; *текут* слова (М. Кузмин);

б) полезные ископаемые:

а) металлы (*железо, золото, медь, металл, позолота, ртуть, свинец, серебро*; *свинцовый, серебряный* и др.): *закатное золото*; *озера металл*; *свинец* облаков; *снежное серебро* (А. Белый); *золото* волос; *ртуть* листовы; *очей* синеватый *свинец* (М. Цветаева); *золото* листовы; *слиток золотых* волос; *лунное серебро*; *медь* волос (В. Инбер);

б) нерудные ископаемые (*гранит, мрамор, песок, песчинка, щебень* и др.): *гранит* истории; *песчинки* быта; *песчинки* тишины (В. Инбер); *мрамор* неба; *ручек матовый мрамор* (А. Белый); *щебень* метели (Б. Пастернак);

7) камни-самоцветы:

а) драгоценные камни (*алмаз, бриллиант, гиацинт, изумруд, рубин, сапфир, смарагд*; *алмазный, алмазитель* и др.): *алмазы* слез; *бриллиант* росы; *гиацинт* небес; *изумруд* глаз; *рубин* звезд (А. Белый); *алмазы* звезд (А. Ахматова); *бриллианты* росы; *сапфир* морей (И. Сельвинский); *алмазины* соцветий (Б. Пастернак);

б) полудрагоценные камни (*агат, аквамарин, аметист, бирюза, малахит, нефрит, опал, хрусталь*; *хрустальный* и др.): *аквамарины*

глаз; **малахит** *листвы* (Б. Пастернак); **бирюза** *взора*; *неба бирюза*; **ледяные хрустали**; **хрустальные** *градины* (А. Белый); **малахит** *листвьев* (И. Сельвинский); **хрусталь** *садов* (В. Инбер);

в) «камни» органического происхождения (*жемчуг, жемчужина, коралл, перламутр, янтарь*; *жемчужный, коралловый, янтарный* и др.): **жемчуга** *росы*; *месяца коралл*; *закатный янтарь*; **янтарные** *огни* (А. Белый); **жемчужины** *литературы* (В. Инбер); **жемчужина** *звезды*; **перламутр** *небес* (И. Сельвинский).

б. Мегасфера «Артефакт»

1) здания (помещения):

а) строения (*башня, кремль, терем, храм, чертог, шатер* и др.): **башни** *облаков*; **кремли** *облаков*; в **чертоге** *мировом* (А. Белый); **храм** *души*; **чертог** *души* (М. Цветаева); в *темном тереме* **стихотворенья**; в **шатрах** *каштанов*; *осень* – сказочный **чертог** (Б. Пастернак); **шатер** *неба* (В. Инбер); **шатер** *тополей* (А. Ахматова);

б) части строений (*дверь, камин, каркас, колонна, купол, окно, подвал, развалины, руины, стена, ступень* и др.): *я не открою им дверей* **сознания**; **стены** *тьмы* (З. Гиппиус); *ливня* **стена** (Б. Пастернак); **купола** *облаков* (А. Белый); **подвал** *памяти* (А. Ахматова); **развалины** *счастья*; **руины** *лиственные* (М. Цветаева); **руины** *счастья* (В. Инбер);

в) строительные материалы (*лак, стекло, эмаль* и др.): *неба синий* **лак**; *небес прозрачное* **стекло** (А. Ахматова); *заревое* **стекло**; **эмаль** *неба* (А. Белый); **стекло** *пруда* (З. Гиппиус);

г) предметы интерьера (*занавес, зеркало, ковер, ложе, покрывало, полотенце, скатерть, подсвечник, ширма*; *зеркальный* и др.): **занавес** *сна* (М. Цветаева); **зеркало** *пруда*; **ковер** *цветов и трав*; **полотенца** *дорог*; *снежная* **скатерть** *зимы* (В. Инбер); **звездное покрывало** (А. Ахматова); **подсвечники** *каштанов*; *из-за ширмы* **лени** (Б. Пастернак); **ледник** *зеркальный*; *по зеркалу* **воды** (А. Белый);

2) домашняя утварь:

а) посуда (*блюдец, фарфор, чаша* и др.): **блюдец** *озера*; **чаша** *озера*; *озеро-чаша* (В. Инбер); **чаша** *берез* (А. Белый); **чаша** *истины*; *небесный фарфор* (З. Гиппиус);

б) емкости (*бадья, бутылка, котел, сосуд, чан* и др.): **бутылки** *льдин* (Б. Пастернак); **сосуды** *звезд* (М. Кузмин); *моря бадья*; в **котле** *чудес*; *небо* – *бездонный чан* (М. Цветаева); **котел** *событий* (И. Сельвинский); **зарниц бурлит котел** (Б. Пастернак);

в) приспособления (*бич, невод, плет, сетка, сеть, снасть, факел* и др.): *засухи* **бич** (М. Цветаева); *сквозь невод* **жил** (И. Сельвинский); **плети** *ливня* (Б. Пастернак); *жизни* **плет** (М. Кузмин);

звездная **сетка**; меховая **снасть**; **факелы** войны (В. Инбер); **сетка** иinea (А. Ахматова); **сети** бугров (А. Белый);

3) пищевые продукты:

а) блюда и их ингредиенты (*кисель, крупа, мед, молоко, пицца, соль, стряпня, чай; медовый* и др.): **закатно-розовый кисель**; **жизни мед**; **мед неба**; **медовые косы** (М. Кузмин); **мед слов**; в **мутном молоке** зимы; **соль дум**; в **чаю** спитом славы (М. Цветаева); **стряпня** молвы (И. Сельвинский);

б) хлебобулочные изделия (*булка, коврига, пряник, пышка, сухарь* и др.): **булки фонарей**; на мятных **пряниках** подушек; **пышки** крыши (Б. Пастернак); **ковриги** вершин (А. Белый); на ученых **сухарей** (И. Сельвинский);

4) одежда:

а) верхняя одежда (*наряд, одежда, плащ, пояс, рукав, салон, складки; одеться* и др.): **одежды** берез (З. Гиппиус); **ненастья наряд**; **плащ** ночи (А. Белый); **под плащом** плюща (М. Цветаева); **пояс** ночи; **Риона голубые рукава**; **туманные складки** (В. Инбер); **горы оденутся** лесом; **плащи** тополей; в заплатах **салоне** небосвод (Б. Пастернак);

б) головные уборы (*венец, корона, тиара, платок, повойник, шапка, фата* и др.): **венец** зари; **корона** скал; **тиара** гор (М. Цветаева); **платы** зари; **шапка** волос; **шапки** левкоя (А. Белый); **шапка** снегов (В. Инбер); **платок** ветел; ива вдовий **повойник** клонила; **вечерий фата** (Б. Пастернак);

в) материалы для изготовления одежды (*атлас, бархат, бисер, бусина, вуаль, кисея, кружево, лента, нить, парча, полотно, стеклярус, ткань, тюль, шелк; бархатный, бисерный, кружевной, парчовый, тюлевый, шелковый* и др.): в **бисере** фонарной ряби; **бисерный** дождь; **бусины** сигнализационных далей (Б. Пастернак); **вуали** зари; **стеклярус** дождя; ручей **парчовый**; **тюлевая** ночь (М. Кузмин); **нити** событий; **ткань** времен (З. Гиппиус); **кружева** вьюги; **дождевые нити** (А. Белый);

г) украшения (*бусы, кольцо, низка, обруч, цепочка, цепь* и др.): **бусы** дождя; в плотном **кольце** одиночества; **ледяные цепи**; **цепочки** фактов (В. Инбер); **бусы** фонарей (М. Цветаева); из **низок** ливня; **липы** **обруч** золотой; **цепь** сенсаций (Б. Пастернак);

5) инструменты:

а) рабочие инструменты и их части (*веретено, игла, мерило, серп* и др.): укол **осино** **веретена**; **веретено** вселенной; **игла** воспоминаний; **лунный серп** (В. Инбер); **иглы** звезд; **иглы** света; **серп** луны (А. Белый); **серп** месяца (З. Гиппиус);

б) музыкальные инструменты и их части (*скрипка, струна* и др.): *звучат скрипки юности; струны усов* (И. Сельвинский); *струны души* (А. Белый); *струны сердца* (А. Ахматова);

б) техника:

а) механизмы и их части (*деталь, колесо, конвейер, лопасть, механизм, мотор, пресс, прядка, тормоз* и др.): *времени колесо* (И. Сельвинский); *под колесами излишеств* (М. Цветаева); *конвейер суток; пресс веков* (В. Инбер); *лопасть туманов; прядка времени* (А. Белый);

б) приборы / устройства (*весы, прожектор*): *весы науки* (В. Инбер); *весы судьбы* (М. Цветаева); *прожектор памяти* (А. Ахматова);

7) военные атрибуты (оружие и его части: *дробь, жерло, заряд, меч, пулемет, трезубец, штык* и др.): *дробь голосов; пулемет расправ* (М. Цветаева); *мечи неба* (М. Кузмин); *жерла туч; заряды дождей; штык весны* (В. Инбер); *трезубец молний* (А. Белый);

8) продукты литейного производства:

а) сплавы (*бронза, сплав, сталь; стальной* и др.): *бронза сонета; сплав нот; сталь пруда* (И. Сельвинский); *в бронзе детских рук* (В. Инбер); *сплав вдохновений и сухожилий* (М. Цветаева); *сталь воды; стужа стальная* (А. Белый);

б) монеты (*грош, монета, целковый, червонец* и др.): *счастья гроши; монеты удачи* (А. Ахматова); *монеты чудес* (М. Цветаева); *серебряный целкаш луны* (И. Сельвинский); *звонкие червонцы славы* (А. Белый);

9) предметы религиозного культа:

а) предметы церковной службы (*алтарь, иконостас, купель, ладан* и др.): *алтарь души; алтарь любви; иконостас небес; ладан сумрака* (З. Гиппиус); *купель моря* (М. Цветаева);

б) церковная утварь (*лампада, свеча*): *лампада луны* (А. Белый); *в лампаде вод звезда; свеча искупленья* (Б. Пастернак); *зажгутся свечи желанной встречи* (М. Кузмин); *свечи встреч* (В. Инбер);

в) церковная одежда (*риза*): *риза ночей* (А. Белый, З. Гиппиус); *под ризой ледяной; морозная риза* (З. Гиппиус).

7. Мегасфера «**Время**»

1) временные отрезки (времена года: *весна, зима, осень*): *весна любви* (А. Ахматова); *в душе весна* (А. Белый); *весна человечества; осень чувств* (В. Инбер); *зима души* (З. Гиппиус).

Сферы-цели метафорической проекции

1. Мегасфера «**Человек**»

1) физические свойства человека:

а) внешний вид (внешность) человека (*борода, брови, волосы, коса, кудри, локоны, прядь, ресницы, румянец* и др.): *крылья бровей* (М. Цветаева); *мочало бороды; кудри слились в дым; локонов дым* (А. Белый); *мед волос; золото кос; волны прядей* (В. Инбер);

б) части тела (как организма в его внешних физических формах) человека (*глаза, голова, губы, ланиты, лицо, очи, рука, стан, тело, уста, щеки* и др.): *фиалки глаз; розы щек* (М. Кузмин); *изумруд глаз; лепестки губ; лилии ланит; мрамор рук* (А. Белый);

в) речь / голос (*голос, речь, слово* и др.): *мой голос льется; речь струится* (А. Ахматова); *стальной голос; оковы наших слов; тени слов; горячие слова; слова, рожденные страданьем* (З. Гиппиус); *мед твоих слов* (М. Цветаева);

г) физические действия (моторные и мимические проявления) человека (*улыбка, шаг* и др.): *луч улыбки; тихий шепот шагов* (А. Белый); *тень улыбки* (В. Инбер); *шелест шагов* (А. Ахматова);

2) физиологические свойства человека:

а) внутренние органы человека (*сердце*): *память сердца моего* (А. Ахматова); *сердца речь; жадное сердце; сердце молчит; сердце плачет* (З. Гиппиус); *сердце мечтало о любви* (В. Инбер); *жар сердца моего* (М. Цветаева);

б) физиологические процессы человека (*взгляд, взор, дыхание, жизнь, смерть, слезы, смех* и др.): *огненный взор; жажда жизни; оковы жизни* (З. Гиппиус); *бирюза взора* (А. Белый); *радуга слез* (А. Ахматова); *спелый смех* (И. Сельвинский);

в) физиологические состояния человека (*бессонница, сон, сновидение; сонный* и др.): *бессонница-сиделка* (А. Ахматова); *сладкий сон; переулки сна* (В. Инбер); *сновидений дым* (А. Белый);

3) психические свойства человека:

а) память (*воспоминание, память*): *прожектор памяти; подвал памяти; сокровищница памяти* (А. Ахматова); *глоток воспоминаний; иглы воспоминаний; свет воспоминаний; сладкие воспоминания* (В. Инбер);

б) мышление / интеллект (*дума, мысль, познание, рассудок, сомнение, смысл, суждение, ум, умозаключение*): *отсветы мыслей; туман суждений* (З. Гиппиус); *голос рассудка; огненный смысл; червячок сомнений* (В. Инбер); *соль дум* (М. Цветаева);

4) душевные свойства человека:

а) духовная сущность / духовное начало человека (*дух, душа; душевный*): *дух молчит; оковы души; слезы души; сонная душа; плачет душа* (З. Гиппиус); *воспоминания души* (В. Инбер); *душа-ворожея* (М. Кузмин); *душевная дрожь* (А. Белый);

б) чувства (*бесстрашие, влюбленность, любовь, ненависть, раскаяние, страсть, тоска, чувство* и др.): *тень влюбленности; тишина чувств; жар страстей, пепел раскаянья; эпилог любви* (В. Инбер); *лава ненависти; тоска-червяк* (М. Цветаева); *приливы тоски* (З. Гиппиус);

в) эмоции / переживания (*беспокойство, волнение, возмущение, восторг, гнев, грусть, испуг, неистовость, отчаяние, радость, страх, тревога* и др.): *приятное разливалось волненье* (А. Белый); *огнь неистовости; отчаяний гнездо; в душе гнездилась радость* (М. Цветаева); *прилив отчаянья; окатило волной страха* (З. Гиппиус);

г) желания (*желание, каприз, мечта, мольба, причуда, просьба* и др.): *тень желания* (А. Белый); *взрыв капризов; тень мольбы* (Б. Пастернак).

2. Мегасфера «Социум»

1) социальные группы (объединения (совокупность) людей: *пара, толпа, народ*): *потекли из кино пары; потекли людские толпы* (В. Инбер); *стая отважных народов* (И. Сельвинский);

2) социальные отношения:

а) речевая коммуникация (*беседа, красноречие, общение, прения, признание, разговор, спор* и др.): *лепестки красноречия; буря прений* (В. Инбер); *жар признаний* (А. Белый); *вянет разговор; буря спора* (И. Сельвинский);

б) межличностные отношения (*встреча, измена, лобзание, обида, объятия, отношения, поцелуй, разлука, расставание* и др.): *свечи встреч; измена-змея; в зиму отношений* (В. Инбер); *корни обиды; холод расставания* (И. Сельвинский);

в) общественное мнение (*клевета, молва, овация, одобрение, почести, слава, славословие, слух, сплетня* и др.): *гром оваций; дым почестей; славословий дым* (В. Инбер); *седая молва; пустыня славы* (М. Цветаева);

г) наказания и поощрения (*замечание, наказание, позор, расправа; награда* и др.): *град замечаний; мрак позора; пустая награда* (В. Инбер); *пулемет расправ* (М. Цветаева);

3) искусство:

а) музыка, пение (*мелодия, музыка, пение, песня, симфония, сонатина; музыкальный* и др.): *волны музыки; волны песни* (З. Гиппиус); *мелодии текут* (Б. Пастернак); *рыдает сонатина; всплески симфоний* (А. Белый); *музыкального дыхания* (И. Сельвинский);

б) литература (*искусство, лирика, поэзия, проза, рифма, сонет, стихи* и др.): *из этой темы рождается искусство; рождалась*

поэзия (Б. Пастернак); **душа поэзии**; **стая стихов** (А. Ахматова); **бронза сонета** (И. Сельвинский); **рифм стадо** (З. Гиппиус).

3. Мегасфера «Животный мир»

1) виды животных:

а) птицы (*воробей, ворона, гагара, иволга, касатка, кукушка, ласточка, лебедь, перепел, птица, скворец, сокол, стриж, цапля, чайка* и др.): **чета ворон**; **ласточек говор**; **охрипшая галка**; **визги стрижей** (А. Белый); **орава воробьев**; **стоны чаек** (В. Инбер); **птицы ведут разговор** (И. Сельвинский);

б) насекомые (*муха, оса, пчела, стрекоза, цикада, пчелиный и др.*): **злые мухи**; **радугой стрекоз**; **алмазные стрекозы** (А. Белый); **пчелиный говор**; **хор цикад** (А. Ахматова).

4. Мегасфера «Растительный мир»

1) виды растений:

а) деревья (*береза, дуб, ива, кедр, кипарис, липа, осина, рябина, сосна, тополь* и др.): **стая дубов** (А. Белый); **танец берез**; **хоровод кипарисов**; **тело сосен** (А. Ахматова); **липа кудрявая**; **безмолвные тополи** (З. Гиппиус);

б) кустарники (*куст, кущи, лоза, ракета, шиповник* и др.): **семья кустов**; **кущи сладостью текут**; **листья льет лоза**; **семья ракут**; **лепет шиповника** (А. Белый);

в) травы (*бурьян, камыш, ковыль, лебеда, лен, овес, плющ, полынь, ряска, трава, хлопок, хмель* и др.): **камышы лепечут**; **спит ковыль**; **травы шепчутся**; **травы сонные** (З. Гиппиус); **волны ковыли**; **задумчивый хмель** (А. Белый);

г) цветы (*гвоздика, ландыш, левкой, лилия, мальва, роза, фиалка, цветы* и др.): **шапки левкоя** (А. Белый); **розы дышат**; **цветы ненавидят меня**; **робкие цветы** (З. Гиппиус); **ковер цветов** (В. Инбер); **грусть фиалок** (М. Цветаева);

2) совокупность растений (совокупность деревьев: *бор, лес, лощина, роща, сад, тайга*): **столбняк лоцин**; **сады тошнит от затишья**; **лес шелушится** (Б. Пастернак); **шепот роци**; **сердце тайги** (А. Ахматова); **хрусталь садов** (В. Инбер);

3) физические свойства растений (части растений: *вершина, ветви, колосья, крона, листва, листья, побег, почка, соцветие, ствол, ягода* и др.): **страстно тянутся ветви** (А. Белый); **океан колосьев** (В. Инбер); **малахит листьев**; **почки верб нахохлятся** (И. Сельвинский); **лаковая листва**; **толпится листва**; **алмазины соцветий**; **пожар ягод** (Б. Пастернак).

5. Мегасфера «Неорганический мир»

1) физические явления:

а) световые явления (*луч, мрак, отблеск, отсвет, свет, тень, темнота, тьма* и др.): *лучи солнца бродили по земле; свет* лился; *вуали темноты; тени бежали* (З. Гиппиус); *рой отблесков; иглы света; бархат тьмы* (А. Белый);

б) звуковые явления (*гром, звук, тишина; звуковой* и др.): *басовое ворчание грома* (И. Сельвинский); *звуки текли* (А. Ахматова); *хлынула волна звуков* (З. Гиппиус); *капля звуковая; песчинки тишины* (В. Инбер);

в) тепловые явления (*гарь, дым, дымок, искра, огонь, пар, пепел, пламя, пожар; дымный* и др.): *брызги огня; седой пепел; фонтаны пламени; дымная вуаль* (А. Белый); *волны пара* (В. Инбер); *пожара огненные глаза* (З. Гиппиус);

2) атмосферные явления:

а) воздушный поток (*буря, ветер, вихрь, стихия; вьюга, метель, метелица, пурга; метельный, пурговый* и др.): *стоны бури; спор ветров; всплески вихрей; бал метелей* (А. Ахматова); *вьюги порханье; порханье пурги* (Б. Пастернак); *пляска метельная; пурговый конь* (А. Белый);

б) состояние атмосферы (*гроза, дымка, закат, зарево, заря, зарница, зорька, мгла, молния, облако, радуга, туман, туча; закатный, заревой, мглистый, облачный* и др.): *лицо грозы; старый шрам туч* (Б. Пастернак); *улыбка заката; поцелуи зари; трезубец молний; иглы молнии; облак рой; туман седовласый* (А. Белый);

в) атмосферные осадки (*град, градина, дождь, иней, ливень, роса, снег; дождевой, снежный* и др.): *перестукиванье градин; голоса дождя; бриллианты росы* (И. Сельвинский); *дождь щебетал; говор ливня* (В. Инбер); *звездочки снега* (Б. Пастернак); *молчанье снегов; дождевые голоса* (З. Гиппиус); *серебро инея; снежное серебро* (А. Белый);

3) космические объекты:

а) макрокосмос (*вселенная, мир(ы), мироздание; мировой*): *светочи вселенной; уставший мир; безумье миров; чертог мировой; рой мироздания* (А. Белый);

б) небесные тела (*звезда, земля, луна, месяц, метеор, Млечный Путь, планета, солнце; звездопад, созвездие; звездный, лунный, солнечный*): *мохнатые звезды* (В. Инбер); *взор луны; месяц глядит на меня; смотрит солнце зло; лунное жало* (З. Гиппиус); *двурогий месяц* (М. Кузмин); *усталое солнце* (А. Белый);

4) земные объекты:

а) участки земли (*берег, бухта, долина, дорога, земля, луг, пашня, поле, пустыня, пустырь, тропа* и др.): *седая, как пепел, дорога*;

зыбь **пустыни** (В. Инбер); **дети земли**; **на груди земли**; **тело паиши**; **дыханье полей** (А. Белый);

б) рельеф местности (*вершина, гора, пропасть, равнина, скала, утес; горный* и др.): **башии горных вершин**; **спят равнины**; **груды утесов** (А. Белый); **тиара гор**; **корона скал** (М. Цветаева);

5) **водные объекты**:

а) водоемы (*лужа, море, озеро, океан, пруд, пучина; морской* и др.): **говор моря**; **озеро дышит туманом** (З. Гиппиус); **сапфир морей** (И. Сельвинский); **дыханье моря**; **морская метель** (М. Цветаева); **чаша озера**; **зеркало пруда** (В. Инбер):

б) водный поток (*водопад, волна, зыбь, плеск, поток, прибой, прилив, приток, река, ручей, струя, фонтан* и др.): **шепчет волна**; **поет поток**; **дыханье прибоя**; **молчит река**; **дыханье рек**; **песнь ручья** (З. Гиппиус); **гривы волн** (В. Инбер); **болтовня ручейков** (Б. Пастернак); **раны рек** (М. Кузмин);

б) **полезные ископаемые** (нерудные ископаемые: **песок, песчинка**; **песчаный**): **песчинок рой** (А. Белый); **песчаная волна**; **зыбь песков** (В. Инбер).

6. Мегасфера «**Артефакт**»

1) **населенный пункт** (пути сообщения и их части: *мост, переулок, проспект, рельсы, улица* и др.): **брюхо мостов** (А. Ахматова); **пустыня переулка** (А. Белый); **рельсы слепли и чесались** (Б. Пастернак); **рельсов жилы**; **проспекта бешеная кровь** (И. Сельвинский);

2) **здания (помещения)**:

а) строения (*баня, башня, дом, замок, здание, изба, кабак, мельница, поместье, сарай, сруб, флигель, церковь* и др.): **баня плавала в свете**; **дом уплывал к горизонту**; **очи кабаков**; **избы смотрят злым глазком**; **мельница руки вскинула** (А. Белый); **крыло здания** (М. Кузмин); **шамкают замки**; **поместья с пришептом** (Б. Пастернак);

б) части строений (*камин, квартира, комната, коридор, кран, кровля, лестница, окно, стена, ступени, труба* и др.): **гнезда квартир** (И. Сельвинский); **судорога крана**; **пышки крыши** (Б. Пастернак); **озлобленные окна** (А. Белый); **десны стен** (В. Инбер); **стонали ступени** (А. Ахматова);

в) предметы интерьера (*абажур, занавес, кресло, парта, стол* и др.): **кожура абажура** (Б. Пастернак); **льет абажур** **ярко-рдяный свет** (А. Белый); **водопады занавеса** (М. Цветаева); **чрево кресла**; **грот парты** (В. Инбер);

3) **одежда** (платье / одежда поверх белья: *камзол, лохмотья, платье* и др.): **море камзолов**; **зыбь лохмотьев** (А. Белый); **струи платья** (М. Цветаева); **волны платья** (А. Ахматова);

4) инструменты:

а) музыкальные инструменты и их части (*бубенец, виолончель, волынка, клавиш(а), колокол, орган, пианино, рожок, рояль, скрипка, смычок, труба, флейта, шарманка; колокольный и др.*): **барабаны воркуют** (М. Кузмин); **чрево виолончели; смычок порхает** (В. Инбер); **плачет клавиш; плачущий рожок; рыдал рояль** (А. Белый); **голос колокола; голоса органа** (А. Ахматова);

б) рабочие инструменты и их части (*игла, инструмент, ключ, пила и др.*): **робкая игла** (З. Гиппиус); **говор заводских инструментов; резкий голос ключа; пеньё пилы** (В. Инбер);

5) техника:

а) механизмы и их части (*колесо, мотор, плуг, прялка, станок, стрелка, тормоз и др.*): **повизгивали колеса; злые стрелки** (А. Белый); **рой моторов; жужжащая уныло прялка** (З. Гиппиус); **низкие голоса станков** (В. Инбер); **сопят тормоза** (Б. Пастернак);

б) приборы / устройства (*антенна, рупор, сирена фонарь и др.*): **усы антенны; гортань рупора; голос сирены** (В. Инбер); **воплъ сирены; булки фонарей** (Б. Пастернак);

в) транспорт (*автобус, автомобиль, катер, корабль, локомотив, машина, паровоз, поезд, пролетка, самолет, шхуна; автомобильный, трамвайный и др.*): **закричал слово автомобиль; голос автомобиля; пеньё автомобильное** (З. Гиппиус); **сопеньё автобуса; оперенье шхуны** (И. Сельвинский); **гром пролетов** (А. Белый); **потели торсы локомотивов; катер потел** (Б. Пастернак);

б) военные атрибуты (оружие и его части: *гильза, зенитка, пуля, пушка и др.*): **струпья гильз** (Б. Пастернак); **зенитки разговаривали; говор зениток; голоса пушек; град пуль** (В. Инбер);

7) печатно-рукописная продукция:

а) печатная продукция (*газета, книга, страница, телеграмма, газетный и др.*): **голоса газет, град телеграмм; газетный треск** (А. Ахматова); **молнии газет; седеет книга** (И. Сельвинский);

б) знаки / знаковые системы (*деньги, нота, цифра, эмблема и др.*): **рой цифр; рой эмблем** (А. Белый); **гнедая атака денег; сплав нот** (И. Сельвинский);

8) предметы религиозного культа (церковная утварь: *лампада, лампадка, свеча и др.*): **глаза лампад; глазочки лампадки** (А. Белый); **тяжелые слезы свечей** (З. Гиппиус); **мигали ресницами свечи** (Б. Пастернак).

7. Мегасфера «Время»

1) свойства времени (продолжительность: *время, вечность; временной, вневременной и др.*): **бег времени; время бежит; прялка**

времени; старела вечность; временной поток (А. Белый); *течет время; холод вечности; вневременные нити* (З. Гиппиус);

2) временные отрезки:

а) единицы измерения времени (*год, день, минута, мгновение, секунда, час* и др.): *бегут года; бег дней; ливень лет* (А. Белый); *бегут мгновения; птица-часы* (З. Гиппиус); *волна дней; протекших дней* (Б. Пастернак);

б) время суток (*вечер, день, ночь, утро; сутки*): *вечер в окна глядит* (З. Гиппиус); *светочи дня; плащ ночи; риза ночей* (А. Белый); *конвейер суток; утро злое* (В. Инбер);

в) месяцы (*август, февраль, сентябрь, январь* и др.): *август плывет* (А. Белый); *февраль нищал и стал неряшлив; слезы сентября; в холодной яме января* (Б. Пастернак); *злится январь* (И. Сельвинский);

г) времена года (*весна, зима, лето, осень*): *штык весны; снежная скатерть зимы* (В. Инбер); *глядит холодная весна; осень глядит* (З. Гиппиус); *шелест лета* (А. Ахматова); *зима явилась и ушла; с октября забредает зима; замухрышка-зима* (Б. Пастернак);

д) исторические периоды (*век, столетие, тысячелетие, эпоха, эра*): *заря веков; туман столетий* (И. Сельвинский); *веков струевой водопад; дух столетий; полет столетий* (А. Белый); *тропы эпох* (М. Цветаева);

е) темпоральные характеристики объектов (*будущее, времена, година, древность, история, прошлое* и др.): *туман будущего; жерло прошлого* (А. Белый); *ткань времен; колесо истории; мрак прошлого* (З. Гиппиус); *древности седой* (И. Сельвинский).

Выявление сфер-источников и сфер-целей метафоризации на разном материале будет способствовать установлению закономерностей моделирования метафорической картины мира этноса в тот или иной исторический период и формированию общего научного представления о ее эволюции.

1.5.2. Понятие семантико-когнитивного форманта

Термин «формант» (К. Бругман) уже более полувека применяется в русском морфологическом словообразовании и означает, как известно, «наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство из числа тех средств, которыми данное мотивированное слово отличается от мотивирующих»; «носитель словообразовательного значения» [РЯ.Э 2003: 604]. Семантическая дериватология позаимствовала термин «формант» у морфо-

логического словообразования, что вполне логично, так как семантическая деривация (Д. Н. Шмелев), или семантическое словообразование (В. В. Виноградов), долгое время считалась одним из процессов морфологической деривации – особым способом образования полисемии. Однако понятие форманта в семантической дериватологии приобрело иное толкование. Так, по мнению Н. П. Тропиной, использовать существующее в морфологической дериватологии понимание форманта «применительно к семантической деривации без изменения невозможно по вполне очевидной причине: при семантической деривации мотивационные отношения между мотивирующим и мотивированным значениями формального выражения, кроме объединения под “эгидой” одной лексемы, не имеют. Это резко отличает их от мотивационных отношений в морфологическом словообразовании, которые предполагают не только смысловую связь и смысловые различия между объединенными мотивационными отношениями единицами, но и материальное выражение этой связи и различий» [Тропина 2003: 108].

В традиционной лингвистической семантике для обозначения смыслового компонента, осуществляющего мотивационные связи производящего и производного значений полисема, был введено понятие «семантического стержня» – смыслового элемента, общего для всех значений слова [Шмелев 1973: 79]. Но семантическая общность может быть присуща не всем значениям многозначного слова, так как мотивационные связи в полисемии достаточно разнообразны [Новиков 1982; Кудрявцева 1993; Тропина 2003]. Появились различные терминообозначения для связующего производящее и производное значения элемента: «ассоциативный элемент» (Д. Н. Шмелев), «ассоциативный признак» (Л. А. Новиков), «семантический мотивирующий признак» (Э. В. Васильева, А. Н. Шрамм), «семантический показатель» (Г. С. Хромых), «семантический мотиватор» (Г. А. Шипицына), «семантический формант» (Н. П. Тропина) и др. Следовательно, в современной лингвистической семантике общепотребительного термина для обозначения таких связующих элементов до сих пор нет, что свидетельствует о нерешенности данной проблемы и необходимости дальнейшей ее разработки.

Наиболее приемлемым для обозначения мотивирующего компонента при описании семантической (в том числе метафорической) модели нам представляется термин «семантический формант», трактуемый как «часть мотивирующей семемы, которая, входя в мотивированную семему, осуществляет связь находящихся в мотивационных отношениях семем и служит основой для развития производно-

го, мотивированного значения» [Тропина 2003: 111]. Данное терминологическое обозначение обосновывается следующим образом: в первой части содержится указание на то, что мотивационные отношения при семантической деривации осуществляются на смысловом уровне, а во второй – на то, что семантические элементы, являющиеся общими для семем, «служат отправной точкой для формирования нового значения». При этом подчеркивается необходимость характеристики семантического форманта с содержательной и формальной стороны. В первом случае имеется в виду денотативно-сигнификативное («вещественное») значение образующих сем, для обозначения которого вводится понятие «содержательный тип семантического форманта», – оно является не только его обязательной характеристикой, но и «должно быть положено в качестве одного из главных в основу типологической классификации семантической деривации» [Там же: 113]. Во втором случае подразумевается характеристика форманта с точки зрения статуса образующих его элементов, что названо «формальным типом семантического форманта» (указание на статус образующих сем – интегральной, дифференциальной или потенциальной). Таким образом, автор считает, что семантические элементы, связывающие мотивирующее и мотивированное значения полисема, необходимо характеризовать с двух позиций – «вещественного» содержания (денотативно-сигнификативного значения) и статуса в структуре первичного и вторичного значений.

В данной работе при построении и описании метафорической модели для обозначения смыслового элемента, связывающего производящее и производное значения и выражающего мотивационные отношения исходной и новой понятийных сфер, вводится термин **«семантико-когнитивный формант»**. Он трактуется как понятийно-смысловой элемент, который интегрирует разные сущности, сходные в каком-либо отношении, и выступает мотивирующим признаком метафорической проекции из исходной понятийной сферы в новую в процессе образной ментально-вербальной деятельности человека. Семантико-когнитивный формант, связывающий понятийные сферы производящего и производного метафорического значений, отражает системные отношения языковых и когнитивных структур. Данное терминологическое обозначение актуализирует содержательную характеристику форманта (понятийные сферы образующих сем), элиминируя формальную его характеристику (иерархический статус сем), и подчеркивает сущность метафоры как явления языка и мышления. Семантико-когнитивный формант формулирует-

ся в наиболее общем виде как «звук», «форма», «цвет», «динамика», «мера» и др., т. е. он представляет собой наиболее существенный мотивирующий признак, лежащий в основе метафорической проекции.

Мотивирующие метафорический перенос признаки неоднократно привлекали внимание исследователей [Шрамм 1979; Скляревская 1993; Прохорова 1996; Усминский 1996; Лагута 2003б; Тропина 2003]. Большинство лингвистов, занимающихся изучением метафорической мотивации, считают, что самой регулярной и универсальной является метафоризация по сходству формативных, метрических, хроматических и консистенциальных признаков.

О. Н. Лагута, анализируя русские субстантивные метафоры на материале современных толковых словарей, отмечает, что «такие дифференциальные семантические признаки (семы), как ‘особенность’, ‘оценка’, ‘наличие / отсутствие’ и, особенно, ‘положительность / отрицательность’, ‘признак’, ‘специфика’, являются универсальными среди мотивирующих перенос наименования и имплицитно присутствуют в структурах большинства значений метафоризаторов и ЛСВ-метафор» [Лагута 2003б: 134]. Она выделяет целый ряд сем, лежащих в основе метафоризации: 1) формативные (величина, высота, глубина, длина, полнота, размер, рост, форма, ширина); 2) одоративные (запах); 3) цветовые (масть, окраска, тон, цвет); 4) вкусовые; 5) весовые (вес, масса, объем); 6) звуковые (громкость, диапазон, тембр); 7) временные (возраст, время, длительность); 8) температурные; 9) тактильные (твердость, мягкость); 10) консистенциальные (заполненность, состав, состояние, строй, сущность, уклад, материал); 11) функциональные (предназначение, цель, причина использования); 12) реализационные, характеризующие проявления объекта (активность, интенсивность, значение, реакция, режим, результат, сила, следствие); 13) динамические, отражающие протекание действия (ритм, темп); 14) квантитативные, указывающие на дискретность объединения соотносимых объектов (доза, калибр, мера) или их синкретичность (количество); 15) реляционные, характеризующие общность отношений соотносимых объектов (место, положение, соотношение, направление, близость, порядок); 16) субъективно-психологические (чувство, переживание) [Там же: 137]. Данная классификация представляется достаточно полной и отражает наиболее характерные аналогово-ассоциативные связи производящего и производного значений при узуальной метафоризации. Кроме того, автор считает, что в ее основе чаще всего лежит не один, а несколько мотивирующих признаков.

Некоторые лингвисты (О. Н. Прохорова, О. И. Усминский и др.) также отмечают, что мотивация может быть неодноаспектной. Так, О. И. Усминский (1996), проведя эксперименты с информантами, выявил наиболее частотные мотивирующие признаки тропов (метафор, сравнений и др.): слуховые; комбинированные; вкусовые; относительные; с логико-сенсорной модуляцией; визуальные по цвету; тактильные; относительные, построенные на пересечении валентностей; визуальные по форме; визуальные по динамическому признаку; относительные, без логико-сенсорной модуляции. Однако он обращает внимание на то, что визуальные признаки, сочетаясь с другими, могут над ними доминировать при декодировании, например, авторских метафор.

Анализ лингвистических работ по проблеме семантической (в том числе метафорической) мотивации и собранного нами фактического материала (метафор из художественных текстов) позволил выделить основные типы семантико-когнитивных формантов, характерных для метафоризации:

1. Форма (очертания, структура).
2. Цвет (тон, оттенки, окраска).
3. Звук (высота, сила, темп, ритм, качество звучания).
4. Динамика (движение, действие, перемещение, развитие).
5. Количество (множество, малое количество, совокупность).
6. Мера (размер, степень чего-л.).
7. Корреляция (порядок, расположение, связь).
8. Проявления объекта (обнаружение, интенсивность, активность, реакция на что-л., реализация).
9. Консистенция (плотность, прозрачность, твердость).
10. Состояние (вид, характер).
11. Время (длительность, непрерывность, последовательность).
12. Функциональность (предназначение, цель).
13. Оценочность (позитивная / негативная оценка).

Таким образом, полученные разными лингвистами (В. Н. Прохорова, Г. Н. Складарская, О. И. Усминский, О. Н. Лагута и др.) данные и результаты нашего анализа наглядно показывают, что выявленные на том или ином материале интегральные для мотивирующего и мотивированного значений семы во многом совпадают, что свидетельствует об объективности проведенных исследований. Однако в этой области еще много дискуссионных и нерешенных вопросов, требующих дальнейшего изучения, что должно привести к разработке общей типологии мотивирующих метафорическую проекцию признаков.

1.5.3. Мегамодель и субмодель как операционные единицы при описании метафорической модели

Для описания результатов метафорического моделирования нами было введено понятие метафорической мегамодели. **Метафорическая мегамодель** понимается как совокупность метафорических моделей со сходными понятийными сферами – мегасферами, участвующими в метафоризации. Данная мегамодель указывает на направление метафорической проекции из одной идеографической области в другую, сформулированное в наиболее общем виде (к примеру, «Человек → Неорганический мир», «Человек → Время», «Животный мир → Человек» и т. п., где мегасфера «Человек» включает, в свою очередь, такие сферы, как физические, физиологические, психические и душевные свойства человека).

Направления метафорических переносов, причем некоторые исследователи (Н. А. Кузьмина, Н. В. Павлович, Г. Н. Сляревская и др.) придают им статус модели, и семантические признаки, по которым они осуществляются, универсальны, а национальная специфика проявляется только в преобладании того или иного типа в конкретном языке. Все модели, являясь результатом предшествующей практики языка и культуры, содержат в себе моменты стереотипности, запечатлевая тем самым исторический опыт этноса в устойчивых формах, и, хотя язык оставляет место для новых моделей, они входят в языковую практику крайне затруднительно [Боженкова 2000: 25]. Чтобы выяснить, какие изменения происходят в языке, необходимо изучать его на разных этапах эволюции.

Первые попытки описания направлений метафорических переносов (в данной работе метафорические мегамодели) предпринимались еще в античные времена (Аристотель, Квинтилиан, Деметрий), вследствие чего была разработана известная и в наши дни квинтилиановская классификация, основанная на логическом принципе сопоставления «одушевленного» и «неодушевленного» мира. В соответствии с ней метафоры разделялись на несколько видов: «перенос значения с предметов, одаренных разумом, на одаренные же разумом или с лишенных разума на лишенные же его, или взаимно с одних на другие по тому же принципу» [Античные теории 1996: 219]. Во второй половине XX в. эта классификация была преобразована и выделены следующие типы метафор: 1) неживому – неживое, т. е. приписывание неживому не характерных для него свойств неживого; 2) неживому – живое; 3) живому – живое; 4) живому – неживое (В. И. Корольков, В. П. Ковалев).

Обозначение одним и тем же наименованием разных денотатов закономерно привело исследователей к мысли о возможности существования системных связей между денотативными объединениями, номинации которых вовлечены в метафорический процесс. Кроме того, метафора индивидуализирует объект, относя его к классу, которому он не принадлежит. В языке эти процессы подчинены определенным правилам, что позволяет исследовать системность переносных значений и определять, слова каких тематических объединений (понятийных сфер) как бы меняют свою денотативную принадлежность. Насколько часто происходит между этими объединениями такого рода «обмен», настолько точно можно описать тип метафорического переноса (модели метафоризации).

На разном материале по различным основаниям было разработано значительное количество типологий метафорических переносов (Н. А. Басилая, Н. И. Бахмутова, Н. А. Кожевникова, Н. А. Кузьмина, Е. А. Некрасова, В. В. Образцова, Л. Ф. Тарасов и др.), которые в общем виде представляют собой описание источников метафоризации (сфер-доноров) и сфер ее притяжения (сфер-целей, сфер-реципиентов), однако они, как правило, базируются на анализе слов определенного лексико-грамматического класса. К примеру, достаточно подробно исследованы типы метафорических переносов среди имен существительных (Ж. А. Вардзелашвили, Н. А. Кузьмина, О. Н. Лагута, Г. Н. Скляревская, В. К. Харченко, Г. С. Хромых и др.). Так, Г. Н. Скляревская (1993), Ж. А. Вардзелашвили (2001), О. Н. Лагута (2003) на материале толковых словарей современного русского языка разработали классификации регулярной субстантивной метафоризации. Наиболее изученной оказалась метафорическая лексика, обозначающая множества однородных предметов и явлений (Н. А. Лукьянова, А. И. Лашкевич и др.) и характеристики лица (Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина и др.).

Н. А. Лукьянова (1986) разработала свою классификацию метафорических переносов, не зависящую от их частеречной принадлежности: 1) предметный мир, непосредственно не связанный с человеком (названия животных, птиц, насекомых, растений, конкретных реалий и т. п.) → человек (образные характеристики человека по морально-этическим, социально-коммуникативным, внешним и др. признакам); 2) предмет хозяйственного назначения → характеристика предмета, связанного с человеком; 3) признак предмета или животного → признак человека; 4) внешний признак человека → признак характера, поведения, состояния человека; 5) действие, производимое человеком, животным или предметом → процесс говоре-

ния; 6) состояние, процесс предмета, явление природы → психическое состояние человека; 7) конкретное действие, осуществляемое человеком или предметом → широкий круг действий, совершаемых человеком; 8) реалья мира природы → характеристика социальных условий жизни, общественной среды; 9) реалья мира природы → множество однородных явлений, предметов, лиц [Лукиянова 1986: 100–102]. Данная классификация представляет определенный интерес как одна из первых попыток общего системного описания типов метафорической номинации.

Изучение продуктивности определенных классов слов как источников метафорообразования и регулярности пополнения конкретных семантических сфер за счет метафорических наименований способствовало установлению основных типов переносов (например, «человек → животное», «животное → человек», «животное → растение» и т. д.), причем в каждом языке в разные исторические периоды преобладают те или другие из них. Так, по результатам целого ряда исследований (Л. В. Балашова, Ж. А. Вардзелашвили, О. Н. Лагута, Г. Н. Складяревская, Н. В. Павлович, Е. О. Петрова, А. П. Чудинов и др.), в современном русском языке их насчитывается от двадцати до ста.

Проведенный анализ имеющихся по данной проблеме лингвистических работ позволил сделать следующие выводы. Во-первых, направление метафорического переноса обусловлено наличием исходной и новой сфер (мегасфер) метафоризации, когда номинации одного класса денотатов оказываются принадлежностью другого класса. Такие наименования могут быть разными, но в любом случае один из них выступает в качестве источника метафорической номинации, а другой представляет собой ее цель, хотя, следует отметить, источник и цель метафорической проекции могут быть взаимозаменяемыми. Во-вторых, членение лексики на денотативно-понятийные сферы достаточно субъективно и может осуществляться по-разному, что обусловлено многообразием и собственно языковых, и логико-предметных связей. В качестве (мега)сфер метафорической проекции могут выступать как категориальные объединения (лексико-грамматические классы) слов, так и относительно небольшие образования (к примеру, колоративы, номинации свойств и др.), – соответственно объем лексики, участвующей в метафоризации, может различаться.

На основании анализа типов метафорических переносов, предлагаемых в разных работах, можно выделить следующие градации направлений метафоризации: 1) метакатегориальные, к которым от-

носятся универсальные, не зависящие от частеречной принадлежности метафоризируемого материала, «живое → неживое» (или «одушевленное → неодушевленное»); «неживое → живое»; «живое → живое», «неживое → неживое», причем метакатегориальные типы «живое → неживое» (антропоморфизм, персонификация, прозопопея, олицетворение) и «неживое → живое» (деперсонификация) приводят к категориальным изменениям лексических единиц, вовлеченных в процесс метафорической номинации; 2) категориальные типы метафорических переносов, происходящие в рамках одной части речи; 3) тематические типы метафорических переносов, которые наблюдаются в рамках одной части речи, – они индивидуальны для каждой тематической группы, но могут быть сопоставлены с аналогичными типами слов другой части речи.

Сам факт инвентаризации и систематизации регулярных метафорических переносов достаточно показателен, однако он оставляет за рамками исследования механизм метафоризации, семантическое основание переноса, принцип формирования устойчивых в сознании носителей языка ассоциаций. Как отмечают некоторые ученые (Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян), «недостаток многих исследований состоит в том, что метафора принимается за конечный продукт лингвистического анализа, собственно семантическая мотивация того, почему та или иная метафора ассоциируется с тем или иным основным субъектом, отсутствует» [Апресян В. 1993: 29].

В процессе исследования художественных текстов нами было выявлено семь мегасфер – «Человек» (его физические, физиологические, психические и душевные свойства); «Социум» (социальные группы, социальные отношения и т. д.); «Животный мир» (представители фауны, особенности их существования); «Растительный мир» (представители флоры, особенности их существования); «Неорганический мир» (реалии неживой природы); «Артефакт» (продукты человеческой деятельности); «Время» (единицы измерения времени, темпоральные характеристики объектов и т. п.). Они образуют метафорическую мегамодель как общее направление метафоризации («Человек → Неорганический мир», «Животный мир → Социум» и др.), реализующееся в разных метафорических моделях.

При описании метафорической модели с целью детализации понятийных сфер (исходной и новой) и семантико-когнитивного форманта в данной работе используется понятие метафорической субмодели. **Метафорическая субмодель** понимается как разновидность метафорической модели, которая является средством ее конкретизации и характеризуется вариативностью исходной и / или но-

вой понятийных сфер и / или семантико-когнитивного форманта в пределах данного инварианта (модели). Например, метафорическая модель «физические свойства человека → атмосферные явления > цвет» проявляется в виде субмоделей: а) внешний вид человека → воздушный поток > оттенок цвета: *седой ветерок*; *седые вихри*; б) внешний вид человека → состояние атмосферы > оттенок цвета: *седая дымка*; *туман седовласый*; в) внешний вид человека → атмосферные осадки > оттенок цвета: *седой иней*; *седоватый снег*. Метафорическая модель «физические явления → социальные отношения > проявления объекта» реализуется в субмоделях: а) световые явления → общественное мнение > интенсивность: *луч славы*; *тень клеветы*; б) звуковые явления → общественное мнение > интенсивность: *гром оваций*; *громкая слава*; в) тепловые явления → межличностные отношения > интенсивность: *жаркое признание*; *пламенное объяснение в любви*.

В результате исследования было выделено тридцать продуктивных метафорических мегамоделей, в рамках которых описано сто шестьдесят метафорических моделей, структурированных в виде субмоделей [Кравцова 2013: 484–508]. Как показывают наблюдения, наиболее продуктивными являются мегамодели, включающие мегасферы «Человек», «Животный мир», «Неорганический мир», «Артефакт». Мегасфера «Время» выступает преимущественно в качестве реципиентной сферы метафорической проекции.

1.5.4. Свойства метафорической модели

Практически все лингвисты, изучающие специфику и закономерности метафорического моделирования (А. Н. Баранов, Л. В. Балашова, Э. В. Будаев, Н. П. Тропина, А. П. Чудинов и др.), при характеристике моделей метафоризации обычно указывают на такие ее свойства, как регулярность и продуктивность, заимствованные, как и само понятие модели и ее основных компонентов, из морфологической дериватологии. В данной работе также используются названные понятия.

Под регулярностью в морфологической дериватологии принято понимать, как известно, повторяемость формальных и семантических отношений словообразовательно соотносимых слов, когда имеется несколько слов, образованных по одному образцу [РЯ.Э 2003: 603]. Вопрос о регулярности семантических процессов неоднократно поднимался в работах М. М. Покровского, Ф. П. Филина и др., но по отношению к полисемии это понятие впервые было применено

в работах Д. Н. Шмелева (1964, 1973) и получило обоснование в трудах Ю. Д. Апресяна (1971, 1974), А. А. Тараненко (1980, 1989) и др. В семантической дериватологии регулярность трактуется как предопределенность вторичного значения слова, входящего в некоторый лексико-семантический ряд, общей семантической характеристикой всего данного ряда, т. е. первичными значениями соответствующих лексических единиц. При этом «не требуется определения каждого отдельного члена этого ряда, как не требуется и их перечисления, так как достаточно общей семантической характеристики, применяемой ко всей группе слов в целом и выделяемой на основе главного семантического компонента (семантической темы)» [Способы номинации 1982: 17]. Таким образом, регулярность полисемии можно определить как воспроизводимость вторичных значений по известной модели.

Однако по поводу того, какую семантическую модель можно считать регулярной, мнения расходятся. Одни лингвисты (Ю. Д. Апресян, Н. П. Тропина, Т. А. Кукса и др.) считают модель регулярной, если существует хотя бы два мотивационно однотипных вторичных значения. Так, Ю. Д. Апресян отмечает, что «полисемия слова A со значениями ai и aj называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере одно слово B со значениями bi и bj » [Апресян 1974: 189]. Другие же (Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.) рассматривают регулярность как свойство модели, если в нее входит значительное число однотипных случаев и возникновение одного значения на базе другого является мотивированным и предсказуемым, т. е. моделируемым. Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «регулярная полисемия наблюдается лишь там, где переход от одного значения к другому охватывает значительное число однотипных случаев» [Кубрякова 1991: 9]. Следовательно, понятие регулярности покрывается понятием воспроизводимости, повторяемости, однако дискуссионным остается вопрос о количественном показателе (два или более). Поэтому вполне закономерным представляется замечание, высказанное Н. П. Тропиной: «квантитативный фактор в характеристике регулярности является важным, но должен быть каким-то образом уточнен. Если наличие “значительного числа” случаев является решающим для признания за моделью семантической деривации регулярного характера, то возникает вопрос, сколько нужно однотипно мотивированных производных семем, чтобы говорить о регулярной многозначности» [Тропина 2003: 130]. Таким образом, проблема количественного критерия регулярности семантической деривации остается открытой.

В лингвометафорологии в когнитивных исследованиях под регулярностью понимается обычно повторяемость метафор определенной денотативно-понятийной области (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Р. Д. Керимов и др.), а в семантических работах (Т. А. Кукса, М. Н. Лапшина и др.) отмечается, что «регулярность проявляется в однотипности семантических изменений у двух и более слов, связанных системными парадигматическими, деривационными отношениями» [Кукса 2007: 8]. В этом случае важным критерием квалификации ряда тождественно мотивированных метафор так же, как и в семантической дериватологии вообще, становится количественный признак.

Характерно, что в семантических лингвометафорологических исследованиях регулярность определяется наличием хотя бы двух однотипных случаев метафорообразования, в то время как в лингвокогнитивных работах по моделированию метафоризации речь идет преимущественно о значительном количестве типовых смысловых преобразований, что обусловлено, по всей видимости, подходом к рассматриваемому и описываемому материалу: в лингвистической семантике изучаются в основном метафоры в пределах одного лексико-грамматического класса или сравнительно немногочисленные факты метафоризации, а в лингвокогнитологии используются, как правило, корпусные методики исследования, т. е. изучение осуществляется на большом количестве метафорических контекстов (в текстах, дискурсах). Кроме того, слово «регулярный» в переводе с латинского языка означает, как известно, «повторяющийся через определенные промежутки», а данные свойства невозможно проявить при наличии только двух фактов, поэтому для квалификации метафорической модели как регулярной необходимо, чтобы однотипных случаев было более двух. Эти требования можно выдвигать в отношении узуальной метафоризации, однако при изучении метафорики конкретного идиолекта такой подход не совсем уместен.

Следовательно, вопрос, при каком количестве метафор одной понятийной области модель становится регулярной, в целом остается дискуссионным. По нашему мнению, метафорическая модель обладает таким свойством, как **регулярность**, если она является воспроизводимой и не вызывает трудностей при восприятии носителями языка, когда «возникновение одного значения на базе другого представляется объяснимым с позиций здравого смысла и естественной логики вещей и событий» [Кубрякова 1991: 10]. Что касается количественного фактора в определении регулярности модели, то, основываясь на результатах проведенного нами исследования, счи-

таем метафорическую модель регулярной при условии ее устойчивой повторяемости в условиях данного идиолекта (наличие двух и более фактов).

Аморфность понятия регулярности семантической модели привела к тому, что в некоторых работах (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Р. Д. Керимов, Е. В. Колотнина и др.) при описании значительного количества метафорических моделей вводится такая их характеристика, как частотность, соотносимая с регулярностью, но свидетельствующая о большом количестве однотипных производных значений. Однако вопрос о количественном показателе (его границах, необходимом минимуме) возникает и в подобных исследованиях: «частотность модели в тот или иной период – это ее достаточно важное свойство, хотя детальные подсчеты – вещь довольно условная, здесь слишком многое зависит от того, что считать и как считать» [Чудинов 2001: 192].

Под продуктивностью в морфологическом словообразовании принято понимать способность служить образцом для производства новых слов [РЯ.Э 2003: 604]. В семантической дериватологии продуктивностью модели также называют способность служить образцом для появления семантических инноваций [Тропина 2003: 137]. Иначе говоря, продуктивность означает возможность появления новых вторичных значений, соответствующих модели. Однако в некоторых работах (Ю. Д. Апресян, Е. С. Кубрякова и др.) продуктивность модели определяется полнотой охвата единиц с заданной совокупностью свойств, а значит, вновь применяется количественный показатель и соответственно дублируется понятие регулярности.

Продуктивность метафорической модели понимается обычно как ее способность служить образцом для производства новых метафорических значений (А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, Р. Д. Керимов, Е. В. Колотнина, А. Ю. Перескокова, М. Б. Шинкаренкова и др.). Признаком продуктивности модели метафоризации является образование новых значений у лексем по аналогии с уже существующими у других слов того же поля переносными значениями, зафиксированными в словаре [Кукса 2007: 8]. «При анализе концептуальной метафоры также можно выделить модели и фреймы с разной степенью продуктивности. Продуктивность модели, отдельного фрейма или даже слота может со временем изменяться» [Чудинов 2001: 193]. Таким образом, **продуктивность** метафорической модели обусловлена ее способностью к производству новых значений на конкретном синхронном срезе, т. е. можно говорить о продуктивности модели в тот или иной период исторического развития языка.

Как в морфологическом словообразовании считается, что продуктивные и регулярные аффиксы не отделены друг от друга непреходимой границей, так как в процессе развития языка продуктивные аффиксы становятся регулярными, а некоторые регулярные аффиксы могут перейти в разряд непродуктивных, так и в семантической дериватологии понятие регулярности тесно связано с понятием продуктивности: продуктивные модели одновременно являются регулярными, однако регулярные модели могут быть как продуктивными, так и непродуктивными (их регулярность в этом случае объясняется продуктивностью в прошлом).

В некоторых исследованиях при характеристике метафорических моделей отмечаются такие ее свойства, как доминантность (А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Р. Д. Керимов и др.) и дискурсивная устойчивость (Э. В. Будаев, А. Ю. Перескокова и др.).

Доминантность рассматривается как заметное увеличение продуктивности и частотности модели в определенный исторический период. «Представляется, что названный термин в теории метафорического моделирования может быть использован для обозначения наиболее ярких, максимально отражающих специфику соответствующего исторического этапа моделей. Возможно, этот термин целесообразен и для характеристики отдельных фреймов, слотов и иных компонентов той или иной (необязательно доминантной) модели» [Чудинов 2001: 19]. При этом подчеркиваются различия между обозначениями «продуктивная модель», «частотная модель» и «доминантная модель». Степень продуктивности модели понимается как потенциал ее развертывания в тексте на основе использования новых фреймов и слотов, который на каких-либо этапах развития общества и языка может быть востребован в большей или меньшей степени. Доминантной считается модель, потенциал развертывания и частотность использования которой на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются, хотя при этом отмечается, что признаки доминантной в какой-то период может иметь и малопродуктивная модель (при условии относительного роста ее продуктивности и частотности). Как видим, соотношение понятий продуктивности, частотности и доминантности определено недостаточно четко, их границы представляются аморфными, тем более что продуктивная модель является одновременно доминантной в тот или иной исторический период. Поэтому выделять доминантность как самостоятельную характеристику модели нецелесообразно.

Дискурсивная устойчивость метафорической модели понимается как свойство, «характеризующее ее способность к изменению

частотности при смене сферы-мишени» (Э. В. Будаев и др.). Проследить это можно «при включении в анализ нескольких сфер-мишеней в двух национальных дискурсах. Наглядное представление об этом свойстве дает сопоставление частотности метафор на примере нескольких сфер-источников и нескольких сфер-мишеней» [Будаев 2006: 53]. Следует отметить, что выделение дискурсивной устойчивости как свойства метафорической модели может представлять интерес для сопоставительных исследований на материале текстов / дискурсов разной жанрово-стилевой квалификации или текстов / дискурсов одной квалификации, но разных языковых систем с целью установления общих и специфических черт в метафорическом моделировании мира.

Таким образом, метафорическая модель обладает свойствами регулярности и продуктивности, которые характеризуют соответственно ее воспроизводимость и семантическую активность в те или иные исторические периоды развития данного лингвокультурного сообщества.

1.6. Метафорический концепт как образно-ментальный конструкт

В различных отраслях современного научного знания, занимающихся проблемами познания, мышления и его взаимодействия с языком, объектом активного изучения является концепт. «Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [Попова 2006: 21]. Активизация научного интереса к концепту обусловлена тем, что данное понятие «отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [КСКТ 1996: 90]. Он выступает основным компонентом общей концептуальной картины мира и национальной концептосферы (термин Д. С. Лихачева) того или иного этноса.

Лингвоконцептология, сформировавшаяся в российской лингвистике начала XXI в. (Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, В. В. Красных, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. Г. Слышкин и др.) и получившая распространение в отечественном языкознании (О. П. Воробьева, В. Л. Ивашенко, Е. М. Кагановская, В. И. Кононенко, А. И. Пота-

пенко, А. Н. Приходько, Т. В. Радзиевская и др.), предполагает комплексное описание выявленных концептов – их специфических свойств, структуры и содержания, прежде всего языковых средств репрезентации, обуславливающих этнокультурные особенности.

Изучение концептов приобрело в последнее время, как отмечают некоторые лингвисты (С. Г. Воркачев, О. П. Воробьева и др.), массовый характер. «Число публикаций, содержащих в своем названии слово “концепт”, увеличилось чуть ли не в геометрической прогрессии: на сегодняшний день счет монографий и докторских диссертаций здесь идет на десятки, кандидатских диссертаций – на сотни, а статей – на тысячи» [Воркачев 2011: 65]. Вследствие сложности и многомерности данного понятия оно до сих пор не имеет достаточно четкой дефиниции, а вопросы о его сущности, свойствах, структуре, типах, способах репрезентации и методике исследования остаются дискуссионными.

Обязательным компонентом концептосферы того или иного этноса, отражающим особенности его национального образного мышления, является метафорический концепт (термин Дж. Лакоффа и М. Джонсона), содержащий релевантные для данного этнокультурного сообщества представления, которые складываются на основе устойчивых ассоциаций у носителей языка. В современных лингвометафорологических исследованиях (А. Н. Баранов, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, И. В. Толочин, А. П. Чудинов и др.) он трактуется неоднозначно, и, кроме того, не наблюдается единства в существующих методиках его анализа.

Метафорический концепт как ключевой компонент национальной и индивидуальной метафорической (концептуальной) картины мира обладает определенной спецификой, однако комплексного его описания в специальной литературе до настоящего времени нет.

Рассмотрим понятие метафорического концепта в сопоставлении с установившимся понятием концепта как компонента общей концептуальной картины мира и своеобразного идентификатора той или иной этнокультуры.

1. Термин «концепт» был введен в научный обиход, как известно, еще в первой трети XX в. С. А. Аскольдовым («Концепт и слово», 1928), трактовавшим его как «ментальное образование, замещающее в процессе мысли некое множество однородных объектов» [Аскольдов 1997: 268]. Концепт, как отмечает С. Г. Воркачев, – «“зонтиковый термин”, покрывающий предметные области нескольких научных направлений, а в языкознании – это, прежде всего, лингвокогнитология и лингвокультурология» [Воркачев 2011: 65].

При лингвокогнитивном подходе (Е. С. Кубрякова, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. В. Рахилина, А. Н. Приходько и др.) концепт понимается как ментальное образование в сознании человека, компонент общей концептуальной картины мира, исследуется содержание и структура концептов, их роль в качестве универсальных категорий. Лингвокультурологический подход (Н. Д. Арутюнова, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. В. Воробьев, В. И. Карасик, В. В. Красных, М. В. Пименова, Г. Г. Слышкин, Т. В. Радзиевская и др.) предполагает рассмотрение концепта как элемента культуры, концептосферы того или иного народа (данное ментальное образование приобретает этноспецифический характер), изучается национально-культурное своеобразие концептов, их место в концептосфере данного этноса. Лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к изучению концепта пересекаются и взаимодополняют друг друга. Так, В. И. Карасик отмечает, что «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу общества, т. е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик 2004: 117]. С. Г. Воркачев считает, что «лингвокогнитологические исследования имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений», а «лингвокультурология ориентируется скорее на изучение специфического в составе ментальных единиц и направлена на описание отличительных семантических признаков конкретных концептов» [Воркачев 2011: 66].

В лингвоконцептологических исследованиях концепт трактуется как: результат столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом говорящего (Д. С. Лихачев); ключевое понятие, погруженное в культуру (Н. Д. Арутюнова); ключевое слово культуры (А. Вежицкая); сгусток культуры в сознании человека (Ю. С. Степанов); оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике (Е. С. Кубрякова); семантическое образование, характеризующее носителей определенной этнокультуры (В. А. Маслова); образование, отмеченное лингвокультурной спецификой (С. Г. Воркачев); инвариант значения лексемы (Е. В. Рахилина); смысловой ген значения языкового знака (Н. Ф. Алефиренко); сложный комплекс признаков, который используется для описания фрагмента мира или его части (М. В. Пиме-

нова); информационная когнитивная структура сознания, определенным образом организованная и встроенная в коллективную или индивидуальную концептосистему (Е. А. Селиванова) и др. «Дело в том, что концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования» [Попова 2006: 21]. Поэтому перечисленные определения не взаимоисключают, а подчеркивают разные стороны концепта как ментального конструкта и способы его проявления.

В последние годы сложилось три основных точки зрения на сущность концепта. Он понимается как: 1) ключевой элемент культуры в ментальном мире человека, так как культура является совокупностью взаимосвязанных концептов (Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик и др.); 2) посредник между словом и реальностью, результат взаимодействия значения с национальным и личным опытом каждого носителя языка (Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев и др.); 3) семантическое образование, порождение смысла, потому что единственным способом формирования концепта является семантика (Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, В. А. Маслова, А. Д. Шмелев и др.). Однако лингвисты (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, С. Х. Ляпин и др.) все чаще отмечают, что концепт – это разноуровневое явление, относящееся к сферам сознания, культуры, языка и соответственно включающее понятийный, культурный, значимостный, образный, ценностный, этимологический компоненты, поэтому «споры относительно природы и сущности концепта продолжаются и, наверное, будут продолжаться до бесконечности» [Воркачев 2011: 66].

Понятие метафорического концепта, эквивалентного понятию концептуальной метафоры, было введено, как известно, Дж. Лакоффом и М. Джонсоном для описания когнитивной природы метафоры [Lakoff 1980; Лакофф 1990, 2004]. В соответствии с их теорией метафора представляет собой концептуальное явление, существующее в человеческом сознании и состоящее в проецировании знаний из одной концептуальной области в другую на основе определенного опыта [Лакофф 1990: 389]. Авторы концептуальной теории метафоры на основе предшествующих и собственных исследований пришли к логическому заключению, что человеческое мышление метафорично по своей сути, оно основывается на чувственном и социальном опыте человека, его непосредственном взаимодействии с окружающим миром. Познавая что-то неизвестное, человек обращается к тому, что он хорошо знает. Метафора представляет собой эффективный инструмент познания окружающей действительности,

позволяющий структурировать одно понятие в терминах другого. Поэтому метафора – это в большей мере концептуальное, а не языковое явление, и воплощение ее в языке возможно только потому, что она существует в понятийной системе человека. Концептуальные метафоры характеризуют стереотипность человеческого мышления и свидетельствуют о существенной роли метафоры в познании и репрезентации окружающего мира.

В широкий научный обиход восточнославянской лингвистики термин «метафорический концепт» вошел сравнительно недавно, на рубеже XX–XXI вв. (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, М. В. Никитин, И. В. Толочин, А. П. Чудинов и др.), что было обусловлено распространением основных идей лингвоконцептологии. Однако до настоящего времени не сформировано четкое, однозначное понимание метафорического концепта и не разработана единая методика, позволяющая устанавливать и описывать систему метафорических концептов, характерных для определенной этнокультуры или ее отдельного представителя.

В лингвометафорологических исследованиях метафорический концепт вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном обычно рассматривается как понятие, тождественное понятию концептуальной метафоры (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов и др.). Концептуальные метафоры понимаются как устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции этноса, которые формируют особые когнитивные структуры, содержащие информацию об определенных областях знания и хранятся в памяти носителей языка [Баранов 2004]. Изучение метафоры в таком аспекте привело к рассмотрению метафорического концепта как некой абстрактной модели (X – это Y), реализующейся каждый раз заново в результате ее наполнения новым содержанием – определенными метафорическими выражениями, которые отображают не только индивидуальные образные представления о мире отдельного носителя языка, но и типовые коллективные представления, специфичные для той или иной этнокультуры (к примеру, *спор – это война; время – это деньги* и т. п.). Однако в некоторых работах (А. Д. Плисецкая и др.) наблюдается смешение, вплоть до полного отождествления, понятий концептуальной метафоры, метафорического концепта и метафорической модели, что делает понятие метафорического концепта аморфным и вызывает необходимость дальнейшего его исследования.

Постижение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъек-

активного характера являются определяющими в формировании национальной и индивидуальной картины мира, представляется чрезвычайно важным. Метафоры, в которых наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия, играют особую роль в когнитивных процессах, что обуславливает необходимость и значимость лингвистических исследований, направленных на выявление общих закономерностей и национально-культурных особенностей метафорической концептуализации окружающего мира представителями различных этнокультур. Концептуальная картина мира любого народа обязательно включает метафорические концепты, которые отражают существенные для данного этнокультурного сообщества образные представления, складывающиеся на основе устойчивых ассоциаций у носителей языка, и определяют особенности национального образного мышления.

В нашем понимании **метафорический концепт** представляет собой ментальный конструкт, отражающий устойчивые в коллективном и индивидуальном сознании образные аналогово-ассоциативные связи реалий и эксплицируемый в процессе креативной вербальной деятельности человека в виде конкретных метафорических реализаций. Понятия концептуальной метафоры и метафорического концепта нами разграничиваются: концептуальная метафора – это метафора, в которой заключено важное для данного лингвокультурного сообщества понятие, представление о чем-либо (например, *жизнь – это игра, театр, путь, путешествие; политика – это игра, спорт, состязание, война* и т. п.); метафорический концепт – общее образное представление, ключевое понятие, которое реализуется в целом ряде метафор (к примеру, «**Вода**»: *волна радости; море слез; океан грусти; пена платья; поток времени; река жизни; струя воздуха; льется свет; струится прохлада; течет беседа* и т. д.; «**Огонь**»: *горение души; огонь гнева; пламя духа; пожар волнения; пожарище заката; огненный смысл; пламенный взгляд; горящий взор; пламенеет рассвет* и т. п.). Метафорический концепт является неким образно-ментальным инвариантом, который реализуется в различных языковых и речевых метафорических вариациях, и составным компонентом соответствующего этнокультурного концепта, его образной составляющей.

2. Концепт – это «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев 2007: 16]. Он объективируется в определенных лексемах и может быть исследован на материале раз-

личных текстов, дискурсов. Данное ментальное образование при описании наделяется неким именем – языковым знаком (как правило, словом), передающим содержание концепта наиболее полно и адекватно, хотя иногда при характеристике одного и того же концепта наблюдаются синонимичные имена (к примеру, «Истина» / «Правда», «Ум» / «Разум»), что, естественно, нуждается в унификации. Концепт содержит весь семантический потенциал репрезентирующих его средств: 1) значения, зафиксированные в толковых словарях; 2) различные языковые реализации данного смысла (фразеологизмы, паремии, синонимы и т. п.); 3) ассоциативные смысловые приращения, которые существуют в сознании носителей языка и могут быть представлены в речи. Концепт и его репрезентанты (слова, их значения и т. д.) тесно взаимосвязаны и соотносятся как ментальное целое и его вербализованная часть. При таком понимании концепт выступает структурным элементом не только концептуальной, но и языковой картины мира.

Для экспликации всего содержания концепта в процессе лингвистического анализа нужны не только обширные лексикографические данные, но и значительное количество фактов речевой коммуникации. Поэтому исчерпывающее описание содержания того или иного концепта, что отмечается некоторыми исследователями (к примеру, З. Д. Поповой и И. А. Стерниним), представляется очень сложным и, более того, практически невозможным, так как, во-первых, он изучается в основном на определенном корпусе текстов, поэтому трудно выявить все речевые (в отличие от языковых) его реализации; во-вторых, концепт как ментальный конструкт не поддается полной вербализации его понятийных составляющих (когнитивных признаков). Однако активизация исследований в данной области будет способствовать наиболее полному описанию концептов, а значит, более глубокому пониманию сущности и механизмов национального мышления.

Метафорический концепт, как и концепт в широком понимании (единица мышления, этнокультуры), также принадлежит области сознания, наделен национальной и индивидуальной спецификой, но отражает особенности образно-ассоциативного мышления этноса и объективируется в метафорах (узальных иokkaзиональных метафорических значениях). Он тоже может быть изучен на материале различных текстов, дискурсов. «Отдельные метафорические выражения соотносятся друг с другом через общность или близость метафорических концептов, стоящих за ними, а также за счет образующих рядов слов, используемых в этих метафорических сочетаниях»

[Толочин 1996: 35]. Метафорический концепт является, как было уже отмечено, образно-ментальным инвариантом, реализующимся в различных метафорических вариациях, и выступает компонентом метафорической (концептуальной) картины мира.

Исчерпывающее описание содержания того или иного метафорического концепта также представляется очень сложным и, более того, практически невозможным, так как крайне трудно выявить все индивидуально-речевые метафорические реализации и понятийные составляющие.

3. Концепт, являясь сложным ментальным комплексом, включает, помимо основного смыслового содержания, и другие структурные элементы. Ю. С. Степанов полагает, что в концепте выделяется три основных слоя: буквальный смысл (внутренняя форма), пассивный (исторический) и новейший (актуальный и активный) [Степанов 1997: 41]. На многокомпонентную структуру концепта указывает и В. И. Карасик, вычлняя в нем образный, понятийный и ценностный компоненты [Карасик 2001: 8]. С. Г. Воркачев выделяет в концепте три составляющие: понятийную, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру; образную, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании; значимостную, включающую этимологические и ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе данного языка [Воркачев 2002: 80]. Г. Г. Слышкин вычлняет в структуре концепта четыре зоны: интразону (признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата) и экстразону (признаки концепта, извлекаемые из паремий и переносных значений); квазизону и квазиэкстразону, связанные с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов и др. [Слышкин 2004: 17–18].

3. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что необходимо разграничивать содержание концепта и его структуру. «Содержание концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полювому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется прежде всего яркостью признака в сознании носителя соответствующего концепта. <...> Структура концепта включает образующие его базовые структурные компоненты разной когнитивной природы – чувственный образ, информационное содер-

жание и интерпретационное поле, и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта» [Попова 2007: 142]. Как видим, проблема структуры и содержания концепта остается до конца не выясненной и нуждается в дальнейшем исследовании.

Метафоры передают как уже существующие в общественном сознании концепты, так и новые, отражающие индивидуальное восприятие действительности. С их помощью закрепляются значимые для языкового коллектива или индивида понятия, реализующиеся в различных переносных (метафорических) смыслах, осуществляется познавательная деятельность и описываются особенности языкового сознания носителей определенной этнокультуры. Поэтому метафорические концепты также являются (по аналогии с концептами как ментальными и этнокультурными единицами) сложными образно-ментальными образованиями, в состав которых входят единицы вербального (языковые / узуальные и речевые / окказиональные метафоры) и невербального (когнитивные признаки / ассоциаты) уровней.

Поддерживая идею З. Д. Поповой и И. А. Стернина о выделении и разграничении понятий содержания и структуры концепта, все же считаем, что содержание концепта складывается из всех репрезентирующих его номинативных единиц и ментальных конструкторов (представлений, ассоциаций), а его структура определяется иерархией смыслов, релевантных для носителей языка, и упорядочивается как ядерная, приядерная и периферийная зоны данного концепта. В **содержание** метафорического концепта входят все его языковые (узуальные метафоры, зафиксированные в толковых словарях) и речевые (окказиональные метафоры, выявленные исследователями в процессе изучения текстов / дискурсов) репрезентанты и ассоциаты – вербализованные когнитивные признаки (их языковые реализации), определяющие образные аналогово-ассоциативные связи реальных. Оно может периодически меняться: к примеру, языковые метафоры, утратив образный элемент, могут стать прямыми наименованиями и выйти из состава репрезентантов концепта. **Структура** метафорического концепта устанавливается в зависимости от значимости тех или иных когнитивных признаков метафорической проекции в данной этнокультуре: ядерную и приядерную зоны метафорического концепта, как правило, составляют наиболее существенные для носителей языка ассоциаты, что определяется количественным составом репрезентантов концепта, а его периферию – индивидуально значимые когнитивные признаки.

4. Концепт – это основная операционная единица познания мира, отражения человеческого опыта и фиксации знаний о реальности; ментальная единица (мышления и хранения информации в сознании), представляющая собой «квант структурированного знания» (Е.С. Кубрякова), репрезентирующий культурно-национальную специфику его носителей. Концепт обладает целым рядом свойств, свидетельствующих о сложности и некой противоречивости его природы (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. С. Степанов и др.). Однако различные толкования концепта обусловили установление разных в качественном и количественном отношении его признаков. Так, Е.С. Кубрякова к основным признакам концепта относит: 1) оперативность; 2) отражение содержания человеческой деятельности; 3) наличие инвариантного стержня; 4) гибкость, подвижность [Кубрякова 1996: 90]. В. А. Маслова характеризует его как: 1) минимальную единицу человеческого опыта, вербализующуюся с помощью слова и имеющую полевую структуру; 2) основную единицу обработки, хранения и передачи знаний; 3) объект, границы которого подвижны; 4) социальный объект, так как ассоциативное поле обуславливает его прагматику; 5) основной элемент концептосферы, отражающий национальный менталитет [Маслова 2005: 35]. Е. А. Селиванова отмечает такие признаки концепта, как: 1) неизолированность, т. е. связь с другими концептами; 2) открытость как неисчерпаемость их содержания; 3) существование в пределах концептуального домена, являющегося фоном концепта; 4) целостность и нежесткая структурированность; 5) динамизм и креативность как способность пополняться новым знанием [Селиванова 2010: 297]. Отсутствие единства в описании признаков концепта как ментального конструкта обуславливает необходимость дальнейшего изучения его сложной природы.

Метафорические концепты заключают в себе релевантные знания о реальности и сохраняют значительный объем информации о ней, содержат общепринятые ценностные характеристики и позволяют выразить эмоциональное переживание тех или иных событий. Они являются универсальными средствами метафорического моделирования, концептуализации и интерпретации окружающего мира. Метафорический концепт характеризуется, по нашему мнению, следующими признаками: 1) доминантность в метафорической картине мира; 2) оперативность в процессе метафорической деятельности человека; 3) наличие понятийно-метафорической сферы; 4) инвариантность; 5) способность к реализации в различных метафорических

вариациях; 6) относительная устойчивость ассоциаций; 7) большая информативность; 8) подвижность границ, – основными из которых являются доминантность, инвариантность, вариативность языковых (речевых) репрезентаций и устойчивость ассоциаций.

5. В лингвоконцептологических исследованиях разрабатываются различные классификации концептов (С. Г. Воркачев, О. П. Воробьева, В. И. Карасик, В. А. Маслова, М. В. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. Г. Слышкин и др.). В. А. Маслова (2004, 2005, 2013) подразделяет их на следующие типы: 1) по носителям: универсальные / общечеловеческие, этнокультурные / общенациональные, социальные / групповые, индивидуальные / личностные; 2) по функционированию в речи (тексте, дискурсе): политические, религиозные, педагогические и т. п.; 3) по тематике: нравственные, эмоциональные, пространственные и т. д. М. В. Пименова (2004, 2012) выделяет парные (имена концепта синонимичны), бинарные (имена концепта антонимичны), эквивалентные (универсальные) концепты. В работах С. Г. Воркачева (2007, 2011), О. П. Воробьевой (2013) и др. четко систематизированы и подробно описаны имеющиеся в специальной литературе классификации концептов по различным параметрам, хотя высказывается мнение, что «концепты в принципе не поддаются типологизации на основе какого-либо единого классификационного признака, и построение исчерпывающей и непротиворечивой классификации концептов весьма проблематично» [Воркачев 2011: 68]. На наш взгляд, многообразие разработанных классификаций концептов, напротив, свидетельствует об активизации попыток их унификации.

Метафорические концепты также могут быть универсальными, этнокультурными, групповыми (социальными) и индивидуальными. Метафорическая картина мира этноса, основу которой составляет совокупность метафорических концептов, являющихся понятийной базой национального образного мышления, включает как универсальные, так и этноспецифичные концепты. Формирование метафорических концептов общечеловеческого характера, соответственно обнаруживающихся во многих языках, обусловлено практическими или наглядно-опытными знаниями о предметах. Вместе с тем разные народы могут иметь отличные от других этносов (иногда в значительной степени) условия существования, что зависит от культурно-исторических факторов, которые определяют специфику концептуализации действительности. Поэтому в картинах мира различных этносов членение одного и того же фрагмента внеязыковой реальности может строиться на разных основаниях, т. е. этнокультур-

ные метафорические концепты отражают стереотипы образного мышления данного народа. При этом универсальные концепты могут приобретать национальные признаки. Групповые метафорические концепты содержат общие образно-ассоциативные представления о реалиях какой-либо части социума, а индивидуальные – субъективные представления отдельной личности. Последние наиболее ярко проявляются в художественных текстах, что связано с творческим переосмыслением национальной картины мира на основе личностных представлений и ассоциаций писателя.

Таким образом, метафорический концепт является компонентом метафорической (концептуальной) картины мира определенного этнокультурного сообщества, основной единицей формирования его образных представлений о мире. Метафорический концепт принадлежит области сознания, объективируется в различных языковых формах, наделен национальной и индивидуальной спецификой. В данной работе он трактуется как ментальный конструкт, отражающий особенности образного аналогового и ассоциативного мышления этноса и выступающий в качестве инварианта, реализуемого в различных метафорических вариациях.

Понятие метафорического концепта приобретает все более широкое распространение в восточнославянском языкознании в связи с активным развитием концептологии как междисциплинарного учения, однако многие вопросы по-прежнему остаются дискуссионными или нерешенными и требуют дальнейшего исследования. Изучение метафорических концептов проводится на основе анализа репрезентирующих его метафорических средств, их парадигматических и синтагматических связей. Это позволяет устанавливать релевантные для носителей данной этнокультуры образные представления о мире, а значит, проникать в сущность глубинных структур и характера соотношения языка и мышления.

1.7. Методика анализа метафорического концепта

Метафорическая концептуализация мира как общее свойство человеческого мышления отражает образно-творческую интерпретацию окружающей действительности, в основе восприятия которой лежит социальный и личный опыт носителей той или иной этнокультуры. Метафора является вербальным средством формирования метафорического концепта, отображения в языковой (речевой) форме образного представления о мире. Динамическая природа познания обуславливает двоякую функциональность процесса метафори-

ческой номинации. Метафоры, с одной стороны, способствуют осмыслению новых понятий путем освоения неизвестной области-цели с использованием известных источников, а с другой – разрушают сложившиеся стереотипы сознания путем реконструирования известной области-цели вследствие применения нового источника, в результате чего содержание метафорического концепта постепенно расширяется. Однако в целом механизм формирования метафорических концептов остается невыясненным.

В лингвоконцептологии существуют разные методики анализа и описания концептов (М. В. Пименова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). Так, М. В. Пименова считает, что методика их исследования «заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов. Затем, на их основе, обобщение особенностей концептов, а также выделение концептуальных структур, когнитивных моделей и языковых схем актуализации исследуемых концептов в сравниваемых языках» [Пименова 2003: 65]. В. А. Маслова (2004, 2005) предлагает для установления смыслового объема концепта следующие этапы: 1) на основе текстовых материалов определить референтную ситуацию, с которой соотносится данный концепт; 2) установить место концепта в языковой картине мира и национальном языковом сознании через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям (путем анализа словарных дефиниций определяется ядро концепта); 3) учесть особенности этимологии слова; 4) привлечь к анализу разнообразные контексты (поэтические, научные, публицистические, философские и т. д.) с целью выявления периферических признаков концепта; 5) сопоставляя полученные результаты с анализом ассоциативных ядерных связей, сделать выводы о смысловой связи данного концепта с другими; 6) проинтерпретировать концепт в разных видах искусства [Маслова 2005: 45–46]. З. Д. Попова и И. А. Стернин (2005, 2006, 2007) выделяют такие этапы анализа концепта: 1) построение номинативного поля концепта; 2) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта; 3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу; 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка (данный этап факультативен); 5) описание содержания концепта в

виде перечня когнитивных признаков [Попова 2007: 118–119]. И хотя «к настоящему времени сложилась более или менее согласованная методика описания концептов» [Воркачев 2011: 68], единый алгоритм моделирования концепта до сих пор не разработан.

Выявление метафорических концептов осуществляется на базе корпусного исследования текстов определенной жанрово-стилевой квалификации путем установления всех метафорических контекстов и выяснения, реализацией каких именно концептов являются данные метафорические номинации. Предлагаемая нами методика была разработана в процессе изучения метафорики русской поэзии и прозы первой половины XX в. – произведений З. Гиппиус, А. Белого, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Инбер, И. Сельвинского.

Методика анализа метафорического концепта осуществляется в несколько этапов: 1) определение национальной специфики метафорической реализации данного концепта на основе анализа узуальных (языковых) переносных значений, зафиксированных в толковых словарях; 2) выявление индивидуальных (и групповых) особенностей метафорической реализации данного концепта в результате интерпретации, проводимой исследователем, окказиональных (индивидуально-авторских, традиционно-художественных) метафорических значений; 3) установление когнитивных признаков метафорической проекции на основе компонентно-семантического анализа всех репрезентантов исследуемого метафорического концепта и когнитивной интерпретации сем, описание этих признаков посредством указания ассоциатов и их квалификаторов (по типу гиперонимо-гипонимических отношений); 4) верификация установленных когнитивных признаков путем семантико-когнитивного метафорического моделирования; 5) описание содержания метафорического концепта на семантическом (узуально-метафорическом и окказионально-метафорическом подуровнях) и когнитивном (ассоциативно-метафорическом) уровнях; 6) ранжирование выявленных когнитивных признаков (ассоциатов) по степени частотности и характеру проявления в исследуемых контекстах; 7) описание структуры метафорического концепта – его ядра, приядерной зоны и периферии. Предлагаемая методика анализа метафорического концепта позволяет устанавливать его содержание (метафорические репрезентанты и ассоциаты) и структуру (ядерную, приядерную и периферийную зоны).

Рассмотрим данную методику анализа и описания метафорического концепта на примере концепта «**Огонь**», который был выявлен в произведениях А. Белого, В. Инбер, Б. Пастернака и И. Сель-

винского. Установлено, что его репрезентантами в текстах разных авторов являются метафоры *огонь, огненный, пламя, пламенный, воспламенить; пожар, пожарище; горение, гореть; пылать, исплываться; жар; обжечь; теплиться; вспыхивать; дым, дымиться; гаснуть; тухнуть; пепел*, которые образуют (вместе с ассоциатами) содержание этого метафорического концепта.

1. Данный этап анализа метафорического концепта предполагает определение особенностей его языковой репрезентации на основе изучения выявленных метафорических контекстов, т. е. установление узуальных метафорических значений, зафиксированных в толковых словарях.

С целью выяснения содержания исследуемого метафорического концепта «Огонь» на семантическом уровне (узуально-метафорическом подуровне) необходимо сопоставить выявленные метафорические контексты с данными основных толковых словарей («Толковый словарь русского языка» в 4-х т. под ред. Д. Н. Ушакова, 1935–1940 гг. [ТСРЯ.У]; «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти т. под ред. В. И. Чернышева, 1948–1965 гг. [БАС]; «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, 1949 г. [СЛРЯ], 1960 г. [СЛРЯ.1], 1988 г. [СЛРЯ.2]; «Словарь русского языка» в 4-х т. под ред. А. П. Евгеньевой, 1985–1988 гг. [МАС]):

Огонь: вдали над косарями огни зари горят [АБ.П: 267]; в огни зари – туманом [АБ.П: 307]; идет спиной перекинутой в воздушный заревой огонь [АБ.П: 294]; на небе яркий заревой огонь [АБ.Пр: 114]; потух огонь ее очей [АБ.П: 263]; огонь неистовости был в его душе [АБ.П: 297]; обдало всю огнем, пожаром гнева [ВИ.П: 272]; таким в огне заката мы увидели храм царя Баграта [ВИ.П: 418]; ты кладешь руку в огонь познания [ВИ.П: 82]; недоτροга, тихоня в быту, ты сейчас вся огонь, горенье [БП.П: 147]; огнем души светились его глаза, огнем страстей были опалены его губы [БП.Пр: 178]; он весь перед миром в огнях откровений [ИС.П: 260] и др.

Огонь (уст. **огнь**). 1. Раскаленные светящиеся газы, отделяющиеся от горящих предметов. *Сильный о.* <...> 4. Стрельба ружейная или артиллерийская. || *перен.* Нападение, атака, борьба с чем-н. *О. самокритики.* 5. *перен.* Страсть, пыл, жар. *О. желанья.* 6. *перен.* О пылком, живом человеке. *Девушка – о.!* [ТСРЯ.У/2: 750]; 1. Горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя. *О. в печи. Глаза горят о.* (*перен.*: выражают сильное чувство). *О. желаний* (*перен.*: о сильной страсти). *Юноша – о.!* (*перен.*: о живом, пылком человеке). [СЛРЯ.1: 356]; 1. Горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя. *Сгореть в о.* <...> 4. *перен.* Внутреннее горение, страсть. *О. души, желаний.* 5. *перен.* О том, кто полон пылкой энергии, силы (разг.). *Юноша – о.!* [СЛРЯ.2: 444]; 1. Раскаленные светящиеся газы вокруг горящего предмета; пламя. *Развести о.* || *перен.* (в сочетании с *сущ.* «любовь», «не-

годование» и т. п.) Чувство, с силой овладевшее кем-л., охватившее кого-л. и т. п. *Могучей силой вдохновенья Страданья тела победы, Любви, негодованья, миценья Зажжи о. в моей груди!* Некрасов. || *перен.* Страстность, живость, душевный подъем, пыл. *Нам дорога твоя отвага, о. душа твоя полна.* Лермонтов. || О ком-л. отличаемся горячим, пылким нравом, порывистостью и т. п. *Насчет этой исполнительности, я, просто, не человек, а о.!* Салтыков-Щедрин. 2. Свет от осветительных приборов. *Зажечь о.* || Светящаяся точка, пятно света. *Видны были только тускнеющие о. оставленной гавани.* Чехов. || *перен.* Блеск глаз (обычно как отражение какого-л. внутреннего состояния человека). *Зубы в деснах ослабели, И потух о. очей.* Пушкин. [МАС/2: 587].

Огненный: его *огненная* речь вдохновляла всех слушателей [АБ.Пр: 143]; *толстовские строки приобрели уже особый, огненный смысл* [ВИ.Пр: 439] и др.

Огненный. 1. см. огонь. 2. *перен.* Сверкающий, пламенный, выразительный (о глазах). *О. взор.* 3. *перен.* Исполненный силы, подъема, бурный. *О. страсть.* [ТСРЯ.У/2: 747]; 1. см. огонь. 2. Цвета огня, красный. *О. волосы.* 3. *перен.* То же, что *огневой* во 2 (О глазах, взгляде: сверкающий, жгучий) и 3 (Пылкий, живой, страстный) знач. *О. глаза. О. речь.* [СлРЯ.1: 356]; 1. см. огонь. 2. Оранжево-красный, цвета огня. *О. волосы* (ярко-рыжие). 3. *перен.* То же, что *огневой* во 2 (О глазах, взгляде: сверкающий, жгучий) и 3 (Пылкий, живой, страстный) знач. *О. глаза. О. речь.* [СлРЯ.2: 443]; 1. *Прил. к* огонь (в 1 знач.). 2. Цвета огня, пламени, ярко-красный, оранжево-красный. 3. *перен.* Сверкающий, пламенный, исполненный огня (о глазах, взоре и т. п.). *Тут я заметил быстрый, о., вопросительный взгляд.* Достоевский. 4. *перен.* Пылкий, горячий, страстный. *Герман имел сильные страсти и о. воображение.* Пушкин. || Исполненный страсти, подъема, воодушевления. *Как гроза, своим о. словом Ты царишь над послушной толпой.* Никитин. [МАС/2: 585].

Пламя: сад разукрашен был *пламенем* роз [АБ.П: 36]; *очей метался пламень жгучий* [АБ.П: 235, 347]; *в красном, что заря, пламени его одежд* [АБ.Пр: 119]; *горело пламя древних эр* [ВИ.П: 436]; *пламя* луны становилось больше [ВИ.Пр: 320]; *пламя* этой жизни обгорало [ВИ.Пр: 422]; *с ними умирает пламя духа* [ИС.П: 175]; *глаза синие, нос орлиный, губы в пламени* [ИС.Пр: 201]; *Петрарка сумел эту фантазию держать в пламени всю жизнь* [ИС.Пр: 451] и др.

Пламя (уст. *пламень*). 1. Подымающийся над горящим предметом огонь. *Из искры возгорится пламя.* Одоевский. 2. *перен.* Пыл, жар, воодушевление. *П. любви.* [ТСРЯ.У/3: 279]; Горящий и светящийся раскаленный газ, огонь. *Языки п. П. войны* (*перен.; высок.*). *П. страсти* (*перен.; высок.*). [СлРЯ.1: 421]; Горящий и светящийся раскаленный газ, огонь. *Языки п. П. войны* (*перен.; высок.*). *П. страсти* (*перен.; высок.*). [СлРЯ.2: 520]; 1. Огонь, поднимающийся над горящим предметом. *П. костра.* || Светящийся пар или газ, выделяемый при горении некоторыми веществами. *Спиртовое п.*

2. *перен.* Пыл, воодушевление. *П. гнева. Сиду гнева, п. страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.* Горький. [МАС/3: 132].

Пламенный: *я мечтаю о пламенной дружбе* [ИС.Пр: 90]; *он только раскрывал свою душу пламенным признанием* [ИС.Пр: 278]; *на адрес нашей девушки пламенное объяснение в любви* [ИС.Пр: 335] и др.

Пламенный. 1. Сильно и ярко горящий, сверкающий, пылающий. *П. заря.* || *перен.* Жаркий, горячий. *Розы п. ланит.* Пушкин. 2. *перен.* Пылкий воодушевленный, страстный. *П. привет.* [ТСРЯ.У/2: 279]; 1. Сильно и ярко сверкающий, пылающий. *П. закат.* 2. *перен.* Очень пылкий, страстный, силён. (высок.). *П. любовь. П. привет.* [СлРЯ.1: 421]; 1. *см.* пламя. 2. Ярко сверкающий, пылающий, как огонь. *П. закат.* 3. *перен.* Пылкий, страстный (высок.). *П. любовь. П. привет.* [СлРЯ.2: 520]; 1. *Прил. к пламя* (в 1 знач.). *Прокофьев рассказывал потом, что в этот момент он не слышал взрыва и не видел п. столб.* Куприн. || Ярко горящий, пылающий. *Кто вынес их, Тот уж конечно без боязни Взойдет на п. костер.* Пушкин. 2. Жаркий, горячий. *Щека ее прижалась к моей, и я почувствовал на лице моем ее п. дыхание.* Лермонтов. 3. *перен.* Пылкий, страстный. *П. патриотизм. П. революционер.* || Выражающий пылкость, страстность (о глазах, взоре и т. п.). *П. взгляд.* || Исполненный страсти, подъема, воодушевления. *П. стихи.* 4. Ярко- или оранжево-красный, цвета пламени. *Какой п. закат!* Гончаров. [МАС/3: 132].

Воспламенить: *с 1905 года пятна восприятий вскричали, воспламеня сознание* [АБ.Пр: 307]; *откровенья, бури и щедроты души воспламенной чьей-нибудь* [БП.П: 169] и др.

Воспламенить. 1. Зажечь, заставить ч.-н. загореться. || *перен.* Сильно возбудить, одушевить, побудить к ч.-л. *Слова в.* [ТСРЯ.У/1: 371]; 1. Зажечь, заставить гореть. *В. горючий состав.* 2. *перен.* То же, что одушевить (во 2 знач., высок.). *В. слушателей.* [СлРЯ.1: 81]; 1. Зажечь, заставить гореть. *В. горючий состав.* 2. *перен.* То же, что воодушевить (высок.). *В. слушателей.* [СлРЯ.2: 98]; 1. Зажечь, заставить гореть. 2. *перен.* Возбудиться, увлечься (какой-л. мыслью, чувством и т. п.). *Не ему воспламениться ею и сражаться за нее.* Добролюбов. [МАС/1: 215].

Пожар: *то было лето, охваченное пожаром крестьянских волнений* [АБ.Пр: 355]; *обдало всю огнем, пожаром гнева* [ВИ.П: 272]; *пожар заката не остыл* [БП.П: 129]; *какая-нибудь из бумажек, выйдя из лотерейного колеса, вспыхнула бы у выхода пожаром выигрыша, победы* [БП.Пр: 112] и др.

Пожар. 1. Распространение огня, сопровождающееся уничтожением имущества и всего, что может гореть. *П. в доме.* 2. *перен.* Бурно развивающееся столкновение к.-н. общественных сил, борьба, война, революция. *Мировой п. раздуем.* Блок. [ТСРЯ.У/2: 474]; 1. Пламя, широко охватившее и уничтожающее что-н. *Тушить п.* 2. *перен.* Употр. в некоторых выражениях для обозначения бурно развивающихся событий большого общественного значения. *П. революции. П. войны.* [СлРЯ.1: 443]; 1. Пламя, широко охватившее и уничтожающее что-н. *Лесной п.* 2. *перен.* Употр. в некоторых вы-

ражениях для обозначения бурно развивающихся событий большого общественного значения. *П. войны*. [СлРЯ.2: 546]; 1. Сильное пламя, охватывающее и уничтожающее все, что может гореть, создающее опасность для жизни людей, а также само горение, уничтожение чего-л. огнем. *Тушить п. 2. перен.* Бурное проявление чего-л., протекающее с сокрушительной силой. *П. войны*. [МАС/3: 234].

Пожарище: на *пожарище* заката неистовствовал соловей [БП.П: 144]; *затухающее небо вдруг осветилось пожарищем заката* [БП.П: 145] и др.

Пожарище. 1. увеличит. к пожар. 2. Место, где произошел пожар. *Лесное п.* [ТСРЯ.У/3: 474]; 1. см. пожар. 2. Место, где был пожар. *Лесное п.* [СлРЯ.1: 443]; Место, где был пожар. *Лесное п.* [СлРЯ.2: 546]; Место, где произошел пожар, со следами пожара, с остатками чего-л. сгоревшего; пепелище. *Все, что только мог видеть Пьер, было одно п. Л. Толстой*. [МАС/3: 234].

Гореть: *огни зари горят* [АБ.П: 267]; *сердце горит, указывает обороняться* [АБ.Пр: 33]; *горело пламя древних эр* [ВИ.П: 436]; *февраль горит, как хлопок, захлебнувшийся в спирту* [БП.П: 34]; *имбирно-красный лес, горевший, как печатный пряник* [БП.П: 436]; *жаром горел дикий виноград* [БП.Пр. 96] и др.

Гореть. 1. Порождать и поддерживать собою пламя, постепенно уничтожаясь. *Дрова г. <...> 3. перен.* Действовать, не гаснуть. *Примус г. <...> 7.* Сверкать ярким, ослепительным светом, блестеть. *Заря г. || Светиться, блестеть (о глазах). Глаза г.* [ТСРЯ.У/1: 599]; 1. Поддаваться действию огня, уничтожаться огнем. *Дерево г. 2.* Действовать, быть в исправности (о том, что создает пламя, свет). *Все лампочки г. <...> 5.* Сверкать, блестеть. *Г. заря. Глаза г. 6. перен.* Испытывать какое-н. сильное чувство (высок.). *Г. ненавистью. 7. перен.* Испытывать сильное чувство под влиянием чего-н. *Г. от стыда. 8. перен.* Отдаваться полностью (какому-н. делу, идее). *Г. на работе. <...> 10. перен.* Быстро изнашиваться, рваться (разг.). 11. Быть под угрозой срыва из-за опоздания, упущения сроков (разг.). *Дело г.* [СлРЯ.1: 113]; 1. Поддаваться действию огня; уничтожаться огнем. *Дерево легко г. 2.* Об огне, свете: быть, излучаться. *В печи г. огонь. <...> 5.* Сверкать, блестеть. *Г. заря. Глаза г. 6.* Испытывать какое-н. сильное чувство; существовать, проявляться (о таком чувстве). *Г. ненавистью. 7.* Отдаваться полностью (какому-н. делу), отдавать все силы на что-н. *Г. на работе. <...> 10. перен.* Быть под угрозой невыполнения, неиспользования из-за опоздания, упущения сроков (разг.). *План г.* [СлРЯ.2: 139]; 1. Поддаваться действию огня, уничтожаться огнем. *Жарко г. дрова в изразцовой печи.* Горький. 2. Давать свет, пламя. *Лампочка г. <...> 5.* Быть охваченным каким-л. сильным чувством, со страстью отдаваться чему-л. (какому-н. чувству, делу). *Г. ненавистью.* || Выражать сильное чувство, напряженную мысль (о лице). *Его лицо г. смелой удаley и твердой решимостью.* Тургенев. 6. Сверкать ярким, ослепительным блеском (отражая свет). *Штыки г. под солнцем юга.* Лермонтов. || Блестеть под влиянием какого-л. чувства, мысли (о глазах).

Одобрения Фомы и его горящие глаза вдохновляли Ежова. Горький. 7. Испытывать какое-н. сильное чувство; существовать, проявляться (о таком чувстве). *Г. ненавистью. В груди г. любовь.* [МАС/1: 333].

Горение: *горение его страстной души* [ВИ.П: 471]; *Бунин был словно высушен неустанным, безрадостным горением ума* [ВИ.Пр: 435]; *недодрога, тихоня в быту, ты сейчас ты сейчас вся огонь, вся горенье* [БП.П: 147]; *ей предшествует вечер крушений, горенья души* [БП.П: 182] и др.

Горение. *от гл. гореть. Душевное г.* [ТСРЯ.У/1: 599]; *см. гореть* (знач. 1, 2, 6 и 8 знач.): 1. Поддаваться действию огня, уничтожаться огнем. *Г. дерева.* 2. Действовать, быть в исправности (о том, что создает пламя, свет). *Г. лампочки.* <...> 6. *перен.* Испытывать какое-н. сильное чувство (высок.). *Г. ненависти.* <...> 8. *перен.* Отдаваться полностью (какому-н. делу, идее). *Г. на работе.* [СлРЯ.1: 114]; *см. гореть* (знач. 1, 2, 5, 7 и 8 знач.): 1. Поддаваться действию огня; уничтожаться огнем. *Г. дерева.* 2. Об огне, свете; быть, излучаться. *Г. огня.* <...> 5. Сверкать, блестеть. *Г. зари.* 7. Отдаваться полностью (какому-н. делу), отдавать все силы на что-н. *Г. на работе.* 8. (1 и 2 л не употр.) Преть или гнить, нагреваясь. *Г. сена.* [СлРЯ.2: 139]; *см. гореть* (знач. 1, 2, 6 и 8 знач.): 1. Поддаваться действию огня, уничтожаться огнем. *Г. дров.* 2. Давать свет, пламя. *Г. лампочки.* <...> 6. Сверкать ярким, ослепительным блеском (отражая свет). *Г. итыков на солнце.* || Блестеть под влиянием какого-л. чувства, мысли (о глазах). *Г. глаз.* [МАС/1: 333].

Пылать: *в каждом человеке пылает лиризм* [ИС.Пр: 451]; *в моем сердце пылает любовь* [МК: 112] и др.

Пылать. 1. *Яроет* гореть, издавать сильный свет, сильный жар. *Жаром п.* || *перен.* О сильно, бурном развитии ч.-н. <...> 4. *перен.* Глубоко, страстно переживать ч.-н., испытывать к.-н. сильное влечение, чувство. *П. гневом.* [ТСРЯ.У/3: 1083]; 1. Гореть, ярко освещая, издавая сильный жар. *Дрова п.* 2. *перен.* Становиться красным, горячим от прилива крови. *Щеки п.* 3. *перен.* Предаваться какому-н. чувству, страстно переживать что-н. *П. гневом.* [СлРЯ.1: 517]; 1. (1 и 2 л не употр.) Гореть, ярко освещая, излучая сильный жар. *П. огонь.* 2. *перен.* Становиться красным, горячим от прилива крови. *Щеки п.* 3. *перен.* Глубоко предаваться какому-н. сильному чувству, страстно переживать что-н. *П. гневом.* [СлРЯ.2: 635]; 1. Гореть ярким пламенем. *Там и сям под навесами п. зажженные костры.* Салтыков-Щедрин. 2. Ярко светиться, излучать сильный свет. *Солнце уже зашло, и на горизонте п. широкое красное зарево.* Чехов. 3. Быть горячим, красным от прилива крови. *Лицо Олеси п. лихорадочным румянцем.* Куприн. 4. *перен.* Быть охватенным каким-л. сильным чувством, страстью. *П. гневом.* [МАС/3: 568].

Испытаться: *сердце мое испыталось в пепел* [ИС.П: 304].

Испытаться (окказионализм; толкование в словарях отсутствует).

Жар: *творения великого англичанина наполнились жаром* и *блеском страстей, пеплом раскаяния* [ВИ.Пр: 258]; *жаром горел виноград* [БППр: 96]; *жаром испытанного обожжено и вычернено его лицо* [БП.Пр: 108] и др.

Жар. 1. Сильная степень нагретости, раскаленности воздуха, зной. *Меня обдало жс.* <...> 4. Повышенная температура тела. || *перен.* Румянец, выражающий разгоряченное состояние. *Ж. пышет лицо.* 5. *перен.* Сильное внутреннее возбуждение, пыл, страстный порыв, рвение. *Примемся с жс. за работу.* [ТСРЯ.У/1: 846]; 1. Горячий, сильно нагретый воздух, зной. *Обдало жс.* <...> 4. Высокая температура тела. *Больной в жс.* 5. Разгоряченное, лихорадочное состояние, а также румянец от него. *Бросает в жс.* 6. Рвение, пыл, страстность, горячность. *Работать с жс.* [СлРЯ.1: 154]; 1. Горячий, сильно нагретый воздух, зной. *Обдало жс.* <...> 4. Высокая температура тела. *Больной в жс.* 5. Разгоряченное, лихорадочное состояние, а также румянец от него. *Бросает в жс.* 6. Рвение, страстность, горячность. *Ж. души.* [СлРЯ.2: 190]; 1. Сильная степень тепла, присущая чему-л. нагретому или горящему и излучаемая им. *Костер трещал и шипел, распространяя сухой благодетельный жс.* Полевой. || *Жара, зной. В полдневный жс. в долине Дагестана С свинцом в груди лежал недвижим.* Лермонтов. [МАС/1: 472].

Обжечь: жаром испытанного **обожжено** и вычернено его лицо [БП.Пр: 108]; *эта мысль вновь обожгла его* [ИС.П: 215] и др.

Обжечь. 1. Заставить обгореть, обуглиться со всех сторон. *О. конец бревна.* <...> 5. *перен.* Воздействовать на к.-л. сильным образом, заставить проникнуться к.-н. чувством. *Глаза о.* [ТСРЯ.У/2: 638]; 1. Подвергнуть действию огня со всех сторон. *О. конец палки.* 2. Повредить огнем или чем-н. горячим, жгучим, едким и т. п. *О. себе палец.* [СлРЯ.1: 342]; 1. Подвергнуть действию огня со всех сторон. *Молнией о. дуб.* <...> 3. Повредить (живую ткань) огнем или чем-н. горячим, жгучим, едким. *О. палец.* [СлРЯ.2: 427]; 1. Подвергнув действию огня, заставить обгореть, обуглиться со всех сторон. *Макар был похож на старый дуб, обожженный молнией.* Горький. 2. Повредить огнем или чем-л. горячим кожный покров чего-л. *Сидя у костра, он заснул и о. себе лицо.* Кожевников. || Повредить чем-л. едким или жгучим кожный покров чего-л. *Кирилов, не вытирая мокрого лица и рук, обожженных карболкой, пошел сам открывать дверь.* Чехов. || Вызвать ощущение жжения, ожога. *Кратива о. руки.* Тургенев. 3. *перен.* Внезапно и сильно овладеть кем-л., заставить испытать какое-л. внезапное и острое ощущение; потрясти. *Страшная правда о. его.* Андреев. [МАС/2: 531].

Теплиться: робкая надежда вновь **затеplилась** в его душе [БП.Пр: 115]; *моя идея теплится едва* [ИС.П: 179] и др.

Теплиться. 1. Гореть, светить легким пламенем. *Т. лампада.* 2. *перен.* Существовать в скрытом виде, незаметно. *Т. надежда.* [ТСРЯ.У/4: 683]; Гореть слабым пламенем, слабо светиться. *Т. свеча.* *Т. надежда (перен.: еще есть, не совсем пропала).* *Жизнь в больном еле т. (перен.).* [СлРЯ.1: 648]; Гореть слабым пламенем, слабо светиться. *Т. свеча.* *Т. надежда (перен.: еще есть, не совсем пропала).* *Жизнь чуть т. в нем. (перен.: очень ослаб, близок к смерти).* [СлРЯ.2: 794]; 1. Гореть легким, слабым пламенем. *В углу перед тяжелым образом в серебряном окладе т. лампадка.* Тургенев. || Излучать слабый свет, светиться. *Звезды едва т.* Мамин-Сибиряк. 2. *перен.* Слабо, еле заметно проявляться, едва существовать (о жизни, чувстве, сознании и т. п.). *Жизнь в ней едва т.* Чехов. [МАС/4: 355].

Вспыхнуть: *вспыхивают* угасшие споры [ВИ.Пр: 485]; *внезапно вспыхнула* идея [МК: 213]; *какая-нибудь из бумажек, выйдя из лотерейного колеса, вспыхнула бы у выхода пожаром виигрыша, победы* [БП.Пр: 112] и др.

Вспыхнуть. 1. Внезапно воспламениться, загореться, зажечься. *В. пожар.* || *перен.* Быстро, внезапно начаться, возгореться. *Война в.* 2. *перен.* Покраснеть от прилива крови к лицу. *Девочка в.* [ТСРЯ.У/1: 411]; 1. Внезапно разгореться, зажечься. *В. огонек.* 2. *перен.* Внезапно начаться, возникнуть (о чувствах и т. п.). *В. война.* 3. *перен.* Внезапно прийти в возбужденное состояние от чего-н. *В. гневом.* 4. *перен.* Покраснеть (от волнения, смущения и т. п.). *В. от смущения.* [СлРЯ.1: 87]; 1. Внезапно разгореться, зажечься. *В. пожар.* 2. (1 и 2 л не употр.). *перен.* О чувствах, потрясениях: внезапно возникнуть. *В. страсть.* 3. *перен.* Внезапно прийти в возбужденное, раздраженное состояние. *В. от обиды.* 4. *перен.* Покраснеть (от волнения, смущения). *В. от радости.* [СлРЯ.2: 106]; 1. Внезапно и быстро воспламениться, загореться. *Порох в.* || Ярко засветиться. *В глубине истрека в. луч электронного рефлектора.* Игишев. || Внезапно и ярко заблестеть. *В. яркие звезды на небе.* Никитин. || Быстро и сильно покраснеть (от волнения, смущения, радости и т. п.) или ярко выступить (о румянце). *Лицо ее мгновенно в.* Тургенев. 2. Внезапно возникнуть; возгореться, загореться. *В. ссора.* 3. *перен.* Внезапно прийти в возбужденное, раздраженное состояние. *Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно.* Пушкин. [МАС/1: 235].

Дым: *в моей душе воспоминаний дым* [АБ.П: 174, 246]; *Кате локонов дым прощекотал руку* [АБ.П: 91]; *пепельный дым ее волос* [АБ.Пр: 100, 147]; *кудри слились в один прядающий в ветре дым* [АБ.Пр: 119]; **дым почестей и славословий дым** [ВИ.П: 382]; *в дыму пурги и звездной тишине проходит Пояс Ночи по стране* [ВИ.П: 453]; *сквозь незанавешенное окно – легчайший дым луны* [ВИ.Пр: 56]; *ты куришься сквозь дым теорий* [БП.П: 99]; *слава только дым* [ИС.П: 264] и др.

Дым. Летучие продукты горения с мелкими летящими частицами угля [ТСРЯ.У/1: 819]; Поднимающиеся вверх темные клубы – летучие продукты горения с мелкими частицами угля. *Густой д. Д. отечества* (*перен.*: о чем-н., принадлежащем отечеству и поэтому дорогим, близком). [СлРЯ.1: 150]; Поднимающиеся вверх серые клубы – летучие продукты горения. *Густой д. Д. отечества* (*перен.*: о чем-н. родном и поэтому, независимо ни от чего, дорогим, близком). [СлРЯ.2: 184]; Совокупность мелких твердых частиц и газообразных продуктов, выделяющихся в воздух при сгорании чего-л. *Пороховой д.* || О чем-л. призрачном, существующем лишь в мечтах. *Будущее – это обман, д.!* Чехов. [МАС/1: 458].

Дымиться: *всем переулком дымилась весна* [БП.Пр: 56]; *дымилась полумрак комнат* [БП.Пр: 91] и др.

Дымиться. Испускать дым, тлеть с дымом. *Пожарище д. Д. костер* [ТСРЯ.У/1: 819]; Выпускать дым, тлеть с дымом. *Головешка д.* [СлРЯ.1: 150]; 1. Выпускать дым; тлеть, выпуская дым. *Головешка д. 2. перен.* О

сплошной, легкой, воздушной массе: быть (в 1 знач.), стоять, распространяться дымкой, в виде дымки. *В лощине д. туман*. [СлРЯ.2: 184]; Испускать дым; тлеть, выделяя дым. *Вдали по Рейну бежал и д. пароход*. Тургенев. || Выделять, испускать испарения, пар. *Река уж не д. Эртель*. || Подниматься клубами, стлаться пеленой (о тумане, паре); куриться. *Туман д. над болотом*. Лермонтов. [МАС/1: 458].

Гаснуть: на миг **погаснет** голос [ВИ.П: 143]; вновь вспыхивают угасшие споры [ВИ.Пр: 485] и др.

Гаснуть. 1. Переставать гореть, переставать светить, тухнуть. *Свечи г. 2. перен.* Терять силы, ослабевать, иссякать. [ТСРЯ.У/1: 543]; Переставать гореть, переставать светить. *Огонь г. Надежды г. (перен.)*. [СлРЯ.1: 104]; 1. Переставать гореть, переставать светить. *Огонь г. Звезды г. 2. перен.* Ослабевать, терять силы; исчезать. *Надежды г.* [СлРЯ.2: 126]; 1. Переставать гореть, светить; тухнуть, затухать. *В знакомой сакле огонек то трепетал, то снова г.* Лермонтов. 2. *перен.* Ослабевать, исчезать (о чувствах, чаяниях и т. п.). *И медленно в твоей душе Надежда гибнет, г. вера*. Пушкин. 3. *перен.* Слабеть, терять силы; чахнуть. *Увы, Татьяна увядает; Бледнеет, г. и молчит!* Пушкин. [МАС/1: 301–302].

Тухнуть: во взоре **потухшем** волнение безумно-немое [АБ.П: 60]; **потух** огонь ее очей [АБ.П: 263]; **затухающее** небо вдруг осветилось пожарницей заката [БП.П: 144] и др.

Тухнуть. То же, что *гаснуть*. *Костер т.* [ТСРЯ.У/4: 564]; То же, что *погаснуть*. *Костер т.* [СлРЯ.1: 464]; То же, что *погаснуть*. *Костер т.* [СлРЯ.2: 573]; 1. Перестать гореть, светить; погаснуть. *Костер потух*. || *перен.* Перестать блестеть, стать тусклым, безжизненным (о глазах). *Блестящие нежностью и весельем глаза Сережи потухли*. Л. Толстой. 2. *перен.* Прекратиться, исчезнуть. *Вражда потухла*. [МАС/3: 336].

Пепел: творения великого англичанина наполнились жаром и блеском страстей, **пеплом** раскаянья [ВИ.Пр: 258]; но сердце мое испылалось в **пепел** [ИС.П: 304] и др.

Пепел. Легкая летучая рассыпчатая обугленная масса, остающаяся от ч.-н. сгоревшего, сожженного. [ТСРЯ.У/3: 86]; Пылевидная серая масса, остающаяся от чего-н. сгоревшего. *Стряхнуть п. с папиросы*. [СлРЯ.1: 402]; Пылевидная серая масса, остающаяся от чего-н. сгоревшего. *Стряхнуть п.* [СлРЯ.1: 498]; Легкая серая масса в виде пыли, остающаяся от чего-л. сгоревшего, сожженного. *Дмитрий Степанович курил, сыпля п. на мохнатый жилет*. А. Н. Толстой. [МАС/3: 41].

В результате семантического анализа установлены следующие узуальные метафорические значения (языковые метафоры):

Огонь. 1. Чувство, с силой овладевшее кем-л., охватившее кого-л. и т. п. *Огнь неистовости был в его душе* [АБ.П: 297]. *Обдало всю огнем, пожаром гнева* [ВИ.П: 272]. *Огнем страстей были опалены его губы* [БП.Пр: 178]. 2. Страстность, живость, душевный подъем, пыл. *Огнем души светились его глаза* [БП.Пр: 178]. 3. О ком-л. от-

личающемся горячим, пылким нравом, порывистостью и т. п. *Недотрога, тихоня в быту, ты сейчас вся огонь, вся горенье* [БП.П: 147]. 4. Выражающий сильное чувство (о глазах, взоре и т. п.). *Потух огонь ее очей* [АБ.П: 263].

Огненный. Пылкий, живой, страстный. *Его огненная речь уже вдохновляла многих слушателей* [АБ.Пр: 143].

Пламя. Пыл, воодушевление. *С ними умирает пламя духа* [ИС.П: 175].

Пламенный. Очень пылкий, страстный. *Я мечтаю о пламенной дружбе* [ИС.Пр: 90]. *Он только раскрывал свою душу пламенным признанием* [ИС.Пр: 278]. *На адрес нашей девушки пламенное объяснение в любви* [ИС.Пр: 335].

Воспламенить. Заставить возбудиться, увлечься какой-л. мыслью, чувством и т. п. *С 1905 года пятна восприятий вскричали, воспламеняя сознание* [АБ.П: 307]. *Откровенья, бури и щедроты души воспламенной чьей-нибудь* [БП.П: 169].

Пожар. Бурное проявление чего-л., протекающее с сокрушительной силой. *То было лето, охваченное пожаром крестьянских волнений* [АБ.Пр: 355].

Гореть. Быть охваченным каким-л. сильным чувством. *Сердце горит, указывает обороняться* [АБ.Пр: 33].

Пылать. Быть охваченным каким-л. сильным чувством; сильно переживать что-л. *В каждом человеке пылает лиризм* [ИС.Пр: 451].

Обжечь. Внезапно и сильно овладеть кем-л., заставить испытать какое-л. внезапное и острое ощущение; потрясти. *Эта мысль вновь обожгла его* [ИС.П: 215].

Теплиться. Слабо, еле заметно проявляться. *Моя идея теплится едва* [ИС.П: 179]. *Робкая надежда затеплилась в его душе* [МК: 115].

Вспыхнуть. Внезапно возникнуть (о чувствах, потрясениях). *Внезапно вспыхнула идея* [МК: 213].

Дымиться. Распространяться в виде дымки. *Дымился полумрак комнат* [БП.Пр: 91].

Гаснуть. Ослабевать, исчезать. *На миг погаснет голос мой* [ВИ.П: 143]. *Вновь вспыхивают угасшие споры* [ВИ.Пр: 485].

Тухнуть. Переставать блестеть, стать тусклым, безжизненным (о глазах). *Потух огонь ее очей* [АБ.П: 263]. *Во взоре потухшем волненье немое* [БП.П: 60].

2. На этом этапе исследования определяется индивидуальная (и групповая) специфика речевой реализации метафорического концепта «Огонь» путем интерпретации его репрезентантов – окказио-

нальных (индивидуально-авторских, традиционно-художественных) метафорических значений, т. е. после выявления языковых метафор (узуальных метафорических значений) осуществляется контекстуальный анализ остальных метафорических реализаций концепта и выяснение их смыслового содержания – окказиональных значений.

В результате проведенного контекстуального анализа установлены такие окказиональные метафорические значения (речевые метафоры), как:

Огонь. 1. Страстное, сильное стремление к чему-л. *Ты кладешь руку в **огонь** познания* [ВИ.П: 82]. *Он весь перед миром в **огнях** откровений* [ИС.П: 260]. 2. Свет, излучаемый природным явлением (заря, закат и т. п.), цвета огня. *Вдали над косарями **огни** зари горят* [АБ.П: 267]. *В **огни** зари – туманом* [АБ.П: 307]. *Идет спиной перекинутой в воздушный заревой **огонь*** [АБ.П: 294]. *На небе яркий заревой **огонь*** [АБ.Пр: 114].

Огненный. Имеющий важное, весомое значение. *Толстовские строки приобрели здесь особый, **огненный** смысл* [ВИ.Пр: 439].

Пламя. 1. Активная деятельность (физическая, интеллектуальная, творческая и т. п.). ***Пламя** жизни обгорало* [ВИ.Пр: 422]. *Петрарка сумел эту фантазию держать в **пламени** всю жизнь* [ИС.Пр: 451]. 2. Что-л. незабываемое, памятное. *Горело **пламя** древних эр во славу нашего СССР* [ВИ.П: 436]. 3. см. **Огонь** (узуал., 4 знач.). *Очей метался **пламень** жгучий* [АБ.П: 235, 347]. 4. Что-л., напоминающее своим видом огонь, пламя; цвета пламени. *Сад разукрашен был **пламенем** роз* [АБ.П: 36]. *В красном, что заря, **пламени** его одежды* [АБ.Пр: 119]. ***Пламя** луны становилось все больше* [ВИ.Пр: 320]. *Глаза синие, нос орлиный, губы в **пламени*** [ИС.Пр: 201].

Пожар. 1. см. **Огонь** (узуал., 1 знач.). *Обдало всю огнем, **пожаром** гнева* [ВИ.П: 272]. 2. см. **Пламя** (окказ., 4 знач.). *И **пожар** заката не остыл* [БП.П: 129]. 3. Что-л., вызывающее чувство удовлетворения, радости. *Какая-нибудь из бумажек, выйдя из лотерейного колеса, вспыхнула бы **пожаром** выигрыша, победы* [БП.Пр: 112].

Пожарище. см. **Пламя** (окказ., 4 знач.). *А на **пожарище** заката неистовствовал соловей* [БП.П: 144]. *Затухающее небо вдруг осветилось **пожарищем** заката* [БПП: 144].

Горение. 1. см. **Пламя** (узуал.). ***Горение** его страстной души* [ВИ.П: 471]. *Ей предшествует вечер крушений, **горенья** души* [БП.П: 182]. 2. см. **Пламя** (окказ., 1 знач.). *Бунин был словно высушен неустанным, безрадостным **горением** ума* [ВИ.Пр: 435]. 3. см. **Огонь** (узуал., 3 знач.). *Недотрога, тихоня в быту, ты сейчас вся **огонь**, вся **горенье*** [БП.П: 147].

Гореть. 1. Напоминать своим видом огонь, пламя; быть цвета пламени. *Огни зари горят* [АБ.П: 267]. *Вы прошли в имбирно-красный лес, горевший, как печатный пряник* [БП.П: 436]. *Жаром горел дикий виноград* [БП.Пр: 96]. 2. Быть, становиться забываемым, памятным. *Горело пламя древних эр* [ВИ.П: 436]. 3. Быстро заканчиваться, идти на убыль. *И февраль горит, как хлопок, захлебнувшийся в спирту* [БП.П: 34].

Жар. 1. см. **Огонь** (узуал., 1 знач.). *Творения великого англичанина наполнились жаром и блеском страстей, теплом раскаянья* [ВИ.Пр: 258]. 2. Сильные переживания. *Жаром испытанного было обожжено и вычернено его лицо* [БП.Пр: 108]. 3. см. **Пламя** (оказ., 4 знач.). *Жаром горел дикий виноград* [БП.Пр: 96].

Обжечь. Нести следы сильных переживаний. *Жаром испытанного было обожжено и вычернено его лицо* [БП.Пр: 108].

Вспыхнуть. 1. Вновь возникнуть, возобновиться с новой силой. *Вспыхивают угасшие споры* [ВИ.Пр: 485]. 2. Внезапно стать забываемым событием, вызвать яркое впечатление. *Какая-нибудь из бумажек, выйдя из лотерейного колеса, вспыхнула бы пожаром выигрыша, победы* [БП.Пр: 112].

Дым. 1. Легкая или густая пелена. *Сквозь незанавешенное окно – легчайший дым луны* [ВИ.Пр: 56]. *В дыму пурги и звездной тишине проходит Пояс Ночи по стране* [ВИЛ: 453]. 2. Что-л., похожее на клубы дыма, подобное дыму. *Сметнула с своего плеча волос сквозных пепельный дым* [АБ.Пр: 100]. *Разметался пепельный дым ее волос* [АБ.Пр: 147]. *Кате локонов дым прощекотал руку* [АБ.П: 91]. *Кудри слились в один прядяющий в ветре дым* [АБ.Пр: 119].

Дымиться. Напоминать своим видом, быть похожим на клубы дыма. *Всем переулком дымилась весна* [БП.Пр: 56].

Испытаться. Перестать испытывать какое-л. сильное чувство; тяжело переживать о чем-л. *Сердце испыталось в пепел* [ИС.П: 304].

Тухнуть. Становиться неярким, тусклым; темнеть. *Затухающее небо вдруг осветилось пожарищем заката* [БП.П: 144].

Пепел. О чувстве, утратившем былую силу. *Творения великого англичанина наполнились жаром и блеском страстей, теплом раскаянья* [ВИ.Пр: 258]. *Сердце мое испыталось в пепел* [ИС.П: 304].

3. Данный этап предполагает выявление когнитивных признаков исследуемого метафорического концепта на основе компонентно-семантического анализа всех его репрезентантов и когнитивной интерпретации сем. У метафорического концепта «Огонь» выявлены следующие ассоциаты, распределенные в соответствии с их квалификаторами:

1) проявления объекта:

а) обнаружение: ‘внезапный, резкий’ (*мысль обожгла; вспыхнула идея*);

б) интенсивность: ‘ярко выраженный, сильно проявляющийся’ (*пламенное признание; пламенное объяснение в любви; огненная речь*); ‘слабо выраженный, едва проявляющийся’ (*идея теплится; надежда теплится*); ‘нечетко выраженный, неясный’ (*дым воспоминаний; слава – дым; дым почестей и славословий дым*); ‘начинающийся, возобновляющийся’ (*вспыхивают споры*); ‘прекращающийся, исчезающий’ (*погаснет голос; угасшие споры*); ‘сверкающий, блестящий’ (*огонь очей; пламень очей*); ‘утративший блеск, тусклый’ (*взор потухший; потух огонь очей*);

в) активность: ‘сильный, страстный’ (*огонь души; горение души; пламя духа*); ‘порывистый, пылкий’ (*ты вся огонь, горенье; огненная речь*); ‘деятельный’ (*пламя жизни; горение ума; пламенная дружба*); ‘направленный на что-л., стремящийся к чему-л.’ (*огонь познания*); ‘возбужденный, увлеченный’ (*воспламененная душа; воспламенить сознание*);

г) реализация: ‘важный, значимый’ (*огненный смысл*); ‘незабываемый, памятный’ (*горело пламя древних эр*);

2) мера (степень): ‘сильный, полностью охвативший’ (*огонь гнева; огонь страсти; пожар гнева; жар страстей; сердце горит*); ‘очень сильный, сокрушительной силы’ (*пожар крестьянских волнений*); ‘слабый, утративший былую силу’ (*пепел раскаяния; сердце испыталось в пепел*);

3) цвет (тон, насыщенность): ‘яркий, цвета огня’ (*огни зари; пламень роз; губы в пламени; пожар заката; пожарище заката; жаром горел виноград*); ‘неяркий, тусклый’ (*затухающее небо*);

4) форма (очертания): ‘бесформенный’ (*дым луны; дым пурги; дым волос; дымился полумрак*).

4. Полученные результаты когнитивной интерпретации сем подтверждаются результатами метафорического моделирования. Так, все выявленные семантико-когнитивные форманты (смысловые элементы, связывающие понятийные сферы производящего (прямого) и производного (переносного метафорического) значений и отражающие системные отношения языковых и когнитивных структур [Кравцова 2011: 102]) в представленных ниже продуктивных метафорических моделях являются вербализованными когнитивными признаками, мотивирующими метафоризацию, которые сформулированы в наиболее общем виде и обозначены как квалификаторы ассоциатов:

1) физические явления → физические свойства человека > проявления объекта (А. Белый, Б. Пастернак): субмодель «тепловые явления → части тела человека > интенсивность»: *потух огонь ее очей* [АБ.П: 263]; *очей метался пламень жгущий* [АБ.П: 235, 347]; *взор потухший* [БП.П: 60];

2) физические явления → психические свойства человека > проявления объекта (А. Белый, Б. Пастернак): субмодель «тепловые явления → мышление > обнаружение»: *эта мысль вновь обожгла его* [ИС.П: 215]; *внезапно вспыхнула идея* [МК: 213];

3) физические явления → душевные свойства человека > проявления объекта (В. Инбер, Б. Пастернак): субмодель «тепловые явления → духовная сущность человека > активность»: *горение страстной души* [ВИ.П: 471]; *горенье души* [БП.П: 182]; *души воспламенной* [БП.П. 169];

4) физические явления → социальные отношения > проявления объекта (В. Инбер, И. Сельвинский): а) субмодель «тепловые явления → межличностные отношения > интенсивность»: *пламенное признание* [ИС.П: 278]; *пламенная дружба* [ИС.П: 289]; *пламенное объяснение в любви* [ИС.П: 335]; б) субмодель «тепловые явления → общественное мнение > интенсивность»: *дым почестей и славословий дым* [ВИ.П: 382];

5) физические явления → душевные свойства человека > мера (А. Белый, В. Инбер, Б. Пастернак): а) субмодель «тепловые явления → чувства > степень ч.-л.»: *жаром страстей, теплом раскаянья* [ВИ.Пр: 258]; *огнем страстей* [БП.Пр. 178]; б) субмодель «тепловые явления → эмоции > степень ч.-л.»: *огнь неистовости* [АБ.П: 297]; *огнем, пожаром гнева* [ВИ.П: 272];

6) физические явления → атмосферные явления > цвет (А. Белый, Б. Пастернак): субмодель «тепловые явления → состояние атмосферы > насыщенность»: *огни зари горят* [АБ.П: 267]; *воздушный заревой огонь* [АБ.П: 294]; *огни зари* [АБ.П: 307]; *пожарище заката* [БП.П: 267]; *пожар заката не остыл* [БП.П: 294];

7) физические явления → физические свойства человека > форма (А. Белый): субмодель «тепловые явления → внешность человека > очертания»: *локонов дым* [АБ.П: 91]; *пепельный дым волос* [АБ.Пр: 100, 147]; *кудри слились в дым* [АБ.Пр: 119].

5. Данный этап состоит в описании содержания метафорического концепта на семантическом и когнитивном уровнях. В содержание метафорического концепта «Огонь» входят следующие репрезентанты и ассоциаты:

1) семантический уровень:

а) узуально-метафорический подуровень: *огонь, огненный, пламя, пламенный, воспламенить, пожар, гореть, пылать, обжечь, вспыхнуть, теплиться, дымиться, гаснуть, тухнуть*;

б) окказионально-метафорический подуровень: *огонь, огненный, пламя, пожар, пожарнице, горение, гореть, жар, обжечь, вспыхнуть, дым, дымиться, испылаться, тухнуть, пепел*;

2) когнитивный уровень (ассоциативно-метафорический): ‘ярко выраженный’; ‘сильно проявляющийся’; ‘сильный, полностью охвативший’; ‘очень сильный, сокрушительной силы’; ‘сильный, страстный’; ‘порывистый, пылкий’; ‘яркий, цвета огня’; ‘сверкающий, блестящий’; ‘нечетко выраженный, неясный’; ‘слабо выраженный, едва проявляющийся’; ‘слабый, утративший былую силу’; ‘утративший блеск, тусклый’; ‘неяркий, тусклый’; ‘бесформенный’; ‘внезапный, резкий’; ‘начинающийся, возобновляющийся’; ‘прекращающийся, исчезающий’; ‘деятельный’; ‘направленный на что-л., стремящийся к чему-л.’; ‘возбужденный, увлеченный’; ‘важный, значимый’; ‘незабываемый, памятный’.

6. Этот этап предполагает определение частоты и характера репрезентации выявленных когнитивных признаков (ассоциатов) в исследуемых текстах. В результате проведенного анализа было установлено, что существующие репрезентанты исследуемого метафорического концепта, как правило, детерминированы несколькими устойчивыми образными представлениями и ассоциациями, описание которых осуществляется посредством указания квалификаторов ассоциатов:

1) сила (интенсивность, активность) проявления чего-л. (*огонь, пламя, горение, дым, огненный, пламенный, воспламенить, гореть, пылать, вспыхивать, теплиться, гаснуть, тухнуть*);

2) мера (степень) чего-л. (*огонь, пожар, жар, пепел, гореть*);

3) цвет (*огонь, пламя, пожар, пожарнице, жар, гореть, тухнуть*);

4) форма (*дым, дымиться*).

Наибольшей частотностью и метафорической полисемией обладают метафоры *огонь, пламя, дым*, средней частотностью характеризуются метафоры *пожар, жар, горение, гореть, пламенный*, наименьшей – все остальные.

7. На данном этапе осуществляется описание структуры метафорического концепта – его ядерной, приядерной и периферийной зон, что определяется качественно-количественным составом выявленных ассоциатов и репрезентантов данного концепта (см. табл. 1.1).

Таблица 1.1.

Структура метафорического концепта «Огонь»

Квалификатор	Ассоциаты	Репрезентанты	%
Ядерная зона			
<u>Проявления объекта:</u> интенсивность; активность	‘ярко выраженный, сильно проявляющийся’; ‘сильный, страстный’; ‘порывистый, пылкий’; ‘деятельный’; ‘направленный на что-л., стремящийся к чему-л.’; ‘возбужденный, увлеченный’; ‘сверкающий, блестящий’; ‘слабо выраженный, едва проявляющийся’; ‘нечетко выраженный, неясный’; ‘утративший блеск, тусклый’; ‘начинающийся, возобновляющийся’; ‘прекращающийся, исчезающий’	<i>горение, огонь, пламя, пожар, жар, дым, огненный, пламенный, воспламенить, гореть, пылать, гаснуть, теплиться, вспыхнуть, тухнуть</i>	35%
<u>Мера:</u> степень	‘сильный, полностью охвативший’; ‘очень сильный, сокрушительной силы’; ‘слабый, утративший былую силу’	<i>огонь, пожар, жар, пепел, гореть, испылаться</i>	26%
Приядерная зона			
<u>Цвет:</u> тон	‘яркий, цвета огня’; ‘неяркий, тусклый’	<i>огонь, пламя, жар, пожар, пожарище, гореть, тухнуть</i>	18%
<u>Проявления объекта:</u> обнаружение; реализация	‘внезапный, резкий’; ‘важный, значимый’; ‘незабываемый, памятный’	<i>пламя, огненный, гореть, вспыхнуть, обжечь</i>	16%
Периферийная зона			
<u>Форма:</u> очертания	‘бесформенный’	<i>дым, дымиться</i>	5%

Как видим, ядерную зону метафорического концепта «**Огонь**» составляют многочисленные ассоциаты, которые репрезентированы большим количеством языковых и речевых реализаций в текстах всех названных поэтов-прозаиков первой половины XX в. и квалифицируются как:

1) проявления объекта (интенсивность; активность): ‘ярко выраженный, сильно проявляющийся’; ‘сильный, страстный’; ‘порывистый, пылкий’; ‘деятельный’; ‘направленный на что-л., стремящийся к чему-л.’; ‘возбужденный, увлеченный’; ‘сверкающий, блестящий’; ‘слабо выраженный, едва проявляющийся’; ‘нечетко выраженный, неясный’; ‘утративший блеск, тусклый’; ‘начинающийся, возобновляющийся’; ‘прекращающийся, исчезающий’;

2) мера (степень): ‘сильный, полностью охвативший’; ‘очень сильный, сокрушительной силы’; ‘слабый, утративший свою былую силу’.

В приядерную зону данного метафорического концепта входят цветочные ассоциаты (тон): ‘яркий, цвета огня’; ‘неяркий, тусклый’, а также ассоциаты с квалификатором «проявления объекта (обнаружение; реализация)»: ‘внезапный, резкий’; ‘важный, значимый’; ‘незабываемый, памятный’ (их немного, но они представлены метафорическими репрезентантами в стихотворных и прозаических текстах двух и более авторов).

Периферию описываемого метафорического концепта образуют ассоциаты, означающие форму (очертания) объекта: ‘бесформенный’ (они характерны только для одного автора, т. е. являются индивидуальными).

Таким образом, предлагаемая методика позволяет установить содержание и структуру метафорического концепта. При этом необходимо отметить, что исчерпывающее описание содержания какого-либо метафорического концепта представляется достаточно сложным и, более того, практически невозможным, так как, во-первых, он исследуется, как правило, на определенном корпусе текстов, поэтому трудно выявить все индивидуально-речевые (в отличие от языковых) метафорические реализации; во-вторых, метафорический концепт как ментальный конструкт не поддается полной вербализации его понятийных компонентов. Однако активизация исследований в этой области будет способствовать максимально возможному и объективному описанию выявленных метафорических концептов, а следовательно, более глубокому пониманию сущности и механизмов национального и индивидуального образно-метафорического мышления.

1.8. Метафорическая концептосфера и принципы ее описания

Совокупность сформировавшихся в данном этнокультурном обществе концептов образует, как известно, его единую концептосферу – целостное структурированное ментальное пространство. В любой культуре концептуальная картина мира складывается из определенного ряда универсальных концептов (к примеру, «Человек», «Социум», «Пространство», «Время» и т. п.), но у каждого народа они дополняются своими этноспецифическими компонентами, в целом создающими понятийную основу национального мировосприятия. «Концептосфера – это совокупность концептов нации, которая образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа» [Лихачев 1993: 5]. Она является динамическим образованием, находящимся в состоянии подвижности и развития, «постоянно преобразуется под влиянием приходящей извне информации, причем информации, получаемой по разным каналам, а также в результате ее усвоения и переработки мыслящим человеком» [Кубрякова 1996: 91].

Совокупность универсальных концептов, приобретающих в любой этнокультуре дополнительные специфические компоненты и составляющих основу национальной концептосферы, обозначается в лингвоконцептологии различными терминами. В. В. Красных для наименования данного понятия ввела термин «когнитивная база», под которой понимается «определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители национально-культурного менталитета» [Красных 2002: 61]. Ю. Е. Прохоров также утверждает, что принадлежность к какой-либо культуре определяется наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессах социализации индивидуумов в данном обществе, и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности) выбора элементов периферии [Прохоров 2004: 14]. В. А. Маслова выделяет в структуре концептосферы ядро, приядерную зону и периферию, причем «ядро и приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные знания, а периферия – индивидуальные» [Маслова 2005: 17]. З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что базовое стерео-

типное ядро знаний действительно существует, но выделяется из индивидуальных концептосфер как некоторая их часть, в равной мере присвоенная всеми членами этнокультурного сообщества. Они различают не только национальные и индивидуальные, но и «групповые концептосферы (профессиональная, возрастная, гендерная и т. д.)» [Попова 2007: 128]. Следовательно, вопрос о структуре концептосферы остается открытым.

Совокупность сформировавшихся у носителей какой-либо этнокультуры метафорических концептов образует их **метафорическую концептосферу** (термин введен нами для комплексного описания метафорических концептов), которая входит в состав общей концептосферы данного народа – его концептуальной картины мира. Совокупность метафорических концептов индивидуума составляет его индивидуальную метафорическую концептосферу, являющуюся частью, с одной стороны, метафорической концептосферы и общей концептосферы этноса, а с другой – концептуальной картины мира автора, и реконструируемую в результате анализа его идиолекта. Основу метафорической концептосферы составляют **базовые метафорические концепты**, т. е. ключевые понятия, проявляющиеся в значительном количестве языковых (речевых) реализаций.

Метафорическая концептосфера, как и общая концептосфера народа, включает в свою структуру ядерную, приядерную и периферийную зоны. Ядро метафорической концептосферы образуют базовые метафорические концепты, которые представлены наибольшим числом репрезентантов и ассоциатов. Состав метафорических концептов приядерной и периферийной зон определяется количественным и качественным соотношением с ядром данной концептосферы. Реконструкция метафорической концептосферы этноса как составляющей национальной концептуальной картины мира (на основе словарных данных) в сопоставлении с индивидуальными метафорическими концептосферами как частью концептуальных картин мира разных авторов (на основе созданных текстов различной жанрово-стилевой квалификации), которая должна проводиться с применением корпусных методик, позволяет выявить личностное на фоне национального и индивидуальное на фоне системного.

Национальная концептосфера находит отражение в художественной концептосфере того или иного автора (его индивидуальной концептуальной картине мира), являющейся специфическим образованием, способом субъективной концептуализации мира. Особый интерес в этом отношении представляет творчество писателя, выражающего свои мысли в стихах и прозе.

Описание индивидуальной метафорической концептосферы писателя (поэта-прозаика), реконструированной на основе корпусного исследования метафорики всех его произведений, целесообразно, на наш взгляд, осуществлять, руководствуясь следующими принципами: 1) ядро данной концептосферы содержит метафорические концепты, эксплицируемые в большом количестве разнообразных метафор, обладающих высокой частотностью; 2) приядерную зону составляют концепты, которые часто, но неравномерно вербализуются в произведениях автора разных литературно-художественных форм и жанров или проявляются в относительно небольшом количестве метафор (как звуко-графических комплексов), имеющих высокую частотность; 3) периферию образуют метафорические концепты, объективируемые незначительным количеством метафор, характеризующихся сравнительно невысокой частотностью или проявляющихся преимущественно в произведениях лишь одной из литературных форм или определенных жанров.

Предлагается описание индивидуальной метафорической концептосферы на материале стихотворных и прозаических текстов одного из исследуемых писателей-«билингвов».

Базовыми в индивидуальной метафорической концептосфере поэзии и прозы З. Гиппиус являются концепты «Жизнь», «Дыхание», «Голос», «Взгляд», «Характер», «Желание», «Плач», «Усталость», «Сон», «Птица», «Вода», «Свет». Практически все метафорические концепты (девять из двенадцати) связаны с человеком, а ведущее место принадлежит концептам «Голос» и «Характер»: окружающий мир мыслится автору в человеческих категориях.

Ядро данной индивидуальной метафорической концептосферы образуют концепты «Жизнь», «Голос», «Характер», «Вода»: они обладают высокой частотностью и эксплицируются в обеих формах словесно-художественного искусства.

Метафорический концепт «Жизнь» включает в себе представление о разных стадиях человеческого бытия и выступает в метафорах *живой, жить, погибнуть, родиться, умереть*. Его метафорические реализации базируются на ассоциациях автора, квалифицируемых как: 1) проявления объекта: а) обнаружение: 'проявляющийся, имеющийся' (*душа живет* [ЗГ: 144]; *душа жива* [ЗГ: 173]); 'не проявляющийся, отсутствующий; исчезнувший' (*в душе погибшей* [ЗГ: 82]; *любовь умирала* [ЗГ: 80]); 'становящийся невидимым' (*месяц умирает* [ЗГ: 54]); б) реализация: 'выражающий что-л.' (*рожденных слов* [ЗГ: 64]; *слова, рожденные страданьем* [ЗГ: 175]); 2) цвет (тон): 'утративший яркость, потемневший' (*умираю-*

щее небо [ЗГ: 465]); 3) динамика (движение): ‘ставший неподвижным’ (*вода умерла* [ЗГ: 62]). Наиболее частотными являются метафоры *жить, умирать*.

Метафорический концепт «Голос» отражает авторские представления о мире, наполненном разными звуками, как о «собеседнике», наделенном «правом голоса». Он реализуется в метафорах *говор, голос, лепет, речь, шепот, безмолвный, болтливый, молчаливый, немой, бормотать, говорить, лепетать, молчать, шептать* и др., в которых проявляются ассоциаты с квалификаторами: 1) звук: а) сила звука: ‘громкий’ (*говор моря* [ЗГ: 526]; *дождевые голоса* [ЗГ: 124]); ‘тихий’ (*шепот ночи* [ЗГ: 328]); ‘беззвучный’ (*безмолвные тополи* [ЗГ: 308]; *колокола молчат* [ЗГ: 115]; *вода немая* [ЗГ: 62]); б) качество звучания: ‘невнятный, едва слышный’ (*воды бормотали* [ЗГ: 528]; *лепеты дождя* [ЗГ: 222]); в) ритм: ‘непрерывно звучащий’ (*болтливые ручьи* [ЗГ: 379]; *болтливая река* [ЗГ: 318]); 2) проявления объекта (обнаружение): ‘внутренне проявляющийся’ (*сердца речь* [ЗГ: 131]; *здравый смысл шепнул ей* [ЗГ: 332]); ‘не проявляющийся, затаенный’ (*сердце молчит* [ЗГ: 106]; *мысли немые* [ЗГ: 106]). В поэзии и прозе З. Гиппиус чаще всего используются метафоры *молчать, шептать, шептаться*, в поэзии также *безмолвный, немой, лепет*, в прозе – *говор, говорить*.

В метафорическом концепте «Характер» содержатся авторские представления о многообразии проявлений окружающего мира (характер человека является мерилем всего сущего). Он выражается с помощью метафор *беззлобный, верный, жадный, жестокий, злой, капризный, кроткий, ласковый, недобрый, нежный, несмелый, покорный, смелый, стыдливый, трусливый, упрямый* и др., создание и использование которых определяется ассоциатами, квалифицируемыми как: 1) оценочность: а) позитивная оценка: ‘доставляющий приятные ощущения’ (*ласковое море* [ЗГ: 390]); ‘хороший’ (*беззлобная душа* [ЗГ: 268]); б) негативная оценка: ‘доставляющий неприятные ощущения’ (*жестокое светило* [ЗГ: 164]); ‘плохой’ (*злая жизнь* [ЗГ: 65]); 2) проявления объекта: а) активность: ‘бездеятельный, пассивный’ (*сердце несмелое* [ЗГ: 120]; *у меня трусливое сердце* [ЗГ: 285]; *душа покорная* [ЗГ: 74]); б) интенсивность: ‘проявляющийся в полную силу’ (*костер ярко-жадный* [ЗГ: 134]); ‘слабо проявляющийся’ (*пламя робкое* [ЗГ: 82]); в) обнаружение: ‘едва заметный’ (*стыдливые мимозы* [ЗГ: 249]; *робкие цветы* [ЗГ: 307, 508]); г) реализация: ‘требующий немедленного удовлетворения’ (*сердце жадное* [ЗГ: 109, 123]). В поэзии и прозе часто встречается метафора *робкий*, в поэзии также *жадный, злой*.

Метафорический концепт «Вода» содержит авторское представление о движении и развитии всего существующего в мире, о его различных проявлениях. Он эксплицируется в метафорах *волна, всплеск, море, озеро, поток, прилив, река, струя, капать, литься, плыть, струиться, таять, течь* и др., образование которых основано на ассоциатах, квалифицируемых как: 1) динамика: а) движение: ‘движущийся в одном направлении’ (*в желтой волне тумана* [ЗГ: 243]; *свет лился* [ЗГ: 391]; *струя сырого воздуха* [ЗГ: 309]); б) развитие: ‘размерно проходящий, спокойно развивающийся’ (*поток времен* [ЗГ: 177]; *река земного бытия* [ЗГ: 215]; *текут мгновения* [ЗГ: 235]); 2) проявления объекта: а) интенсивность: ‘сильно проявляющийся’ (*волна радости* [ЗГ: 430]; *прилив отчаяния* [ЗГ: 330]); б) обнаружение: ‘внезапно появляющийся’ (*всплеск огня* [ЗГ: 202]); ‘становящийся незаметным, исчезающий из виду’ (*она прошла, меж алых сосен тая* [ЗГ: 238]; *нар небес растаял* [ЗГ: 158]); 3) количество: а) множество: ‘обильный, в большом количестве’ (*озера грусти* [ЗГ: 253]); б) малое количество: ‘в небольшом количестве’ (*мысли капаят* [ЗГ: 194]); 4) форма (очертания): ‘волнистый, похожий на поток воды’ (*Млечный Путь – застывшая река* [ЗГ: 233]); 5) мера (размер): ‘заполняющий собой’ (*на лунном море* [ЗГ: 269]; *наплывали сумерки* [ЗГ: 226]). В поэзии чаще всего используются метафоры *литься, струиться, течь*, в прозе – *волна, прилив, струя, струиться*.

Метафорические концепты «Дыхание», «Взгляд», «Усталость», «Сон», «Птица», «Свет» входят в приядерную зону индивидуальной концептосферы 3. Гиппиус, так как они представлены меньшим количеством речевых реализаций.

В метафорическом концепте «Дыхание», который выступает в метафорах *дыхание, дышать*, выражается ассоциативное представление о слабом проявлении чего-либо: 1) динамика: а) движение: ‘едва колеблющийся’ (*дыханье рек* [ЗГ: 152]; *дыханье моря* [ЗГ: 389]; *дыханье волн* [ЗГ: 389]); б) перемещение: ‘легко веющий, обдающий’ (*в дыханьи ветра* [ЗГ: 51]; *озеро дышит туманом* [ЗГ: 109]); 2) проявления объекта: а) обнаружение: ‘издающий едва ощутимый запах’ (*дыханье зацветших миндалей* [ЗГ: 169]; *цветы дышат* [ЗГ: 57]; *едко дышит тленье* [ЗГ: 142]); б) реализация: ‘проникнутый ч.-л.’ (*встреча дышит тайной* [ЗГ: 57]; *дышит скукой ее ответ* [ЗГ: 108]; *никогда мои слова не дышали таким откровенным признанием* [ЗГ: 475]).

Метафорический концепт «Взгляд», эксплицируемый в метафорах *взгляд, взор, глядеть, смотреть*, содержит ассоциаты, квали-

фицируемые как: 1) проявления объекта (обнаружение): ‘появляющийся, становящийся видимым’ (*месяц глядит на меня* [ЗГ: 151, 152]; *солнце смотрит с высоты* [ЗГ: 233, 511]; *лучистый солнца взгляд* [ЗГ: 102]; *взор луны* [ЗГ: 253]; *деревья глядели на него* [ЗГ: 524]); 2) время (последовательность): ‘приближающийся, наступающий’ (*осень пустыми очами глядит меж стволами* [ЗГ: 61]; *глядит холодная весна* [ЗГ: 68]; *мне в очи смотрит ночь* [ЗГ: 69]).

Метафорический концепт «Усталость», реализуемый в метафорах *усталый, утомленный, устать*, включает ассоциаты с квалификатором «состояние (вид): ‘утративший душевные силы’ (*душа устала* [ЗГ: 52]; *усталая душа* [ЗГ: 389]; *утомленная, бессильная душа* [ЗГ: 336]); ‘утративший свежесть, увядший’ (*цветы усталые* [ЗГ: 150]); ‘утративший свои характерные признаки’ (*утомленная луна закатилась* [ЗГ: 126]).

Метафорический концепт «Сон» выступает в метафорах *сон, сонный, дремать, пробудиться, просыпаться, спать* и содержит, как правило, авторское представление о мире, пребывающем в состоянии недолговечного покоя. Он содержит ассоциаты, квалифицируемые как: 1) динамика: а) движение: ‘неподвижный’ (*дремала лениво, спала голубая вода* [ЗГ: 87]; *спящая река* [ЗГ: 379]; *сонный парк* [ЗГ: 61]; *на сонных облаках* [ЗГ: 60]; *спит степной ковыль* [ЗГ: 148]); б) развитие: ‘начинающий расти, цвести’ (*пробудились цветы* [ЗГ: 57]; *лепестки просыпались* [ЗГ: 315]); 2) проявления объекта (обнаружение): ‘не проявляющийся’ (*душа моя сонная* [ЗГ: 140]; *спит дерзновенье* [ЗГ: 87]). Наиболее частотными являются метафоры *сонный, спать*.

Метафорический концепт «Птица» проявляется в метафорах *крыло, полет, птица, стая, ястреб, крылатый, летать, обескрылеть* и выражает чаще всего авторские представления о личной и творческой свободе, вдохновении. Он включает в себя ассоциаты с такими квалификаторами: 1) проявления объекта (активность): ‘интеллектуально-творческий’ (*душа, как раненая птица, рвалась взлететь* [ЗГ: 82]; *полет души* [ЗГ: 134]; *мысли-птицы* [ЗГ: 106]); ‘лишенный творческой силы’ (*мертвый ястреб – душа моя* [ЗГ: 121]); 2) время (длительность): ‘быстро проходящий, быстротечный’ (*крылья острые времен* [ЗГ: 158]; *птица-часы, как безвидная стая, не пролетают* [ЗГ: 280]); 3) динамика (перемещение): ‘быстро перемещающийся, движущийся’ (*задев крылами, летит ветер* [ЗГ: 111]); ‘утративший способность быстро перемещаться’ (*обескрылев в мокрой мгле, тяжелый дым ползет* [ЗГ: 145]). В стихотворениях наибольшей частотностью обладает метафора *крылья*.

Метафорический концепт «Свет» эксплицируется в метафорах *луч, мгла, отсвет, свет, тень, тьма* и включает ассоциаты, квалифицируемые как: 1) проявления объекта: а) интенсивность: ‘слабо проявляющийся’ (*отсветы мыслей, тени слов* [ЗГ: 125]; *едва уловимые отсветы жизни* [ЗГ: 313]; *тень влюбленности* [ЗГ: 132]; *тени мыслей* [ЗГ: 450]); б) обнаружение: ‘неожиданно проявляющийся’ (*в лучах любви* [ЗГ: 91]); 2) оценочность (негативная оценка): ‘неприятный, плохой’ (*смерти мгла* [ЗГ: 82]; *во тьму души* [ЗГ: 75]). Чаще всего используется метафора *тень*.

Метафорические концепты «Желание», «Плач» составляют периферию концептосферы З. Гиппиус, так как эксплицируются чаще всего в ее стихах.

Концепт «Желание» выступает в метафорах *желанье, желать, ждаль, мечтать, просить, хотеть* и связан со стремлением к чему-либо, ожиданием чего-либо: ассоциат с квалификатором «проявления объекта (интенсивность)» ‘внутренне стремящийся к чему-л.’ (*желанье сердца* [ЗГ: 239]; *заветных сроков ждет душа* [ЗГ: 143]; *душа мечтает о снеговом огне* [ЗГ: 144]; *запросит сердце тайны* [ЗГ: 186]; *сердце хочет и просит чуда* [ЗГ: 50]; *душа хотела, чтобы запылали зори* [ЗГ: 188]).

Метафорический концепт «Плач» реализуется в метафорах *слеза, слезливый, слезиться, плакать, рыдать*, в которых заложены зрительные и звуковые представления, соответствующие данному состоянию: 1) проявления объекта: а) обнаружение: ‘проявляющийся внешне, становящийся видимым’ (*плачет сирень от утренних рос* [ЗГ: 53]); б) интенсивность: ‘сильно проявляющийся’ (*плачет от счастья сердце мое* [ЗГ: 75]; *душа обманутая плачет* [ЗГ: 108]); ‘слабо проявляющийся’ (*слезы тихие души* [ЗГ: 233]); 2) форма (очертания): ‘похожий на текущие слезы’ (*тяжелые слезы свечей* [ЗГ: 90]; *слезятся небеса* [ЗГ: 126]; *рыдал закатный свет* [ЗГ: 266]); 3) звук (темп): ‘протяжно звучащий’ (*плачет коростель* [ЗГ: 126]). Наиболее частотной является метафора *плакать*.

Следовательно, метафорическая концептосфера З. Гиппиус содержит двенадцать базовых концептов: ядерную зону составляют концепты «Голос», «Жизнь», «Характер», «Вода», в которых сконцентрированы ключевые понятия о движении и развитии мира, разных его стадиях и проявлениях, приядерную – «Дыхание», «Усталость», «Взгляд», «Сон», «Птица», «Свет», периферийную – «Желание», «Плач». В целом она отражает не только индивидуальные, но и релевантные для носителей данной этнокультуры образно-ассоциативные представления о мире.

Реконструкция индивидуальной метафорической концептосферы проводится на основе корпусного исследования всех метафорических контекстов, извлеченных из созданных индивидуумом текстов. Состав структурных компонентов метафорической концептосферы, ее ядерной, приядерной и периферийной зон, определяется качественными и количественными характеристиками концептов.

Сопоставительное изучение разных индивидуальных метафорических концептосфер в пределах одной этнокультуры на каком-либо этапе ее исторического развития способствует выявлению общих для данного народа и специфических для конкретного его представителя метафорических концептов, отражающих соответственно национальные стереотипы образного мышления и субъективные представления о мире.

Описание объемного фрагмента общей метафорической концептосферы этноса, реконструированного в результате воссоздания ряда индивидуальных метафорических концептосфер на значительном корпусе текстов, выявления базовых концептов и сопоставительного их анализа, осуществляется на основании следующих принципов: 1) ядро метафорической концептосферы образуют концепты, которые характерны для всех исследуемых индивидуальных концептосфер; 2) в приядерную зону входят групповые концепты, присущие метафорике двух и более идиолектов; 3) периферию метафорической концептосферы составляют индивидуальные концепты.

Таким образом, воссоздание индивидуальных метафорических концептосфер различных представителей того или иного этноса позволит наиболее полно реконструировать его метафорическую концептосферу.

Выводы

С целью интегративного описания метафоры как явления языка и мышления предлагается новый семантико-когнитивный подход к ее изучению, ведущее положение которого состоит в том, что через исследование семантики метафорических наименований и построение метафорических моделей, реконструируемых на конкретном языковом материале, можно установить типовые модели метафорического мышления этноса или его отдельного представителя в определенный исторический период.

Совокупность эксплицируемых в языке образных аналогово-ассоциативных представлений о действительности, существующих в национальном сознании носителей данной лингвокультуры, состав-

ляет метафорическую картину мира этноса, которая в ходе его исторического развития постепенно модифицируется. Для установления характера этих изменений, необходимо изучать ее на разных этапах эволюции. Метафорическая картина мира конкретного индивидуума вариативна и обусловлена его личностными особенностями. Однако она воспроизводит не только индивидуальные образные представления о мире отдельной языковой личности, но и сложившиеся национальные представления как некие стереотипы в сознании данного носителя лингвокультуры.

Метафорическая картина мира писателя как творческой языковой личности является специфической формой отражения его субъективного образно-метафорического мировосприятия. При этом она содержит как авторские метафоры, непосредственно отражающие своеобразие креативной ментально-вербальной деятельности их создателя, так и общеязыковые метафоры, наличие которых возможно в текстах других авторов, хотя их отбор также вариативен. Воссоздание индивидуальной метафорической картины мира целесообразно осуществлять с помощью моделирования.

Метафорическое моделирование понимается как способ создания и реконструкции национальной или индивидуальной метафорической картины мира, отражающей соответственно стереотипы аналогового и ассоциативного мышления какого-либо этнокультурного сообщества или личностные образные представления о мире носителя языка в конкретный исторический период. Метафорическая модель трактуется как существующая в сознании носителей языка схема вербализации коррелятивных в аналогово-ассоциативном плане понятий. Она включает такие параметры, как исходная и новая денотативно-понятийные сферы и семантико-когнитивный формант. Для описания результатов метафорического моделирования введены понятия метафорической мегамодели и субмодели.

Установлены характерные денотативно-понятийные сферы как источник и цель метафорической проекции: 1) мегасфера «Человек»: физические, физиологические, психические и душевные свойства человека; 2) мегасфера «Социум»: социальные группы; социальные отношения; искусство (как сфера-источник также «армия»); 3) мегасфера «Животный мир»: виды животных (как сфера-источник также «объединения животных», «физические свойства животных», «условия обитания животных»); 4) мегасфера «Растительный мир»: виды растений; совокупность растений; физические свойства растений (как сфера-источник также «физиология растений»); 5) мегасфера «Неорганический мир»: физические явления; атмосферные

явления; космические, земные и водные объекты; полезные ископаемые (как сфера-источник также «камни-самоцветы»); 6) мегасфера «Артефакт»: здания; одежда; инструменты; техника; военные атрибуты; предметы религиозного культа (как сфера-источник также «домашняя утварь», «пищевые продукты», «продукты литейного производства»; как сфера-цель – «населенный пункт», «печатно-рукописная продукция»); 7) мегасфера «Время»: временные отрезки (как сфера-цель также «свойства времени»).

Выделены основные типы семантико-когнитивных формантов: 1) форма (очертания, структура); 2) цвет (тон, оттенок, окраска); 3) звук (высота, сила, темп, ритм, качество звучания); 4) динамика (движение, действие, перемещение, развитие); 5) количество (множество, малое количество, совокупность); 6) мера (размер, степень); 7) корреляция (порядок, расположение, связь); 8) проявления объекта (обнаружение, интенсивность, активность, реакция на что-л., реализация); 9) консистенция (плотность, прозрачность, твердость); 10) состояние (вид, характер); 11) время (длительность, непрерывность, последовательность); 12) функциональность (цель, предназначение); 13) оценочность (позитивная / негативная оценка).

Метафорический концепт рассматривается как ментальный конструкт, отражающий устойчивые в коллективном и индивидуальном сознании образные аналогово-ассоциативные связи реалий и эксплицируемый в процессе креативной вербальной деятельности носителей данной этнокультуры. Совокупность сформировавшихся у представителей того или иного этноса метафорических концептов образует метафорическую (национальную / индивидуальную) концептосферу, содержание которой составляют репрезентанты (узальные и окказиональные метафоры) и ассоциаты (когнитивные признаки). Она имеет достаточно сложную структуру, включающую ядерную, приядерную и периферийную зоны, состав которых определяется в зависимости от качественно-количественных характеристик выявленных метафорических концептов.

Реконструкция индивидуальной метафорической концептосферы осуществляется на основе анализа метафорики идиолекта какого-либо носителя этнокультуры, национальной – на базе исследования метафорики данного языка, а также сопоставительного изучения разных индивидуальных метафорических концептосфер. Сопоставление метафорической концептосферы этноса и индивидуальной метафорической концептосферы отдельного его представителя будет способствовать выявлению личностного (субъективного) на фоне национального (объективного).

ГЛАВА 2

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Лингвистические исследования начала XXI вв., которые проводятся в русле антропоцентризма, возвратившего человеку статус «меры всех вещей» и вернувшего его в центр мироздания [Воркачев 2001: 65], отличаются глобализацией в решении различных проблем – анализом обширного языкового материала или детализацией отдельных фрагментов языка, масштабностью разного рода обобщений, систематизацией и классификацией большого числа фактов. Формирование антропоцентрической научной парадигмы обусловлено признанием ведущей роли человека в процессах порождения и восприятия речи. В современной лингвистике осуществляется интегративный подход к изучению языка, рассматриваемого в триединстве «Мир – Человек – Язык», и фокусируется внимание на проблемах взаимосвязи языка и мышления, сущности языка как инструмента кодирования и декодирования определенной информации о реальности, фиксируемой в языковой картине мира этноса.

Национальная языковая картина мира получает уникальное воплощение в художественной картине мира, которая является специфической формой репрезентации индивидуального мировосприятия автора. Особый исследовательский интерес в этом отношении вызывает творчество писателя, владеющего двумя формами словесного выражения – стихотворной и прозаической. Поэзия и проза как формы словесного искусства обладают определенными дифференциальными и интегральными свойствами [Кравцова 2011: 116–121], которые ярко отражаются в творчестве одного автора. Изучение языковой личности поэта-прозаика, его литературного наследия представляется важным для определения особенностей осмысления им действительности и реализации смыслового потенциала слов, степени взаимосвязи и взаимопроникновения образных (в том числе метафорических) средств в стихах и прозе.

2.1. Поэзия и проза в творчестве одного автора

2.1.1. Понятие литературного «билингвизма»

Поэзия и проза одного автора представляет собой лингвохудожественный феномен, получивший название литературного «билингвизма» (Р. О. Якобсон). Его суть состоит в том, что поэт активно ис-

пользует в своем творчестве прозаическую форму для решения художественно-эстетических задач в области поэтического языка и расширения способов образного воплощения своего замысла, не уместяющегося в границах стихотворной формы (или, наоборот, прозаик применяет стихотворную форму как средство реализации его творческих поисков, хотя это более редкое явление в литературе). «Проза поэта – не совсем то, что проза прозаика, и стихи прозаика – не то, что стихи поэта: разница является с мгновенной очевидностью. <...> Вторично приобретенный язык, даже если он отточен до блеска, никогда не спутаешь с родным. Возможны, конечно, случаи подлинного, абсолютного билингвизма» [Якобсон 1987: 324].

Изучение проблемы поэзии и прозы одного автора, специфики прозы поэта началось еще в трудах В. В. Виноградова (1941, 1959, 1963), Б. В. Томашевского (1959), В. М. Жирмунского (1975, 1977), Р. О. Якобсона (1979, 1987) и продолжается в работах С. И. Кормилова (1993), Н. А. Фатеевой (1995, 1996), О. Г. Ревзиной (1998), М. Г. Гаспарова (2001) и др. Однако прикладных исследований по сопоставлению двух форм словесного искусства, соотношению образно-экспрессивных средств в стихах и прозе одного автора крайне мало. Имеются отдельные литературоведческие работы о творчестве поэтов-прозаиков (например, Д. Е. Максимова (1975) о А. Блоке, М. П. Павловой (2003) о В. Высоцком) и взаимосвязи тех или иных выразительных средств в их произведениях (к примеру, Е. П. Кисловой (1998) о метафорике поэзии и прозы Б. Пастернака).

С проблемой литературного «билингвизма» опосредованно сталкивались многие лингвисты, стремившиеся построить целостную картину языковых явлений на большом корпусе художественных текстов поэтов-прозаиков XIX–XX вв. (труды В. В. Виноградова (1941) о А. Пушкине, Р. О. Якобсона (1979, 1987) о Б. Пастернаке, И. А. Бродского (1979, 1997), Л. В. Зубовой (1989) о М. Цветаевой, В. П. Григорьева (1983) о В. Хлебникове, Н. А. Кожевниковой (1983), Л. А. Новикова (1990) о А. Белом, Ю. И. Левина (1998) о О. Мандельштаме и др.). Лишь в конце XX – начале XXI вв. появились фундаментальные лингвистические исследования в области поэзии и прозы одного автора – Н. А. Кожевниковой о А. Белом (1992), О. Г. Ревзиной о М. Цветаевой (1998), Н. А. Фатеевой о Б. Пастернаке (2003). Но в целом проблема сосуществования и взаимосвязи поэзии и прозы в творчестве одного автора, корреляции их экспрессивных средств до настоящего времени остается малоизученной, хотя значимость исследования творческой индивидуальности писателя-«билингва», на наш взгляд, очевидна: это позволит выявить новые грани его мастерства,

определить общие художественно-эстетические принципы, специфику креативной самореализации автора в разных литературных формах и характер взаимопроникновения средств речевой выразительности в стихотворных и прозаических текстах.

Особенно яркое проявление подобного «билингвизма» наблюдается в русской литературе первой половины XX в. «В эту эпоху поэзия и проза не просто проникают друг в друга, они пытаются привить себе то, что составляет основу, “сердцевину” другого» [Дмитриевская 2004: 4]. При этом они «взаимообогащаются, учатся друг у друга, пересоздавая (каждая – присущими ей средствами) на своей “территории” те или иные приемы и средства» [Минералова 2008: 150]. В это время практически невозможно найти поэта, который бы не стремился к прозаической форме выражения (И. Анненский, А. Ахматова, А. Белый, В. Брюсов, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Кузмин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, И. Сельвинский, М. Цветаева и др.). «Проза Брюсова, Белого, Хлебникова, Маяковского и Пастернака – уникальная колония новой поэзии – открывает целый веер путей, готовящих новый взлет русской прозы» [Якобсон 1987: 325]. Именно проза оказывается необходимой для решения творческих задач в период активного экспериментирования в области поэтического языка и расширения форм художественного выражения, не укладывающегося в рамки стихотворной формы. Под прозой поэта подразумеваются не только художественные, но и художественно-публицистические, мемуарно-автобиографические, литературно-критические произведения, так как, в отличие от прозы писателя-прозаика, она обладает целым рядом специфических черт, которые раскрывают сущность творческой индивидуальности поэта, излагающего свои мысли в прозе. Понятие прозы поэта до сих пор остается недостаточно изученным, хотя в последнее десятилетие наблюдается активизация научного интереса к этой проблеме: появился ряд литературоведческих работ о прозе поэтов – А. А. Пелиховой (2003) о О. Мандельштаме и Б. Пастернаке, О. В. Калининой (2003) о М. Цветаевой, Ю. Е. Ким (2005) о В. Набокове и др.

Проза поэта «в высокой степени специфична – и тем, как она подвергается воздействию доминирующего элемента, т. е. элемента поэтического, и тем, как в напряженном и волевом усилии она высвобождается от него» [Якобсон 1987: 327]. Основными характеристиками прозы поэта, как отмечается в работах Б. В. Томашевского (1959), В. М. Жирмунского (1975, 1977), А. В. Лаврова (1989), С. Н. Буниной (1999), И. Г. Минераловой (2008) и др., являются повышенная эмоциональность, лиризм, поэтическая образность и экс-

прессивность (в том числе метафоричность). К признакам прозы поэта, обусловленным сосуществованием и взаимодействием в ее поэтике свойств лирики и эпоса, относятся также ассоциативность и прерывистость развития мысли, моноцентричность и ритмичность повествования, непосредственность и сиюминутность изображения, бессюжетность или наличие некоего лирического сюжета, складывающегося из передачи размышлений, чувств, воспоминаний героя, максимально сближенного с автором.

При анализе произведений поэтов-прозаиков многие лингвисты (Р. О. Якобсон, Н. А. Кожевникова, Л. А. Новиков, О. Г. Ревзина, Н. А. Фатеева, А. Юнггрен и др.) не раз обращали внимание на факт существования в их творчестве так называемых «близнецных» текстов, имеющих различное выражение по оси «поэзия – проза», между которыми устанавливается отношение семантического тождества по разным текстовым параметрам: структуре ситуации, единству концепции, композиционных принципов, подобно тропеической, звуковой и ритмико-синтаксической организации. Стихи и проза одного автора образуют единое языковое пространство, грани между отдельными сферами которого «не привносятся извне, а понимаются из единства как созидающие его внутренние формы» [Виноградов 1963: 211]. Правила же перехода от одной формы выражения к другой определены законами той же глубинной смысловой связности, в которой «проявляется сущность рефлексии поэта над языком» [Григорьев 1979: 86]. Следовательно, связь прозы с поэзией в творчестве одного автора прослеживается в архитектонике и ритмико-интонационной организации его произведений, высокой семантической концентрации и специфике образных средств.

Поэт-прозаик А. Белый, будучи также теоретиком поэтического языка, постоянно подчеркивал неразрывное единство стихотворной и прозаической речи, где «тут и там цветы образов; тут и там те же встречаются нас фигуры и тропы», что подтверждалось его практической деятельностью писателя, для которого проза, «тончайшая, полнозвучнейшая из поэзий», и поэзия были едины, неразрывны в его творчестве. Так, по мнению Л. А. Новикова, связи его стихотворных и прозаических произведений многочисленны и разнообразны: в них повторяются не только определенные темы и ситуации, но и приемы изображения и организации текста, отдельные мотивы, образы, сочетания слов. К примеру, цикл «Образы» (сборник «Золото в лазури») перекликается с «Северной симфонией», деревенские стихи «Пепла» – с «Серебряным голубем», городские стихи «Пепла» – с «Петербургом». Образность стихов и прозы А. Белого предстает как система взаимодействующих и

развивающихся тропов и фигур речи, объединяемых в семантические поля как носители основных идей произведения [Новиков 1990]. Поэзия и проза писателя, ориентированные на максимальную образность, в значительной степени стимулировались концепцией символизма как системы миропонимания, которая создала предпосылки для нового творческого отношения к слову и образу.

Поэзия и проза А. Белого, в соответствии с нашими наблюдениями [Кравцова 2002], сближаются благодаря таким стилистическим приемам, примененным автором, как: частое использование субстантивированных прилагательных и «нанизывание» их (например, в поэзии *Невозможное, нежное, вечное, милое, старое и новое во все времена* – в прозе *Непоправимое наполнило, непоправимое обнимало ее; Невыразимое окружало их, невыразимое тут стояло вокруг*); употребление абстрактных существительных в форме множественного числа (к примеру, *трепеты, неизмеримости, невнятности, беспокойства*); лексический и словообразовательный повтор; паронимическая аттракция и др. Идиостилу писателя присуще разнообразное использование полисемии, «переливы» значений слов. Одним из характерных образных средств поэзии и прозы А. Белого являются метафоры, которые раскрывают глубокое художественное видение мира, всегда подчинены определенной эстетической задаче и часто основаны на самых неожиданных ассоциациях. В стихотворных и прозаических текстах писателя нередко встречаются метафоры, сходные или тождественные с точки зрения их смыслового содержания. Они представляют собой как бы «сквозные» образы, свободно преодолевающие границу между его поэзией и прозой: в поэзии *волна напевов томных* – в прозе *волна изрыдавшихся звуков; избы смотрят злым глазком – глазки озлобленных домиков; кружево листвы – кружево листов; звездные слезы – слезинки звездочек; янтарь фонаря – янтарь фонарей* и др. Однако это не простое перенесение средств речевой выразительности, различных сочетаний из поэзии в прозу писателя и наоборот: существовала единая логика развития художника слова, его индивидуального образного мышления. Тесные связи между разными областями творчества писателя определялись его эстетическими принципами, талантом и яркой индивидуальностью.

Анализ литературы по проблеме поэтического «билингвизма» свидетельствует о том, что такое творческое «двуязычие» проявляется в целом ряде специфических свойств – существовании некой «памяти» слова, наличии «близнечных» контекстов, увеличении степени «свободы» художественного слова, свободном перемещении его из поэзии в прозу и наоборот, расширении диапазона семантических

средств, многообразии способов художественного отражения действительности, своеобразии ритмики, особой лирической интонации. При этом возвращение к одним и тем же образам, темам и приемам не исключает стремления поэта-прозаика к обновлению способов изображения. Расширяя сферу применения однотипных средств, которые, концентрируясь в поэзии, отражаются в прозе, писатели, владеющие обеими формами литературно-художественного творчества, одновременно выдвигают новые задачи, требующие других средств. Происходит постоянное перераспределение старого и нового, уже опробованных и еще не использованных средств и приемов. Произведения, так или иначе связанные друг с другом – идейно, тематически, сюжетно, оказываются разными с точки зрения их поэтики. Нередко приемы, только намеченные в одном произведении, в следующем предстают в концентрированном виде. Одни и те же темы решаются в разных ключах, одинаковые образы повторяются в различных типах текстов. Так возникает сложное сочетание постоянного и переменного, свидетельствующее о ярком, самобытном таланте поэта-прозаика.

Соединение поэзии и прозы в творчестве одного автора способствует обогащению двух форм литературы. Поэзия и проза «пытаются привить себе то, что составляет основу основ противоположного “крыла” литературы» [Минералова 2008: 112]. При этом «известно, насколько проигрывает поэзия от обращения поэта к прозе; достоверно только, что проза от этого сильно выигрывает» [Бродский 1997: 28], так как в ней происходит «отбрасывание лишнего», а это «первый крик поэзии – начало преобладания звука над действительностью, сущности над существованием» [Там же: 32].

Таким образом, исследование творческой индивидуальности поэта-прозаика предполагает определение общих и специфических черт художественно-эстетической самореализации автора в разных литературных формах, установление степени взаимосвязи и характера взаимопроникновения выразительных средств в стихотворных и прозаических произведениях, детерминированных единством языковой личности писателя-«билингва».

2.1.2. Языковая личность писателя-«билингва»

Языковая личность писателя, владеющего двумя формами словесно-художественного творчества – стихотворной и прозаической, представляет научный интерес прежде всего для лингвопоэтики, а также в определенной мере для психолингвистики, социолингвистики, лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

Понятие языковой личности относится к числу наиболее сложных, емких, «многослойных» понятий лингвистики. Основы исследования языковой личности были заложены в трудах В. Гумбольдта, Г. Гердера, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Ю. Н. Караулова и др. Так, В. В. Виноградов, считая, что за каждым художественным текстом всегда стоит личность автора, под языковой личностью понимал личность писателя, владеющего системой языка [Виноградов 1980]. Г. О. Винокур, подчеркивая тесную взаимосвязь между «языком и продуцирующей его личностью», выделял два вида анализа: от писателя к его языку – «изучение языка писателя в проекции на его биографию» – и от языка к писателю – исследование отношений «между языком писателя и его личностью» с целью раскрытия психологии писателя, его внутреннего мира [Винокур 1997]. Теория языковой личности, основательно разработанная Ю. Н. Карауловым (1987, 1989), продолжает активно развиваться в работах С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, И. А. Сеницы, Л. А. Шестак и др.

В лингвистических исследованиях термин «языковая личность» имеет разные интерпретации: личность автора, который, используя свой тезаурус, создает тексты на основе индивидуальных знаний о мире, зафиксированных в значениях слов и ассоциативно-вербальных комплексах, соответствующих национально-психическому состоянию ума и личной заинтересованности в интерпретации определяемых фактов [Караулов 1989: 3]; человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, т. е. комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения (личность речевая); совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения (личность коммуникативная); базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре (личность словарная, этносемантическая) [Воркачев 2001: 68–69]; человек, участвующий в коммуникации [Карасик 2007] и др. Определяя личность как языковую, ученые характеризуют способности человека к речемыслительным действиям. «Данные способности каждый индивид реализует по-разному, демонстрируя разный уровень владения богатствами определенного языка. Описывая особенности индивидуального использования языка, мы объективируем идеальные черты личности, актуализированные с помощью языковых средств» [Сеница 2006: 35–36].

Ю. Н. Караулов считает, что языковая личность – «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этнический и др. компоненты, преломленные через ее язык, ее дискурс» [Караулов 1987: 16]. Языковая личность понимается как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3]. В представленной ученым модели языковой личности выделяются три уровня: 1) вербально-семантический; 2) лингвокогнитивный; 3) мотивационный. Критериями их выделения являются типовые единицы – слова, концепты и коммуникативно-деятельностные потребности, отношения между этими единицами и стереотипы их объединения в определенные комплексы. Данная трехуровневая модель позволяет рассматривать разнообразные качественные признаки языковой личности в рамках трех существенных характеристик – собственно языковой (вербально-семантической), когнитивной (познавательной) и прагматической (мотивационной).

Вербально-семантическая характеристика складывается из лексикона индивидуума – всего запаса слов и словосочетаний, которые он использует в процессе общения. При этом учитывается не только количество лексических единиц, но и умение правильно применять вербальные средства в соответствии с нормами социальной дифференциации и вариативности, функционально-стилистической ценности. Индивидуальность этой характеристики определяется как уровнем владения данным умением вообще, так и вариативностью словоупотребления, субъективным выбором языковых средств различных уровней, степенью нарушений нормативных правил литературного языка в частности. Лингвокогнитивная характеристика связана с интеллектуальной сферой личности, ее познавательной деятельностью, предполагающей мыслительные процессы. У каждого индивидуума в процессе развития вырабатываются определенные представления об окружающей действительности, формируются концепты, которые отражают особенности его мировидения. В его сознании они представлены как некая система социальных и культурологических ценностей, сформировавшаяся в конкретных условиях общественной деятельности и личного опыта, что находит отражение в использовании в процессе вербальной коммуникации специфических речевых средств, являющихся результатом индивидуального отбора данной личности. Прагматическая характеристика

определяется целями и задачами общения – намерением говорящего, его интересами, мотивами и конкретными коммуникативными установками. Мотивация говорящего, его «коммуникативно-деятельностная потребность», представляет собой единицу прагматического уровня языковой личности, служит наиболее существенным фактором, обуславливающим ее индивидуальные особенности [Караулов 1987].

В лингвистических исследованиях последних лет используются различные подходы к изучению языковой личности. Все имеющиеся работы В. И. Карасик группирует по таким направлениям, как: 1) психологическое (разработано множество классификаций характеров: от античной модели темпераментов до теории акцентированных личностей); 2) социологическое (выделены и описаны языковые индикаторы определенных общественных групп: от индикаторов социальной идентичности в малых группах до индикаторов коммуникативного поведения больших групп); 3) культурологическое (разработаны модели лингвокультурных типажей – обобщенных представителей определенных групп общества, поведение которых воплощает в себе нормы данной лингвокультуры); 4) лингвистическое (описаны модели коммуникативного поведения разных носителей языка, дана характеристика людей с позиций их коммуникативной компетенции и др.) [Карасик 2004: 96]. И. А. Сеница, анализируя существующие работы по проблемам языковой личности, подразделяет их на две основные группы: 1) работы, ориентирующиеся на принципы анализа, предложенные Ю. Н. Карауловым, и соответственно рассматривающие языковую личность как одну из категорий лингвистики, которая обладает признаками системной организации (вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный уровни) с соответствующим набором средств реализации (слова, понятия, а также деятельностно-коммуникативные потребности); 2) работы, опирающиеся на тезисы В. В. Виноградова и трактующие языковую личность как личность, обладающую коммуникативными, социально-историческими, национальными и другими особенностями, отраженными в системе специфических языковых средств [Сеница 2006: 40–41].

Основным признаком личности как таковой является наличие сознания и самосознания, – соответственно главный признак языковой личности состоит в наличии языкового сознания и самосознания. Под языковым сознанием традиционно понимается общее мировидение, выражающееся в языке и речи, включающее в себя два взаимосвязанных аспекта – представления о мире (во всех матери-

альных и духовных проявлениях), закрепленные в языке, и представления о языке, в том числе вопросы прагматики. Языковое самосознание обычно трактуется как способность носителя той или иной лингвокультуры произвести собственную оценку текстов любого рода. «Между осознанием элементов языка и других элементов культуры нет четко выраженной границы. Существенно также, что осознание элементов языка или языковой структуры текстов совершается теми средствами и идет по тем путям, которые предоставляет личности культура» [Никитина 1989: 35]. Поэтому языковая личность, социальная по своей сути, отражает и национально-культурный компонент своего сознания, т. е. она этноспецифична.

В данной работе рассматривается языковая личность поэта-прозаика, изучение которой является значимым для установления особенностей самореализации писателя-«билингва» в процессе его литературной деятельности, определения специфики употребления им различных языковых средств с целью создания речевой выразительности в художественных произведениях разных форм – стихотворной и прозаической – и способствует выявлению своеобразия его индивидуально-образного мировидения, отраженного в художественной (в том числе метафорической) картине мира.

Синтезируя и развивая идеи В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Ю. Н. Караулова, будем рассматривать **языковую личность поэта-прозаика** (писателя-«билингва») как личность, обладающую высоким уровнем языковой компетенции, имеющую способности к литературному творчеству и художественным обобщениям, наделенную особым восприятием окружающей действительности и владеющую двумя формами словесного искусства – стихотворной и прозаической. В содержание понятия языковой личности писателя-«билингва» включаем такие компоненты, как: 1) собственно языковой (речевой), подразумевающий совокупность языковых средств, которыми владеет данная личность и использует в своей литературно-творческой деятельности, – при этом важными показателями выступают уровень владения языком, индивидуальный выбор различных языковых средств, обладающих экспрессивным потенциалом, вариативность словоупотребления и определенная степень нарушений нормативных правил литературного языка, проявляющаяся в случаях окказионализации, семантической трансформации и др., что присуще писателю вообще, а также ориентация на «память» слова, реализуемая в «близнечных» контекстах, расширение диапазона семантических средств, ритмизация не только поэзии, но и прозы; 2) лингвокогнитивный, характеризующий интеллектуальные способности

личности, особенности ее креативной познавательной-мыслительной деятельности, уровень и специфику образного (в том числе метафорического) мышления; 3) лингвокультурологический, отражающий этно- и социокультурную компетенцию автора, степень освоения концептосферы данного лингвокультурного сообщества, в котором формируется творческая личность, ее умение адекватно интерпретировать значимые для данного социума события, способы репрезентации действительности в поэзии и прозе; 4) художественно-эстетический, представляющий собой систему художественных ценностей и творческих принципов, которые обнаруживаются в следовании определенным правилам и законам словесного творчества, литературным традициям и в то же время в способности данной личности к индивидуально-специфическому видению мира, проявляющемуся в многообразии способов художественного отражения действительности в поэзии и прозе, использовании тех или иных стилистических приемов в разных формах словесно-художественного творчества; 5) мотивационный (прагматический), реализуемый в способности данной личности творчески интерпретировать приобретенный опыт, выражать свое личностное отношение к различным социокультурным явлениям, свободно выбирать факты, события, ситуации в качестве объектов художественного осмысления, субъективно оценивать описываемое, а также в потребности личности поэта излагать свои мысли и идеи в прозе, которая становится органическим продолжением его поэзии. Критериями выделения данных компонентов являются типовые единицы – слова и их сочетания (языковой компонент), модели ситуаций, концепты как ментальные и этнокультурные единицы (лингвокогнитивный и лингвокультурологический компоненты), приемы употребления языковых единиц (художественно-эстетический компонент) и мотивации (мотивационный компонент), а также отношения между этими единицами и стереотипы их объединения в определенные комплексы.

Обращение поэта к прозе может быть обусловлено целым рядом причин. В психологии поэта-прозаика нередко заложено понимание прозы как продолжения не высказанных и недосказанных в поэзии мыслей, поэтому проза становится своеобразным комментарием к стихам. Так, поэт-прозаик И. Бродский отмечал: «В обращении поэта к прозе есть всегда некий мотив снижения темпа, переключения скорости, попытки объясниться, объяснить себя» [Бродский 1997: 29], т. е. проза для поэта становится способом психологического и стилистического раскрепощения, а также расширения возможностей языка. В процессе такого развития поэзии в прозе писатели-«би-

лингвы» (А. Белый, М. Цветаева и др.) не стирают, а как бы перемещают грань, существующую между двумя формами словесно-художественного творчества в массовом сознании. И. Бродский, анализируя творчество М. Цветаевой, отмечал, что проза была для нее «всего лишь продолжением поэзии, но только другими средствами. Повсюду – в ее дневниковых записях, статьях о литературе, беллетризованных воспоминаниях – мы сталкиваемся именно с этим: с перенесением методологии поэтического мышления в прозаический текст, с развитием поэзии в прозу. Фраза строится у Цветаевой не столько по принципу сказуемого, следующего за подлежащим, сколько за счет собственно поэтической технологии: звуковой аллюзии, корневой рифмы, семантического синкретизма и др. То есть читатель все время имеет дело не с линейным (аналитическим) развитием, но с кристаллообразным (синтетическим) ростом мысли» [Бродский 1997: 66]. Сама М. Цветаева свои произведения в прозе тоже относила к работе поэта: «Я поэт, умеющий и думать (писать прозу)» [МЦ,Пр: 126]. Она писала о поэзии и прозе, о работе поэта и прозаика следующим образом: «прозу отношу более к сознанию, стихи к бессознанию (осознанному!)»; «работа прозаика протекает, главным образом, в мысли, а не в слове, в замысле, а не в слове – мысль переводится в слово – у поэта мысль и слово рождаются одновременно»; «проза поэта – другая работа, чем проза прозаика, в ней единица усилия – не фраза, а слово» [Там же: 158].

Творчество поэта в прозе, создающей иллюзию более последовательного развития мысли, чем поэзия, само по себе оказывается косвенным доказательством того, что эмоционально-духовное переживание является иногда менее существенным, что возможны переживания более высокого, интеллектуального порядка, заставляющие читателя не только сопереживать, но как бы соразмышлять с автором. Проза поэта выглядит как продолжающийся монолог лирического героя, требующего собеседника. А. Ахматова, напротив, считала поэзию и прозу разными «стихиями»: «Проза всегда казалась мне и тайной, и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи – я никогда решительно ничего не знала о прозе» [АА: 331], – это признание содержит ключ к пониманию всего ахматовского творчества. Проза А. Ахматовой, с одной стороны, многое разъясняет в ее стихах и поэмах: «из стихов может возникнуть нужная нам проза, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в ряде волшебных зеркал» [Там же: 379]. С другой стороны, прозаические произведения, которые являются относительно самостоятельным образованием в ахматовском творчестве, имеют не мень-

шую художественную ценность, чем ее поэзия, и раскрывают тайны поэтического мастерства.

Существуют и другие причины обращения поэта к прозе. Так, по мнению М. Цветаевой, это «ужас и любопытство, страсть к познанию и страх его» [МЦ.Пр: 415]. Обращаясь к прозе, поэт доказывает свою «царственность», свою поэтическую сущность. «Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур: Два вопроса: сумеешь ли ты и без пурпура быть царем (и без стиха быть поэтом)? Сумеешь ли ты им – царем или поэтом – не быть? Есть ли поэт (царственность) – неотъемлемость, есть ли поэт в тебе – суть?» [Там же: 417]. Иначе говоря, проза поэта позволяет по-другому взглянуть на поэтическое творчество, увидеть разные грани писательского таланта.

Одной из таких причин является внутренняя природа творчества, когда переход от поэзии к прозе становится органичным процессом продолжения характерных особенностей поэтической технологии. «Проза поэта является лучшей лабораторией для исследования психологии поэтического творчества» именно потому, что «в прозе поэта все стадии процесса явлены чрезвычайно крупным планом» [Бродский 1997: 66]. Р. О. Якобсон так описывает логику творческого развития Б. Пастернака: «Параллельно тому, как растет автономность литературного призвания Пастернака, его язык перестраивается: романтический и эмоциональный в своем начале, он становится языком об эмоциях, и этот описательный аспект находит самое яркое выражение в прозе поэта» [Якобсон 1987: 331]. И. Бродский, анализируя творчество О. Мандельштама и М. Цветаевой, пишет: «Мандельштам, как поэт внешне более формальный, чем Цветаева, нуждался в избавляющей его от эха, от власти повторного звука, прозе ничуть не меньше, чем она с ее внестрофическим – вообще внестиховым – мышлением, чья главная сила в придаточном предложении, в корневой диалектике» [Бродский 1997: 71].

И. Бродский называет также другие причины обращения поэта к прозе: «поэту может просто захотеться в один прекрасный день написать что-нибудь прозой: существуют сюжеты, которые ничем, кроме прозы, не изложить: размышления на исторические темы, воспоминания детства в свою очередь выглядят естественнее в прозе»; «нужда или невежество рецензента, не говоря уже о простой почте, рано или поздно заставят его [поэта] писать в строчку, как все люди» [Там же: 65–66], т. е. творческое вдохновение или, напротив, материальная необходимость.

Следовательно, обращение поэта к прозе возникает на определенном этапе его жизненного пути и обусловлено в значительной

степени причинами личностного характера. Проза для поэта становится логическим продолжением его поэзии, своеобразным комментарием к стихотворным текстам, попыткой рассказать и объяснить то, что осталось недосказанным в стихах. Однако чаще всего это связано с необходимостью переосмысления сделанного, поиском нового творческого состояния. Поэтому сущность художественного мышления писателя-«билингва» состоит в том, что при вариативности литературных форм единство его языковой личности сохраняется.

2.2. Метафорическая картина мира русской поэзии и прозы первой половины XX века

В данной работе представлены результаты корпусного семантико-когнитивного исследования метафорики русской поэзии и прозы первой половины XX в. – сложного социокультурного явления, ставшего отражением разных общественно-политических событий и их неоднозначной оценки, характеризующегося противоречивостью литературных тенденций и вобравшего в себя неоднородные художественно-эстетические концепции, которые по-разному аккумулировали и синтезировали традиционное и новаторское. Вместе с тем во взглядах, в мироощущении русских писателей имелись сходные черты, которые в целом определяли «стиль эпохи» (В. П. Григорьев) и «языковой вкус эпохи» (В. Г. Костомаров).

Эмпирическую базу исследования составили метафорические контексты стихотворных и прозаических произведений, за исключением эпистолярия, писателей-«билингвов» – З. Гиппиус (1869–1945) и А. Белого (1880–1934), литературная деятельность которых формировалась в духе художественно-эстетической концепции символизма; М. Кузмина (1872–1936), преодолевшего влияние символистской эстетики и стоявшего у истоков акмеизма, и А. Ахматовой (1889–1966), начинавшей свой творческий путь в русле этого литературного течения; М. Цветаевой (1892–1941) и Б. Пастернака (1890–1960), подвергшихся в ранний период творчества некоторому влиянию символистской и футуристской эстетики, но преодолевших его, что отразилось в их дальнейшем самопозиционировании как писателя вне течений; В. Инбер (1890–1972) и И. Сельвинского (1899–1968), воспитанных на образцах литературы символизма и акмеизма, но сформировавшихся на идеях конструктивизма. Дальнейшее развитие их художественного мастерства осуществлялось либо в России в условиях господства литературы соцреализма, либо в эмиграции.

Метафорическая картина мира каждого из названных поэтов-прозаиков ярко индивидуальна и в каком-то смысле уникальна, однако она отображает не только личные образные представления автора о действительности, но и определенные стереотипы национального метафорического мышления, существовавшие в указанный исторический период, так как он является носителем данной этнокультуры. Реконструкция индивидуальной метафорической картины мира писателя на базе созданных им текстов осуществляется путем семантико-когнитивного анализа метафорики его произведений и выявления продуктивных метафорических моделей, что способствует воссозданию устойчивых в сознании автора образных аналогово-ассоциативных связей реалий.

Изучение особенностей метафорического отображения действительности в произведениях русских поэтов-прозаиков З. Гиппиус, А. Белого, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Инбер, И. Сельвинского на основе сопоставительного анализа метафорики каждого из них позволило реконструировать общую метафорическую картину мира писателя, характерную для данной эпохи.

Метафорическая картина мира русской поэзии и прозы первой половины XX в. базируется на семи мегасферах – «Человек», «Социум», «Животный мир», «Растительный мир», «Неорганический мир», «Артефакт» и «Время», внутри каждой из которых выделены сферы и субсферы (подробно см. в 1.5.1), образуемые метафорами из произведений названных авторов.

Наибольшей частотностью обладают **антропоморфные** метафоры (мегасфера «**Человек**»), принадлежащие к таким сферам, как:

1) физические свойства человека: а) внешний вид: *голубокая память* [МЦ: 98]; *бледные кудри березы* [ЗГ: 313]; *липа стала кудрявая* [ЗГ: 326]; *пенная проседь* [МЦ: 219]; *в седине морей* [МЦ: 255]; *седая молва* [МЦ: 39]; *седые облака* [АБ.П: 88]; *мороз седой* [ВИ.П: 493]; *туман седовласый* [АБ.П: 46]; *румянец зари* [ИС.П: 41]; *румянец нежный льет закатный свет* [МК: 42]; б) части тела: *на бедре башни* [ВИ.Пр: 95]; *брюхо мостов* [АА: 238]; *головы берез* [ВИ.П: 302]; *на груди земли* [АБ.П: 121]; *месяца лик* [АА: 200]; *лицо неба* [ЗГ: 445]; *жестokie очи кабаков* [АБ.П: 147, 157]; *избы смотрят злым глазком* [АБ.П: 161]; *пальцы пальмовой руки* [ВИ.Пр: 153]; *сосновый стан* [МЦ: 189]; *к туловищу башни* [ВИ.Пр: 91]; в) речь / голос: *болтовня ручейков* [БП.П: 126]; *говор моря* [ЗГ: 526]; *лепет воды* [АБ.Пр: 118]; *снегов молчанье* [ЗГ: 64]; *сердца речь* [ЗГ: 131]; *шепоток беды* [АА: 178]; *безмолвные тополи* [ЗГ:

308]; *болтливые ручки* [ЗГ: 379]; *деревья говорливые* [БП.П: 35]; *море многоголосое* [ЗГ: 384]; *шепотливы дождевые голоса* [ЗГ: 124]; *воды бормотали* [ЗГ: 528]; *камышы лепечут* [ЗГ: 113]; *сердце молчит* [ЗГ: 106]; г) физические действия: *бегут года* [АБ.П: 295, 300]; *беги дней* [АБ.П: 397; АБ.Пр: 398]; *тени бродили по подушкам* [ЗГ: 431]; *бродит ветер* [АА: 95]; *с октября забредает зима* [БП.П: 180]; *зима явилась и ушла* [БП.П: 160]; *наутро притащится слава* [АА: 162]; *клевета сопутствовала мне. Ее ползучий шаг я слышала* [АА: 166]; *шаг души* [МЦ: 139]; *улыбка заката* [АБ.П: 69]; д) физические ощущения: *горькое чувство* [АА: 231]; *сладкий сон* [ВИ.П: 50]; *теплое чувство* [АБ.Пр: 112]; *холод бесстрастья* [АБ.П: 38]; *холод души* [ЗГ: 118]; *холодок свободы* [АА: 185]; е) физические состояния: *под снегом отдыхает луг* [АА: 108]; *стон души* [МЦ: 172]; *стон сердца* [АА: 156]; *усталое солнце* [АБ.Пр: 199]; *душа устала* [ЗГ: 52, 150]; *сердце усталое* [АА: 51];

2) физиологические свойства человека: а) внутренние органы: *торговые артерии* [ВИ.П: 148]; *гортань рупора* [ВИ.П: 24]; *десны стен* [ВИ.П: 144]; *жилы тополя* [БП.П: 38]; *мускул полета* [МЦ: 166]; *сердце тайги* [АА: 324]; *чрево виолончели* [ВИ.Пр: 270]; б) физиологические процессы: *вздых души* [МЦ: 139]; *глоток воспоминаний* [ВИ.Пр: 40]; *дыханье рек* [ЗГ: 152]; *озеро дышит туманом* [ЗГ: 177]; *душа жива* [ЗГ: 173]; *она хотела насмотреться досыта* [МК: 315, 380]; *соняет тормоза* [БП.П: 25]; *сердце плачет* [ЗГ: 145]; *катер потел и задышался* [БП.Пр: 97]; *смеялся месяц* [ЗГ: 130]; *солнце смотрит с высоты* [ЗГ: 233]; в) физиологические состояния: *душевная дрожь* [АБ.Пр: 146]; *душа дрожит* [МЦ: 86]; *жар сердца* [МЦ: 119]; *озноб клятв* [МЦ: 143]; *пьяный ветер* [БП.П: 94]; *травы сонные* [ЗГ: 109]; *душа сонная* [ЗГ: 140]; *спит ковыль* [ЗГ: 148]; *спит душа* [ЗГ: 97]; *судорога крана* [БП.Пр: 107]; г) болезни: *агония рябины* [БП.П: 93]; *безумье миров* [АБ.П: 31]; *больное солнце* [ВИ.П: 69]; *в кровоподтеках заря* [БП.П: 156]; *раны рек* [МК: 40]; *струпья снега* [БП.П: 34]; *чахнет снег и болен малокровием* [БП.П: 126]; *деревья в столбняке* [БП.П: 149]; *лес шелушится* [БП.П: 36]; *сады тошнит от затишья* [БП.П: 36];

3) психические свойства человека: а) память: *воспоминания души* [ВИ.Пр: 115]; *душа не забыла* [АА: 163]; *память сердца* [АА: 107]; *память зорь* [МК: 128]; б) мышление / интеллект: *думы сердца* [МЦ: 86]; *задумчивый хмель* [АБ.П: 72]; *мудрое сердце* [АА: 36]; *мысли веков* [БП.П: 138];

4) душевные свойства человека: а) духовная сущность / духовное начало: *дух столетий* [АБ.П: 127]; *дух прошлого* [АБ.Пр: 212];

душа стихов [ЗГ: 112]; *душа поэзии* [АА: 247]; б) черты характера: *сердце жадное* [ЗГ: 109]; *всходило жестокое светило* [ЗГ: 164]; *родина злая* [АБ.П: 168]; *снег ласковый* [АА: 158]; *лениво каркнула ворона* [АБ.П: 205]; *душа покорная* [ЗГ: 74]; *месяц бросил робкий свет* [ЗГ: 300]; *душа упрямая* [ЗГ: 150]; *меж ветвями капризных, стыдливых мимоз* [ЗГ: 249]; *кроткая душа* [ЗГ: 406]; *недобрая птица* [ЗГ: 66]; *сумерки нежные, ласковые* [ЗГ: 306]; в) чувства: *сердце любит* [АА: 35]; *сердце тоскует* [АА: 54]; *цветы ненавидят меня* [ЗГ: 56]; *страстно тянутся ветви* [АБ.П: 35]; г) эмоции / переживания: *взволнованный ветер* [АБ.П: 154]; *грусть фиалок* [МЦ: 48]; *печальная душа* [ЗГ: 50]; *растроганные небеса* [АБ.П: 84]; *угрюмое небо* [ЗГ: 132]; *душа угрюмая* [ЗГ: 144]; д) желания: *желанье сердца* [ЗГ: 239]; *ждет душа* [ЗГ: 143]; *запросит сердце тайны* [ЗГ: 186]; *сердце мечтало* [ВИ.Пр: 174]; *сердце хочет чуда* [ЗГ: 50].

Не меньшей частотностью обладают **абнотические** метафоры (мегасфера «**Неорганический мир**»), относящиеся к сферам:

1) **физические явления**: а) световые явления: *луч надежды* [ЗГ: 213]; *луч улыбки* [АБ.П: 393]; *луч вдохновения* [АА: 123]; *отсветы мыслей* [ЗГ: 125]; *свет любви* [АБ.П: 216]; *тень влюбленности* [ЗГ: 134]; *тень суждений* [АБ.П: 332]; *тень мысли* [МК: 118]; б) звуковые явления: *гром пролеток* [АБ.П: 36]; *гром музыки* [АБ.Пр: 194]; *гром телеграмм* [ВИ.П: 429]; *тишина чувств* [ВИ.Пр: 231]; в душе глубокая *тишина* [ЗГ: 285]; *без тишины в душе* [ЗГ: 300]; в) тепловые явления: *горение души* [ВИ.П: 471]; *дым почестей* [ВИ.П: 382]; *жар страстей, пепел раскаянья* [ВИ.Пр: 258]; *лава ненависти* [МЦ: 202]; *огнь неистовости* [МЦ: 250]; *огнем, пожаром гнева* [ВИ.П: 272]; *огненный смысл* [ВИ.Пр: 439]; *пылающе-красное пламя луны* [ВИ.Пр: 320]; *пламя жизни* [ВИ.Пр: 422]; *пылает лиризм* [ИС.Пр: 451]; *сердце испыталось в пепел* [ИС.П: 304]; *идея теплится едва* [ИС.П: 179];

2) **атмосферные явления**: а) воздушный поток: *буря прений* [ВИ.П: 118]; *ветер встреч* [ЗГ: 177]; *вихрь событий* [АА: 374]; *дуновенье надежд* [БП.Пр: 24]; *морская метель* [МЦ: 100]; б) состояние атмосферы: *гроза двора* [ВИ.Пр: 191]; *заря веков* [ИС.П: 137]; *молния взгляда* [БП.Пр: 123]; *мрак упрощения* [БП.Прж: 250]; *пыль слов* [АБ.П: 329]; *радуга слез* [АА: 213]; *туман столетий* [ИС.П: 136]; *туча толп* [МЦ: 169]; в) атмосферные осадки: *дождь стихов* [АА: 351]; *дождь лепестков* [ВИ.П: 402]; *косые дожди единиц* [ВИ.Пр: 80]; *град телеграмм* [АА: 354]; *посыпался град замечаний* [ВИ.Пр: 80]; *ливень лет* [АБ.П: 458]; *огненные ливни* [ИС.П: 64]; *снег хлопковой гряды* [ВИ.П: 245];

3) космические объекты (небесные тела): *звезда любви* [ЗГ: 67]; *звездочки снега* [БП.Прж: 314]; *в зените славы* [ВИ.Пр: 182]; *луны глаз* [МЦ: 52]; *созвездие имен* [АА: 393];

4) земные объекты: а) участки земли: *берег дней* [АБ.П: 314]; *грот парты* [МЦ: 296]; *души пустыня* [АБ.П: 203]; *пустыня славы* [МЦ: 132]; *снежная пустыня* [АБ.П: 25]; *тропы эпох* [МЦ: 175]; б) рельеф местности: *бездна времени* [АБ.П: 303]; *горы времени* [МЦ: 202]; *оползень царств* [БП.П: 188]; *на пике славы* [ВИ.Пр: 118]; *пенный холм* [МЦ: 208]; *пены холмы* [МЦ: 203]; *ямы карманов* [ВИ.Пр: 211];

5) водные объекты: а) водоемы: *море нив* [МЦ: 127]; *море толп* [МЦ: 178]; *море слез* [МЦ: 191, 223, 261]; *белое море тумана* [АБ.Пр: 129]; *озера грусти* [ЗГ: 253]; *океан колосьев* [ВИ.П: 245]; *пруд очей* [МК: 43]; *пенятся стихи* [ВИ.П: 82]; *капля солнца* [ИС.П: 188]; *тоску по капле коплю* [ИС.П: 284]; б) водный поток: *брызги огней* [АБ.П: 98]; *всплески беседы* [АА: 305]; *горячая волна рвалась из груди* [ИС.Пр: 246]; *страдание лилось в груди* [ИС.П: 140]; *ветра струится волна* [АА: 222]; *прилив отчаяния* [ЗГ: 330]; *разливается закат* [ВИ.П: 82]; *нахлынули воспоминанья* [МК: 154]; *поток событий* [ВИ.Пр: 357]; *бурный поток речи* [ВИ.Пр: 424]; *под гул артиллерийского прибоя* [ВИ.П: 264]; *ручейковые нашептывания* [ВИ.П: 62]; *струится звездный ток* [ВИ.П: 55]; *свет фонаря течет* [ВИ.П: 141]; *текут слова* [МК: 97];

6) полезные ископаемые: а) металлы: *закатное золото* [АБ.П: 104]; *золото волос* [МЦ: 56]; *в полдневном золоте* [АБ.П: 335]; *озера металл* [АБ.П: 228]; *медь детских рук* [ВИ.П: 245]; *свинец облаков* [АБ.П: 147, 157]; *свинцовая ночь* [АБ.П: 140, 145]; *слиток золотых волос* [ВИ.П: 249]; *лунное серебро* [ВИ.П: 357]; *серебро воды* [ВИ.П: 481]; *снежное серебро* [АБ.П: 178]; *ртуть листвы* [МЦ: 121]; б) нерудные ископаемые: *мрамор неба* [АБ.П: 113]; *мрамор ручек* [АБ.П: 252]; *песчинки тишины* [ВИ.П: 246]; *щебень метели* [БП.П: 25];

7) камни-самоцветы: а) драгоценные камни: *алмазы звезд* [АА: 87]; *алмазы слез* [АБ.П: 198]; *звезд разметанный алмаз* [АБ.П: 295]; *алмазины соцветий* [БП.Пр: 89]; *рой алмазных, блищущих стрекоз* [АБ.П: 204]; *бриллианты росы* [АБ.Пр: 157; ИС.П: 157]; *санфир морей* [ИС.П: 34]; *рубин звезд* [АБ.П: 160, 165]; б) полудрагоценные камни: *неба бирюза* [АБ.П: 189]; *бирюза взоров* [АБ.П: 249]; *малахит листвы* [ИС.П: 46]; *хрусталь садов* [ВИ.П: 481]; *ледяные хрустали* [АБ.П: 205]; *хрустальные градины* [АБ.П: 237]; в) «камни» органического происхождения: *жемчуга росы* [ИС.П: 128]; *месяца*

коралл [АБ.П: 50, 228]; *закатный янтарь* [АБ.П: 243]; *фонарь ко-
леблет свой янтарь* [АБ.П: 173]; *янтарные огни* [АБ.Пр: 354].

Высокая частотность присуща **артефактным** метафорам (мега-
сфера «**Артефакт**»), которые принадлежат к следующим сферам:

1) здания: а) строения: *башни облаков* [АБ.П: 68]; *храм души* [МЦ: 214]; *чертог души* [МЦ: 113]; *шатер тополей* [АА: 115]; б) ча-
сти строений: *купола облаков* [АБ.П: 319]; *подвал памяти* [АА: 184];
руины счастья [ВИ.Пр: 231]; *руины лиственные* [МЦ: 122]; в) стро-
ительные материалы: *небесное стекло* [АБ.П: 64]; *заревое стекло*
[АБ.П: 83]; *небес прозрачное стекло* [АА: 98]; *неба синий лак* [АА:
80]; *эмаль неба* [АБ.П: 231]; г) предметы интерьера: *зеркало пруда*
[ВИ.П: 302, 307, 354]; *зеркало воды* [АБ.П: 387; ВИ.П: 350]; *ледник*
зеркальный [АБ.П: 86]; *над водою зеркальной* [ВИ.П: 339]; *ковер*
цветов и трав [ВИ.П: 356]; *звездное покрывало* [АА: 199]; *снежная*
скатерть зимы [ВИ.Пр: 117];

2) домашняя утварь: а) посуда: *блюдце озера* [ВИ.П: 132]; *чаша*
озера [ВИ.П: 505]; *чаша истины* [ЗГ: 254]; б) емкости: *моря бадья*
[МЦ: 259]; *котел событий* [ИС.П: 254]; *небо – чан* [МЦ: 105];
в) приспособления: *сетка инея* [АА: 110]; *звездная сетка* [ВИ.П:
73]; *меховая снасть* [ВИ.П: 415]; *факелы войны* [ВИ.П: 342];

3) пищевые продукты: а) блюда и их ингредиенты: *медовые ко-
сы* [МК: 34]; *мед слов* [МЦ: 159]; *соль дум* [МЦ: 123]; *стряпня мол-
вы* [ИС.Пр: 46]; б) хлебобулочные изделия: *булки фонарей* [БП.П:
23]; *ковриги вершин* [АБ.П: 34]; *пряники подушек* [БП.П: 174]; *пы-
шки крыши* [БП.П: 22];

4) одежда: а) верхняя одежда: *ненастья наряд* [БП.П: 91]; *оде-
жды берез* [ЗГ: 269]; *плащ ночи* [АБ.П: 364]; *плащи тополей*
[БП.П: 25]; *в заплатанном салоне небосвод* [БП.П: 161]; *туманные*
складки [ВИ.П: 356]; *горы оденутся лесом* [БП.Пр: 74]; б) головные
уборы: *платы зари* [АБ.П: 47]; *платок ветел* [БП.П: 152]; *платок*
зимней ночи [БП.Пр: 64]; *ива вдовий повойник* *клонила* [БП.П: 129];
тиара гор [МЦ: 189]; *повечерий фата* [БП.П: 20]; *шапка волос*
[АБ.Пр: 119; БП.Прж: 45]; *шапки левкая* [АБ.П: 81]; в) материалы
для изготовления одежды: *бисер фонарной ряби* [БП.П: 39]; *бисер-
ный дождь* [БП.Прж: 235]; *бусины сигнационных далей* [БП.Пр:
11]; *кружева вьюги* [АБ.П: 280]; *дождевые нити* [АБ.П: 46]; *нить*
судеб, событий [БП.П: 144]; *нити сочувствия* [БП.Прж: 114]; *стек-
лярус дождя* [МК: 83]; *пурговое кружево* [АБ.П: 234]; *трепещущая*
солнечная ткань [АБ.П: 26, 38, 39, 65]; г) украшения: *бусы дождя*
[ВИ.П: 128]; *бусы фонарей* [МЦ: 116]; *из низок ливня* [БП.П: 35];
липы обруч золотой [БП.П: 152]; *цепочка событий* [АА: 323];

5) инструменты: а) рабочие инструменты и их части: *веретено вселенной* [ВИ.П: 115]; *иглы звезд* [АБ.П: 281]; *иглы света* [АБ.П: 234]; *лунный серп* [ВИ.Пр: 134]; б) музыкальные инструменты и их части: *струны души* [АБ.П: 328]; *струны сердца* [АА: 142]; *струны любви* [ВИ.П: 134];

б) техника: а) механизмы и их части: *колесо истории* [ВИ.П: 143]; *конвейер суток* [ВИ.Пр: 91]; *лопасть туманов* [АБ.П: 86]; *прялка времени* [АБ.П: 282]; б) приборы / устройства: *весы науки* [ВИ.Пр: 82]; *весы судьбы* [МЦ: 293]; *прожектор памяти* [АА: 357];

7) военные атрибуты (оружие и его части): *зерло прошлого* [АБ.Пр: 26]; *мечи неба* [МК: 124]; *штык весны* [ВИ.П: 382]; *презубец молний* [АБ.П: 104];

8) продукты литейного производства: а) сплавы: *бронза рук* [ВИ.П: 182]; *бронза сонета* [ИС.П: 166]; *сплав нот* [ИС.П: 65]; *сталь пруда* [ИС.П: 28]; б) монеты: *счастья гроши* [АА: 52]; *монеты удачи* [АА: 52]; *звонкие червонцы славы* [АБ.П: 324];

9) предметы религиозного культа: а) предметы церковной службы: *алтарь души* [ЗГ: 94]; *иконостас небес* [ЗГ: 96]; *купель морская* [МЦ: 105]; *ладан сумрака* [ЗГ: 138]; б) церковная одежда: *морозная риза* [ЗГ: 67]; *риза ночей* [АБ.П: 181]; в) церковная утварь: *лампада луны* [АБ.П: 324]; *лампада вод* [БП.П: 114]; *свеча искупленья* [БП.П: 211]; *свечи встреч* [ВИ.П: 356].

Большой частотностью обладают **зооморфные** метафоры (мега-сфера «Животный мир»), относящиеся к таким сферам, как:

1) виды животных: а) звери / млекопитающие: *сердце-зверь* [ЗГ: 145]; *пурговый конь* [АБ.П: 211]; *конь ветра* [ВИ.Пр: 116]; *дипломатическая лиса* [АА: 367]; б) птицы: *голубь души* [МК: 245]; *мысли-птицы* [МК: 24]; *выпустить птицу – мою тоску* [АА: 65]; *птицы смерти* [АА: 197]; *сердце – пойманная птица* [МК: 163]; *птица-сердце* [МК: 178]; *птица-часы* [ЗГ: 280]; *ястреб-душа* [ЗГ: 21]; в) пресмыкающиеся: *душа-змея* [ЗГ: 176]; *разлука-змея* [ВИ.П: 226]; *свивают кольца облачные змии* [АБ.П: 106]; *златоголовые облака-змеи* [АБ.П: 296];

2) объединения животных: а) объединения зверей / млекопитающих: *свора мужчин* [АБ.Пр: 243]; *рифм стадо* [ЗГ: 181]; *стада флотилий* [АА: 222]; б) объединения птиц: *стая дубов* [АБ.П: 147]; *старушечья стая* [АБ.Пр: 68]; *стая стихов* [АА: 220]; *стая отважных народов* [ИС.П: 139]; *музыкантов стая* [АБ.П: 194, 196]; *стая звуков* [АБ.П: 196]; в) объединения насекомых: *людской муравейник* [ВИ.Пр: 234]; *облак рой* [АБ.П: 28]; *рой отблесков* [АБ.П: 103]; *рой пылинок* [АБ.П: 335]; *рой миров* [АБ.П: 47];

3) физические свойства животных: а) внешний вид: *гривы волн* [ВИ.П: 141]; *мохнатые звезды* [ВИ.П: 214]; *неоперившееся просвещенство* [БП.Пр: 65]; *лесты лебяжий пух* [МЦ: 81]; *оперенье шхуны* [ИС.П: 84]; *лебяжье оперенье луны* [ВИ.П: 495]; *пенная шерсть* [МЦ: 261]; б) части тела: *двурогий месяц* [МК: 114]; *лунное жало* [ЗГ: 235]; *крылья рей* [ИС.Пр: 191]; *крылья сердца* [МК: 111]; *крылья сердца затрепетали* [МК: 128]; *голос мой крылатый* [МЦ: 97]; *рога месяца* [МК: 171]; в) физические действия: *барабаны воркуют* [МК: 129]; *почки верб нахохлятся* [ИС.П: 294]; *реет воспоминание* [АБ.П: 178]; *дождь щебетал, заливался и цокал* [ВИ.П: 196]; *защебетал кран* [ВИ.Пр: 264]; *щебетание дождевых капель* [ВИ.Пр: 301]; *барышни щебетали* [АБ.Пр: 371];

4) условия обитания животных (места обитания): *отчаянный гнездо* [МЦ: 123]; *гнезда огней* [ВИ.П: 91]; *гнезда квартир* [ИС.П: 65]; *разбойничье гнездо* [ИС.Пр: 309]; *в душе гнездилась радость* [МЦ: 142]; *здесь гнездилась кордонная батарея* [ИС.Пр: 493].

Средняя частотность характерна для **социоморфных** метафор (мегасфера «Социум»), которые относятся к таким сферам:

1) социальные группы: а) объединения людей: *орава воробьев* [ВИ.П: 112]; *орда волос* [ИС.П: 84]; *толпа берез* [АА: 115]; *за окнами давка, толпится листва* [БП.П: 37]; *лес стоит толпой стволов сосновых* [БП.П: 127]; *чета берез* [АБ.П: 321]; *чета ворон* [АБ.П: 146, 287]; б) семья: *дети земли* [АБ.П: 36]; *мачеха-любовь* [МЦ: 107]; *семья ракут* [АБ.П: 161]; *к семье кустов* [АБ.П: 156]; в) лицо по профессии, роду занятий: *душа-ворожея* [МК: 119]; *сердце-знахарь* [АА: 39]; *судьба-провидица* [АА: 128]; *бессонница-сиделка* [АА: 78];

2) социальные отношения: а) речевая коммуникация: *отзывы ветра* [БП.П: 24, 25]; *вода – собеседник* [ИС.П: 183]; *спор ветров* [АА: 239]; *воробьишки спорят* [ИС.П: 173]; *птицы разговор ведут* [ИС.П: 356]; б) межличностные отношения: *души заветной сердце не встречало* [ИС.П: 28]; *лобызания ветра* [АБ.П: 85]; *зари лобызаний* [АБ.П: 85, 263]; *среди облачнобледных объятий* [АБ.П: 32]; *поцелуи зари* [АБ.П: 260]; *разлука вдохновений* [МЦ: 98];

3) армия (военные действия): *гнедая атака денег* [ИС.П: 58]; *душа в плену* [ЗГ: 59]; *сердце в плену* [АА: 114]; *в плену часов* [МК: 32]; *душа плененная* [ЗГ: 146]; *душа освобожденная* [ЗГ: 149];

4) искусство: а) музыка, пение: *дипломатическая гамма* [ВИ.П: 328]; *гамма времен* [ВИ.Пр: 414]; *мелодия воды* [ВИ.Пр: 265]; *музыка слов* [ЗГ: 265]; *напевы звучных арф* [МК: 49]; *скрипки пели* [МК: 389]; *ночь поет* [АА: 161]; *запел вечерний сумрак* [АА: 168];

песня последней встречи [АА: 32]; *песня* любви [АА: 54]; *речитатив* колес [ВИ.П: 112]; *хор* цикад [АА: 237]; б) танец: *бал* метелей [АА: 315]; *пляска* ветров [АБ.П: 132]; *танец* берез [АА: 211]; *рожь танцует* [АБ.П: 126]; *хоровод* кипарисов [АА: 176]; *ноченек хоровод* [АА: 325]; в) литература: *лирика* чувств [АА: 116]; *поэзия* жизни [АА: 369]; *проза* труда [ИС.П: 119]; *эпилог* любви [ВИ.Пр: 126]; *любовная эпопея* [ИС.Пр: 123].

Невысокую частотность имеют **фитоморфные** метафоры (мега-сфера «**Растительный мир**»), принадлежащие к сферам:

1) виды растений (цветы): *астра* славы [ЗГ: 109]; *лилии* ланит [АБ.П: 121]; *розы* щек [МК: 56]; *фиалки* глаз [МК: 125]; *цветы* любви [МК: 116];

2) совокупность растений: а) совокупность цветов: *букет* огней [ВИ.П: 118]; *букет* болезней [БП.Пр: 211]; *женский цветник* [ВИ.Пр: 231]; б) совокупность трав: *сноп* огней [АБ.П: 214]; *сноп зарев* [АБ.П: 163]; в) совокупность деревьев: *лес* хризантем [БП.Пр: 216]; *в чаще* сомнений [ИС.Пр: 28];

3) физические свойства растений (их части): *гроздь* люстры [АА: 242]; *зерно* поэзии [АА: 349]; *корни* обиды [ИС.П: 87]; *лепестки* красноречия [ВИ.Пр: 424]; *стебелек* ртути [ВИ.П: 311];

4) физиология растений (этапы их развития): *вянет* разговор [ИС.П: 9]; *спелый* смех [ИС.П: 14]; *спелый* возраст [БП.Пр: 112].

Наименьшая частотность присуща **хрономорфным** метафорам (мега-сфера «**Время**») сферы «**временные отрезки**» (времена года): *весна* любви [АА: 196]; *весна* в душе [АБ.П: 208]; *весна* человечества [ВИ.Пр: 160]; *зима* души [ЗГ: 224]; *зима* отношений [ВИ.Пр: 138]; *осень* чувств [ВИ.П: 157].

Метафорика русской поэзии и прозы включает немало языковых метафор: *крик*, *лепет*, *шепот*, *безмолвный*, *молчаливый*, *немой*, *лепетать*, *шептать*; *дыхание*, *жажда*, *лик*, *сердце*, *сон*, *седой*, *сонный*, *дышать*, *рыдать*, *спать*; *жадный*, *ласковый*, *робкий*, *угрюмый*, *хмурый*; *сладкий*, *теплый*, *холод*, *холодный*; *семья*; *гнездо*, *рой*, *стая*, *щебет*, *роиться*, *щебетать*; *волна*, *море*, *литься*, *разлиться*, *струиться*, *течь*, *тонуть*; *град*, *дождь*, *ливень*; *луч*, *пламя*, *огонь*, *тень*; *зеркало*, *зеркальный*; *сетка*, *сеть*; *кружево*, *нить*, *ткань*; *шатер* и др., которые являются общими для произведений разных авторов и отражают некоторую стереотипность их образного мышления. Однако значительная часть метафор представляет собой индивидуально-авторские переносные новообразования: *речь* сердца; *слезы* души; *тишина* души (З. Гиппиус); *пена* звезд; *струи* солнца; *солнечная ткань* (А. Белый); *солнце-бык*; *голубь-душа*; *огород* сердца

(М. Кузмин); *глоток воспоминаний*; *лаборатория мысли*; *чрево виолончели* (В. Инбер) и др., фиксирующие особенности субъективно-мировосприятия писателя.

В русской поэзии и прозе первой половины XX в. наибольшей частотностью обладают метафоры, относящиеся к мегасферам «Человек», «Животный мир», «Неорганический мир» и «Артефакт», поэтому общая метафорическая картина мира писателя данной эпохи представляется антропоморфной, зооморфной, абиотической и артефактной: она отражает окружающую действительность через призму свойств, присущих человеку, животному, неорганической природе и «вещному» миру.

2.3. Метафорическое моделирование мира в русской литературе первой половины XX века: общие закономерности

В лингвометафорологических исследованиях последних лет, выполняемых на материале текстов или дискурсов определенной жанрово-стилевой квалификации, моделирование стало одним из ведущих методов научного познания. Однако изучение метафорики художественных текстов в этом направлении началось сравнительно недавно (Н. В. Головенкина, А. С. Назин, В. П. Новикова, Е. Н. Осацюк, Е. Б. Рябых, М. Б. Шинкаренко и др.), причем описание метафорических моделей проводится только с позиций когнитивной лингвистики и заключается, как правило, в инвентаризации и классификации сфер-источников метафорической проекции и их фреймово-слотовой структуры. Кроме того, метафора нередко понимается очень широко, поэтому анализируемый материал включает сравнения, перифразы, фразеологизмы, факты метонимии.

Сопоставительное исследование индивидуальных метафорических картин мира русских поэтов-прозаиков З. Гиппиус, А. Белого, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Инбер, И. Сельвинского, в результате которого установлено сто шестьдесят продуктивных метафорических моделей, входящих в состав тридцати мегамоделей [Кравцова 2011: 339–355], способствовало определению общих закономерностей метафорического моделирования мира в литературе изучаемого периода.

В процессе корпусного исследования метафорики русской поэзии и прозы первой половины XX в. было выявлено более пятидесяти общих продуктивных метафорических моделей, входящих в состав почти двадцати мегамоделей:

1. Человек → Человек

1) физические свойства человека → душевные свойства человека > проявления объекта (А. Ахматова, З. Гиппиус, М. Цветаева): а) субмодель «речь → духовная сущность человека > реакция на ч.-л.» (наличие / отсутствие): *душа, молчи* [ЗГ: 69]; *дух молчит* [ЗГ: 132]; б) субмодель «речь → чувства > интенсивность» (усиление / ослабление): *воплъ чувств* [МЦ: 231]; *тихий голос ненависти* [МЦ: 242]; в) субмодель «речь → эмоции > интенсивность» (усиление / ослабление): *голос радости* [АА: 133; МЦ.Пр: 243]; *шепоток печали* [АА: 178];

2) физиологические свойства человека → душевные свойства человека > проявления объекта (З. Гиппиус, М. Цветаева, И. Сельвинский): а) субмодель «физиологические процессы человека → духовная сущность человека > обнаружение» (наличие / отсутствие): *душа живет* [ЗГ: 144]; *душа жива* [ЗГ: 173]; *душа не живет обманом* [ЗГ: 109]; *душа умерла* [ЗГ: 149]; *души несмелое дыханье* [МЦ: 143]; *в них жила душа* [ИС.П: 19]; *душа моя дышала* [ИС.П: 29]; б) субмодель «физиологические состояния человека → духовная сущность человека > обнаружение» (наличие / отсутствие): *спит душа* [ЗГ: 97]; *будит душу сонную* [ЗГ: 140];

3) физиологические свойства человека → душевные свойства человека > состояние (З. Гиппиус, М. Цветаева): субмодель «физиологические процессы человека → духовная сущность человека > вид состояния» (улучшение / ухудшение): *душа плачет* [ЗГ: 108]; *слезы души* [ЗГ: 233]; *атлантский вздох души* [МЦ: 139];

4) душевные свойства человека → физиологические свойства человека > проявления объекта (А. Ахматова, З. Гиппиус): а) субмодель «черты характера → внутренние органы человека > интенсивность» (усиление / ослабление): *сердце жадное* [ЗГ: 109]; *сердце равнодушно* [ЗГ: 79]; *сердце упрямое* [ЗГ: 143]; б) субмодель «чувства → внутренние органы человека > реакция на ч.-л.» (разные виды): *сердце любит сладостно* [АА: 35]; *сердце тоскует* [АА: 54]; в) субмодель «эмоции → внутренние органы человека > интенсивность» (усиление / ослабление): *томилось сердце* [АА: 52]; *сердце измаялось* [АА: 50]; г) субмодель «желания → внутренние органы человека > интенсивность» (усиление / ослабление): *желанье сердца* [ЗГ: 239]; *сердце хочет и просит чуда* [ЗГ: 50]; *запросит сердце тайны* [ЗГ: 186]; *не сердце хочет слез* [ЗГ: 266];

5) душевные свойства человека → душевные свойства человека > проявления объекта (З. Гиппиус, М. Кузмин): а) субмодель «черты характера → духовная сущность человека > реакция на ч.-л.»

(разные виды): *душа покорная* [ЗГ: 74]; *душа упрямая* [ЗГ: 150]; *уверенная душа* [ЗГ: 202]; *беззлая душа* [ЗГ: 268]; *в душе смущенной* [МК: 65]; *в душе послушной* [МК: 114]; б) субмодель «желания → духовная сущность человека > интенсивность» (усиление / ослабление): *душа мечтает о любви* [ЗГ: 144]; *ждет душа* [ЗГ: 143]; *душа хотела* [ЗГ: 188].

2. Человек → Социум

1) физиологические свойства человека → искусство > проявления объекта (А. Ахматова, Б. Пастернак): а) субмодель «физиологические процессы человека → литература > реализация» (возникновение ч.-л.): *рождалась поэзия* [БП.Пр: 61]; *из этой темы рождается искусство* [БП.Пр: 87]; б) субмодель «физиологические процессы человека → литература > реакция на ч.-л.» (воздействие): *дыхание искусства* [АА: 340]; *глубокое дыхание появилось в стихах* [АА: 355].

3. Человек → Животный мир

1) физические свойства человека → виды животных > звук (А. Белый, В. Инбер): а) субмодель «речь → птицы > сила звука» (громкость): *говор ласточек* [АБ.П: 16]; *говорят скворцы* [ВИ.П: 307]; *ласточки сонно переговаривались* [ВИ.Пр: 243]; б) субмодель «речь → птицы > сила звука + качество звучания» (громкость; отчетливость): *бормотание сонной гагары* [ВИ.Пр: 77]; *лепет птичьих голосов* [ВИ.П: 472]; *охрипшая галка* [АБ.П: 41].

4. Человек → Растительный мир

1) физические свойства человека → виды растений > звук (З. Гиппиус, А. Белый, В. Инбер): а) субмодель «речь → деревья > сила звука» (наличие / отсутствие звучания; громкость): *безмолвные тополи* [ЗГ: 308]; *деревья безмолвно принимают солнечные лучи* [ЗГ: 401]; *деревья глухо отшептывались* [АБ.Пр: 237]; *природа шепчет березовым шепотом* [АБ.Пр: 182]; б) субмодель «речь → деревья > сила звука + качество звучания» (громкость; отчетливость): *лепет берез* [АБ.Пр: 308]; *лепетали деревья* [АБ.Пр: 280]; *осинка лепечет* [АБ.П: 126]; *деревья шушукуют* [АБ.Пр: 77]; в) субмодель «речь → кустарники > сила звука» (громкость): *куст отшептывался от его дыханья* [АБ.Пр: 79]; г) субмодель «речь → травы > сила звука» (громкость): *травы шепчутся* [ЗГ: 109]; *овес, изливающий шепот* [АБ.Пр: 51]; *шепчут колосья* [ВИ.Пр: 302]; д) субмодель «речь → травы > сила звука + качество звучания» (громкость; отчетливость): *камышы лепечут* [ЗГ: 113];

2) физические свойства человека → виды растений > форма (А. Ахматова, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Цветаева): а) субмодель

«внешний вид человека → деревья > очертания»: *бледные кудри березы* [ЗГ: 313]; *липа стала кудрявая* [ЗГ: 326]; б) субмодель «части тела человека → деревья > очертания»: *сосен розовое тело обнажено* [АА: 256]; *елей искаленные руки* [АА: 214]; *сосновый стан* [МЦ: 189]; *склонялись головы берез* [ВИ.П: 302]; *пальцы пальмовой руки* [ВИ.П: 153]; в) субмодель «части тела человека → травы > очертания»: *руки плюща* [МЦ: 189];

3) физиологические свойства человека → виды растений > динамика (З. Гиппиус, Б. Пастернак): а) субмодель «физиологические состояния человека → травы > движение» (наличие / отсутствие): *травы сонные* [ЗГ: 109]; *спит ковыль* [ЗГ: 148]; б) субмодель «болезни → деревья > движение» (наличие / отсутствие): *перед ней деревья в столбняке* [БП.П: 149];

4) физиологические свойства человека → совокупность растений > динамика (Б. Пастернак, М. Цветаева): а) субмодель «физиологические процессы человека → совокупность деревьев > движение» (наличие / отсутствие): *сонный бор* [МЦ: 48]; *сонный, бессонный лес* [МЦ: 75]; б) субмодель «болезни → совокупность деревьев > движение» (наличие / отсутствие): *столбняк лесов* [БП.П: 38].

5. Человек → Неорганический мир

1) физические свойства человека → атмосферные явления > цвет (А. Белый, М. Кузмин, В. Инбер): а) субмодель «внешний вид человека → состояние атмосферы > оттенок цвета»: *туман седовласый* [АБ.П: 46]; *седых облачков* [АБ.П: 88]; *мороз седой* [ВИ.П: 493]; б) субмодель «внешний вид человека → состояние атмосферы > тон» (насыщенность): *зари румянец златист, ал* [МК: 41]; *румянец нежный льет закатный свет* [МК: 42]; в) субмодель «внешний вид человека → воздушный поток > оттенок цвета»: *седой ветерок* [ВИ.П: 196]; г) субмодель «внешний вид человека → атмосферные осадки > оттенок цвета»: *в инее седом* [ВИ.П: 307];

2) физические свойства человека → атмосферные явления > звук (З. Гиппиус, А. Белый, А. Ахматова, М. Цветаева, В. Инбер): а) субмодель «речь → состояние атмосферы > сила звука» (наличие / отсутствие звучания; громкость): *небо говорило* [ЗГ: 466]; *небо молчало* [ЗГ: 448]; *в ясном небесах* [АБ.П: 48]; *в немые небеса* [АБ.П: 106]; б) субмодель «речь → воздушный поток > сила звука» (громкость): *голос ветра* [АА: 65, 182]; *вихрь кричит* [АА: 98]; *звучали голоса ветров* [МЦ: 138]; *в крике ветра* [МЦ: 261]; *шепчет ветер* [АБ.П: 42]; *ветра глас* [АБ.П: 306]; *голос ветра* [АБ.П: 327]; в) субмодель «речь → атмосферные осадки > сила звука» (наличие / отсутствие звучания; громкость): *шепотливы дождевые голо-*

са [ЗГ: 124]; *снег молчаливый* [ЗГ: 72]; *снегов молчанье* [ЗГ: 64]; *тихо дождь прошептал* [ВИ.П: 174]; г) субмодель «речь → воздушный поток > сила звука + качество звучания» (громкость; отчетливость): *ветерок шушукал* [АБ.П: 46]; *обсвистывал ветер* [АБ.П: 67]; *заулюлюкает ветер* [АБ.П: 124]; д) субмодель «речь → атмосферные осадки > сила звука + качество звучания» (громкость; отчетливость): *падают капли с мирным лепетом* [ЗГ: 109]; *лепеты дождя* [ЗГ: 222]; *дождь пролепетал* [ВИ.П: 235];

3) физические свойства человека → атмосферные явления > динамика (А. Ахматова, Б. Пастернак): а) субмодель «физические действия человека → воздушный поток > перемещение» (разнонаправленность): *бродит ветер* [АА: 95]; *ветер бродяга* [АА: 120]; б) субмодель «физические действия человека → состояние атмосферы > перемещение» (однонаправленность): *тучи торопились* [БП.Пр: 32]; в) субмодель «физические действия человека → состояние атмосферы > движение» (наличие / отсутствие): *топтались облака* [БП.Пр: 62];

4) физические свойства человека → водные объекты > цвет (И. Сельвинский, М. Цветаева): субмодель «внешний вид человека → водоемы > оттенок цвета»: *пенная проседь* [МЦ: 219]; *в седине морей* [МЦ: 255]; *в седине пучин* [МЦ: 258]; *вода седа* [ИС.П: 194]; *седая льдина* [ИС.П: 195];

5) физические свойства человека → водные объекты > звук (З. Гиппиус, А. Белый, М. Кузмин, Б. Пастернак, В. Инбер, И. Сельвинский): а) субмодель «речь → водоемы > сила звука» (наличие / отсутствие звучания; громкость): *говор моря* [ЗГ: 526]; *море многоголосое* [ЗГ: 384]; *озеро шепчет* [АБ.П: 216]; *безмолвна гладь* [МК: 164]; *глухонемая вода* [ВИ.П: 441]; *шепот пены* [ИС.П: 20]; б) субмодель «речь → водный поток > сила звука» (наличие / отсутствие звучания; громкость): *шепчет волна* [ЗГ: 85]; *молчит река* [ЗГ: 102]; *над говорами струй* [АБ.П: 46]; *шепот фонтанов* [АБ.П: 108]; *ручей твердит то тише, то звончей* [БП.П: 149]; в) субмодель «речь → водоемы > сила звука + качество звучания» (громкость; отчетливость): *воды бормотали* [ЗГ: 528]; *лепечет пена* [МК: 111]; *вода лепечет монотонно* [ВИ.П: 52]; *пена в лепете* [ИС.П: 294]; г) субмодель «речь → водный поток > сила звука + качество звучания» (громкость; отчетливость): *лепечет волна* [ЗГ: 58]; *волн извечный лепет* [АБ.П: 171]; *грассирует ручей* [ИС.П: 183]; д) субмодель «речь → водный поток > темп» (скорость звучания): *болтливые ручьи* [ЗГ: 379]; *речь волн* [БП.П: 29]; *ручейков болтовня* [БП.П: 126];

б) физиологические свойства человека → атмосферные явления > состояние (З. Гиппиус, Б. Пастернак): а) субмодель «физиологические процессы человека → состояние атмосферы > характер состояния» (изменение внешних показателей): *умирающее небо* [ЗГ: 465]; *небо умирало* [ЗГ: 465]; б) субмодель «болезни → атмосферные осадки > вид состояния» (улучшение / ухудшение): *струнья снега* [БП.П: 34]; *чахнет снег и болен малокровием* [БП.П: 126];

7) физиологические свойства человека → космические объекты > проявления объекта (А. Белый, З. Гиппиус): а) субмодель «физиологические процессы человека → небесные тела > интенсивность» (усиление / ослабление): *вспотело солнце* [АБ.Пр: 43]; *потное палило солнце* [АБ.Пр: 76]; б) субмодель «физиологические процессы человека → небесные тела > обнаружение» (становиться видимым / виднеться): *глянул из-за угла месяц* [ЗГ: 103]; *месяц глядит на меня* [ЗГ: 151, 152]; *звезды глядят* [ЗГ: 201]; *смотрит солнце* [ЗГ: 212]; *солнце смотрит с высоты* [ЗГ: 233]; *взор луны* [ЗГ: 253];

8) физиологические свойства человека → водные объекты > динамика (З. Гиппиус, В. Инбер, И. Сельвинский): а) субмодель «физиологические процессы человека → водоемы > движение» (веяние): *озеро дышит туманом* [ЗГ: 177]; *дыханье моря* [ЗГ: 389]; *дыханье океана* [ИС.П: 329]; *море задыхало* [ИС.Пр: 491]; б) субмодель «физиологические состояния человека → водоемы > движение» (наличие / отсутствие): *задремывает вода* [ИС.П: 172]; *океанский сон* [ИС.П: 295]; *сонная вода* [ИС.П: 313]; в) субмодель «физиологические процессы человека → водный поток > движение» (наличие / отсутствие): *дыханье рек* [ЗГ: 152]; *дыханье волн* [ЗГ: 389]; *Уснула Волга. Спят ее притоки* [ВИ.П: 453];

9) душевные свойства человека → атмосферные явления > оценочность (А. Ахматова, З. Гиппиус): субмодель «черты характера → атмосферные осадки > позитивная оценка» (приятный по ощущениям): *снег ласково прижался* [ЗГ: 413]; *ласковый снег* [АА: 158; ЗГ: 413]; *от ласки инея* [АА: 260].

6. Человек → Артефакт

1) физические свойства человека → здания > форма (А. Белый, В. Инбер): субмодель «части тела человека → строения > очертания»: *жестокие очи кабаков* [АБ.П: 147, 157]; *избы смотрят злым глазком* [АБ.П: 161]; *мельница руки вскинула* [АБ.П: 285]; *к туловищу башни* [ВИ.Пр: 91]; *на бедре башни* [ВИ.Пр: 95];

2) физические свойства человека → инструменты > звук (А. Ахматова, М. Кузмин, Б. Пастернак, В. Инбер, И. Сельвинский): а) субмодель «речь → музыкальные инструменты > сила звука» (нали-

чие / отсутствие звучания; громкость): *скрипок голоса* [АА: 54]; *голос колокольный* [АА: 136]; *голоса органа грянут* [АА: 162]; *колокол заговорил грозным голосом* [АА: 152]; *рожок говорит* [МК: 144]; *колокола безмолствовали* [БП.Пр: 54]; *голос рояля* [БП.Пр: 138]; *шарманки замолчали* [ИС.Пр: 65]; *зазвучала человеческим голосом гитара* [ИС.Пр: 98]; б) субмодель «речь → музыкальные инструменты > сила звука + качество звучания» (громкость; отчетливость): *хрипы настуши трубы* [МК: 88]; *флейты охрипнет рулада* [ИС.П: 176]; *закартавила труба* [ИС.П: 278]; в) субмодель «речь → рабочие инструменты > сила звука» (громкость): *голос пыли* [ВИ.П: 324]; *голосистая пила* [ВИ.П: 498];

3) физические свойства человека → техника > звук (З. Гиппиус, В. Инбер, И. Сельвинский): а) субмодель «речь → транспорт > сила звука» (наличие / отсутствие звучания; громкость): *голос автомобиля* [ЗГ: 242]; *закричал слово автомобиль* [ЗГ: 270]; *жителей будил ворчливый окрик парходика* [ИС.Пр: 7]; *крейсер молчал* [ИС.Пр: 83]; б) субмодель «речь → оружие > сила звука» (громкость): *не умолкают пушек голоса* [ВИ.П: 500]; *зенитки говорят* [ВИ.П: 278];

4) физиологические свойства человека → инструменты > звук (А. Белый, М. Цветаева): а) субмодель «физиологические состояния человека → музыкальные инструменты > сила звука» (наличие / отсутствие звучания; громкость): *бессонные колокола* [МЦ: 71]; *уснут колокола* [МЦ: 88]; б) субмодель «физиологические процессы человека → музыкальные инструменты > сила звука + высота звука» (громкость; пронзительность): *плачет клавиш* [АБ.П: 170]; *плачущий рожок* [АБ.П: 216]; *рыдал рояль* [АБ.П: 92].

7. Человек → Время

1) физические свойства человека → временные отрезки > динамика (А. Белый, Б. Пастернак, И. Сельвинский): субмодель «физические действия человека → единицы измерения времени > развитие» (количественное / качественное изменение): *бегут года* [АБ.П: 295, 300]; *бег дней* [АБ.П: 348]; *беги дней* [АБ.П: 397, 398]; *бег минут* [ИС.П: 30]; *года неслись* [ИС.П: 266]; *проносятся года* [ИС.П: 266]; *зима явилась и ушла* [БП.П: 160]; *с октября забредает зима* [БП.П: 180].

8. Социум → Неорганический мир

1) искусство → атмосферные явления > звук (А. Белый, В. Инбер): а) субмодель «музыка, пение → состояние атмосферы > сила звука + ритм» (громкость; ритмичность): *песни небосклона* [АБ.П: 201]; *волны воздушного напева* [АБ.П: 215]; б) субмодель «музыка,

пение → воздушный поток > сила звука + ритм» (громкость; ритмичность): *пенье выюги* [ВИ.П: 408]; в) субмодель «музыка, пение → атмосферные осадки > сила звука + ритм» (громкость; ритмичность): *поют дожди* [ВИ.П: 73];

2) искусство → водные объекты > звук (З. Гиппиус, И. Сельвинский): а) субмодель «музыка, пение → водоемы > сила звука + ритм» (громкость; ритмичность): *невала легкая вода* [ИС.П: 9]; *не пой, вода* [ИС.П: 293]; б) субмодель «музыка, пение → водный поток > сила звука + ритм» (громкость; ритмичность): *поют волны* [ЗГ: 68]; *поет поток* [ЗГ: 153]; *песнь ручья* [ЗГ: 87].

9. Социум → Артефакт

1) искусство → инструменты > звук (А. Ахматова, А. Белый, М. Кузмин): субмодель «музыка, пение → музыкальные инструменты > сила звука + ритм» (громкость; ритмичность): *пропел рожок* [АБ.П: 153, 163, 164]; *поет клавиш* [АБ.П: 170, 172]; *поет, поет бубенец* [АА: 102]; *голосом серебряным волынка поет* [АА: 102]; *под напевы арф* [МК: 49]; *поют тромбоны* [МК: 133]; *запел рояль* [МК: 391].

10. Животный мир → Человек

1) физические свойства животных → физические свойства человека > проявления объекта (М. Цветаева, В. Инбер, М. Кузмин): субмодель «части тела птиц → речь > реализация» (творчество): *голос мой крылатый* [МЦ: 97, 118]; *слова мои сегодня не крылаты* [ВИ.П: 79]; *бескрылым словом его ужасю* [ВИ.П: 144]; *слова крылатые* [МК: 215]; *слова мои крылаты* [МК: 263];

2) физические свойства животных → душевные свойства человека > проявления объекта (З. Гиппиус, М. Цветаева): а) субмодель «части тела птиц → духовная сущность человека > активность» (деятельность): *душа родилась крылатой* [МЦ: 93]; *душа ее крылата* [МЦ: 125]; б) субмодель «физические действия животных → духовная сущность человека > реакция на ч.-л.» (эмоциональное состояние): *своими кольцами она ласкается, душа* [ЗГ: 140]; *душа ползла, свиваясь в кольца* [ЗГ: 156].

11. Животный мир → Социум

1) объединения животных → социальные группы > количество (А. Белый, И. Сельвинский): а) субмодель «объединения птиц → объединения людей > совокупность»: *стая старух* [АБ.Пр: 68]; *старушечья стая* [АБ.Пр: 68]; *стая отважных народов* [ИС.П: 139]; *стая девушек* [ИС.П: 195, 338; ИС.Пр: 358]; б) субмодель «объединения насекомых → объединения людей > множество»: *старишонки рой* [АБ.П: 161]; в) субмодель «объединения насеко-

мых → лицо по профессии, роду занятий > множество»: *монашек фрясофорный рой* [АБ.П: 333].

12. Животный мир → Неорганический мир

1) физические свойства животных → космические объекты > форма (З. Гиппиус, М. Кузмин): субмодель «части тела животных → небесные тела > очертания»: *месяц висел, кривя свой рог* [ЗГ: 129]; *месяц сокрыл за тучи острый рог* [ЗГ: 130]; *нежные рога молодого месяца* [МК: 171]; *молодой двурогий месяц* [МК: 185].

13. Неорганический мир → Человек

1) физические явления → душевные свойства человека > проявления объекта (З. Гиппиус, В. Инбер, Б. Пастернак): а) субмодель «тепловые явления → духовная сущность человека > активность» (деятельность): *души воспламенной* [БП.П: 169]; *горенья души* [БП.П: 182]; *горение страстной души* [ВИ.П: 471]; б) субмодель «звукковые явления → духовная сущность человека > обнаружение» (наличие / отсутствие): *в душе глубокая тишина* [ЗГ: 285]; *без тишины в душе* [ЗГ: 300];

2) физические явления → душевные свойства человека > мера (В. Инбер, М. Цветаева): а) субмодель «тепловые явления → чувства > степень ч.-л.»: *лава ненависти* [МЦ: 202]; *огнь неистовости* [МЦ: 250]; *жаром страстей, теплом раскаянья* [ВИ.Пр: 258]; б) субмодель «тепловые явления → эмоции > степень ч.-л.»: *огнем, пожаром гнева* [ВИ.П: 272];

3) водные объекты → физические свойства человека > звук (А. Белый, В. Инбер): субмодель «водный поток → речь > темп» (размеренность, плавность): *словеса текут, потоком изливаясь* [АБ.П: 106]; *я излился в словах* [АБ.Пр: 318]; *я разливался в словах* [АБ.Пр: 418]; *летится речь* [ВИ.П: 356]; *слова текут, как из худого крана* [ВИ.П: 379];

4) водные объекты → физиологические свойства человека > количество (А. Белый, М. Цветаева): субмодель «водоемы → физиологические процессы человека > множество»: *море слез* [МЦ: 191, 223, 261; АБ.П: 383]; *моря неизливные слез* [АБ.П: 400];

5) водные объекты → физиологические свойства человека > динамика (А. Белый, М. Кузмин, В. Инбер): субмодель «водный поток → физиологические процессы человека > развитие» (количественное / качественное изменение): *жизни ток* [АБ.П: 391]; *жизнь стекла* [МК: 74, 134, 163; ВИ.П: 473]; *сны текут то явственней, то глуше* [ВИ.П: 57]; *пролетя жизнь моя* [АБ.П: 298];

6) водные объекты → душевные свойства человека > проявления объекта (З. Гиппиус, А. Белый, М. Кузмин, И. Сельвинский):

а) субмодель «водный поток → чувства > интенсивность» (усиление / ослабление): *приливы тоски* [ЗГ: 326]; *прилив отчаяния* [ЗГ: 330]; *волна любви* [МК: 342]; *в огромной волне любви* [МК: 407]; *тоски застарелой струя* [ИС.П: 162]; *немыслимо разлиться тоске* [[ИС.П: 228]; б) субмодель «водный поток → эмоции > интенсивность» (усиление / ослабление): *волна неизъяснимой жутки* [АБ.Пр: 25]; *приятное разливалось волнение* [АБ.Пр: 132];

7) полезные ископаемые → физические свойства человека > цвет (В. Инбер, М. Цветаева, И. Сельвинский): а) субмодель «металлы → внешний вид человека > оттенок цвета»: *золото волос* [МЦ: 56, 122; ИС.Пр: 339]; *золото кос* [ВИ.П: 144]; *золотце волос* [ИС.Пр: 257]; *слиток золотых волос* [ВИ.П: 249]; б) субмодель «металлы → части тела человека > оттенок цвета»: *очей свинец* [МЦ: 175]; *медь детских рук* [ВИ.П: 245].

14. Неорганический мир → Социум

1) физические явления → социальные отношения > проявления объекта (А. Ахматова, В. Инбер, И. Сельвинский): а) субмодель «световые явления → общественное мнение > интенсивность» (усиление / ослабление): *тени признания* [АА: 340]; *тьень неблагоприятия* [АА: 353]; б) субмодель «звуковые явления → общественное мнение > интенсивность» (усиление / ослабление): *оаций грома* [ВИ.П: 352]; в) субмодель «тепловые явления → межличностные отношения > интенсивность» (усиление / ослабление): *пламенное признание* [ИС.Пр: 278]; *пламенное объяснение в любви* [ИС.Пр: 335]; г) субмодель «тепловые явления → общественное мнение > интенсивность» (усиление / ослабление): *дым почестей и словословий дым* [ВИ.П: 382];

2) водные объекты → социальные группы > динамика (В. Инбер, И. Сельвинский): субмодель «водный поток → объединения людей > перемещение» (одно- / разнонаправленность): *потекли людские толпы* [ВИ.П: 120]; *потекли из кино пары* [ВИ.П: 171]; *течет толпа ало-желто-лилова* [ИС.П: 151]; *разбрызгал толпы гимназеров* [ИС.П: 20];

3) водные объекты → социальные отношения > звук (А. Ахматова, В. Инбер): субмодель «водный поток → речевая коммуникация > темп» (размеренность, плавность): *струится поток доказательств* [АА: 186]; *исповедь льется* [АА: 191]; *шутка льется* [АА: 246]; *льется разговор* [ВИ.П: 356];

4) водные объекты → искусство > звук (А. Белый, М. Кузмин, Б. Пастернак): субмодель «водный поток → музыка, пение > темп» (размеренность, плавность): *песня льется* [МК: 42, 124]; *твоих пе-*

сен ручей [АБ.П: 31]; *летя* звонкое сопрано [АБ.П: 112]; *мелодии текут* [БП.Пр: 145]; *лилась музыка* [БП.Пр: 164].

15. Неорганический мир → Растительный мир

1) полезные ископаемые → виды растений > цвет (В. Инбер, Б. Пастернак): а) субмодель «металлы → деревья > оттенок цвета»: *золото берез* [БП.Пр: 157, 158]; *черное золото сосен* [ВИ.П: 171]; б) субмодель «металлы → травы > оттенок цвета»: *пушистое золото – хлопок* [ВИ.П: 226].

16. Неорганический мир → Неорганический мир

1) физические явления → атмосферные явления > проявления объекта (А. Белый, Б. Пастернак): субмодель «тепловые явления → состояние атмосферы > интенсивность» (усиление / ослабление): *огни зари горят* [АБ.П: 267]; *воздушный заревой огонь* [АБ.П: 294]; *огни зари* [АБ.П: 307]; *пожарище заката* [БП.П: 267]; *пожар заката не остыл* [БП.П: 294];

2) водные объекты → физические явления > проявления объекта (А. Белый, З. Гиппиус, М. Кузмин, В. Инбер): а) субмодель «водный поток → световые явления > интенсивность» (усиление / ослабление): *свет лился* [ЗГ: 391]; *лился свет луны* [ЗГ: 412]; *румянец льет закатный свет* [МК: 42]; *в окно лился голубоватый свет* [МК: 142]; *волны света* [АБ.П: 389]; *разольется тень* [АБ.П: 226, 318]; *золотые огни растекаются* [ВИ.П: 48]; *свет фонаря течет* [ВИ.П: 141]; б) субмодель «водный поток → звуковые явления > интенсивность» (усиление / ослабление): *волну звуков* [ЗГ: 115];

3) водные объекты → атмосферные явления > динамика (А. Ахматова, А. Белый, З. Гиппиус, И. Сельвинский): а) субмодель «водный поток → состояние атмосферы > перемещение» (одно- / разнонаправленность): *воздух струится* [ЗГ: 307, 508]; *струя воздуха* [ЗГ: 309]; *волной омыт воздушно-голубою* [АБ.П: 56]; *текут облака* [АБ.Пр: 57]; *туманов косматый поток* [АБ.П: 143]; *пурпурные струи* облак [АБ.Пр: 240]; *дым разлился* [ИС.П: 9]; *дым плывет по жнивью* [ИС.П: 178]; б) субмодель «водный поток → воздушный поток > перемещение» (однаправленность): *ветра струится волна* [АА: 222]; *ветерок в окно вливался струю* [АА: 93]; *дуновенье струило прохладу волною* [АБ.П: 82]; *плесну волной ветра* [АБ.П: 94].

17. Неорганический мир → Время

1) водные объекты → временные отрезки > динамика (А. Белый, В. Инбер, Б. Пастернак, М. Цветаева): а) субмодель «водный поток → единицы измерения времени > развитие» (количественное изменение): *не зальет потоками лет мое горе* [АБ.П: 53]; *текут*

года [АБ.П: 295]; *протекут дни* [АБ.П: 199]; *волна дней* [БП.П: 39]; *протекшие дни* [БП.П: 144]; *река дней* [МЦ: 141]; б) субмодель «водный поток → время суток > развитие» (количественное изменение): *день течет с восхода до заката* [АБ.П: 97, 244]; в) субмодель «водный поток → исторические периоды > развитие» (количественное изменение): *над плеском века* [МЦ: 140]; *в волнах плещущих времен* [АБ.П: 47]; *поток столетий* [АБ.П: 57, 58]; *текут века* [АБ.П: 105, 106, 208]; *веков струевой водопад* [АБ.П: 35];

2) водные объекты → свойства времени > динамика (А. Белый, В. Инбер): субмодель «водный поток → продолжительность > развитие» (количественное изменение): *била времени волна* [АБ.П: 69]; *время медленно текло* [АБ.П: 101]; *быстробегущий времени поток* [ВИ.П: 432]; *время медленно течет* [ВИ.П: 404].

18. Артефакт → Неорганический мир

1) здания → атмосферные явления > консистенция (А. Ахматова, А. Белый, М. Кузмин): а) субмодель «строительные материалы → состояние атмосферы > плотность»: *потускнел на небе синий лак* [АА: 80]; б) субмодель «строительные материалы → состояние атмосферы > прозрачность»: *небес прозрачное стекло* [АА: 98]; *стеклянное небо* [МК: 348]; *небесное стекло* [АБ.П: 64, 416]; *заревое стекло* [АБ.П: 83];

2) здания → водные объекты > форма (А. Ахматова, А. Белый, В. Инбер): субмодель «предметы интерьера → водоемы > очертания» (ровность поверхности): *стекло пруда* [АА: 89]; *зеркальный пруд* [АБ.П: 86]; *по зеркалу воды* [АБ.П: 387]; *над зеркалом пруда* [ВИ.П: 302, 307, 354]; *над водою зеркальной* [ВИ.П: 339]; *зеркало вод* [ВИ.П: 350];

3) одежда → атмосферные явления > форма (А. Белый, М. Кузмин, М. Цветаева): а) субмодель «материалы для изготовления одежды → воздушный поток > очертания»: *турговое кружево* [АБ.П: 234]; *вечер кружева вьюги плетет* [АБ.П: 280]; б) субмодель «материалы для изготовления одежды → атмосферные осадки > очертания»: *дождевые нити* [АБ.П: 46]; в) субмодель «материалы для изготовления одежды → атмосферные осадки > структура»: *мелкий дождя стеклярус* [МК: 83]; *снежное шитье* [МК: 144]; г) субмодель «головные уборы → состояние атмосферы > очертания»: *в зари венец* [МЦ: 175]; *корона зари* [МЦ: 183];

4) инструменты → космические объекты > форма (А. Ахматова, А. Белый, З. Гиппиус, В. Инбер, И. Сельвинский): субмодель «рабочие инструменты → небесные тела > очертания»: *серп луны* [АБ.П: 118; ЗГ: 115; ИС.П: 227]; *серп месяца* [АА: 112; ВИ.П: 115].

19. Артефакт → Время

1) одежда → временные отрезки > корреляция (З. Гиппиус, В. Инбер): субмодель «материалы для изготовления одежды → темпоральные характеристики объектов > связь»: *вневременные нити* [ЗГ: 170]; *нити событий* [ВИ.Пр: 485]; *ткань прошлого* [ВИ.Пр: 486]; *сквозь ткань времен* [ЗГ: 194].

К наиболее продуктивным сферам-источникам метафоризации (и наиболее частотным метафорам) относятся:

1. Мегасфера «**Человек**»: 1) физические свойства человека (голос / речь: *голос, говор, крик, лепет, шепот; безмолвный, немой; говорить, кричать, лепетать, молчать, шептать*; внешний вид: *кудри, седина; кудрявый, седой*; части тела: *глаза, очи, голова, лик, лицо, руки, тело*); 2) физиологические свойства человека (физиологические процессы: *дыхание, сон; сонный; дышать, дремать, спать*).

2. Мегасфера «**Животный мир**»: 1) виды животных (птицы: *птица*; пресмыкающиеся: *змея*); 2) объединения животных (объединения птиц: *стая*; объединения насекомых: *рой*); 3) физические свойства животных (части тела: *крылья; крылатый*).

3. Мегасфера «**Неорганический мир**»: 1) физические явления (световые явления: *луч, тень*; тепловые явления: *горение, дым, искра, огонь, пепел, пламя, пожар; огненный, пламенный; гореть, гаснуть*); 2) атмосферные явления (воздушный поток: *буря*; атмосферные осадки: *град, дождь, ливень*); 3) водные объекты (водоемы: *море, океан, брызги, пена*; водный поток: *волна, поток, река, ручей, струя; литься, струиться, течь*); 4) полезные ископаемые (металлы: *золото, медь, свинец, серебро; золотой, серебряный*); 5) камни-самоцветы (драгоценные камни: *алмаз, бриллиант, изумруд, рубин*; полудрагоценные камни: *бирюза, малахит*; «камни» органического происхождения: *жемчуг, коралл, янтарь*).

4. Мегасфера «**Артефакт**»: 1) здания (строения: *башня, чертог, шатер*; предметы интерьера: *зеркало, ковер, покрывало, скатерть*); 2) одежда (головные уборы: *венец, корона, шапка*; материалы для изготовления одежды: *атлас, бархат, вуаль, кисея, кружево, лента, ткань*).

Наиболее частотными сферами метафорического притяжения (и метафоризирующими словами, образующими минимальный контекст метафоры) являются:

1. Мегасфера «**Человек**»: 1) физические свойства человека (голос / речь: *слово*); 2) физиологические свойства человека (внутренние органы: *сердце*); 3) душевные свойства человека (духовная сущность: *душа, дух; чувства: любовь, тоска*).

2. Мегасфера **«Животный мир»**: виды животных (птицы: *воробей, ворона, ласточка, птица, чайка*).

3. Мегасфера **«Растительный мир»**: 1) виды растений (деревья: *береза, дуб, ель, ива, кипарис, сосна, тополь*; травы: *камыш, ковыль, полынь, трава*; цветы: *роза, фиалка, цветы*); 2) физические свойства растений (их части: *вершина, ветви, листва, листья, ствол*).

4. Мегасфера **«Неорганические мир»**: 1) физические явления (световые явления: *луч, свет*; тепловые явления: *дым, огонь, пламя*); 2) атмосферные явления (воздушный поток: *буря, ветер, вьюга, метель, пурга*; состояние атмосферы: *закат, заря, небо, облака, тучи, туман*; атмосферные осадки: *дождь, снег*); 3) космические объекты (макрокосмос: *мир, вселенная*; космические объекты: *звезды, луна, месяц, солнце*); 4) земные объекты (участки земли: *земля, поле*; рельеф местности: *гора, равнина*); 5) водные объекты (водоемы: *море, озеро*; водный поток: *волна, река, ручей*).

5. Мегасфера **«Время»**: временные отрезки (единицы измерения времени: *год, день, минута*; время суток: *день, ночь*; времена года: *весна, зима, осень*; исторические периоды: *век, столетие, эпоха*; темпоральные характеристики объектов: *будущее, времена, прошлое*).

Таким образом, в русской поэзии и прозе первой половины XX в. в качестве источников метафоризации чаще всего выступают понятийные сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека»; «виды животных», «объединения животных», «физические свойства животных»; «физические явления», «атмосферные явления», «водные объекты», «полезные ископаемые», «камни-самоцветы»; «здания», «одежда». В роли сфер-целей метафорической проекции, как правило, выступают понятийные сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «душевные свойства человека»; «виды животных»; «виды растений», «физические свойства растений»; «физические явления», «атмосферные явления», «космические объекты», «земные объекты», «водные объекты»; «временные отрезки». В метафоризации обычно участвуют такие семантико-когнитивные форманты, как: «форма» (очертания объекта), «цвет» (тон; оттенок), «динамика» (движение; перемещение; развитие), «проявления объекта» (обнаружение; интенсивность), «звук» (сила звука; качество звучания; ритм; темп), что свидетельствует о преимущественно зрительном восприятии действительности.

Наиболее продуктивно метафорическое моделирование осуществляется в пределах мегамоделей с мегасферами-источниками «Че-

ловек» (шестьдесят продуктивных метафорических моделей), «Неорганический мир» (сорок четыре метафорических модели), «Артефакт» (двадцать метафорических моделей) и «Животный мир» (девятнадцать метафорических моделей).

Закономерности метафорического моделирования в поэзии и прозе не имеют принципиальных различий. Степень и характер использования метафор в разных формах словесно-художественного творчества определяется языковой личностью писателя-«билингва».

2.4. Моделирование метафорической картины мира как отражение языковой личности писателя: индивидуальные особенности

Метафорическая картина мира писателя как креативной, нестандартно мыслящей языковой личности отображает его образные аналогово-ассоциативные представления о действительности. Далее описаны индивидуальные метафорические модели, установленные в поэзии и прозе русских писателей-«билингвов» первой половины XX в. – З. Гиппиус, А. Белого, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Инбер, И. Сельвинского.

2.4.1. Метафорическое моделирование действительности в поэзии и прозе З. Гиппиус

Метафорика З. Гиппиус до настоящего времени не являлась объектом специального научного исследования. Имеются отдельные наблюдения в данной области в ряде литературоведческих работ последних лет (К. М. Азадовский, О. Ю. Архипова, Л. Н. Дмитриевская, О. В. Жарикова, И. Б. Кондрашина, А. В. Лавров и др.), но лингвистическое изучение метафорических контекстов в ее творчестве практически не осуществлялось.

Проведенный анализ стихотворных и прозаических текстов З. Гиппиус показал, что метафоры в ее произведениях образуют цельную систему, элементы которой тесно взаимосвязаны. Метафорика прозы составляет примерно 30 % от общего числа ее метафор.

Основу индивидуальной метафорической картины мира поэзии и прозы З. Гиппиус составляют мегасферы «Человек», «Социум», «Животный мир», «Неорганический мир» и «Артефакт», выступающие источниками метафоризации в тринадцати мегамоделях, в пределах которых установлено около сорока продуктивных метафорических моделей (почти половина из них являются индивидуальными).

ми, остальные – общими с другими писателями данного периода). В центре авторской метафорической картины мира находится мега-сфера «Человек» (в восьми мегамоделях, в пяти из них – мегасфера-источник).

В поэзии З. Гиппиус выявлено более десяти индивидуальных продуктивных метафорических моделей, которые относятся к мега-моделям «Человек → Человек», «Человек → Растительный мир», «Человек → Неорганический мир», «Человек → Время», «Социум → Человек», «Животный мир → Человек», «Артефакт → Неорганический мир».

Метафорическая мегамодель «**Человек → Человек**» реализуется в таких индивидуальных моделях:

1) «Физические свойства человека → физиологические свойства человека > проявления объекта», выступающей в субмодели «речь → внутренние органы человека > реакция на ч.-л.» (наличие / отсутствие): *сердца речь* [ЗГ: 131]; *сердце молчит* [ЗГ: 106]; *сердце, отчего молчишь?* [ЗГ: 211];

2) «Физические свойства человека → душевные свойства человека > состояние», которая проявляется в субмодели «физические состояния человека → духовная сущность человека > вид состояния» (улучшение / ухудшение): *душа устала* [ЗГ: 52, 150]; *душа усталая* [ЗГ: 102];

3) «Физиологические свойства человека → физические свойства человека > проявления объекта» и ее субмодели «физиологические процессы человека → речь > реализация» (способ выражения): *рожденных слов* [ЗГ: 64]; *слова, рожденные страданьем* [ЗГ: 175]; *живут слова* [ЗГ: 173]; *умерших, невоскресших слов* [ЗГ: 75];

4) «Физиологические свойства человека → физиологические свойства человека > состояние», проявляющейся в виде субмодели «физиологические процессы человека → внутренние органы человека > вид состояния» (улучшение / ухудшение): *плачет сердце* [ЗГ: 75]; *сердце плачет* [ЗГ: 145]; *сердце засмеется и заплачет* [ЗГ: 206];

5) «Душевные свойства человека → душевные свойства человека > состояние» и ее субмодели «эмоции → духовная сущность человека > вид состояния» (улучшение / ухудшение): *душа угрюмая* [ЗГ: 144]; *печальная душа* [ЗГ: 50].

Мегамодель «**Человек → Растительный мир**» представлена метафорической моделью «физиологические свойства человека → виды растений > проявления объекта», которая выражается с помощью субмодели «физиологические процессы человека → цветы >

обнаружение» (запах): *цветы дышат* [ЗГ: 57]; *розы дышат* [ЗГ: 239].

Метафорическая мегамодель «**Человек** → **Неорганический мир**» выступает в модели «физиологические свойства человека → космические объекты > форма», реализующейся в субмодели «физиологические процессы человека → небесные тела > очертания» (в виде полукруга, напоминающего улыбку): *смеялся месяц* [ЗГ: 103, 130].

Мегамодель «**Человек** → **Время**» проявляется в виде метафорической модели «физиологические свойства человека → временные отрезки > проявления объекта», выраженной субмоделями: а) физиологические процессы человека → времена года > обнаружение (становиться явным): *осень пустыми глазами глядит* [ЗГ: 61]; *глядит холодная весна* [ЗГ: 68]; б) физиологические процессы человека → время суток > обнаружение (становиться явным): *вечер в окна глядит* [ЗГ: 69]; *ночь в раскрытые окна глядела* [ЗГ: 248]; *мне в очи смотрит ночь* [ЗГ: 69].

Метафорическая мегамодель «**Социум** → **Человек**» реализуется в модели «армия → душевные свойства человека > состояние» и соответственно субмодели «военные действия → духовная сущность человека > характер состояния» (зависимость / независимость от к.-л. / ч.-л.): *душа твоя в плену* [ЗГ: 59]; *душе плененной помощи* [ЗГ: 146]; *душа освобожденная* [ЗГ: 149].

Мегамодель «**Животный мир** → **Человек**» представлена такими метафорическими моделями, как:

1) «виды животных → душевные свойства человека > оценочность», проявляющаяся в виде субмодели «пресмыкающиеся → духовная сущность человека > негативная оценка» (неприятный по ощущениям): *душа-змея* [ЗГ: 140, 176];

2) «физические свойства животных → физиологические свойства человека > оценочность», выраженная с помощью субмодели «физические действия животных → физиологические процессы человека > негативная оценка» (неприятный по ощущениям): *кольца жизни сжали и душат, как змея* [ЗГ: 56]; *душит жизнь* [ЗГ: 256].

Метафорическая мегамодель «**Артефакт** → **Неорганический мир**» выступает в модели «предметы религиозного культа → атмосферные явления > мера» и ее субмодели «церковная одежда → состояние атмосферы > размер»: *под ризю морозною* [ЗГ: 67]; *укрой морозной ризой* [ЗГ: 152].

В прозе З. Гиппиус выявлено всего пять индивидуальных продуктивных метафорических моделей, входящих в состав мегамоде-

лей «Человек → Растительный мир» и «Человек → Неорганический мир».

Метафорическая мегамодель «**Человек → Растительный мир**» реализуется в модели «душевные свойства человека → виды растений > проявления объекта», выступающей в субмодели «черты характера → цветы > обнаружение» (становиться видимым): *робкие цветы* [ЗГ: 307, 508].

Мегамодель «**Человек → Неорганический мир**» проявляется в разных индивидуальных метафорических моделях:

1) «физические свойства человека → физические явления > динамика» и ее субмодели «физические действия человека → световые явления > движение» (скорость; направление): *тени бежали* [ЗГ: 412]; *тени бродили по подушкам* [ЗГ: 431];

2) «физические свойства человека → атмосферные явления > состояние», представленной субмоделью «части тела человека → состояние атмосферы > характер состояния» (пространственное расположение): *лицо неба* [ЗГ: 445]; *лицо небес* [ЗГ: 475];

3) «физические свойства человека → водные объекты > оценочность», выступающей в субмодели «физические действия человека → водоемы > позитивная оценка» (приятный на вид): *море улыбалось* [ЗГ: 507]; *море улыбается* [ЗГ: 524];

4) «душевные свойства человека → космические объекты > оценочность», проявляющейся в виде субмодели «черты характера человека → небесные тела > позитивная оценка» (приятный по ощущениям): *ласка солнца* [ЗГ: 507, 554]; *солнце ласковое* [ЗГ: 187, 198].

В стихотворных и прозаических текстах З. Гиппиус установлено более пятнадцати индивидуальных метафорических моделей: «физические свойства человека → физиологические свойства человека > проявления объекта»; «физические свойства человека → душевные свойства человека > состояние»; «физические свойства человека → физические явления > динамика»; «физические свойства человека → атмосферные явления > состояние»; «физические свойства человека → водные объекты > оценочность»; «физиологические свойства человека → физические свойства человека > проявления объекта»; «физиологические свойства человека → физиологические свойства человека > состояние»; «физиологические свойства человека → виды растений > проявления объекта»; «физиологические свойства человека → космические объекты > форма»; «физиологические свойства человека → временные отрезки > проявления объекта»; «душевные свойства человека → душевные свойства че-

ловека > состояние»; «душевные свойства человека → виды растений > проявления объекта»; «душевные свойства человека → космические объекты > оценочность»; «армия → душевные свойства человека > состояние»; «виды животных → душевные свойства человека > оценочность»; «физические свойства животных → физиологические свойства человека > оценочность»; «предметы религиозного культа → атмосферные явления > мера».

Общими для поэзии и прозы З. Гиппиус являются продуктивные метафорические мегамодели «Человек → Растительный мир» и «Человек → Неорганический мир», реализующиеся в одинаковых («физические свойства человека → виды растений > звук»; «физические свойства человека → атмосферные явления > звук»; «физические свойства человека → водные объекты > звук»; «физиологические свойства человека → водные объекты > динамика») и разных метафорических моделях.

При метафоризации регулярно используются следующие денотативно-понятийные сферы: «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «душевные свойства человека», «атмосферные явления», «водные объекты», «космические объекты», «виды растений», причем сферы «физиологические свойства человека», «душевные свойства человека» и «водные объекты» выступают как источник и цель метафорической проекции, «физические свойства человека» – как сфера-источник метафоризации, «атмосферные явления», «космические объекты» и «виды растений» являются, как правило, сферами метафорического притяжения. В метафорообразовании участвуют семантико-когнитивные форманты «проявления объекта», «динамика», «форма», «звук», «состояние», «оценочность», «корреляция», «мера».

В стихотворных и прозаических произведениях З. Гиппиус часто встречаются одни и те же метафоры в сочетании со словами разных сфер метафорического притяжения: *волны* (звуки, песня, радость, туман), *глядеть* (весна, осень, деревья, луна, месяц, солнце), *смотреть* (заря, ночь, луна, месяц, солнце), *дыханье* (ветер, вода, волны, миндаль, море, огонь, реки, тишина), *дышать* (весна, встреча, озеро, огонь, ответ, розы, слова, тленье, уголок, цветы), *жадный* (взор, костер, мысли, очи, сердце), *злой* (буря, ветер, дни, жизнь, мысли, сон, солнце, цветы), *ласковый* (море, снег, солнце, сумерки), *оковы* (душа, жизнь, слова), *плакать* (душа, сердце, закат, коростель, свет, сирень), *робкий* (весна, звезда, игла, капли, огонек, пламя, птицы, радость, свет, цветы), *седой* (время, ива, ковыль, лед, мгла, паутина), *сонный* (душа, лучи, молчанье, облака,

парк, пруд, река, травы), **спать** (вода, дубы, душа, ковыль, облака, река), **усталый** (душа, звезды, лед, солнце, цветы).

В качестве метафоризирующих слов, относящихся к различным сферам метафорического притяжения, нередко выступают: **жизнь** (жажда, кольца, лик, ноша, оковы, скрепы; злой; душисть, угасать, ударять), **любовь** (звезда, лучи, тень, тропа, цветы; спасать, умирать), **мысли** (ответы, тень; возмущенный, жадный, злой, непокорный), **слова** (оковы, музыка, тени, шелест; горячий, рожденный, умерший; жить), **вода** (дыханье; бормотать, лепетать, шептать), **море** (говор, дыханье; многоголосый; лизать, улыбаться, шептать), **воздух** (струя; струиться, вздрогнуть, ласкаться), **небо** (жемчуг, лицо, мысли, пламя, стекло, фарфор; злорадный, слезливый; говорить, молчать, любить, сжалиться, обещать, умирать), **цветы** (дыханье; злой, робкий, усталый), а также лексемы, принадлежащие к понятийным сферам: 1) «небесные светила»: **звезды** (робкий, печальный, усталый), **луна / месяц** (взор, жало, рог, щит; утомленный; глядеть, смеяться, умирать), **солнце** (ласка, огонь; жестокий, злой, ласковый, настойчивый, сердитый; скучать, смотреть); 2) «деревья»: **деревья** (своды; безмолвный, строгий), **дуб** (недоверчивый, сонный; спать), **береза** (кудри; кудрявый), **тополь** (безмолвный; молчать). Но самой большой частотностью обладают слова душа и сердце, вокруг которых группируется очень много метафор: **душа** (змея, лицо, огонь, покров, слезы, тишина, туман, тьма, чешуя; беззлобный, бессильный, бессознательный, верный, живой, израненный, кроткий, невинный, одинокий, окованный, освобожденный, печальный, плененный, погибший, покорный, свободный, сонный, строгий, уверенный, угрюмый, упрямый, усталый, утомленный; бежать, бояться, дрожать, ждать, жить, мечтать, молчать, ослепнуть, плакать, любить, разлюбить, спать, умереть, устать, хотеть и т. д.); **сердце** (враг, желанье, зверь, речь; бездарный, вольный, жадный, несмелый, покорный, равнодушный, трусливый, хрупкий; смеяться, плакать, молчать, просить, помнить, хотеть и т. п.).

В стихах и прозе З. Гиппиус есть метафоры, представляющие собой как известные метафорические формулы, отражающие стереотипы национального мышления (языковые метафоры, зафиксированные в словарях; традиционно-поэтические метафоры): **волны** звуков (музыки), **дыханье** моря (воды, волн), **дыханье** цветов, **серп** луны, **стекло** небес, **стекло** воды (пруда), **седой** ковыль, луна (месяц, солнце) **глядит**, свет **льется**, воздух (свет) **струится**, так и ее индивидуальные метафорические новообразования, отображающие

особенности авторского мировосприятия: *астра славы, взор луны, двери сознания, лицо небес, речь сердца, слезы души, тишина души, угрюмая душа, сердце плачет, сердце (месяц, море) смеется, море улыбается, небо умирало* и др.

Таким образом, поэзия и проза З. Гиппиус составляют единство как результат творческой реализации ее художественного мышления. Наиболее продуктивными источниками метафоризации в произведениях данного автора являются денотативно-понятийные сферы мегасферы «Человек» – «физические свойства человека», «физиологические свойства человека» и «душевные свойства человека», что демонстрирует основной объект метафорического видения мира: он мыслится в категориях человека. Авторское образное освоение действительности осуществляется через зрительное и слуховое восприятие, так как в метафорообразовании чаще всего участвуют семантико-когнитивные форманты «проявления объекта», «состояние», «динамика» и «звук».

Метафорическая картина мира З. Гиппиус представляется преимущественно антропоморфной, потому что в метафорическом пространстве ее произведений доминирует человек в физическом, физиологическом, духовном и социальном планах.

2.4.2. Моделирование метафорической картины мира в стихотворных и прозаических текстах А. Белого

Метафоричность произведений А. Белого как характерную особенность его идиостиля отмечали еще современники писателя – поэты-прозаики В. Брюсов, З. Гиппиус, В. Ходасевич и др. (к примеру, В. Брюсов называл его метафоры «дерзкими»), однако долгое время метафорика этого автора не привлекала пристального внимания ученых. Некоторые наблюдения в данной области представлены в отдельных литературоведческих работах (Л. К. Долгополов, С.Т. Золян, А. В. Лавров, Д. О. Торшилов и др.). Лингвистическое изучение метафор А. Белого, в частности в его «Симфониях», осуществлялось З. Юрьевой (1980), Н. А. Кожевниковой (1986, 1992), И. Д. Гажевой (2002).

Исследователи литературного творчества А. Белого-поэта постоянно подчеркивают богатство, разнообразие и новизну его метафор. «Белый владеет тайной художественной детали и, может быть, даже злоупотребляет иногда своим чутьем видеть самое мелкое, с трудом отличаемое и улавливаемое. Его метафоры и эпитеты выразительны, поражают своей новизной, они словно шутя даются

писателю» [Воронский 1982: 238]. При описании специфики прозы А. Белого также отмечается «экспрессивность стиливого выражения <...> и метафоризация речи, обилие образных лейтмотивов» [Кожевникова 1992: 74], его прозаические произведения «пересыпаны метафорами» [Якобсон 1987: 328]. Кроме того, интерес для нашего исследования представляет указание на один из характерных источников метафоризации в произведениях А. Белого: «Тенденция к взаимопроникновению духовного и материального, абстрактных и конкретных понятий зримо сказывается у Белого в выстраивании метафор, апеллирующих к различным одеждам и тканям; подсчитано, что в тексте четвертой «симфонии» встречается более 200 различных материй (*бархат, кружево, шелк, парча, атлас, муар, кисея* и т. д.), лишь 25 % этих словоупотреблений использовано в прямом значении, а 75 % – в переносном» [Юрьева 1980: 124], что подтверждается и полученными нами данными.

Анализ стихотворных и прозаических текстов А. Белого показал, что метафорика его прозы составляет чуть более 30 % от общего числа метафор и органично входит в метафорическую картину мира писателя.

Основу метафорической картины мира поэзии и прозы А. Белого образуют мегасферы «Человек», «Социум», «Животный мир», «Неорганический мир» и «Артефакт», являющиеся источниками метафоризации в двадцати продуктивных мегамоделях, в составе которых установлено свыше пятидесяти метафорических моделей (более половины из них индивидуальные). Ведущее место занимают мегасферы «Неорганический мир» (в одиннадцати мегамоделях, в семи из которых – источник метафоризации) и «Человек» (в семи мегамоделях, в пяти – мегасфера-источник), что отражает художественно-эстетические приоритеты автора – мир неживой природы и место человека в нем.

В поэзии А. Белого обнаружено более двадцати индивидуальных метафорических моделей, относящихся к мегамоделям «Человек → Неорганический мир», «Человек → Время», «Социум → Животный мир», «Социум → Растительный мир», «Социум → Неорганический мир», «Животный мир → Неорганический мир», «Неорганический мир → Человек», «Неорганический мир → Животный мир», «Неорганический мир → Растительный мир», «Неорганический мир → Неорганический мир», «Артефакт → Неорганический мир».

Метафорическая мегамодель **«Человек → Неорганический мир»** реализуется в следующих индивидуальных моделях:

1) «физические свойства человека → земные объекты > форма», выступающей в субмоделях: а) части тела человека → участки земли > очертания: *на груди земли* [АБ.П: 121]; *телом земли* [АБ.П: 427]; б) части тела человека → рельеф местности > очертания: *груды утесов* [АБ.П: 26, 38];

2) «физиологические свойства человека → атмосферные явления > динамика», проявляющейся в виде субмодели «физиологические процессы человека → воздушный поток > движение»: *задышит ветерок* [АБ.П: 177]; *дышит ветерок* [АБ.П: 187]; *раздался вздох ветров* [АБ.П: 417].

Метафорическая мегамодель «**Человек** → **Время**» выступает в модели «физиологические свойства человека → временные отрезки > состояние» и ее субмодели «физиологические процессы человека → время суток > характер состояния» (разные состояния): *ночь слезами звездными проплачет* [АБ.П: 201]; *ночь слезами звездными рыдать не устанет* [АБ.П: 203].

Мегамодель «**Социум** → **Животный мир**» представлена метафорической моделью «социальные группы → виды животных > количество» и ее субмоделью «объединения людей → птицы > совокупность»: *чета ворон* [АБ.П: 146, 287].

Метафорическая мегамодель «**Социум** → **Растительный мир**» проявляется в виде модели «социальные группы → виды растений > количество» и ее субмодели «семья → кустарники > совокупность»: *к семье кустов* [АБ.П: 156]; *в семью ракут* [АБ.П: 161]; *в семье лецин* [АБ.П: 227].

Мегамодель «**Социум** → **Неорганический мир**» выступает в метафорической модели «социальные отношения → атмосферные явления > проявления объекта» и ее субмодели «межличностные отношения → состояние атмосферы > интенсивность» (усиление / ослабление): *среди облачнобледных объятий* [АБ.П: 32]; *зари лобызаний* [АБ.П: 85, 263]; *поцелуи зари* [АБ.П: 260].

Метафорическая мегамодель «**Животный мир** → **Неорганический мир**» проявляется в виде таких моделей:

1) «виды животных → атмосферные явления > форма» и соответствующей субмодели «пресмыкающиеся → состояние атмосферы > очертания»: *свивают кольца облачные змии* [АБ.П: 106]; *златоголовых облак-змеев* [АБ.П: 296];

2) «объединения животных → атмосферные явления > количество» и ее субмодели «объединения насекомых → состояние атмосферы > множество»: *облак рой* [АБ.П: 27, 28]; *рой отблесков утра* [АБ.П: 103, 264].

Мегамодель «**Неорганический мир** → **Человек**» представлена метафорической моделью «водные объекты → физические свойства человека > форма», реализующейся в субмодели «водный поток → внешний вид человека > очертания»: *струились завитки кудрей* [АБ.П: 67]; *омыто чело волной волос, волной златою* [АБ.П: 209].

Метафорическая мегамодель «**Неорганический мир** → **Животный мир**» выступает в модели «водные объекты → виды животных > проявления объекта» и ее субмодели «водоемы → птицы > обнаружение» (становиться невидимым): *ласточки в эфире тонут* [АБ.П: 56]; *касатки тонут в небе* [АБ.П: 57].

Мегамодель «**Неорганический мир** → **Растительный мир**» представлена метафорической моделью «водные объекты → виды растений > динамика», реализуемой в субмоделях: а) водный поток → кустарники > движение (однонаправленность): *листья нежно льет лоза* [АБ.П: 189]; *широколиственные кущи сладостью текут* [АБ.П: 305]; б) водный поток → травы > движение (однонаправленность / разнонаправленность): *расплескалась колосьев волна* [АБ.П: 89]; *в волнах седой ковыли* [АБ.П: 115].

Метафорическая мегамодель «**Неорганический мир** → **Неорганический мир**» реализуется в моделях:

1) «водные объекты → физические явления > мера», проявляющейся в виде субмодели «водный поток → тепловые явления > степень ч.-л.»: *омывали утесы фонтаны огня* [АБ.П: 91]; *брызги огней* [АБ.П: 98];

2) «водные объекты → космические объекты > проявления объекта», выраженной с помощью субмодели «водный поток → небесные тела > интенсивность» (усиление / ослабление): *проливает солнечный червонец пламенное на руку пятно* [АБ.П: 48]; *луна алмазит стекла, свет лия* [АБ.П: 245]; *солнечные струи* [АБ.П: 27, 245]; *струи солнца* [АБ.П: 381];

3) «водные объекты → атмосферные явления > проявления объекта», выступающей в субмодели «водный поток → состояние атмосферы > интенсивность» (усиление / ослабление): *весенние волны зари* [АБ.П: 14]; *в волнах фиолетово-мглистых* [АБ.П: 107];

4) «полезные ископаемые → атмосферные явления > цвет», реализующейся в субмоделях: а) металлы → состояние атмосферы > оттенок цвета: *воздушное золото* [АБ.П: 97, 244]; *закатное золото* [АБ.П: 104]; *свинец облаков* [АБ.П: 147, 157]; *свинцовые тучи* [АБ.П: 151, 213]; *из мглы свинцовой* [АБ.П: 159]; б) металлы → атмосферные осадки > оттенок цвета: *во серебряных росах* [АБ.П: 127, 128]; *в снежном серебре* [АБ.П: 178, 207];

5) «полезные ископаемые → водные объекты > цвет», проявляющейся в виде субмодели «металлы → водоемы > оттенок цвета»: из *серебряной лужи* [АБ.П: 144]; *озера литой металл* [АБ.П: 104];

б) «камни-самоцветы → атмосферные явления > цвет» и ее субмоделей: а) полудрагоценные камни → состояние атмосферы > тон (насыщенность): *неба бирюза* [АБ.П: 189]; б) «камни» органического происхождения → состояние атмосферы > оттенок цвета: *закатный янтарь* [АБ.П: 243, 357]; *закатных янтарей* [АБ.П: 300]; *по закатным янтарям* [АБ.П: 339];

7) «камни-самоцветы → космические объекты > цвет», выступающей в субмоделях: а) драгоценные камни → небесные тела > тон (насыщенность / яркость): *рубин звезд* [АБ.П: 160, 165]; *звезд разметанный алмаз* [АБ.П: 295]; *сверкни, звезды алмаз* [АБ.П: 316]; *алмазом звезд* [АБ.П: 316]; *луна алмазит стекла* [АБ.П: 245]; б) «камни» органического происхождения → небесные тела > оттенок цвета: *месяца коралл* [АБ.П: 50, 228].

Метафорическая мегамодель «**Артефакт → Неорганический мир**» представлена следующими моделями:

1) «здания → атмосферные явления > форма», выступающей в субмоделях: а) строения → состояние атмосферы > очертания: *на башнях облаков* [АБ.П: 68]; б) части строений → состояние атмосферы > очертания: под *куполами облаков* [АБ.П: 319];

2) «одежда → атмосферные явления > консистенция», выраженной с помощью субмодели «материалы для изготовления одежды → состояние атмосферы > плотность»: *туч атласы* [АБ.П: 319]; *бархат эфира* [АБ.П: 30]; *в темнотах бархатных* [АБ.П: 203]; *бархат тьмы* [АБ.П: 304]; *вуаль дымки* [АБ.П: 104, 118]; *в вуалях темноты* [АБ.П: 295];

3) «одежда → космические объекты > мера», реализующейся в субмодели «материалы для изготовления одежды → небесные тела > размер»: *солнечной ткани* [АБ.П: 26, 38, 39, 65]; *в ткани солнца* [АБ.П: 166].

В прозе А. Белого выявлено более десяти индивидуальных продуктивных метафорических моделей в составе мегамоделей: «Человек → Растительный мир», «Человек → Неорганический мир», «Социум → Растительный мир», «Животный мир → Социум», «Животный мир → Неорганический мир», «Неорганический мир → Человек», «Неорганический мир → Растительный мир», «Неорганический мир → Неорганический мир», «Неорганический мир → Артефакт», «Артефакт → Человек». Приоритетное место, как и поэзии, принадлежит мегасферам «Неорганический мир» (в шести мегамо-

делях, четырежды – как источник метафоризации) и «Человек» (в четырех мегамоделах, дважды – как мегасфера-источник).

Метафорическая мегамодель «**Человек** → **Растительный мир**» реализуется в индивидуальной модели «физические свойства человека → совокупность растений > звук», проявляющейся в субмоделях: а) речь → совокупность деревьев > сила звука (громкость): *шепотный лес* [АБ.Пр: 21]; б) речь → совокупность деревьев > сила звука + качество звучания (громкость; отчетливость): *лес пробормочет сказку* [АБ.Пр: 258].

Мегамодель «**Человек** → **Неорганический мир**» выступает в метафорической модели «физические свойства человека → космические объекты > проявления объекта», которая выражена субмоделью «физические состояния человека → небесные тела > интенсивность» (усиление / ослабление): *усталое солнце* [АБ.Пр: 37, 199].

Метафорическая мегамодель «**Социум** → **Растительный мир**» проявляется в виде модели «искусство → виды растений > динамика», реализующейся в субмодели «танец → травы > движение» (разнонаправленность): *плясала рожь* [АБ.Пр: 52]; *травы плясали* [АБ.Пр: 52]; *веселая зелень танцует* [АБ.Пр: 100].

Мегамодель «**Животный мир** → **Социум**» выступает в метафорической модели «объединения животных → социальные группы > количество» и ее субмодели «объединения птиц → объединения людей > совокупность»: *стая старух* [АБ.Пр: 68]; *старушечья стая* [АБ.Пр: 68].

Метафорическая мегамодель «**Животный мир** → **Неорганический мир**» представлена моделью «виды животных → водные объекты > звук» и соответствующей субмоделью «пресмыкающиеся → водный поток > сила звука» (громкость): *ручеек струйкой-гремучкой журчит* [АБ.Пр: 182]; *гремучки-струйки* [АБ.Пр: 184, 186].

Мегамодель «**Неорганический мир** → **Человек**» реализуется в метафорической модели «физические явления → физические свойства человека > форма», проявляющейся в виде субмодели «тепловые явления → внешний вид человека > очертания»: *локонов дым* [АБ.Пр: 91]; *волос пепельный дым* [АБ.Пр: 100]; *ее кудри слились в дым* [АБ.Пр: 119].

Метафорическая мегамодель «**Неорганический мир** → **Растительный мир**» представлена такими индивидуальными моделями:

1) «водные объекты → виды растений > динамика», реализуемой в субмодели «водный поток → травы > движение» (однонаправленность): *побежит травная волна* [АБ.Пр: 21]; *бежала травная волна* [АБ.Пр: 183];

2) «водные объекты → физические свойства растений > мера», проявляющейся в виде субмодели «водоемы → части растений > размер» (обширное пространство): *среди бурного моря зеленых листьев* [АБ.Пр: 126]; *по зеленому морю дубовых крон* [АБ.Пр: 126]; *в зеленом море вершин* [АБ.Пр: 151].

Мегамодель «**Неорганический мир** → **Неорганический мир**» выступает в метафорической модели «камни-самоцветы → атмосферные явления > цвет» и ее субмоделях: а) драгоценные камни → атмосферные осадки > тон (яркость): *легкотрепетный росы бриллиант* [АБ.Пр: 157]; б) «камни» органического происхождения → атмосферные осадки > оттенок цвета: *в сырых жемчугах росы* [АБ.Пр: 128].

Метафорическая мегамодель «**Неорганический мир** → **Артефакт**» представлена моделью «водные объекты → здания > проявления объекта», которая выступает в субмодели «водоемы → строения > обнаружение» (виднеться на фоне ч.-л.): *баня плавала в свете* [АБ.Пр: 72]; *утопающий в цветах флигелек* [АБ.Пр: 82]; *изба, тонущая в коноплянике* [АБ.Пр: 105]; *дом уплывал к горизонту* [АБ.Пр: 126]; *уплывает в зеленом море вершин дом* [АБ.Пр: 151].

Мегамодель «**Артефакт** → **Человек**» реализуется в следующих метафорических моделях:

1) «одежда → физические свойства человека > форма», выраженной с помощью субмодели «головные уборы → внешний вид человека > очертания»: *пепельная шапка волос* [АБ.Пр: 95]; *шапка волос* [АБ.Пр: 119]; *шапка курчавых волос* [АБ.Пр: 420];

2) «домашняя утварь → физические свойства человека > форма», проявляющейся в виде субмодели «приспособления → внешний вид человека > структура»: *мочало желтой бороды* [АБ.Пр: 37]; *длинное мочало бороды* [АБ.Пр: 73].

В поэзии и прозе А. Белого установлено более тридцати индивидуальных продуктивных метафорических моделей: «физические свойства человека → совокупность растений > звук»; «физические свойства человека → космические объекты > проявления объекта»; «физические свойства человека → земные объекты > форма»; «физиологические свойства человека → атмосферные явления > динамика»; «физиологические свойства человека → временные отрезки > состояние»; «социальные группы → виды животных > количество»; «социальные группы → виды растений > количество»; «социальные отношения → атмосферные явления > проявления объекта»; «искусство → виды растений > динамика»; «виды животных → атмосферные явления > форма»; «виды животных → водные объек-

ты > звук»; «объединения животных → социальные группы > количество»; «объединения животных → атмосферные явления > количество»; «физические явления → физические свойства человека > форма»; «водные объекты → физические свойства человека > форма»; «водные объекты → виды животных > проявления объекта»; «водные объекты → виды растений > динамика»; «водные объекты → физические свойства растений > мера»; «водные объекты → физические явления > мера»; «водные объекты → космические объекты > проявления объекта»; «водные объекты → атмосферные явления > проявления объекта»; «водные объекты → здания > проявления объекта»; «полезные ископаемые → атмосферные явления > цвет»; «полезные ископаемые → водные объекты > цвет»; «камни-самоцветы → атмосферные явления > цвет»; «камни-самоцветы → космические объекты > цвет»; «здания → атмосферные явления > форма»; «одежда → физические свойства человека > форма»; «одежда → атмосферные явления > консистенция»; «одежда → космические объекты > мера»; «домашняя утварь → физические свойства человека > форма».

Общность метафорики стихотворных и прозаических произведений А. Белого обнаруживается на уровне восьми мегамоделей: «Человек → Растительный мир» (модель «физические свойства человека → виды растений > звук»), «Человек → Неорганический мир» (модели «физические свойства человека → атмосферные явления > звук», «физические свойства человека → водные объекты > звук»), «Социум → Растительный мир» (разные модели), «Животный мир → Социум» (модель «объединения животных → социальные отношения > количество»), «Животный мир → Неорганический мир» (разные модели), «Неорганический мир → Человек» (модели «водные объекты → физические свойства человека > звук», «водные объекты → физиологические свойства человека > динамика»), «Неорганический мир → Растительный мир» (модель «водные объекты → виды растений > динамика»), «Неорганический мир → Неорганический мир» (модели «камни-самоцветы → атмосферные явления > цвет», «водные объекты → атмосферные явления > динамика»).

В процессе метафорообразования часто используются такие денотативно-понятийные сферы, как: «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «социальные группы», «виды растений», «объединения животных», «атмосферные явления», «космические объекты», «водные объекты», «одежда», – при этом сферы «физиологические свойства человека», «социальные

группы», «водные объекты», «физические свойства человека» выступают в качестве как источника, так и цели метафорической проекции, «атмосферные явления» и «космические объекты» являются, как правило, сферой-целью, а «объединения животных», «одежда» – источником метафоризации. Доминирующее положение в метафорической картине мира А. Белого занимают метафоры, относящиеся к сферам «физические свойства человека» и «водные объекты». В метафоризации участвуют семантико-когнитивные форманты «динамика», «форма», «звук», «проявления объекта», «состояние», «количество», «мера», «консистенция» и «цвет».

В поэзии и прозе А. Белого часто встречаются одни и те же метафоры в сочетании со словами разных сфер метафорического притяжения: **бархат** (борозда, вечность, темнота, тьма, эфир), **волна** (ветер, воздух, волосы, время, заря, ковыль, колосья, листья, мгла, пар, свет, тьма; снежный), **дождь** (листья, метеоры, симфонии), **дыханье** (ветерок, вечер, сумерки, печь), **злой** (ветер, воздух, день, дождик, зима, ночь, огонь, орудия, родина, солнце, стрелки, тьма), **иглы** (звезды, молнии, свет; льдяный), **кипеть** (кусты, сосны, сугроб, степь), **ленивый** (ветерок, ворона, время, овес, плуг, чайки), **плакать** (клавиши, рожок, сычонок, колесо, поезд, пурга, чайки), **рыдать** (гамма, рояль, сонатина, поток, сердце), **рой** (дни, меланхолия, монашки, старушонки, поклоны, облака, отблески, пылинки, миры, эмблемы), **свинец** (вода, облака, тучи), **свинцовый** (взор, вода, мгла, ночь, облака, тучи), **седой** (дождь, туман, ковыль, простор), **серебро** (волосы, зима, роса, Млечный Путь; снежный), **серебряный** (зима, роса, лужа), **сладкий** (воспоминания, грусть, слова), **спать** (мир, память, сердце, река), **стая** (дубы, звуки, избенки, люди, музыканты, облака, огни, смерти), **тонуть** (время, дом, ель, изба, искры, карета, касатки, ласточки, лицо, солнце, флигелек, ямщик), а также метафоры определенных исходных сфер метафоризации: «камни-самоцветы» (алмаз, бирюза, рубин, хрусталь, янтарь и др.), «металлы» (злато / золото, свинец, серебро и др.), «одежда» (атлас, бархат, кружево, лента, нити, шелк, вуаль, кисея, шапка и др.), «тепловые явления» (дым, огонь, пламень; кипеть, klokотать, потухнуть и др.).

В качестве метафоризирующих слов, относящихся к различным сферам метафорического притяжения, чаще всего выступают: **ветер** (вздых; взволнованный, ленивый; дышать, злиться, стонать, тосковать, целовать), **закат** (злато, пиршество, улыбка, янтарь; стыдливый), **заря** (ласка, лобзание, лента, поцелуй, огонь, стекло, стезя), **облако** (атлас, башины, бег, змеи, купола, объятия, стая; хмурить-

ся), **туча** (бег, свинец, стая; свинцовый), **солнце** (ткань, щит, языки; злой, печальный), **мир** (безумие, рой, чертог; уставший, уснувший), **слово** (пыль, фейерверк; медовый, сладкий).

В стихах и прозе А. Белого есть метафоры, представляющие собой как известные метафорические формулы, отражающие стереотипы национального образного мышления: **алмазы звезд**, **бег времени** (дней, лет), **дни (годы) бегут**, **зеркало воды**, **свет льется**, **небесное стекло**, **стекло небес**, **серп луны**, **текут дни (года, века)**, так и его индивидуальные метафорические новообразования, отображающие особенности авторского мировосприятия: **дым волос**, **змеи облаков**, **лава дыхания**, **ландшафт жизни**, **заревой огонь**, **пена звезд**, **полет столетий**, **прялка времени**, **рубин звезд**, **свинец туч**, **струи солнца**, **солнечная ткань**, **закатный янтарь** и др.

Следовательно, поэзия и проза А. Белого едины в его творчестве как отражение образного мировидения и художественного мышления автора. Наиболее продуктивными источниками метафоризации в его стихотворных и прозаических текстах выступают денотативно-понятийные сферы «физические свойства человека» и «водные объекты». Авторское образное освоение мира осуществляется через зрительное и слуховое восприятие, так как в метафоризации регулярно участвуют семантико-когнитивные форманты «динамика», «форма», «звук», «проявления объекта», «цвет», «количество».

Метафорическая картина мира А. Белого является в большей мере антропоморфной и абиотической, а значит, в центре метафорического пространства его произведений находится человек в физических, физиологических, социальных проявлениях и неорганическая природа.

2.4.3. Формирование метафорической картины мира в произведениях А. Ахматовой

Метафоры поэзии А. Ахматовой, преимущественно раннего периода, рассматривались в литературоведческом аспекте (Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, Л. Я. Гинзбург, Н. С. Трифонова и др.), а лингвистическое их исследование фрагментарно проводилось в работах В. В. Виноградова (1976), Н. А. Кожевниковой (1986), Ю. С. Лазебника (1995) и др. Метафорика ахматовской прозы до настоящего времени оставалась за пределами внимания языковедов.

Особенности метафорического моделирования в поэзии и прозе А. Ахматовой представляют, на наш взгляд, большой интерес для понимания ее художественно-эстетических воззрений. На право-

мерность такого подхода к ее лирике А. Ахматова указывала сама: «Чтобы добраться до сути, надо изучать гнезда постоянно повторяющихся образов в стихах поэта – в них и таится личность автора и дух его поэзии» [АА: 331]. При этом важным является тот факт, что ахматовская поэзия долгое время считалась «поэзией непереносных смыслов» (В. М. Жирмунский, Б. М. Эйхенбаум и др.) и выделялись такие характерные черты ее лирической манеры, как «стремление к целомудренной простоте слова, боязнь ничем не оправданных поэтических преувеличений, чрезмерных метафор и истасканных тропов, ясность и сознательная точность выражения» [Жирмунский 1973: 68]. Высказывалось также мнение о том, что А. Ахматова избегает метафор, лишь изредка употребляет их и при этом «как бы намеренно берет самые прозаические метафоры, тем самым не придавая метафоре как таковой специально поэтического значения» [Эйхенбаум 2001: 208]. Отмечалось, что для раннего периода ее творчества «характерна предметность, слово, не перестроенное метафорой, а резко преображенное контекстом» [Гинзбург 1991: 132]. Данные выводы были обусловлены скорее тем, что ахматовская поэзия рассматривалась современниками на фоне поэзии символистов, для которых метафорическое восприятие мира являлось основным «свойством» поэта [Жирмунский 1973: 72], хотя можно, пожалуй, согласиться, что в целом ориентация А. Ахматовой в первую очередь на «точное» слово в прямом значении была довольно устойчива. Однако в работах некоторых ахматоведов высказываются мысли о том, что в стихах позднего периода «господствуют переносные значения», «метафоризм все более усложняется» [Гинзбург 1991: 154], а это косвенно подтверждает наличие фактов метафоризации и в ранней ахматовской поэзии.

Проведенный нами анализ стихотворных и прозаических текстов А. Ахматовой показал, что метафоричность как признак идиостиля стала складываться еще в самом начале ее поэтического творчества, а используемые и создаваемые ею метафоры на протяжении всей литературной деятельности образуют цельную метафорическую картину мира. Необходимо отметить, что метафор в ахматовской прозе значительно меньше, чем в поэзии, и они составляют около 15 % от общего их числа.

Основой индивидуальной метафорической картины мира А. Ахматовой являются мегасферы «Человек», «Социум», «Животный мир», «Неорганический мир» и «Артефакт», выступающие в качестве источников метафоризации в тринадцати мегамоделах, в пределах которых установлено более двадцати продуктивных метафори-

ческих моделей (около десяти из них индивидуальные). Ведущее место принадлежит мегасферам «Человек» (в пяти мегамоделях, причем во всех – источник метафоризации), «Социум» и «Неорганический мир» (в шести мегамоделях, трижды – мегасфера-источник), что отражает художественно-эстетические приоритеты автора – человек, его роль в обществе и место в неживой природе.

В поэзии А. Ахматовой выявлено семь индивидуальных продуктивных метафорических моделей среди мегамоделей «Человек → Социум», «Человек → Неорганический мир», «Социум → Растительный мир», «Социум → Неорганический мир», «Животный мир → Социум», «Артефакт → Неорганический мир».

Метафорическая мегамодель «**Человек** → **Социум**» выступает в модели «физические свойства человека → социальные отношения > проявления объекта» и соответствующей субмодели «физические действия человека → общественное мнение > интенсивность» (усиление / ослабление): *слух бродит по городу* [АА: 147]; *наутро притащится слава* [АА: 162]; *клевета сопутствовала мне. Ее ползучий шаг я слышала* [АА: 166].

Мегамодель «**Человек** → **Неорганический мир**» реализуется в метафорических моделях:

1) «физические свойства человека → космические объекты > форма», выступающей в метафорической субмодели «части тела человека → небесные тела > очертания»: *тело земли* [АА: 200]; *лунный лик* [АА: 102]; *месяца лик* [АА: 200];

2) «физиологические свойства человека → земные объекты > динамика», проявляющейся в виде субмодели «физиологические процессы человека → участки земли > движение» (наличие / отсутствие): *к немому сну полей* [АА: 47]; *спит луг* [АА: 108].

Метафорическая мегамодель «**Социум** → **Растительный мир**» представлена моделью «искусство → виды растений > корреляция» и ее субмоделью «танец → деревья > расположение» (пространственное соотношение/взаиморасположение): *хоровод кипарисов* [АА: 176]; *в танец вступают березы* [АА: 211].

Мегамодель «**Социум** → **Неорганический мир**» выступает в метафорической модели «искусство → атмосферные явления > динамика» и соответственно субмодели «танец → воздушный поток > движение» (разнонаправленность): *белых вихрей хоровод* [АА: 325]; *бал метелей на Марсовом поле* [АА: 315].

Метафорическая мегамодель «**Животный мир** → **Социум**» реализуется в модели «объединения животных → искусство > количество» и соответствующей субмодели «объединения птиц → лите-

ратура > множество»: *стихов сожженных стая* [АА: 220]; *стихов моих белая стая* [АА: 111].

Метафорическая мегамодель «**Артефакт** → **Неорганический мир**» представлена моделью «домашняя утварь → атмосферные явления > форма», которая выражается с помощью субмодели «приспособления → атмосферные осадки > структура»: *сквозь густую водяную сетку* [АА: 89]; *сквозь инея белую сетку* [АА: 110].

В прозе А. Ахматовой обнаружена лишь одна индивидуальная продуктивная метафорическая модель «атмосферные явления → печатно-рукописная продукция > количество» (мегамодель «**Неорганический мир** → **Артефакт**»), реализующаяся в субмодели «атмосферные осадки → печатная продукция > множество»: *ливни, хлещущие на страницах книг* [АА: 348]; *непрекращающийся дождь стихов* [АА: 351]; *после града телеграмм* [АА: 354].

В стихотворных и прозаических текстах А. Ахматовой установлено восемь индивидуальных продуктивных метафорических моделей: «физические свойства человека → социальные отношения > проявления объекта»; «физические свойства человека → космические объекты > форма»; «физиологические свойства человека → земные объекты > динамика»; «искусство → виды растений > корреляция»; «искусство → атмосферные явления > динамика»; «объединения животных → искусство > количество»; «атмосферные явления → печатно-рукописная продукция > количество»; «домашняя утварь → атмосферные явления > форма».

Общность метафорики поэзии и прозы А. Ахматовой в целом обнаруживается на уровне мегамоделей «Человек → Социум» и «Неорганический мир → Социум» (представлены разные модели).

Наиболее частотными в творчестве А. Ахматовой являются денотативно-понятийные сферы «физические свойства человека», «социальные отношения», «искусство» и «атмосферные явления», причем сфера «физические свойства человека» выступает, как правило, в качестве источника метафоризации, «искусство» – как сфера-источник и сфера-цель, остальные – как сфера-цель. В основе метафоризации лежат семантико-когнитивные форманты «звук», «форма», «динамика», «проявления объекта», «консистенция», «корреляция», «количество», «оценочность».

В стихах и прозе А. Ахматовой нередко используются одни и те же метафоры в сочетании со словами разных сфер метафорического притяжения: *дыханье* (*ветер, гвоздика, земля, искусство, стихи*), *хоровод* (*кипарисы, ноченьки, тени*), *шелест* (*лето, слава, шаги*), а также метафоры сферы-источника «части тела человека» (соматиз-

мы): *лик луны (месяца), руки елей, тело земли (равнин, сосен)* и др. В качестве частотных метафоризирующих слов выступают: *ветер* (*бродяга, голос; безрассудный, злой, суровый; бродить, вливаться*), *сердце* (*мудрый, осторожный; знать, измаяться, любить, разорваться, слышать, томиться, тосковать, учить*), *память* (*голос, подвал, прожектор, сокровищница*).

В ахматовских произведениях встречаются метафоры, обладающие высокой частотностью, к которым относятся как известные метафорические формулы: *дыханье ветра, голос ветра, лик луны (месяца), руки елей, сетка дождя, сон полей, ласковый ветер, сонный лес, спит земля*, так и ее индивидуальные метафорические новообразования: *бал метелей, бродяга ветер, подвал памяти, прожектор памяти, шелест славы (шагов), притащится слава* и др.

Таким образом, поэзия и проза А. Ахматовой не являются неким неразрывным целым в плане способов реализации и взаимопроникновения метафорических образов, – ее стихотворные и прозаические произведения связаны прежде всего единством языковой личности писателя, спецификой авторского художественного мышления. Наиболее продуктивным источником метафоризации в ахматовских стихах и прозе выступает денотативно-понятийная сфера «физические свойства человека». В метафорообразовании чаще всего участвуют семантико-когнитивные форманты «динамика», «форма», «проявления объекта» и «звук», следовательно, авторское образное освоение мира осуществляется через зрительное и слуховое восприятие.

Метафорическая картина мира А. Ахматовой является преимущественно антропоморфной, так как в качестве ее образно-смысловой доминанты выступает человек в физическом, физиологическом, личностном и социальном аспектах.

2.4.4. Моделирование метафорического пространства в стихах и прозе М. Кузмина

Метафорика поэзии и прозы М. Кузмина до настоящего времени оставалась практически не изученной как в литературоведческом, так и лингвистическом аспектах. Имеются лишь отдельные наблюдения над фактами метафоризации в его поэтических произведениях (В. М. Жирмунский, Н. А. Богомолов и др.). Так, еще современник М. Кузмина В. М. Жирмунский в статье «Метафора в поэтике русских символистов» (1921) отмечал, что «на фоне метафорического стиля русских поэтов эпохи символизма скромностью

и сдержанностью в употреблении метафоры выделяются М. Кузмин и А. Ахматова» [Жирмунский 1977: 164].

Анализ стихотворных и прозаических текстов М. Кузмина показал, что метафоричность, действительно, не является основополагающей чертой его идиостиля, однако имеющиеся в его произведениях метафоры образуют единую систему, обусловленную особенностями языковой личности поэта-прозаика, и отражают своеобразие его авторского мировосприятия. Метафорика прозы М. Кузмина составляет около 35 % от общего числа его метафор.

Индивидуальная метафорическая картина мира М. Кузмина базируется на мегасферах «Человек», «Социум», «Неорганический мир», «Животный мир», «Растительный мир» и «Артефакт», являющихся источниками метафоризации в двенадцати мегамоделях, в составе которых выявлено двадцать продуктивных метафорических моделей (половина из них индивидуальные). Главную позицию занимают мегасферы «Человек» и «Неорганический мир» (обе в шести мегамоделях, в трех – как источник метафоризации), что отражает художественно-эстетические приоритеты автора – человек и окружающий его мир неживой природы.

В поэзии М. Кузмина обнаружено семь индивидуальных продуктивных метафорических моделей, которые относятся к мегамоделям «Человек → Человек», «Животный мир → Человек», «Растительный мир → Человек», «Артефакт → Неорганический мир».

Метафорическая мегамодель «**Человек → Человек**» представлена моделью «физические свойства человека → психические свойства человека > проявления объекта», выступающей в субмодели «речь → память > реализация» (возобновление ч.-л.): *память шепчет внятно* [МК: 32]; *зовут воспоминанья* [МК: 93].

Мегамодель «**Животный мир → Человек**» реализуется в метафорических моделях:

1) «виды животных → физиологические свойства человека > проявления объекта» и ее субмодели «птицы → внутренние органы человека > интенсивность» (усиление / ослабление): *сердце – пойманная птица* [МК: 163]; *рвалась на волю птица-сердце* [МК: 178];

2) «виды животных → психические свойства человека > проявления объекта» и соответствующей субмодели «птицы → интеллект > реализация» (способ выражения): *мысли-птицы ручные* [МК: 24]; *мыслей-птиц высокое стремленье* [МК: 114];

3) «физические свойства животных → физиологические свойства человека > проявления объекта», выступающей в субмодели «части тела животных → внутренние органы человека > интенсив-

ность» (усиление / ослабление): *крылья сердца* [МК: 111]; *крылья сердца затрепетали* [МК: 128];

4) «физические свойства животных → психические свойства человека > проявления объекта», выраженной с помощью субмодели «части тела животных → интеллект > реализация» (творчество): *мыслию крылатой* [МК: 48]; *крылаты мысли* [МК: 64].

Метафорическая мегамодель «**Растительный мир** → **Человек**» проявляется в виде модели «физиология растений → душевные свойства человека > динамика» и соответствующей субмодели «этапы развития растений → чувства > развитие» (качественное изменение): *любовь цветет* [МК: 55]; *любовь зацвела* [МК: 128].

Мегамодель «**Артефакт** → **Неорганический мир**» выражается с помощью метафорической модели «здания → космические объекты > проявления объекта» и ее субмодели «предметы интерьера → небесные тела > интенсивность» (усиление / ослабление): *трисолнечное света зеркало* [МК: 105]; *зеркало солнц* [МК: 120].

В прозе М. Кузмина обнаружено три индивидуальных продуктивных метафорических модели, входящих в состав мегамоделей «Человек → Человек», «Растительный мир → Социум», «Неорганический мир → Человек».

Метафорическая мегамодель «**Человек** → **Человек**» представлена моделью «физиологические свойства человека → физиологические свойства человека > мера», реализующейся в субмодели «физиологические процессы человека → физиологические процессы человека > степень ч.-л.» (в полной мере): *она хотела насмотреться досыта* [МК: 315, 380].

Мегамодель «**Растительный мир** → **Социум**» проявляется в виде метафорической модели «физиология растений → искусство > динамика» и соответствующей субмодели «физиологические процессы растений → литература > развитие» (качественное изменение): *где же расцветать искусству* [МК: 385]; *стихомания расцвела пышно* [МК: 397].

Метафорическая мегамодель «**Неорганический мир** → **Человек**» реализуется в модели «камни-самоцветы → физические свойства человека > цвет», выступающей в субмодели «драгоценные камни → части тела человека > тон» (насыщенность): *сапфирные глаза* [МК: 251, 253].

В поэзии и прозе М. Кузмина установлено десять индивидуальных продуктивных метафорических моделей: «физические свойства человека → психические свойства человека > проявления объекта»; «физиологические свойства человека → физиологические свойства

человека > мера»; «виды животных → физиологические свойства человека > проявления объекта»; «виды животных → психические свойства человека > проявления объекта»; «физические свойства животных → физиологические свойства человека > проявления объекта»; «физические свойства животных → психические свойства человека > проявления объекта»; «физиология растений → душевные свойства человека > динамика»; «физиология растений → искусство > динамика»; «камни-самоцветы → физические свойства человека > цвет»; «здания → космические объекты > проявления объекта».

Общность метафорики стихотворных и прозаических произведений М. Кузмина обнаруживается на уровне шести мегамоделей: «Человек → Человек» (разные модели), «Человек → Артефакт» (модель «физические свойства человека → инструменты > звук»), «Социум → Артефакт» (модель «искусство → инструменты > звук»), «Животный мир → Человек» (разные модели), «Неорганический мир → Человек» (модель «водные объекты → физиологические свойства человека > динамика»), «Артефакт → Неорганический мир» (разные модели).

В процессе метафоризации регулярно используются такие денотативно-понятийные сферы, как: «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «душевные свойства человека» и «водные объекты», – при этом сфера «физические свойства человека» является как источником, так и целью метафорической проекции, «водные объекты» преимущественно сферой-источником, «физиологические свойства человека», «душевные свойства человека» – сферами метафорического притяжения. В образовании метафор участвуют семантико-когнитивные форманты «динамика», «проявления объекта», «цвет», «форма», «консистенция» и «звук».

В стихах и прозе М. Кузмина нередко используются метафоры *дремать* (воля, лес, лодки, ночь, травы), *крылатый* (голос, душа, мысль, слова), *литься* (аромат, песня, речь, слова, свет), *течь* (годы, дни, жизнь, слова), *сладкий* (*сладчайший, сладостный*) (голос, дни, дух, мысли, ожидания, примирение, тишина, чувство, язык), *сонный* (воздух, солнце, травы). Часто повторяются слова такой сферы-цели метафорической проекции, как «музыкальные инструменты»: *арфа, кларнет, рожок, рояль, скрипка, тромбон, труба, флейта* и др.

В качестве метафоризирующих слов, относящихся к различным сферам метафорического притяжения, неоднократно выступают: *душа* (ворожея, голубь; вытопанный, смущенный, удивленный; дрожать, послушный, хромать), *сердце* (вздых, голос, заноза, кры-

ля, огород, память; глупый, открытый, пылающий, стеклянный, усталый; бояться, встречать, грустить, знать, молиться, обмануть, растопить), **память** (панцирь; звать, петь, шептать), **жизнь** (клеть, мед, плод, растение; расколотый), **ветер** (конь; веселый, злой; дышать, ласкать), **заря** (вуаль, кисель, память, румянец, хвосты, яд), **звезда** (сосуд, соты, хоровод; косматый; плыть, угаснуть), **небо** (купол, лоза, мед, мечи, поле, роза, тело; янтарный; расплавиться), **ночь** (схимница; злой, тюлевый; вздыбиться, дремать), **солнце** (бык, зеркало; ленивый, сонный; брызнуть, разгуливать, глядеть).

В произведениях М. Кузмина нередко используются известные метафорические формулы: *луна (месяц) глядит, лик луны (месяца), сокровищница памяти, свет льется, песня льется, жизнь течет*, однако много и ярких индивидуально-авторских метафор: *солнце-бык, душа-ворожья, голубь-душа, мед жизни, огород сердца, панцирь памяти, сосуды звезд, соты звезд, тюлевая ночь* и др.

Таким образом, стихи и проза М. Кузмина составляют единое образно-художественное пространство, отображающее особенности авторского мировосприятия. Наиболее продуктивными источниками метафоризации в произведениях поэта-прозаика являются денотативно-понятийные сферы «физические свойства человека» и «водные объекты». Авторское образное освоение мира осуществляется через зрительное и слуховое восприятие, так как в метафоризации участвуют, как правило, семантико-когнитивные форманты «динамика», «проявления объекта» и «звук».

Метафорическая картина мира М. Кузмина превалирующе антропоморфная и абиотическая, что объясняется продуктивностью мегасфер метафоризации «Человек» и «Неорганический мир», и в центре метафорического мироздания автора находится человек как физическое и духовное существо, взаимодействующее с окружающей его неживой природой.

2.4.5. Метафорическое моделирование действительности в поэзии и прозе М. Цветаевой

Метафорика поэзии М. Цветаевой неоднократно рассматривалась как в литературоведческом (В. Ф. Ходасевич, М. Л. Гаспаров, И. С. Кудрова, С. Н. Лютова, А. А. Саакянц и др.), так и лингвистическом (О. В. Платонова (1993), О. Г. Ревзина (1998), Н. П. Уфимцева (1998), С. А. Ахмадеева (2006) и др.) аспектах, а метафоры ее прозы изучались крайне мало [Ревзина 1998; Ахмадеева 2006]. Еще

современники М. Цветаевой в начале XX в. отмечали, что «не умеет она “поверять воображение рассудком” – и тогда стихи ее становятся нагромождением плохо вяжущихся метафор» [Ходасевич 1991: 521]. В некоторых научных работах начала XXI в. также указывается, что стихи М. Цветаевой являются «как бы концентратом метафорического поэтического мышления: цепь метафор, цепь ассоциаций по сходству и все» [Гаспаров 2001: 141]. И хотя цветаевские метафоры, по мнению многих исследователей, не всегда удачны в смысловом отношении, они достаточно экспрессивны, необычны, а нередко и просто уникальны.

Анализ стихотворных и прозаических текстов М. Цветаевой показал, что используемые и создаваемые ею метафоры образуют цельную метафорическую картину мира автора. Метафоры цветаевской прозы составляют чуть более 10 % от общего числа ее метафор, однако они органично входят в общее образно-ассоциативное пространство ее произведений.

Основу метафорической картины мира М. Цветаевой составляют мегасферы «Человек», «Социум», «Животный мир», «Неорганический мир» и «Артефакт», выступающие источниками метафоризации в одиннадцати мегамоделях, в которых выявлено около тридцати продуктивных метафорических моделей (чуть больше половины из них являются индивидуальными). Приоритетное место занимают мегасферы «Человек» (в восьми мегамоделях, четырежды – в качестве источника метафоризации) и «Неорганический мир» (в пяти мегамоделях, трижды – как мегасфера-источник), что демонстрирует художественно-эстетические приоритеты автора – человек и окружающий его мир неживой природы.

В поэзии М. Цветаевой обнаружено более десяти индивидуальных продуктивных метафорических моделей среди мегамоделей «Человек → Человек», «Социум → Человек», «Животный мир → Человек», «Неорганический мир → Неорганический мир», «Артефакт → Человек», «Артефакт → Неорганический мир».

Метафорическая мегамодель «**Человек** → **Человек**» представлена в цветаевской поэзии следующими моделями:

1) «физические свойства человека → психические свойства человека > время», которая проявляется в виде метафорической субмодели «внешний вид человека → интеллект > длительность» (продолжительность ч.-л.): *к молодым сединам дел* [МЦ: 123]; *дум седины* [МЦ: 123];

2) «физические свойства человека → душевные свойства человека > динамика», выраженной с помощью субмодели «физические

действия человека → духовная сущность человека > развитие» (качественное изменение): *гигантский шаг души* [МЦ: 139]; *душа взростала* [МЦ: 158].

Мегамодель «Социум → Человек» реализуется в метафорической модели «социальные группы → душевные свойства человека > проявления объекта» и ее субмодели «лицо по профессии, роду занятий → духовная сущность человека > активность» (деятельность): *дух – мой сподвижник*, *дух – мой вожатый* [МЦ: 96].

Метафорическая мегамодель «Животный мир → Человек» выступает в метафорических моделях:

1) «физические свойства животных → физические свойства человека > форма», реализуемой в субмодели «части тела животных → внешний вид человека > очертания»: *под крыльями раскинутых бровей* [МЦ: 59]; *бровей крылатых* [МЦ: 72];

2) «условия обитания животных → душевные свойства человека > проявления объекта», выступающей в субмодели «места обитания животных → эмоции > обнаружение» (становиться явным): *отчаянный гнездо* [МЦ: 123]; *в душе гнездилась радость* [МЦ: 142].

Мегамодель «Неорганический мир → Неорганический мир» проявляется в виде метафорической модели «земные объекты → водные объекты > форма» и соответствующей субмодели «рельеф местности → водоемы > очертания»: *пены холмы* [МЦ: 203]; *пенный холм* [МЦ: 208].

Метафорическая мегамодель «Артефакт → Человек» выражается в модели «здания → душевные свойства человека > оценочность» и ее субмодели «строения → духовная сущность человека > позитивная оценка» (высокий уровень ч.-л.): *чертог души* [МЦ: 139]; *души моей храм* [МЦ: 214].

Мегамодель «Артефакт → Неорганический мир» реализуется в следующих метафорических моделях:

1) «домашняя утварь → водные объекты > динамика», которая представлена субмоделью «емкости → водоемы > действие»: *бурлит в морском котле* [МЦ: 164]; *море: ярая бадья* [МЦ: 259];

2) «домашняя утварь → атмосферные явления > мера», реализуемой в субмодели «емкости → состояние атмосферы > размер»: *небо – бездонный чан* [МЦ: 105]; *небес бездонный чан* [МЦ: 143];

3) «одежда → земные объекты > форма», представленной субмоделью «головные уборы → рельеф местности > очертания»: *гранитною короною скал* [МЦ: 189]; *ледяная тиара гор* [МЦ: 189];

4) «предметы религиозного культа → водные объекты > функциональность», проявляющейся в виде субмодели «предметы цер-

ковной службы → водоемы > предназначение»: в купели морской [МЦ: 105]; в купели моря крещена [МЦ: 132].

В прозе М. Цветаевой выявлено четыре индивидуальных продуктивных метафорических модели среди мегамоделей «Человек → Человек», «Неорганический мир → Человек», «Неорганический мир → Неорганический мир», «Артефакт → Человек».

Метафорическая мегамодель «**Человек → Человек**» реализуется в модели «физиологические свойства человека → психические свойства человека > проявления объекта», проявляющейся в виде субмодели «болезни → мышление / интеллект > обнаружение»: *детство – пора слепой правды, юношество – зрячей иллюзии* [МЦ.Пр: 52].

Мегамодель «**Неорганический мир → Человек**» представлена индивидуальной метафорической моделью «физические явления → физические свойства человека > проявления объекта» и ее субмоделью «тепловые явления → части тела человека > интенсивность»: *Передо мной – живой пожар. Горит все, горит – вся. Горят щеки, горят губы, горят глаза, несгораемо горят в костре рта белые зубы, горят – точно от пламени вытеся! – косы* [МЦ.Пр: 126].

Метафорическая мегамодель «**Неорганический мир → Неорганический мир**» выступает в модели «водные объекты → атмосферные явления > динамика», выраженной с помощью субмодели «водный поток → воздушный поток > перемещение»: *ветер особый, в две струи* [МЦ.Пр: 36]; *с водоворотом воздуха* [МЦ.Пр: 38]; *струи ветра* [МЦ.Пр: 187].

Мегамодель «**Артефакт → Человек**» проявляется в метафорической модели «здания → душевные свойства человека > количество» и ее субмоделях: а) хранилища → духовная сущность человека > множество: *духовный ресурс* [МЦ.Пр: 276]; *запасы души* [МЦ.Пр: 282]; *в душе припасено* [МЦ.Пр: 296]; б) хранилища → желания > множество: *в резерве мечты* [МЦ.Пр: 295].

В поэзии и прозе М. Цветаевой установлено пятнадцать индивидуальных продуктивных метафорических моделей: «физические свойства человека → психические свойства человека > время»; «физические свойства человека → душевные свойства человека > динамика»; «физиологические свойства человека → психические свойства человека > проявления объекта»; «социальные группы → душевные свойства человека > проявления объекта»; «физические свойства животных → физические свойства человека > форма»; «условия обитания животных → душевные свойства человека > проявления объекта»; «физические явления → физические свойства челове-

ка > проявления объекта»; «земные объекты → водные объекты > форма»; «водные объекты → атмосферные явления > динамика»; «здания → душевные свойства человека > количество»; «здания → душевные свойства человека > оценочность»; «домашняя утварь → водные объекты > динамика»; «домашняя утварь → атмосферные явления > мера»; «одежда → земные объекты > форма»; «предметы религиозного культа → водные объекты > функциональность».

Общность метафорики стихотворных и прозаических произведений М. Цветаевой прослеживается на уровне метафорических мегамоделей «Человек → Человек», «Неорганический мир → Человек», «Неорганический мир → Неорганический мир», «Артефакт → Человек» (разные модели).

При метафоризации регулярно используются денотативно-понятийные сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «душевные свойства человека», «водные объекты», «земные объекты» и «атмосферные явления», причем сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека» и «водные объекты» являются, как правило, источниками метафоризации, а остальные – сферами метафорического притяжения. В процессе метафорообразования задействованы семантико-когнитивные форманты «динамика», «форма», «проявления объекта», «звук», «цвет», «состояние», «количество», «мера», «время», «оценочность», «функциональность».

В цветаевской поэзии и прозе нередко используются одни и те же метафоры в сочетании со словами разных сфер метафорического притяжения: *седина* (дела, думы, море, пена, пучина), *сонный* (ветер, Кремль, луга, мальвы, пух) и др. Часто встречаются слова сферы метафорического притяжения «душевные свойства человека» – *душа* (вдох, шаг, храм, чертог; крылатый, разгневанный) и *дух* (вожатый, сподвижник, странник).

В произведениях М. Цветаевой имеются метафоры, представляющие собой как известные метафорические формулы (*голос ветра, море слез, золото волос, сонный лес* и т. д.), так и ее индивидуальные метафорические новообразования, отображающие особенности авторского мировосприятия: *купель моря, лебедь-душа, озноб клятв, плеск века, река дней, седина моря, тиара гор, холмы пены, храм души, шаг души* и т. п.

Таким образом, стихи и проза М. Цветаевой составляют единство как результат творческой реализации художественного мышления автора. Наиболее продуктивными источниками метафоризации в произведениях автора являются денотативно-понятийные сферы

«физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «водные объекты», «земные объекты». Авторское метафорическое освоение мира осуществляется преимущественно через зрительное восприятие, потому что в метафоризации чаще всего участвуют семантико-когнитивные форманты «динамика», «проявления объекта» и «форма».

Метафорическая картина мира М. Цветаевой представляется в наибольшей степени антропоморфной и абиотической, так как ее образно-смысловое ядро образуют человек в физическом и личностном аспектах и окружающая его неорганическая природа.

2.4.6. Моделирование метафорической картины мира в произведениях Б. Пастернака

Метафорика Б. Пастернака до настоящего времени не являлась объектом специального лингвистического исследования, хотя фрагментарно она изучалась Р. О. Якобсоном (1987), Н. А. Фатеевой (2003), Б. Г. Бобылевым (2004) и др. Так, Р. О. Якобсон отмечал «концентрированную метафоричность», «метафорическую сгущенность» пастернаковских произведений, особенно его ранней лирики, а также «богатство и изощренность» его метафор, что перекликается с отзывами современников Б. Пастернака – Н. Асеева, М. Кузмина, И. Эренбурга и др. – о насыщенности метафорами его ранней поэзии. В литературоведческих работах имеются не только отдельные наблюдения в данной области (Л. А. Озеров, Р. Сальваторе, А. А. Тарасенков, А. А. Якобсон и др.), но и сопоставительное исследование метафор в поэзии и прозе Б. Пастернака [Кислова 1998].

Анализ стихотворных и прозаических текстов Б. Пастернака показал, что метафоры в его произведениях образуют цельную систему, элементы которой тесно взаимосвязаны. Метафорика его прозы составляет около 40 % от общего числа его метафор и органично входит в общее образно-ассоциативное текстовое пространство.

В основе метафорической картины мира поэзии и прозы Б. Пастернака находятся мегасферы «Человек», «Социум», «Животный мир», «Неорганический мир» и «Артефакт», выступающие в качестве источников метафорической проекции в шестнадцати продуктивных мегамоделях, в составе которых выявлено около тридцати метафорических моделей (чуть больше половины из них индивидуальные). Центральное место занимают мегасферы «Неорганический мир» (в восьми мегамоделях, в пяти – как источник метафоризации) и «Человек» (в шести мегамоделях, в пяти – мегасфера-источник),

что отражает художественно-эстетические приоритеты автора – мир неживой природы и место человека в нем.

В поэзии Б. Пастернака выявлено тринадцать индивидуальных продуктивных метафорических моделей в составе мегамоделей «Человек → Растительный мир», «Человек → Неорганический мир», «Человек → Артефакт», «Социум → Растительный мир», «Социум → Неорганический мир», «Социум → Время», «Животный мир → Неорганический мир», «Артефакт → Артефакт».

Метафорическая мегамодель «**Человек → Растительный мир**» проявляется в моделях:

1) «физиологические свойства человека → виды растений > состояние», которая выступает в субмодели «болезни → деревья > характер состояния» (разные состояния): *сквозь агонию рябины* [БП.П: 93]; *больные березы* [БП.П: 177];

2) «физиологические свойства человека → совокупность растений > состояние», выраженной с помощью субмодели «болезни → совокупность деревьев > характер состояния» (разные состояния): *лес шелушится* [БП.П: 36]; *сады тошнит от затишья* [БП.П: 64].

Мегамодель «**Человек → Неорганический мир**» реализуется в метафорических моделях:

1) «физиологические свойства человека → атмосферные явления > форма», проявляющейся в виде субмодели «болезни → состояние атмосферы > очертания»: *старый шрам туч* [БП.П: 26]; *небесным порезам* [БП.П: 156];

2) «физиологические свойства человека → атмосферные явления > цвет» и ее субмодели «болезни → состояние атмосферы > тон» (насыщенность): *в кровоподтеках заря* [БП.П: 156]; *в кровоподтеках небес* [БП.П: 179].

Метафорическая мегамодель «**Человек → Артефакт**» выступает в таких моделях:

1) «физические свойства человека → здания > время», проявляющейся в виде субмодели «речь → строения > длительность» (продолжительность существования): *шамкают замки, поместия с прищептом* [БП.П: 24];

2) «физиологические свойства человека → населенный пункт > состояние», выраженной с помощью субмодели «болезни → пути сообщения > характер состояния» (разные состояния): *рельсы слепли и чесались* [БП.П: 175]; *отеки путей запеклись* [БП.П: 190].

Мегамодель «**Социум → Растительный мир**» проявляется в виде метафорической модели «социальные группы → физические

свойства растений > количество» и ее субмодели «объединения людей → части растений > множество»: *за окнами давка, толпится листва* [БП.П: 37]; *лес стоит толпой стволов* [БП.П: 127].

Метафорическая мегамодель «Социум → Неорганический мир» представлена моделями:

1) «социальные отношения → атмосферные явления > звук» и соответствующей субмоделью «речевая коммуникация → водный поток > сила звука» (громкость): *в зовах ветра* [БП.П: 24]; *к отзывам ветра* [БП.П: 25];

2) «социальные отношения → водные объекты > проявления объекта» и ее субмоделью «межличностные отношения → водный поток > реализация» (столкновение): *льдин резня и поножовщина обломков* [БП.П: 32].

Мегамодель «Социум → Время» выступает в метафорической модели «социальные отношения → временные отрезки > состояние» и ее субмоделях: а) общественное мнение → времена года > характер состояния (разные состояния): *зима-замухрышка* [БП.П: 83]; б) общественное мнение → месяцы > характер состояния: *февраль нищел и стал неряшлив* [БП.П: 174].

Метафорическая мегамодель «Животный мир → Неорганический мир» проявляется в виде модели «физические свойства животных → атмосферные явления > динамика» и соответствующей субмодели «физические действия животных → воздушный поток > движение» (разнонаправленность): *порхание пурги* [БП.П: 112]; *вьюги порханье* [БП.П: 203].

Мегамодель «Артефакт → Артефакт» представлена такими метафорическими моделями, как:

1) «пищевые продукты → техника > форма», выступающая в субмодели «хлебобулочные изделия → приборы > очертания»: *булки фонарей* [БП.П: 22, 23];

2) «пищевые продукты → здания > форма», реализующаяся в субмодели «хлебобулочные изделия → части строений > очертания»: *пышки крыши* [БП.П: 22]; *коврига крыши* [БП.П: 41].

В прозе Б. Пастернака обнаружено две индивидуальных продуктивных метафорических модели в составе мегамоделей «Человек → Артефакт» и «Артефакт → Растительный мир».

Метафорическая мегамодель «Человек → Артефакт» проявляется в модели «физиологические свойства человека → техника > состояние» и ее субмодели «физиологические процессы человека → транспорт > характер состояния» (разные состояния): *потели торсы локомотивов* [БП.Пр: 69]; *катер потел и задыхался* [БП.Пр: 97].

Мегамодель «**Артефакт** → **Растительный мир**» выступает в метафорической модели «здания → виды растений > проявления объекта», выраженной субмоделью «строительные материалы → физические свойства растений > интенсивность»: *лаковая зелень тополей* [БП.Пр: 115]; *лаковая листва деревьев* [БП.Пр: 134].

В поэзии и прозе Б. Пастернака установлено пятнадцать индивидуальных продуктивных метафорических моделей: «физические свойства человека → здания > время»; «физиологические свойства человека → виды растений > состояние»; «физиологические свойства человека → совокупность растений > состояние»; «физиологические свойства человека → атмосферные явления > форма»; «физиологические свойства человека → атмосферные явления > цвет»; «физиологические свойства человека → населенный пункт > состояние»; «социальные группы → физические свойства растений > количество»; «социальные отношения → атмосферные явления > звук»; «социальные отношения → водные объекты > проявления объекта»; «социальные отношения → временные отрезки > состояние»; «физические свойства животных → атмосферные явления > динамика»; «здания → виды растений > проявления объекта»; «пищевые продукты → техника > форма»; «пищевые продукты → здания > форма».

Общность метафорики стихотворных и прозаических произведений Б. Пастернака обнаруживается на уровне двух мегамоделей: «Человек → Неорганический мир» и «Человек → Артефакт», которые представлены разными метафорическими моделями.

В метафоризации регулярно используются такие денотативно-понятийные сферы, как: «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «социальные отношения», «водные объекты», «атмосферные явления», – при этом сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «социальные отношения» являются источниками метафоризации, «атмосферные явления» – сферой-целью метафорической проекции, а «водные объекты» выступает в роли того и другого. В процессе метафорообразования задействованы семантико-когнитивные форманты «состояние», «проявления объекта», «динамика», «звук», «цвет», «форма», «количество», «время».

Автор нередко использует одни и те же метафоры в сочетании со словами различных сфер метафорического притяжения: *дыханье* (*мята, розы, помои, холод*), *дышать* (*броненосец, гром, здание, комнаты, ночь, почва, тучи, цветы, чай*), *сонный* (*дорога, ложки,*

природа, роспись, сад, стих) и др. В качестве слов, относящихся к сферам метафорического притяжения, часто выступают: *облака / тучи* (бег, стая, толпа; праздный; плыть, толпиться, топтаться), *солнце* (белесый, печальный, сердитый; клубиться, пеленать), *слово* (музыка; звонкий, косматый, свинцовый).

В стихах и прозе Б. Пастернака есть метафоры, представляющие собой как известные метафорические формулы: *голос* рояля, *горенье* души, *дыханье* цветов, *золото* берез, *пожар* заката, *дышит* ночь, *музыка льется*, *время течет*, так и его индивидуально-авторские метафоры: *булки фонарей*, *кровоподтеки* зари, *отзывы* ветра, *небесные порезы*, *порхание* вьюги, *столбняк* лоцин, *струнья* снега, *шрам* туч, *лаковые* листья, *толпится* листва и др.

Таким образом, стихи и проза Б. Пастернака составляют единство как результат творческой реализации художественного мышления автора. Наиболее продуктивными источниками метафоризации в произведениях писателя-«билингва» являются денотативно-понятнейшие сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «социальные отношения». В образовании метафор чаще всего участвуют семантико-когнитивные форманты «состояние», «проявления объекта», «динамика» и «звук», поэтому авторское образное освоение мира осуществляется через зрительное и слуховое восприятие.

Метафорическая картина мира Б. Пастернака в большей мере антропоморфная и абиотическая, что обусловлено продуктивностью таких мегасфер метафоризации, как «Человек» и «Неорганический мир», т. е. центром метафорического мира автора выступает человек в своей физической и социальной сущности и окружающая его неживая природа.

2.4.7. Формирование метафорического пространства в стихотворных и прозаических текстах В. Инбер

Метафорика В. Инбер до настоящего времени не подвергалась специальному исследованию. В ряде литературоведческих работ (А. Тарасенков, И. Гринберг, В. Азаров и др.) имеются лишь отдельные наблюдения над особенностями метафорических контекстов в ее поэзии, однако лингвистическое изучение инберовских метафор не проводилось.

Анализ стихотворных и прозаических текстов В. Инбер показал, что метафоричность является одной из важнейших черт ее идиостиля, которая сформировалась уже в ранний период творчества, а за-

тем развивалась и усложнялась, поэтому используемые и создаваемые ею метафоры на протяжении всей литературной деятельности образуют цельную метафорическую систему. Метафоры прозы В. Инбер составляют более 40 % от общего числа ее метафор.

Индивидуальная метафорическая картина мира В. Инбер базируется на мегасферах «Человек», «Социум», «Животный мир», «Неорганический мир» и «Артефакт», входящих в состав семнадцати мегамоделей, среди которых обнаружено около пятидесяти продуктивных метафорических моделей (восемнадцать из них являются индивидуальными). В центре авторской метафорической картины мира находятся мегасферы «Неорганический мир» (в девяти мегамоделах, в пяти – как источник метафоризации) и «Человек» (в восьми мегамоделах, в пяти – как сфера-источник).

В поэзии В. Инбер выявлено десять индивидуальных продуктивных метафорических моделей, относящихся к мегамоделям «Человек → Растительный мир», «Животный мир → Социум», «Животный мир → Неорганический мир», «Неорганический мир → Социум», «Неорганический мир → Растительный мир», «Неорганический мир → Неорганический мир», «Артефакт → Неорганический мир».

Метафорическая мегамодель **«Человек → Растительный мир»** проявляется в виде модели «физические свойства человека → физические свойства растений > форма», выраженной с помощью субмодели «части тела человека → части растений > очертания»: *протянули ветви **руки*** [ВИ.П: 212]; *цветущие **руки** твоих ветвей* [ВИ.П: 225].

Мегамодель **«Животный мир → Социум»** реализуется в метафорической модели «виды животных → социальные отношения > оценочность» и соответствующей субмодели «пресмыкающиеся → межличностные отношения > негативная оценка» (неприятный по ощущениям): *разлука-змея* [ВИ.П: 226, 228].

Метафорическая мегамодель **«Животный мир → Неорганический мир»** представлена моделью «физические свойства животных → водные объекты > форма» и ее субмоделью «части тела животных → водный поток > очертания»: *по **гривам** от века не чесанных волн* [ВИ.П: 141]; ***грива** зеленых или синих волн* [ВИ.П: 144].

Мегамодель **«Неорганический мир → Социум»** проявляется в виде метафорической модели «атмосферные явления → социальные отношения > мера» и ее субмодели «воздушный поток → общественное мнение > степень ч.-л.»: ***буря** прений* [ВИ.П: 118]; ***бури** оваций* [ВИ.П: 358].

Метафорическая мегамодель «**Неорганический мир** → **Растительный мир**» представлена следующими моделями:

1) «атмосферные явления → виды растений > цвет», реализуемой в субмоделях: а) атмосферные осадки → деревья > оттенок цвета: *среди яблочных белолебяжьих снегов* [ВИ.П: 242]; б) атмосферные осадки → травы > оттенок цвета: *над жарким снегом хлопковой гряды* [ВИ.П: 245];

2) «полезные ископаемые → физические свойства растений > цвет», выраженной с помощью субмодели «металлы → части деревьев > оттенок цвета»: *по золоту листья осенней* [ВИ.П: 248]; *золото листьев* [ВИ.П: 256]; *медь ветвей* [ВИ.П: 271].

Мегамодель «**Неорганический мир** → **Неорганический мир**» выплывает в таких метафорических моделях:

1) «космические объекты → атмосферные явления > форма», представленной субмоделью «небесные тела → атмосферные осадки > очертания»: *из снежных звездочек* [ВИ.П: 261]; *снежные звездочки* [ВИ.П: 311];

2) «водные объекты → космические объекты > динамика», проявляющейся в виде субмодели «водный поток → небесные тела > перемещение» (однонаправленность): *струится звездный ток* [ВИ.П: 55]; *текут солнца и планеты* [ВИ.П: 449]; *текут над нами млечные буруны* [ВИ.П: 453];

3) «полезные ископаемые → земные объекты > цвет», реализуемой в субмодели «металлы → участки земли > оттенок цвета»: *на табачном золоте долины* [ВИ.П: 423]; *после мирного золота пашен* [ВИ.П: 460].

Метафорическая мегамодель «**Артефакт** → **Неорганический мир**» находит выражение в модели «домашняя утварь → водные объекты > форма», представленной субмоделью «посуда → водоемы > очертания»: *Женевское озеро-чаша лазури* [ВИ.П: 503]; *чаша лазурного озера* [ВИ.П: 505].

В прозе В. Инбер установлено около десяти индивидуальных продуктивных метафорических моделей, входящих в состав мегамоделей «Человек → Человек», «Человек → Артефакт», «Животный мир → Человек», «Неорганический мир → Человек», «Неорганический мир → Социум», «Артефакт → Человек».

Метафорическая мегамодель «**Человек** → **Человек**» представлена моделью «физиологические свойства человека → психические свойства человека > мера» и ее субмоделями: а) физиологические процессы человека → память > степень ч.-л.: *от двух-трех глотков воспоминаний* [ВИ.Пр: 40]; б) физиологические процессы челове-

ка → интеллект > степень ч.-л.: *жаждой деятельности и открытий* [ВИ.Пр: 325].

Мегамодель «**Человек** → **Артефакт**» реализуется в метафорических моделях:

1) «физиологические свойства человека → инструменты > мера», проявляющейся в субмодели «внутренние органы человека → музыкальные инструменты > размер»: *чрево виолончели* [ВИ.Пр: 270]; *горло флейты* [ВИ.Пр: 270];

2) «физиологические свойства человека → техника > динамика», выраженной с помощью субмоделей: а) физиологические процессы человека → механизмы > движение (колебание): *мотор дышит* [ВИ.Пр: 349]; б) физиологические действия человека → транспорт > движение: *тяжело задыхал автобус* [ВИ.Пр: 72].

Метафорическая мегамодель «**Животный мир** → **Человек**» проявляется в виде модели «виды животных → душевные свойства человека > проявления объекта» и ее субмодели «птицы → эмоции > интенсивность» (усиление / ослабление): *птица вдохновения* [ВИ.Пр: 407]; *орлиная сущность вдохновения* [ВИ.Пр: 355].

Мегамодель «**Неорганический мир** → **Человек**» представлена такими метафорическими моделями, как:

1) «физические явления → психические свойства человека > проявления объекта», выступающая в субмодели «тепловые явления → интеллект > активность» (деятельность): *горение ума* [ВИ.Пр: 427]; *искра разума* [ВИ.Пр: 439];

2) «атмосферные явления → душевные свойства человека > проявления объекта», проявляющаяся в виде субмоделей: а) воздушный поток → чувства > интенсивность (усиление / ослабление): *порывы страсти* [ВИ.Пр: 314]; б) воздушный поток → эмоции > интенсивность: *буря возмущения* [ВИ.Пр: 313].

Метафорическая мегамодель «**Неорганический мир** → **Социум**» реализуется в модели «физические явления → искусство > проявления объекта» и ее субмодели «тепловые явления → литература > интенсивность»: *поэтический накал* [ВИ.Пр: 364]; *закипела поэзия* [ВИ.Пр: 364].

Мегамодель «**Артефакт** → **Человек**» выступает в метафорической модели «здания → психические свойства человека > функциональность» и ее субмодели «строения → интеллект > предназначение»: *лаборатории мысли* [ВИ.Пр: 421, 422].

В произведениях В. Инбер выявлено восемнадцать индивидуальных метафорических моделей: «физические свойства человека → физические свойства растений > форма»; «физиологические

свойства человека → психические свойства человека > мера»; «физиологические свойства человека → инструменты > мера»; «физиологические свойства человека → техника > динамика»; «виды животных → душевные свойства человека > проявления объекта»; «виды животных → социальные отношения > оценочность»; «физические свойства животных → водные объекты > форма»; «физические явления → психические свойства человека > проявления объекта»; «физические явления → искусство > проявления объекта»; «атмосферные явления → душевные свойства человека > проявления объекта»; «атмосферные явления → социальные отношения > мера»; «атмосферные явления → виды растений > цвет»; «полезные ископаемые → физические свойства растений > цвет»; «космические объекты → атмосферные явления > форма»; «водные объекты → космические объекты > динамика»; «полезные ископаемые → земные объекты > цвет»; «здания → психические свойства > функциональность»; «домашняя утварь → водные объекты > форма».

Поэзия и проза В. Инбер связаны между собой на уровне шести мегамоделей «Человек → Животный мир» (модель «физические свойства человека → виды животных > звук»), «Человек → Растительный мир» (разные модели), «Человек → Артефакт» (разные модели), «Животный мир → Человек» (разные модели), «Неорганический мир → Человек» (модель «физические явления → душевные свойства человека > проявления объекта»), «Неорганический мир → Социум» (разные модели).

При метафоризации регулярно используются такие денотативно-понятийные сферы, как: «водные объекты», «атмосферные явления», «физические явления», «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», которые выступают как в качестве источника метафоризации, так и цели метафорической проекции. В процессе образования метафор участвуют семантико-когнитивные форманты «звук», «цвет», «форма», «динамика», «проявления объекта», «мера», «корреляция», «функциональность».

В. Инбер часто использует одни и те же метафоры в сочетании со словами разных сфер-целей метафорической проекции: *буря* (возмущение, оواцци, прения, эмоции), *дыхание* (ночь, океан, пустыня), *дышать* (автобус, мотор, труба, ночь, океан, тропики), *золото* (волосы, косы, закат, листва, пашины, сосны, хлопок, солнце; табачный), *серебро* (видения, вода, звуки, капли; лунный), *седой* (ветерок, иней, мороз, планеты, солнце, тополь, травы, дорога, камни), *мохнатый* (иней, звезды, миры, тучи, стекла), а также метафоры сферы-источника «части тела человека» (соматизмы): *бедро* башни, *бо-*

ка писем, глаз солнца, головы берез, обметанные губы залива, пальцы пальмовой руки, ледяной перст мороза, тела аэростатов, туловище башни, горное чело и др.

В качестве слов, относящихся к сферам метафорического приращения, нередко выступают: *душа* (горение; крылатый, немой, уставший; знать, плыть), *сердце* (температура, ткань; голодный, злой, усталый; знать, любить), *воспоминания* (глоток, игла, свет, страна; сладкий), *небо* (мед; медовый, вежливый, усталый; нахмуриться, плакать).

В произведениях В. Инбер есть метафоры, представляющие собой распространенные в художественной литературе метафорические формулы, которые отражают стереотипность национального образного мышления: *грибы волн, дыхание ветра, зеркало пруда* (воды), *золото волос, лепет воды, руки ветвей, чаша озера, жизнь (время) течет* и др. Однако она мастерски создает и свои яркие метафоры: *весы науки, глоток воспоминаний, горло флейты, лаборатория мысли, полотенца дорог, речитатив колес, чрево виолончели, глухонемая вода, голосистая пила* и др.

Таким образом, инберовская поэзия и проза тесно связаны между собой с точки зрения индивидуального метафорического осмысления действительности, что нашло отражение в характере метафоризации. Чаще всего в качестве источника метафоризации выступают денотативно-понятийные сферы «физические свойства человека», «физические свойства животных» и «водные объекты». В основе авторского образного освоения мира преобладает слуховое и зрительное восприятие, потому что в метафорообразовании активно участвуют семантико-когнитивные форманты «звук», «цвет», «форма», «динамика» и «проявления объекта».

Метафорическая картина мира В. Инбер представляется антропоморфной, зооморфной и абиотической, так как наиболее продуктивными мегасферами метафоризации являются мегасферы «Человек», «Животный мир» и «Неорганический мир», т. е. в центре метафорического пространства поэзии и прозы автора находятся человек, животное и неживая природа.

2.4.8. Метафорическое моделирование мира в стихах и прозе И. Сельвинского

Метафорика И. Сельвинского как самостоятельный объект исследования до настоящего времени не привлекала внимания ученых-филологов. Имеются отдельные наблюдения в данной области

в некоторых литературоведческих работах (О. С. Резник, В. А. Шошин и др.), но лингвистическое изучение его метафорических контекстов не проводилось.

Анализ стихотворных и прозаических текстов И. Сельвинского показал, что все метафоры его произведений образуют цельную систему. Метафорика прозы данного автора составляет около 30 % от общего числа его метафор.

Метафорическая картина мира поэзии и прозы И. Сельвинского основана на мегасферах «Человек», «Социум», «Животный мир», «Неорганический мир» и «Артефакт», являющихся источниками метафоризации в четырнадцать мегамоделей, в пределах которых установлено более двадцати продуктивных метафорических моделей (двенадцать из них индивидуальные). Доминирующее положение занимают мегасферы «Неорганический мир» (в семи мегамоделях, четырежды – как мегасфера-источник) и «Человек» (в пяти мегамоделях, четырежды – в качестве источника метафоризации), что отображает художественно-эстетические приоритеты автора – мир живой природы и место в нем человека.

В поэзии И. Сельвинского обнаружено одиннадцать индивидуальных продуктивных метафорических моделей в составе мегамоделей «Человек → Человек», «Человек → Неорганический мир», «Человек → Артефакт», «Человек → Время», «Социум → Человек», «Социум → Животный мир», «Животный мир → Артефакт», «Неорганический мир → Человек», «Неорганический мир → Артефакт», «Артефакт → Неорганический мир».

Метафорическая мегамодель «**Человек → Человек**» представлена моделью «физиологические свойства человека → физиологические свойства человека > проявления объекта» и ее субмоделью «физиологические процессы человека → физиологические процессы человека > интенсивность» (усиление / ослабление): *жажда жизни* [ИС.П.: 285, 332].

Мегамодель «**Человек → Неорганический мир**» реализуется в метафорической модели «физические свойства человека → физические явления > цвет», выраженной субмоделью «внешний вид человека → тепловые явления > оттенок цвета»: *седая гарь* [ИС.П.: 10]; *пожарища седого* [ИС.П.: 133]; *под пеплом седым* [ИС.П.: 135].

Метафорическая мегамодель «**Человек → Артефакт**» выступает в модели «физиологические свойства человека → населенный пункт > динамика» и ее субмодели «внутренние органы человека → пути сообщения > движение» (скорость, направление): *бегущих рельсов жилы* [ИС.П.: 10]; *проспекта бешеная кровь* [ИС.П.: 11].

Мегамодель «**Человек** → **Время**» проявляется в виде метафорических моделей:

1) «физические свойства человека → временные отрезки > время», представленной субмоделью «внешний вид человека → темпоральные характеристики объектов > длительность» (продолжительность ч.-л.): *древности седой* [ИС.П: 31, 34];

2) «физические свойства человека → временные отрезки > проявления объекта» и ее субмодели «речь → исторические периоды > обнаружение» (становиться явным): *зов эпохи молодой* [ИС.П: 34]; *голоса эпох* [ИС.П: 136].

Метафорическая мегамодель «**Социум** → **Человек**» выступает в модели «социальные отношения → физические свойства человека > корреляция», проявляющейся в виде субмодели «межличностные отношения → внутренние органы человека > связь»: *души заветной сердце не встречало* [ИС.П: 28, 29, 34].

Мегамодель «**Социум** → **Животный мир**» реализуется в следующих метафорических моделях:

1) «социальные отношения → виды животных > звук» и ее субмодели «речевая коммуникация → птицы > сила звука» (громкость): *воробьи спорят* [ИС.П: 173]; *птицы разговор ведут* [ИС.П: 356];

2) «искусство → виды животных > звук» и соответствующей субмодели «музыка, пение → животные > сила звука + ритм» (громкость; ритмичность): *звери пели* [ИС.П: 268]; *собаки чинно пели* [ИС.П: 268]; *собаки уже не пели* [ИС.П: 288]; *собачий хор усиливался* [ИС.П: 268].

Метафорическая мегамодель «**Животный мир** → **Артефакт**» представлена моделью «физические свойства животных → техника > форма» и ее субмоделью «части тела животных → транспорт > очертания»: *с крыльями рей* [ИС.П: 191]; *оперенье крыл шхуны* [ИС.П: 244].

Мегамодель «**Неорганический мир** → **Артефакт**» проявляется в виде метафорической модели «водные объекты → инструменты > звук», реализуемой в субмодели «водный поток → музыкальные инструменты > сила звука» (громкость): *рояльная струя* [ИС.П: 209]; *льются струи рояля* [ИС.П: 227]; *труба заливает уши медью* [ИС.ППр: 278].

Метафорическая мегамодель «**Артефакт** → **Неорганический мир**» выступает в модели «продукты литейного производства → космические объекты > цвет» и ее субмодели «монеты → небесные тела > оттенок цвета»: *медный разменный месяц и серебристый целкаш – луна* [ИС.П: 16].

В прозе И. Сельвинского выявлена только одна индивидуальная продуктивная метафорическая модель «водные объекты → физические свойства человека > динамика», входящая в состав мегамодели «**Неорганический мир → Человек**» и реализующаяся в субмодели «водный поток → внешний вид человека > перемещение» (однаправленность): *из нашего класса хлынули все* [ИС.Пр: 50]; *Леська хлынул вместе со всеми* [ИС.Пр: 270]; *по сцене плавно заструилась Муся* [ИС.Пр: 441].

В стихотворных и прозаических произведениях И. Сельвинского установлено двенадцать индивидуальных продуктивных метафорических моделей: «физические свойства человека → физические явления > цвет»; «физические свойства человека → временные отрезки > время»; «физические свойства человека → временные отрезки > проявления объекта»; «физиологические свойства человека → физиологические свойства человека > проявления объекта»; «физиологические свойства человека → населенный пункт > динамика»; «социальные отношения → физические свойства человека > корреляция»; «социальные отношения → виды животных > звук»; «искусство → виды животных > звук»; «физические свойства животных → техника > форма»; «водные объекты → физические свойства человека > динамика»; «водные объекты → инструменты > звук»; «продукты литейного производства → космические объекты > цвет».

Общность метафорики поэзии и прозы И. Сельвинского в целом обнаруживается на уровне четырех мегамоделей: «Человек → Неорганический мир» (модель «физиологические свойства человека → водные объекты > динамика»), «Человек → Артефакт» (модель «физические свойства человека → инструменты > звук»), «Неорганический мир → Человек» (разные модели), «Неорганический мир → Социум» (модель «водные объекты → социальные отношения > динамика»).

В процессе метафоризации автором регулярно используются денотативно-понятийные сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека», «социальные отношения», «водные объекты», причем сферы «физические свойства человека» и «физиологические свойства человека» являются, как правило, сферами-источниками метафорической проекции, сфера «социальные отношения» – сферой-целью, а «водные объекты» – и тем, и другим. В создании метафор участвуют семантико-когнитивные форманты «динамика», «звук», «цвет», «проявления объекта», «форма», «количество».

И. Сельвинский часто употребляет одни и те же метафоры в сочетании со словами разных сфер метафорического притяжения: *без* (время, дни, минуты, море, часы), *бежать* (время, звук, кусты, минуты, море, пламя), *дремать* (века, вода, курганы, подосиновик), *дыхание* (вода, волны, душа, море, идеал, океан, рояль, тепло; музыкальный), *дышать* (апрель, море, наивность, поезда, предметы, рояль, сопка), *крылья* (брови, пошлости, реи, ихуна; метельный), *литься* (дым, запах, песня, страданья, темнота), *петь* (вода, заря, звери, леса, осень, собаки, труба), *седой* (вода, гарь, древность, льдина, нагар, пепел, пожарище, ржа), *сонный* (вода, деревья, душа, корабли), *стая* (вершин, девушек, народов), *струя* (ромашка, тоска; вьюжный, рояльный), *течь* (время, голубизна, жизнь, минуты, толпа). Слово *душа* нередко используется в сочетании с метафорами: *архитектура*, *берлога*, *пламя*, *тепльня*; *обреченный*, *юный*; *вздыхать*, *жить*, *звучать*, *искать*, *томиться* и др. В качестве сферы метафорического притяжения также выступают «водные объекты»: *вода*, *волна*, *море*, *река*.

В стихах и прозе И. Сельвинского есть метафоры, представляющие собой как известные метафорические формулы: *время бежит*, *дыхание воды* (волн, моря, океана), *жажда жизни*, *золото волос*, *пламенный взгляд*, *сонная вода*, так и индивидуальные метафорические новообразования, отображающие особенности мировосприятия автора: *архитектура души*, *берлога души*, *бешеная кровь проспекта*, *оперенье крыл ихуны*, *орда волос*, *стряпня молвы*, *серебристый целкаш луны*, *ворчливый окрик пароходика* и др.

Таким образом, стихи и проза И. Сельвинского составляют некое единство как результат творческой реализации художественного мышления их автора. Продуктивными источниками метафоризации являются денотативно-понятийные сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека» и «водные объекты». В образовании метафор регулярно участвуют семантико-когнитивные форманты «динамика», «цвет», «проявления объекта» и «звук», поэтому авторское образное освоение мира осуществляется через зрительное и слуховое восприятие.

Метафорическая картина мира И. Сельвинского в большей степени антропоморфная и абиотическая, что детерминировано продуктивностью таких мегасфер метафоризации, как «Человек» и «Неорганический мир», следовательно, центром метафорического пространства стихотворных и прозаических произведений писателя-«билингва» выступает человек в физических и социальных проявлениях и неживая природа.

Выводы

Поэзия и проза одного автора представляет собой специфическое лингвохудожественное явление, получившее название литературного «билингвизма», суть которого состоит в том, что поэт активно использует в своем творчестве прозаическую форму для решения художественно-эстетических задач в области поэтического языка и расширения способов образного воплощения собственного замысла, не уместяющегося в рамках стихотворной формы (или прозаик применяет стихотворную форму как средство реализации творческих поисков). Литературное «двуязычие» обнаруживается в существовании определенной «памяти» слова, наличии «близнецных» контекстов, увеличении степени «свободы» художественного слова, перемещении его из поэзии в прозу и наоборот, расширении диапазона речевых средств.

Особенно ярко такого рода «билингвизм» проявился в русской литературе первой половины XX в. – период активного экспериментирования в области поэтического языка, когда именно проза оказалась необходимой для решения творческих задач. Проза поэта, включающая художественные, художественно-публицистические, мемуарно-автобиографические, литературно-критические произведения, обладает, в отличие от прозы писателя-прозаика, целым рядом специфических черт, которые раскрывают сущность креативной, нестандартно мыслящей языковой личности поэта, излагающего свои мысли в прозе.

Языковая личность писателя-«билингва» (поэта-прозаика) понимается как личность, обладающая высоким уровнем языковой компетенции, имеющая способности к литературному творчеству и художественным обобщениям, наделенная особым восприятием окружающей действительности и владеющая двумя формами словесного искусства – стихотворной и прозаической.

Модель языковой личности писателя-«билингва» содержит такие компоненты, как: 1) собственно языковой (языковая компетенция: уровень владения языком; индивидуальный выбор языковых средств; ориентация на «память» слова; использование «близнецных» контекстов и др.); 2) лингвокогнитивный (интеллектуальные способности: особенности познавательно-мыслительной деятельности; уровень и специфика образного, в том числе метафорического, мышления); 3) лингвокультурологический (этно- и социокультурная компетенция: степень освоения концептосферы соответствующего этнокультурного сообщества; умение адекватно интерпретировать

значимые для социума события; способы репрезентации действительности в поэзии и прозе); 4) художественно-эстетический (система художественных ценностей и творческих принципов: следование определенным литературным традициям; способность к индивидуально-специфическому видению мира; многообразие способов художественного отражения действительности в поэзии и прозе; использование тех или иных стилистических приемов в разных формах словесно-художественного творчества); 5) мотивационный (специфика творческой интерпретации приобретенного опыта: умение выразить личностное отношение к различным социокультурным явлениям; свободный выбор объектов художественного осмысления; субъективная оценка описываемого; потребность воплощать свои мысли и идеи не только в поэзии, но и в прозе). Критериями выделения данных компонентов являются типовые единицы – слова и их сочетания (языковой уровень), модели ситуаций, концепты (лингвокогнитивный и лингвокультурологический уровни), приемы использования языковых единиц (художественно-эстетический уровень) и мотивации (мотивационный уровень).

Обращение поэта к прозе может быть обусловлено такими причинами, как: логическое продолжение не высказанных и недосказанных в поэзии мыслей, когда проза становится своеобразным комментарием к стихам; стремление к развертыванию монолога лирического героя в прозе; проза как способ психологического и стилистического «раскрепощения», расширения возможностей поэтического языка; желание продемонстрировать разные грани писательского таланта; внутренняя природа творчества, когда переход к прозе является органичным процессом продолжения характерных особенностей поэтической технологии; необходимость переосмысления сделанного, поиск нового состояния; творческое вдохновение. Следовательно, обращение поэта к прозе возникает на определенном этапе его жизненного пути и зависит в значительной степени от причин личностного характера. Поэтому сущность художественного мышления писателя-«билингва» состоит в том, что при вариативности форм творческого выражения единство его языковой личности сохраняется.

Исследование творческой индивидуальности поэта-прозаика позволяет увидеть различные грани его мастерства, определить общие художественно-эстетические принципы, специфику креативной самореализации автора в разных литературных формах и характер взаимопроникновения речевых (в том числе метафорических) средств в его стихах и прозе.

Метафорическая картина мира каждого писателя ярко индивидуальна, неповторима, уникальна, однако она отображает не только личные образные представления автора об окружающей действительности, но и определенные стереотипы национального метафорического мышления данной эпохи, так как он является носителем той или иной лингвокультуры. Реконструкция индивидуальной метафорической картины мира писателя-«билингва» на базе созданных им текстов осуществляется путем семантико-когнитивного анализа метафорики его произведений и выявления продуктивных метафорических моделей, что способствует воссозданию устойчивых в сознании автора образных аналогово-ассоциативных связей реалий.

Метафорическая картина мира русской художественной литературы первой половины XX в., реконструированная на основе сопоставительного анализа индивидуальных метафорических картин мира поэтов-прозаиков З. Гиппиус, А. Белого, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Инбер, И. Сельвинского, базируется на семи мегасферах – «Человек», «Социум», «Животный мир», «Растительный мир», «Неорганический мир», «Артефакт» и «Время», в составе которых выделены соответствующие сферы и субсферы. В целом она представляется антропоморфной, зооморфной, абиотической и артефактной, так как отражает действительность сквозь призму свойств, присущих человеку, животному, неорганической природе и «вещному» миру. В центре метафорического пространства русской литературы данной эпохи находится человек в физическом, физиологическом, духовном и социальном планах.

В результате изучения особенностей метафорического отображения действительности в произведениях русских поэтов-прозаиков первой половины XX в. установлено сто шестьдесят продуктивных метафорических моделей (шестьдесят относится к мегасфере-источнику «Человек», сорок четыре – «Неорганический мир», двадцать – «Артефакт», девятнадцать – «Животный мир»), входящих в состав тридцати мегамоделей. Сопоставительный анализ метафорики разных авторов позволил выявить свыше пятидесяти общих продуктивных метафорических моделей (более ста моделей являются индивидуальными), входящих в состав почти двадцати мегамоделей, и определить закономерности метафорического моделирования.

Моделирование метафорической картины мира в поэзии и прозе одного автора не имеет принципиальных различий. Степень и характер использования метафор в разных формах словесно-художественного творчества определяется языковой личностью писателя-«билингва».

ГЛАВА 3

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

3.1. Базовые концепты индивидуальных метафорических концептосфер русских поэтов-прозаиков

Проведенный концептуальный анализ метафорики русских поэтов-прозаиков первой половины XX в. – З. Гиппиус, А. Белого, А. Ахматовой, М. Кузмина, М. Цветаевой, Б. Пастернака, В. Инбер, И. Сельвинского – позволил реконструировать их индивидуальные метафорические концептосферы и установить базовые метафорические концепты (подробное описание особенностей их репрезентации в стихотворных и прозаических текстах каждого автора представлено в [Кравцова 2013: 509–535]):

1. Основу метафорической концептосферы **З. Гиппиус** составляют ключевые понятия **«Жизнь»**, **«Голос»**, **«Дыхание»**, **«Взгляд»**, **«Характер»**, **«Желание»**, **«Плач»**, **«Усталость»**, **«Сон»**, **«Птица»**, **«Вода»**, **«Свет»**, причем метафорические концепты **«Желание»** и **«Плач»** эксплицируются преимущественно в ее поэзии. Практически все выявленные метафорические концепты связаны с человеком: окружающий мир мыслится автору в человеческих категориях. Доминирующее положение занимают концепты **«Голос»** и **«Характер»**. Метафорические концепты **«Жизнь»**, **«Желание»**, **«Взгляд»**, **«Усталость»**, **«Свет»** являются индивидуальными и входят в периферию метафорической концептосферы русской литературы первой половины XX в.

2. К базовым метафорическим концептам поэзии и прозы **А. Белого** относятся **«Голос»**, **«Тело»**, **«Дыхание»**, **«Сон»**, **«Плач»**, **«Пение»**, **«Характер»**, **«Птица»**, **«Вода»**, **«Огонь»**, **«Металл»**, **«Самоцвет»**, **«Ткань»**. Метафорические концепты **«Дыхание»**, **«Пение»**, **«Сон»** и **«Металл»** присущи главным образом его стихам. Приоритетное место в метафорической концептосфере писателя-«билингва» принадлежит концепту **«Вода»**: мир представляется ему водным потоком, находящимся в непрерывном движении. Метафорический концепт **«Самоцвет»** является индивидуальным.

3. Понятийная база метафорической концептосферы **А. Ахматовой** формируется из метафорических концептов **«Голос»**, **«Тело»**, **«Характер»**, **«Пение»**, **«Танец»**, **«Птица»**, **«Вода»**, хотя концепты **«Характер»**, **«Пение»** и **«Танец»** свойственны в большей мере ахма-

товской поэзии. Центральное положение занимает метафорический концепт «Голос». Для А. Ахматовой достаточно важным было, с одной стороны, умение слушать и слышать речь, звуки окружающего мира, что, собственно, подтверждается всем ее литературным творчеством, воспоминаниями современников, а с другой – желание быть услышанной другими (примечательно в связи с этим, что один из сборников произведений данного автора назван цитатой из стихотворения «Узнают голос мой...»). В стихах и прозе А. Ахматовой выявлен индивидуальный метафорический концепт «Танец», который входит в периферийную зону общей метафорической концептосферы.

4. Базовыми в поэзии и прозе **М. Кузмина** являются метафорические концепты «Голос», «Сон», «Пение», «Птица», «Вода», однако концепт «Сон» эксплицируется преимущественно в его стихах. Приоритетное место, как и в произведениях А. Белого, принадлежит концепту «Вода»: мир видится писателю стремительно движущимся водным потоком. Все выявленные в произведениях М. Кузмина базовые метафорические концепты входят в ядерную и приядерную зоны метафорической концептосферы русской литературы первой половины XX в.

5. Основу метафорической концептосферы **М. Цветаевой** образуют базовые метафорические концепты «Птица» и «Вода». Необходимо отметить, что, во-первых, метафорический концепт «Голос» в ее творчестве, в отличие от других писателей, эксплицируется относительно слабо; во-вторых, метафорическая концептосфера данного автора включает большое количество других концептов, которые объективируются метафорами, обладающими невысокой или нулевой (они единичны) частотностью, и соответственно не являются базовыми. Метафорический концепт «Вода» ассоциируется, как правило, с постоянно меняющимся миром, сильным проявлением тех или иных его свойств, «Птица» – с творческим вдохновением, внутренней свободой. Они входят в ядерную зону общей метафорической концептосферы.

6. В качестве базовых метафорических концептов поэзии и прозы **Б. Пастернака** выступают ключевые понятия «Голос», «Тело», «Дыхание», «Сон», «Болезнь», «Птица», «Вода», «Огонь», «Одежда», «Ткань». Ведущую роль играют концепты «Вода» и «Голос» (это характерно практически для всех писателей-«билингвов»), а также концепт «Болезнь», отражающий авторское восприятие действительности как больного, чахлого организма. Метафорические концепты «Болезнь» и «Одежда» являются индивидуальными и вхо-

дят в периферию метафорической концептосферы русской литературы данной эпохи.

7. К базовым метафорическим концептам поэзии и прозы **В. Инбер** относятся «Голос», «Тело», «Пение», «Птица», «Вода», «Огонь», «Металл», «Ткань». Доминирующее положение занимают, как и у большинства авторов, концепты «Вода» и «Голос». Все установленные в произведениях В. Инбер метафорические концепты входят в ядерную и приядерную зоны общей метафорической концептосферы.

8. Понятийную базу метафорической концептосферы **И. Сельвинского** составляют концепты «Голос», «Сон», «Дыхание», «Пение», «Птица», «Вода», «Огонь», которые относятся к ядерной и приядерной зонам общей метафорической концептосферы. Приоритетное место принадлежит концептам «Вода», «Голос» и «Птица», что присуще творчеству практически всех названных поэтов-прозаиков.

Следовательно, основу общей метафорической концептосферы русской поэзии и прозы первой половины XX в. образуют базовые метафорические концепты «Жизнь», «Голос», «Взгляд», «Дыхание», «Сон», «Плач», «Тело», «Усталость», «Болезнь», «Характер», «Желание», «Танец», «Пение», «Птица», «Вода», «Огонь», «Свет», «Металл», «Самоцвет», «Ткань», «Одежда».

В **ядерную зону** данной метафорической концептосферы входят ключевые понятия «Голос», «Птица», «Вода», которые характерны для всех реконструированных индивидуальных метафорических концептосфер.

К **приядерной зоне** относятся групповые метафорические концепты, присущие стихотворным и прозаическим текстам двух и более авторов: «Тело» (А. Белый, А. Ахматова, Б. Пастернак, В. Инбер), «Дыхание» (З. Гиппиус, А. Белый, Б. Пастернак, И. Сельвинский), «Сон» (З. Гиппиус, А. Белый, М. Кузмин, Б. Пастернак, И. Сельвинский), «Плач» (З. Гиппиус, А. Белый), «Пение» (А. Белый, А. Ахматова, М. Кузмин, В. Инбер, И. Сельвинский), «Характер» (З. Гиппиус, А. Белый, А. Ахматова), «Металл» (А. Белый, В. Инбер), «Огонь» (А. Белый, Б. Пастернак, В. Инбер, И. Сельвинский), «Ткань» (А. Белый, Б. Пастернак, В. Инбер).

Необходимо отметить, что некоторые метафорические концепты являются общими для представителей одного литературного направления или течения: З. Гиппиус и А. Белого – «Сон», «Дыхание», «Плач», «Характер»; А. Ахматовой и М. Кузмина – «Пение»; В. Инбер и И. Сельвинского – «Огонь», «Пение».

Метафорические концепты «Жизнь», «Взгляд», «Желание», «Усталость», «Свет» (З. Гиппиус), «Самоцвет» (А. Белый), «Танец» (А. Ахматова), «Болезнь», «Одежда» (Б. Пастернак) являются индивидуальными и образуют **периферийную зону** общей метафорической концептосферы русской поэзии и прозы данной эпохи.

3.2. Метафорическая концептосфера русской литературы первой половины XX века

Концептуальный анализ метафорических контекстов проводился на основе созданного в ходе исследования словаря метафор русской поэзии и прозы первой половины XX в., который в сокращенном виде представлен в Приложении: толкования узуальных метафор приведены в соответствии с данными толковых словарей – «Толкового словаря русского языка» в 4-х т. под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940), «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти т. под ред. В. И. Чернышева (1948–1965), «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1949, 1960, 1988), «Словаря русского языка» в 4-х т. под ред. А. П. Евгеньевой (1985–1988), «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (1999); значения окказиональных метафор определены в результате контекстуального анализа. Содержание метафорических концептов образуют: на семантическом уровне – метафорические репрезентанты (узуальные и окказиональные метафоры), на когнитивном – ассоциаты (вербализованные когнитивные признаки, квалификаторы которых соответствуют семантико-когнитивным формантам, установленным в процессе моделирования метафоризации), а их структура определяется степенью частотности ассоциатов. Методика анализа метафорического концепта подробно описана в первой главе.

3.2.1. Ядро метафорической концептосферы

Ядро метафорической концептосферы русской литературы изучаемого периода образуют базовые метафорические концепты «Голос», «Птица», «Вода», которые отражают сходные образные представления разных поэтов-прозаиков о мире.

3.2.1.1. Метафорический концепт «Голос»

Голос является уникальной способностью человека выражать словами свои мысли и чувства. Метафорический концепт «Голос»

отражает авторские представления о мире, наполненном разными звуками, как о «собеседнике», голос которого слышится повсюду, – так проявляется творческая потребность писателя «общаться» с окружающим миром, наделенным «правом голоса». Он передает звучание тех или иных реалий (громкость, отчетливость, качество издаваемых звуков) и состояние внутреннего мира человека (степень и характер проявления чувств, переживаний, настроения).

Репрезентантами метафорического концепта «Голос» являются метафоры *голос, голосистый, говор, говорливый, говорит, вещать, твердить, речь, красноречие, разговор; возглас, вопль, вопить, крик, окрик, кричать, раскричаться, горланить, звать, зов; болтовня, болтливый, бормотание, бормотать, ворчание, ворчать, гортанный, грассировать, картавить, лепет, лепетать, шепот, шепотливый, шептать, шептаться, шушукать, шамкать, хриплый, охрипнуть; безмолвный, безмолвствовать, безгласный, безглагольный, молчание, молчаливый, молчать, немой, немота.*

Содержание данного метафорического концепта образуют его репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень
(узуальные метафорические значения):

Голос. 1. Веление, зов какого-л. внутреннего чувства, инстинкта, убеждения. *Голос радости могучей* [АА: 133]; *голос памяти* [АА: 167]; *в голосе грозном софийского звона мне слышится голос тревоги твоей* [АА: 261]; *голос любви безрассудный* [АБ.П: 176]; *голос рассудка* [ВИ.Пр: 73]; *голос разума* [ВИ.Пр: 89]; *в сердце голос ярка и победен* [МК: 81]; *голос силы* [БП.Пр: 86]; *тихий голос ненависти* [МЦ: 115]. 2. Мнение, высказывание. *Голос молвы* [АА: 378]; *голос новых поколений* [ИС.П: 148].

Говор. Прерывистый шум, гул (щебетание птиц, журчание воды и т. п.). *Говор струй* [АБ.П: 46]; *говор ласточек* [АБ.П: 112]; *говор моря* [ЗГ: 526]; *в говоре птичьем* [МК: 109]; *говор дул* [БП.П: 26]; *говорок частушки* [БП.П: 131]; *говор дворов* [БП.Пр: 10].

Говорливый. Безумолчно журчащий (о ручье, воде). *Говорливый ручеек* [АА: 234].

Говорить. 1. Внушать, вызывать какие-л. чувства, мысли. *Небо говорило мне* [ЗГ: 466]; *небо не заговорило со мною* [ЗГ: 451]. 2. Свидетельствовать о чем-л. *Седые камни говорят* [ВИ.П: 322].

Крик. Сильное, бурное проявление какого-л. чувства. *Крик сердца* [БП.Прж: 136; ИС.П: 124]; *крик моей души* [БП.Пр: 213].

Лепет. Легкий шум, неясные звуки чего-л. *Зеленых волн извечный лепет* [АБ.П: 171]; *лепет струй* [АБ.Пр: 46, 118]; *не слышу я лепета Леты* [ЗГ: 78]; *древний лепет римского фонтана* [ВИ.П: 53]; *без лепета вода* [ВИ.П: 441]; *пена в лепете* [ИС.П: 294]; *лепет легкой зыби* [ИС.П: 301]; *падают капли с мирным лепетом* [ЗГ: 109]; *лепеты дождя* [ЗГ: 222]; *лепет лоз* [АБ.П: 189]; *веющий лепет лип* [МК: 135]; *лепет птичьих голосов* [ВИ.П: 472]; *легкий тучельный лепет* [АБ.Пр: 274].

Лепетать. Издавать тихие, неясные звуки – шум, шелест и т. п. *Струйка воды лепечет* [АБ.Пр: 206]; *про свободу лепечет ей волна* [ЗГ: 58]; *вода лепечет монотонно* [ВИ.П: 52]; *лепечет пена* [МК: 111]; *ручей свое лепечет* [ВИ.П: 328]; *река то журчит скороговоркой, то лепечет, как во сне* [ВИ.П: 503]; *ручья лепечущий хрусталь* [ВИ.П: 294]; *дождь пролепетал над садом* [ВИ.П: 235]; *осинка лепечет листовая* [АБ.П: 126]; *камыши лепечут о счастье* [ЗГ: 113]; *лепечут из последнего стелные провода* [ВИ.П: 181].

Шепот. Слабый, едва слышимый шум, шелест, журчание и т. п. *Под шепот алмазных фонтанов* [АБ.П: 108]; *шепот пены* [ИС.П: 20]; *полунеслышимый шепот шагов* [ЗГ: 312]; *шепот летней ночи* [ЗГ: 328].

Шептать. Издавать какие-л. тихие звуки (слабый шум, шелест и т. п.). *Шепчет струйка* [АБ.Пр: 211]; *море не шептало* [ЗГ: 523]; *поверх шепчущей воды* [ЗГ: 530]; *шепчет тишина о тайнах красоты* [ЗГ: 68]; *шепчет яблони прибой* [БП.П: 19]; *орешник шепчет* [БП.Пр: 13].

Шептаться. Слабо, едва слышно шуметь, шелестеть, журчать и т. п. *Шепчется ветер с листвой* [АБ.П: 42]; *озеро шепчется с осокой* [АБ.Пр: 117]; *вода шепталась* [ЗГ: 531]; *все вокруг зашептало* [ЗГ: 300]; *шепчутся белые ночи* [АА: 231]; *травы шепчутся сонные* [ЗГ: 109]; *листья шептались несмело* [ЗГ: 248]; *шепчутся зеленые колосья* [ВИ.Пр: 178]; *дерево продолжало шептаться с ветром* [ВИ.Пр: 385].

Безмолвный. Не нарушаемый звуками, тихий. *Леса безмолвны зимней тишиной* [МК: 41]; *безмолвна гладь* [МК: 164]; *безмолвна песня, музыка нема* [АА: 255]; *безмолвный пролетает ветер* [ЗГ: 110]; *ночь безмолвна* [ЗГ: 205]; *безмолвные тополи* [ЗГ: 308]; *деревья безмолвно принимают солнечные лучи* [ЗГ: 401].

Молчать. Не проявляться, не давать о себе знать (о чувствах, переживаниях и т. п.). *Душа, молчи* [ЗГ: 69]; *сердце молчит* [ЗГ: 106]; *свободный дух молчит* [ЗГ: 132]; *сердце, отчего молчишь?* [ЗГ: 211].

Немой. 1. Исполненный безмолвия, тишины; тихий, безмолвный. *Немые небеса* [АБ.П: 106]; *яснонемые небеса* [АБ.П: 48]; *вода немая* [ЗГ: 62; ВИ.П: 441]; *леса немо темнеют* [АБ.П: 394]. 2. Не обнаруживаемый, не высказываемый прямо, затаенный. *Немая любовь* [АБ.П: 170]; *немая грусть* [АБ.П: 170]; *мысли немые* [ЗГ: 106].

Немота. Полное отсутствие звуков, безмолвие, тишина. *Немота симфоний* [ИС.П: 65].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Голос. 1. Звуки, производимые чем-л. (о явлениях природы, инструментах и т. п.). *Голос ветра* [АА: 65, 182; АБ.П: 327]; *ветра дальний глас* [АБ.П: 306]; *шепотливы дождевые голоса* [ЗГ: 124]; *скорбный скрипок голоса* [АА: 54]; *голосом серебряным волынка поет* [АА: 102]; *голос колокольный* [АА: 136]; *колокол заговорил не набатным, грозным голосом* [АА: 152]; *голос органа* [АА: 162]; *в голосе грозном софийского звона* [АА: 261]; *виолончель притаила свой голос* [ВИ.Пр: 318]; *зазвучала человеческим голосом гитара* [ИС.Пр: 98]; *Спасской башни голос важный* [ВИ.П: 247]; *голос сирены* [ВИ.П: 334]; *не умолкают пушек голоса* [ВИ.П: 500]; *громовой голос пушек* [ВИ.Пр: 164]; *рокошет пропеллер голосом высот* [ВИ.Пр: 349]; *голос картечи* [ИС.П: 134]. 2. Что-л. характерное (явление, событие и т. п.) для какого-л. исторического периода. *Голос времени* [ВИ.Пр: 441]; *голоса эпох* [ИС.П: 136].

Голосистый. Издающий громкие звуки. *Голосистая пила* [ВИ.П: 498].

Говор. Изложение, повествование о чем-л. *Говор событий* [АБ.П: 46].

Говорливый. Непрерывно шумящий (о шелесте листы, травы и т. п.). *Деревья говорливые* [БП.П: 35].

Говорить. 1. Выражать, изображать что-л. *Поэзия заговорила* [БП.Пр: 120]; *карта говорила четырехцветным языком* [ИС.Пр: 189]. 2. Издавать размеренные, прерывистые звуки (о явлениях природы, инструментах и т. п.). *С каплей говорит апрель* [БП.П: 141]; *ивы что-то говорят* [АА: 182]; *говорят скворцы* [ВИ.П: 307]; *колокол заговорил не набатным, грозным голосом* [АА: 152]; *выговаривала шарманка ясно* [ЗГ: 257]; *рожок говорит* [МК: 144]; *зенитки говорят* [ВИ.П: 278].

Вещать. Издавать отрывистые звуки. *Квакша вещала* [БП.П: 102].

Твердить. Издавать однообразные, повторяющиеся звуки. *Ручей твердит то тише, то звончей* [БП.П: 149].

Речь. 1. Размеренные звуки, издаваемые чем-л. *Ветер начатую обрывает речь свою* [АА: 91]; *звучала полюса речь* [ИС.Пр: 313]. 2. Проявление чего-л. (о чувствах, переживаниях). *Сердца речь невнятная* [ЗГ: 131].

Красноречие. Яркое убедительное свидетельство чего-л. (чувства, настроения и т. п.). *Красноречие моей любви* [МК: 223].

Разговор. Прерывистый шум, гул. *Разговор балок* [БП.Пр: 24].

Возглас. Громкие отрывистые звуки. *Стрижей витийственный возглас* [БП.П: 35].

Вопль. 1. Громкий резкий звук чего-л. *Вопль паровоза* [АА: 235]. 2. Сильное проявление чего-л. *Дикий вопль судьбы* [АА: 181].

Вопить. Издавать громкие пронзительные звуки. *Вопил телефонный нерв* [ИС.П: 50].

Крик. Громкие звуки, издаваемые чем-л. (о явлениях природы, инструментах и т. п.). *В крике ветра* [МЦ: 261]; *крик бури* [ИС.Пр: 132].

Окрик. То же, что *возглас*. *Ворчливый окрик парохода* [ИС.П: 7].

Кричать. Издавать громкие звуки (о явлениях природы, инструментах и т. п.). *Сентябрьский вихрь кричит* [АА: 98]; *закричал ей слово автомобиль* [ЗГ: 270].

Раскричаться. Издавать резкие звуки. *Льды раскричались, таючи* [БП.П: 33].

Горланить. Издавать очень громкие звуки. *Петух свой окрик прогорланит* [БП.П: 151].

Зов. То же, что *голос* (окказ.) во 2 знач. *Это зов эпохи молодой* [ИС.П: 34].

Звать. Неожиданно возникнуть, появиться (о чувствах, воспоминаниях и т. п.). *Зовут тебя воспоминанья* [МК: 93].

Болтовня. Непрерывное журчание воды. *Ручейков болтовня* [БП.П: 126].

Болтливый. Непрерывно журчащий (о воде). *Хочу бежать болтливыми ручьями* [ЗГ: 379]; *болтливая струя* [ИС.П: 9].

Бормотание. Быстрые тихие невнятные звуки. *Бормотание сонной гагары* [ВИ.Пр: 77].

Бормотать. Издавать быстрые тихие невнятные звуки. *Свое бормотали арыки* [АА: 234]; *воды бормотали* [ЗГ: 528].

Ворчание. Короткие низкие звуки. *Басовое ворчание грома* [ИС.Пр: 284].

Ворчать. Издавать короткие низкие звуки. *Гром поварчивает* [АБ.Пр: 130]; *ворчит тишина* [ЗГ: 194].

Гортанный. Издающий глухие отрывистые звуки. *Гортанные ручьи* [ИС.П: 124].

Грассировать. Издавать громкие раскатистые звуки. *Грассирует ручей* [ИС.П: 183].

Картавить. Издавать невнятные звуки. *Картавит тихо чайник* [ИС.Пр: 15]; *закартавила труба* [ИС.П: 278].

Охрипнуть (хрипнуть). Издавать глуховатые звуки. *Охрипшая галка* [АБ.П: 113]; *флейты охрипнет рулада* [ИС.П: 176].

Лепетать. Выражать неясный смысл. *Лепечет письмецо* [ИС.П: 122].

Шепот. Слабое проявление чего-л. (о чувствах, переживаниях и т. п.). *Шепот любви* [ИС.П: 133, 139]; *черный шепоток беды* [АА: 178].

Шепотливый. Тихий, невнятный. *Шепотливы дождевые голоса* [ЗГ: 124].

Шептать. Слабо проявляться (о чувствах, переживаниях и т.п.). *Здравый смысл шепнул ей* [ЗГ: 332]; *память шепчет признания* [МК: 32].

Шушукать. Издавать слабый шум, шелест. *Шушукнется в испуге с лебедой бурьян* [АБ.П: 187]; *листвой шушукнут тополя* [АБ.П: 245]; *ветерок шушукал* [АБ.Пр: 241]; *ручей зашушукал водницей* [АБ.Пр: 182]; *струит фонтан шушукующий в выси лепет* [АБ.П: 231].

Шамкать. Издавать невнятные глухие звуки. *Шамкают замки, поместья с пришептом* [БП.П: 24].

Хриплый. Издающий глуховатые звуки. *Хриплы пастушьи трубы* [МК: 88].

Безмолвный. Не обнаруживающий себя, не проявляющийся внешне. *Душа безмолвно звала* [ИС.Пр: 171].

Безмолвствовать. Не нарушать тишины, не производить каких-л. звуков. *Баини и ворота безмолствовали* [МК: 186].

Безгласный. Тихий, не производящий каких-л. звуков. *Осиновый лист безгласен* [БП.П: 30].

Безглагольный. То же, что *безмолвный*. *С душою безглагольной* [АБ.П: 398]; *луч безглагольного взора* [АБ.П: 400].

Молчание. Состояние полной тишины. *Снегов молчанье* [ЗГ: 64].

Молчаливый. То же, что *безгласный*. *Снег молчаливый* [ЗГ: 124].

Молчать. То же, что *безмолвствовать*. *Молчит река* [ЗГ: 102]; *молчит неверный лес* [ЗГ: 55]; *небо молчало* [ЗГ: 448]; *молчит*

дорога странная [ЗГ: 55]; колокола **молчат** [ЗГ: 115]; крейсер **молчал** [ИС.П: 83]; пушки **замолчали** [ИС.П: 236].

Немой. Не содержащий чего-л. существенного, не вызывающий какого-л. отклика. *Безмолвна песня, музыка нема* [АА: 255].

Наибольшей частотностью обладают метафоры **голос, лепет, шепот, говорить, лепетать, шептать, шептаться, безмолвный, немой, молчать**, меньшей – метафоры **говор, крик, шушукать**, остальные встречаются значительно реже или единично.

П. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Проявления объекта:

1) обнаружение: ‘внутренне проявляющийся’ (*голос рассудка*); ‘не проявляющийся, затаенный’ (*немая грусть; душа безмолвно звала; с душою безглазольной*);

2) интенсивность: ‘слабо проявляющийся’ (*шепот любви; шепоток печали; память шепчет*); ‘сильно, бурно проявляющийся’ (*крик души; вопль чувств*);

3) реакция на что-л.: ‘взаимный, ответный’ (*сердца речь*); ‘безответный, не реагирующий на что-л.’ (*сердце молчит*);

4) реализация: ‘воспроизводящий ч.-л.’ (*голос памяти; память шепчет внятно; зовут воспоминанья*); ‘внушающий что-л.’ (*небо говорило мне*); ‘свидетельствующий о ч.-л.’ (*седые камни говорят; голос времени; зов эпохи; говор событий*); ‘выражающий ч.-л.’ (*красноречие моей любви; поэзия заговорила; лепечет письмецо*).

2. Звук:

1) сила звука: ‘громкий’ (*голос ветра; голосистая пила*); ‘очень громкий’ (*возглас стрижей; вопль паровоза; вопил телефонный нерв; петух свой окрик прогорланит; в крике ветра; окрик пароходика; вихрь кричит; льды раскричались, таячи*); ‘тихий’ (*шепот пены; дерево продолжало шептать; шепчется ветер с листвою; шепотливы дождевые голоса; деревья шушукуют*); ‘беззвучный’ (*осиновый лист безгласный; безмолвные тополи; башни безмолвствовали; немые небеса; немота симфоний; снегов молчанье; снег молчаливый; молчит река*);

2) ритм: ‘прерывистый’ (*разговор балок; говор ласточек; говорят скворцы; квакша вещала; ручей твердит звончей*); ‘непрерывный’ (*речь ветра; болтовня ручейков; болтливые ручьи; говорливый ручеек*); ‘резкий, отрывистый’ (*гортанные ручьи; грассирует ручей*);

3) качество звучания: ‘невнятный, приглушенный’ (*охрипшая галка; хриплы трубы; басовое ворчание грома; гром поварчивает; шамкают замки*); ‘невнятный, едва слышный’ (*лепет птичьих го-*

лосов; осинка *лепечет*; *бормотание* сонной гагары; воды *бормотали*; лес *пробормочет*; *картавит* чайник).

В содержание метафорического концепта «Голос» входят следующие репрезентанты и ассоциаты, определяющие его структуру (см. табл. 3.1):

1. Семантический уровень:

1) узуально-метафорический подуровень: *голос, говор, говорливый, говорить, крик, лепет, лепетать, шепот, шептать, шептаться, безмолвный, молчать, немой, немота*;

2)okkaзионально-метафорический подуровень: *голос, голосистый, говор, говорливый, говорить, вещать, твердить, речь, красноречие, разговор, возглас, вопль, вопить, крик, окрик, кричать, раскричаться, горланить, зов, звать, болтовня, болтливый, бормотание, бормотать, ворчание, ворчать, гортанный, грассировать, картавить, охрипнуть, лепетать, шепот, шепотливый, шептать, шушукать, шамкать, хриплый, безмолвный, безмолвствовать, безгласный, безглагольный, молчание, молчаливый, молчать, немой*.

2. Когнитивный (ассоциативно-метафорический) уровень:

‘внутренне проявляющийся’; ‘не проявляющийся, затаенный’; ‘слабо проявляющийся’; ‘сильно, бурно проявляющийся’; ‘взаимный, ответный’; ‘безответный, не реагирующий на ч.-л.’; ‘воспроизводящий ч.-л.’; ‘внушающий ч.-л.’; ‘свидетельствующий о ч.-л.’; ‘выражающий что-л.’; ‘громкий’; ‘очень громкий’; ‘тихий’; ‘беззвучный’; ‘прерывисто звучащий’; ‘непрерывно звучащий’; ‘резко, отрывисто звучащий’; ‘невнятный, приглушенный’; ‘невнятный, едва слышный’.

Таблица 3.1.

Структура метафорического концепта «Голос»

Квалификатор	Ассоциаты	Репрезентанты	%
Ядерная зона			
<u>Звук:</u> сила звука	‘громкий’; ‘очень громкий’; ‘тихий’; ‘беззвучный’	<i>голос, голосистый, возглас, крик, кричать, горланить, вопить, вопль, шепот, шепотливый, шептать, шушукать, безгласный, безмолвный, безмолвствовать, немой, немота, молчание, молчаливый, молчать</i>	40%

Приядерная зона			
<u>Звук:</u> качество звучания	‘невнятный, приглушенный’; ‘невнятный, едва слышный’	<i>лепет, лепетать, бормотание, бормотать, ворчание, поварчивать, картавить, хрипльй, охрипнуть, шамкать</i>	19%
ритм	‘прерывисто звучащий’; ‘непрерывно звучащий’; ‘резко, отрывисто звучащий’	<i>говор, разговор, говорить, речь, болтовня, болтливый, говорливый, гортанный, твердить, вещать, грассировать</i>	17%
Периферийная зона			
<u>Проявления объекта:</u> реализация	‘воспроизводящий ч.-л.’ ‘внушающий ч.-л.’; ‘свидетельствующий о ч.-л.’ выражающий ч.-л.’	<i>голос, говор, говорить, зов, звать, красноречие, шептать, лепетать</i>	9%
обнаружение	‘внутренне проявляющийся’; ‘не проявляющийся, затаенный’	<i>голос, немой, безмолвный, безглагольный</i>	9%
интенсивность	‘сильно, бурно проявляющийся’; ‘слабо проявляющийся’	<i>крик, вопль, шепот, шептать</i>	4%
реакция на что-л.	‘взаимный, ответный’; ‘безответный, не реагирующий на ч.-л.’	<i>речь, молчать</i>	2%

Как видим, структура метафорического концепта «Голос» организована таким образом:

- ядерная зона включает ассоциаты, которые квалифицируются как «звук (сила звука)»;
- в приядерную зону входят ассоциаты с квалификатором «звук (качество звучания; ритм)»;
- периферийная зона состоит из ассоциатов, квалифицируемых как «проявления объекта (обнаружение; интенсивность; реакция на что-л.; реализация)».

Следовательно, звуковые ассоциаты (76 %) образуют ядерную и приядерную зоны метафорического концепта «Голос», остальные (различные проявления объекта) – его периферию.

3.2.1.2. Метафорический концепт «Птица»

Птица ассоциируется с полетом, свободой, беззаботностью. Метафорический концепт «Птица» выражает авторские представления о личной и творческой свободе, – в этом случае он эксплицируется, как правило, в метафорах, сочетающихся чаще всего со словами *мысль, сердце, душа*. Кроме того, он отражает представления о различных проявлениях человеческой психики, быстротечности времени и др.

В произведениях З. Гиппиус образ птицы служит воплощением душевного подъема, счастья (*душа рвалась взлететь; крыла счастья*), быстротечности времени (*крылья острые времен*). У А. Белого он тоже ассоциируется со временем (*полет столетий*) и, кроме того, с большим количеством кого-, чего-либо (*стаи людей; стаи облаков*). Птица в ахматовском творчестве выступает как образ тоски и печали (*птица-тоска; птицы смерти*). В поэзии и прозе М. Кузмина концепт «Птица» олицетворяет свободу – творческую, личную (*душа крылатая; крылатые мысли*). У М. Цветаевой он служит выражением идеи свободы и полета – творческим вдохновением (*душа родилась крылатой; сердца крылатый взмах*). В произведениях Б. Пастернака представление о птице связано с движением (*порхание пурги*) или множеством кого-, чего-либо (*стаи хлопьев снежных*). В творчестве В. Инбер образ птицы чаще всего ассоциируется с вдохновением (*птица вдохновения; крылья вдохновения*), творческой свободой (*слова крылатые*), а в поэзии и прозе И. Сельвинского – с движением (*крылатый ветер; метельные крыла*).

Репрезентанты метафорического концепта «Птица» – метафоры *птица, голубь, ястреб, стая; крыло, крылатый, бескрылый, обескрылеть, перо, оперенье, неоперившийся; ворковать, чирикать, щебетать, щебетание; взлететь, пролететь, улететь, полет, реять, порхать, подпорхнуть, наохлиться; гнездо, гнездиться*.

Содержание анализируемого метафорического концепта составляют такие метафоры и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень
(узуальные метафорические значения):

Стая. 1. Большая группа людей. *Стаи людей* [АБ.П: 162]; *музыкантов стая* [АБ.П: 194, 196]; *стая старух* [АБ.Пр: 68]; *старушечья стая* [АБ.Пр: 68]; *стая отважных народов в полет поднялась* [ИС.П: 139]; *стая девушек* [ИС.П: 195, 211, 338; ИС.Пр: 358]. 2. Масса, скопление, множество чего-н. *В облачной стае* [АБ.П: 27]; *стаи хлопьев снежных* [БП.П: 112]; *стая зеленых дубов* [АБ.П: 147, 157]; *в стаях листьев* [БП.П: 153]; *в стаях огней* [АБ.П: 54]; *стаи избенок* [АБ.П: 162]; *стихов сожженных стая* [АА: 220]; *стихов моих белая стая* [АА: 111]; *стая звуков* [АБ.П: 196; ВИ.Пр: 167]; *стаи смертей* [АБ.П: 168, 192]; *последних сновидений стая* [ЗГ: 261].

Крылатый. О помыслах: вольный, свободный. *Мыслию крылатой* [МК: 48]; *крылаты мысли* [МК: 64]; *слова мои сегодня не крылаты* [ВИ.П: 79]; *голос крылатый* [МК: 131]; *пророкочет голос мой крылатый* [МЦ: 97, 118]; *душа крылатая* [МК: 106]; *душа родилась крылатой* [МЦ: 93]; *душа ее крылата* [МЦ: 125]; *сердца крылатый взмах* [МЦ: 227].

Бескрылый. Лишенный творческой фантазии, силы. *Бескрылым словом его ужасно сладко* [ВИ.П: 395].

Щебетать. Говорить быстро, без умолку, звонко (о детях, женщинах). *Барышни пробовали с ним щебетать* [АБ.Пр: 29].

Пролететь. Мелькнуть, пронестись. *Птица-часы, как безвидная стая, не пролетают* [ЗГ: 280]; *мысли быстро пролетали* [МЦ: 122].

Порхать. Легко, быстро двигаться, шевелиться. *Смычок порхает по струнам* [ВИ.Пр: 203]; *девичьи руки порхали по телу* [ИС.Пр: 149].

Гнездо. 1. Притон, тайное пристанище. *В разбойничьем гнезде* [ИС.Пр: 309]. 2. Семья, род. *Улетели дети из гнезда* [ИС.П: 174].

Гнездиться. Тесниться (о мыслях, чувствах и т. п.); прочно держаться в ком-л., чем-л., корениться. *В душе гнездилась радость* [МЦ: 142].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Птица. 1. О психических процессах человека (о мыслях, чувствах, переживаниях и т. п.). *Темные мысли – серые птицы* [ЗГ: 106]; *мысли – птицы ручные: журавли да аисты* [МК: 109]; *мыслей-птиц высокое стремление* [МК: 114]; *кормить из рук своенравную птицу вдохновения* [ВИ.Пр: 407]; *выпустить птицу – мою тоску* [АА: 65]; *сердце – пойманная птица* [МК: 163]; *рвалась на волю птица-сердце* [МК: 178]. 2. О внезапном появлении чего-л. *Птицы*

смерти в зените стоят [АА: 197]. 3. О быстротечности времени. *Птица-часы, как безвидная стая, не пролетают* [ЗГ: 280].

Голубь. То же, что *птица* в 1 знач. (с позитивным оттенком). *Мелькнул души молочный голубь* [МК: 94]; *голубь печали* [МК: 245].

Ястреб. То же, что *птица* в 1 знач. (с негативным оттенком). *Мертвый ястреб – душа моя* [ЗГ: 121].

Крыло (крылья). 1. О быстром перемещении воздушных масс. *Задев крылами, вдаль летит без звука ветер* [ЗГ: 111]; *метельные крыла* [ИС.П.: 128]. 2. О сильном проявлении чего-л. (чувств, переживаний и т. п.). *Темные крыла счастья* [ЗГ: 271]; *крылья сердца глухо взвыли* [МК: 111]; *крылья сердца моего затрепетали* [МК: 128]; *орлиная сущность вдохновения, его широкошумные крылья* [ВИ.Пр.: 355]; *сломлены крылья Святого безумия* [ЗГ: 87]. 3. Что-л. напоминающее своим видом крылья (крыло). *Пароход с крыльями рей* [ИС.Пр.: 191]; *просушивала оперенье крыл шхуна* [ИС.Пр.: 244]; *под крыльями раскинутых бровей* [МЦ: 59]; *рояль, подняв крыло, стоял* [ИС.П.: 125]; *леса черно-бурое крыло* [ВИ.П.: 153]. 4. То же, что *птица* в 2 знач.: *черной смерти мелькало крыло* [АА: 158]. 5. То же, что *птица* в 3 знач. *Крылья острые времен* [ЗГ: 158]; *времени крыло* [АБ.П.: 172].

Крылатый. 1. Быстро перемещающиеся воздушные массы. *Ветер крылатый* [ЗГ: 119]; *сумрак крылатый* [АБ.П.: 116]. 2. Имеющий форму крыльев (крыла). *Брови крылатые* [ИС.П.: 100; МЦ: 72]; *рояль крылатый* [ИС.Пр.: 290].

Обескрылеть. Лишиться способности легко перемещаться в воздухе. *Обескрылев в мокрой мгле, тяжелый дым ползет* [ЗГ: 145].

Перо (перья). 1. Что-л. напоминающее своим видом перья (перо) птицы. *В облачных перьях* [ИС.Пр.: 13]. 2. Слабое проявление чего-л. (о чувствах, воспоминаниях и т. п.). *Перышко воспоминаний* [ИС.П.: 134].

Оперенье. Что-л. напоминающее своим видом оперенье птицы. *Лебяжье оперенье луны* [ВИ.П.: 495]; *не качай опереньем, тис* [ИС.П.: 293]; *просушивала оперенье крыл шхуна* [ИС.Пр.: 244].

Неоперившийся. Еще не сформировавшийся, не сложившийся (о взглядах, позиции и т. п.). *Неоперившееся просвещение* [БП.Пр.: 65].

Ворковать. Издавать приятные переливчатые звуки. *Барабаны воркуют дробно* [МК: 129]; *Королев засмеялся воркующим смехом* [ИС.Пр.: 405].

Чирикать. 1. Издавать высокие отрывистые звуки. *Ручей чирикал по камушкам* [ИС.Пр.: 168]; *маленький офицерик что-то чирик-*

нул [ИС.Пр: 286]. 2. Повествовать, сообщать о чем-л. незначительном. «Вечерка» *чирикает о весне* [ИС.П: 186].

Щебетать. Непрерывно издавать высокие быстрые звуки. *Не щебечут деревья* [ИС.Пр: 9]; *дождь проливной щебетал* [ВИ.П: 196]; *нежно, словно, неопытный соловей, защебетал маленький кран* [ВИ.Пр: 264]; *отзвук щебечущей улицы* [БП.Пр: 10].

Щебетание. 1. Непрерывная быстрая звонкая речь. *Женщины с тем же щебетанием проследовали мимо меня* [МК: 243]. 2. Непрерывные высокие быстрые звуки. **Щебетание** *дождевых капель* [ВИ.Пр: 301].

Взлететь. Стремиться к чему-л. (о мечтах, желаниях и т. п.). *Душа, как раненая птица, рвалась взлететь* [ЗГ: 82].

Улететь. Покинуть кого-л., что-л. *Улетели уже дети из гнезда* [ИС.П: 174].

Полет. О быстротечности времени. *Полет столетий* [АБ.П: 23, 24, 25, 31, 32].

Реять. 1. Быть в пространстве, ощущаться (о звуках). *Звуки реяли в воздухе* [АБ.Пр: 128]. 2. Быть в мыслях, воображении. *Реет воспоминание* [АБ.П: 178].

Порхание. О быстром перемещении чего-л. *Порхание пурги* [БП.П: 113]; *вьюги порханье* [БП.Пр: 141].

Подпорхнуть. Легко, быстро переместиться куда-л. *К ним подпархивает пара пристяжных* [БП.Пр: 52].

Нахохлиться. Торчать в разные стороны, иметь взъерошенный вид. *Почки верб нахохлятся зверятами* [ИС.П: 294].

Гнездо. 1. Совокупность, скопление чего-л. *Гнезда желтых огней* [ВИ.Пр: 91]; *гнезда квартир* [ИС.П: 65]. 2. Средоточие чего-л. (о переживаниях, состоянии и т. п.). *Отчаянный гнездо* [МЦ: 123].

Гнездиться. Находиться, располагаться где-л. *Здесь гнездилась кордонная батарея* [ИС.Пр: 493].

Чаще всего наблюдаются метафоры *птица, крылья, крылатый, стая*, реже – *гнездо, щебетать*, крайне редко или единично – все остальные.

П. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Проявления объекта:

1) обнаружение: ‘появившийся, ставший явным’ (*отчаянный гнездо; в душе гнездилась радость; реет воспоминание*); ‘внезапно появившийся’ (*птицы смерти; черной смерти крыло*);

2) активность: ‘интеллектуально-творческий’ (*мысли-птицы; птица вдохновения; крылья вдохновения; крылатые слова*); ‘лишенный творческой силы’ (*слова бескрылые*).

2. Количество:

1) множество: ‘большое количество ч.-л.’ (в *облачной стае; гнезда огней*);

2) совокупность: ‘общность, группа’ (*стая музыкантов*).

3. Форма (очертания): ‘округлый, изогнутый’ (*под крыльями раскинутых бровей; брови крылатые*); ‘торчащие в разные стороны’ (*оперенье шкуны; в облачных перьях; почки верб нахохлятся зверятами*).

4. Динамика (перемещение): ‘быстро перемещающийся, движущийся’ (*метельные крыла; крылатый ветер; порханье вьюги; смычок порхает; подпархивает пара пристяжных*); ‘утративший способность быстро перемещаться’ (*тяжелый дым, обескрылев, ползет*).

5. Время (длительность): ‘быстро проходящий, быстротечный’ (*полет столетий; птица-часы; крылья времен*).

6. Звук:

1) темп: ‘быстро звучащий’ (*дождь щебетал; щебетание дождевых капель*); ‘медленно, плавно звучащий’ (*звуки ряли в воздухе*);

2) ритм: ‘прерывисто звучащий’ (*барабаны воркуют; ручей чирикал*).

7. Корреляция (расположение): ‘сосредоточенный в одном месте’ (*разбойничье гнездо; здесь гнездилась кордонная батарея*).

8. Оценочность: ‘чистый, светлый’ (*голубь души; голубь печали*); ‘темный, мрачный’ (*ястреб – душа моя*).

В содержание метафорического концепта «Птица» входят такие репрезентанты и ассоциаты, организующие его структуру (см. табл. 3.2):

1. Семантический уровень:

1) узуально-метафорический подуровень: *гнездо, стая, крылатый, бескрылый, гнездиться, пролетать, порхать, щебетать*;

2) окказионально-метафорический подуровень: *птица, голубь, ястреб, крыло, полет, порхание, перо, оперенье, гнездо, щебетание, крылатый, неоперившийся, обескрылет, ворковать, чирикать, щебетать, взлетать, улетать, рясть, подпорхнуть, нахохлиться, гнездиться*.

2. Когнитивный (ассоциативно-метафорический) уровень:

‘появившийся, ставший явным’; ‘внезапно появившийся’; ‘интеллектуально-творческий’; ‘лишенный творческой силы’; ‘большое количество ч.-л.’; ‘общность, группа’; ‘округлый, изогнутый’; ‘торчащие в разные стороны’; ‘быстро перемещающийся, движущийся’; ‘утративший способность быстро перемещаться’; ‘быстро проходящий, быстро-

Таблица 3.2.

Структура метафорического концепта «Птица»

Квалификатор	Ассоциаты	Репрезентанты	%
Ядерная зона			
<u>Проявления</u> объекта: активность	‘интеллектуально-творческий’; ‘лишенный творческой силы’	<i>птица, крылья, крылатый, бескрылый</i>	33%
<u>Количество</u> : множество	‘обилие, большое количество ч.-л.’	<i>стая, гнездо</i>	18%
Приядерная зона			
<u>Форма</u> : очертания	‘округлый, изогнутый’; ‘торчащие в разные стороны’	<i>крылья, крылатый, перо, оперение, нахотиться</i>	9%
<u>Динамика</u> : перемещение	‘быстро перемещающийся, движущийся’; ‘утративший способность быстро перемещаться’	<i>крылья, крылатый, обескрылеть, порхание, порхать, подпархивать</i>	8%
<u>Количество</u>	‘общность, группа’	<i>стая</i>	8%
<u>Время</u> : длительность	‘быстро проходящий, быстротечный’	<i>птица, крылья, полет</i>	8%
<u>Звук</u> : темпы	‘быстро звучащий’; ‘медленно, плавно звучащий’	<i>щебетание, щебетать, реять</i>	8%
Периферийная зона			
<u>Проявления</u> объекта: обнаружение	‘появившийся, ставший явным’; ‘внезапно появившийся’	<i>птица, крыло, гнездо, гнездиться, реять</i>	3%
<u>Звук</u>	‘прерывисто звучащий’	<i>ворковать, чирикать</i>	2%
<u>Корреляция</u>	‘сосредоточенный в одном месте’	<i>гнездо, гнездиться</i>	2%
<u>Оценочность</u>	‘чистый, светлый’; ‘темный, мрачный’	<i>голубь, ястреб</i>	1%

течный'; 'быстро звучащий'; 'медленно, плавно звучащий'; 'прерывисто звучащий'; 'сосредоточенный в одном месте'; 'чистый, светлый'; 'темный, мрачный'.

Структура метафорического концепта «Птица» организована следующим образом:

– ядерная зона состоит из ассоциатов, квалифицируемых как «проявления объекта (активность)»; «количество (множество)»;

– в приядерную зону входят ассоциаты с квалификаторами «форма (очертания)»; «динамика (перемещение)»; «количество (совокупность)»; «время (длительность)»; «звук (темп)»;

– периферийная зона – это ассоциаты групп «проявления объекта (обнаружение)»; «звук (ритм)»; «корреляция»; «оценочность».

В структуре данного метафорического концепта доминируют ассоциаты, которые квалифицируются как «проявления объекта (активности)» (33 %), что свидетельствует о характере ассоциативных представлений о птице в сознании исследуемых поэтов-прозаиков как воплощении творческого подъема – вдохновения, свободы художественного мышления и выражения.

3.2.1.3. Метафорический концепт «Вода»

Вода, как известно, ассоциируется с источником жизни, энергией, движением, чистотой, свежестью и обновлением. Метафорический концепт «Вода» широко представлен в русской поэзии и прозе первой половины XX в. и несет в себе общую авторскую идею о движении и развитии всего существующего в мире.

Данный метафорический концепт реализуется в многочисленных репрезентантах – языковых и речевых метафорах. В художественных текстах он эксплицируется в таких метафорах, как *море, океан, озеро, пруд, река, ручей, водопад; волна, прибой, всплеск, плеск, пена, брызги, брызнуть, разбрызгать, капля, капать, пучина; прилив, лить, залить, разлить, литься, влиться, излиться, пролиться, разлиться, разлив, струя, струиться, течь, течение, протекать, растекаться, поток, ток, хлынуть; купаться, нырять, плыть, вплыть, выплыть, проплывать, тонуть; дождь, ливень, град.*

Содержание метафорического концепта «Вода» образуют следующие репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Море. 1. Огромное количество, обилие чего-л. *Из моря слез, из моря муки* [АБ.П: 383]; *моря неизливные слез* [АБ.П: 400]; *море слез* [МЦ: 191, 223, 261]; *море бород* [БП.П: 189]; *море толп* [МЦ: 178]. 2. Обширное пространство чего-л., занятое, заполненное кем-л., чем-л. *По морю колосьев* [АБ.П: 95]; *по морю дубовых крон* [АБ.Пр: 126]; *среди бурного моря листьев* [АБ.Пр: 126]; *белое море тумана разлилось по низинам* [АБ.Пр: 129]; *в зеленом море вершин* [АБ.Пр: 151]; *на лунном море* [ЗГ: 269]; *над морем нив* [МЦ: 127]; *над морем свободной стихии* [МЦ: 272].

Океан. Неизмеримая масса, громадное количество чего-л. *После океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и глупости* [АА: 367]; *океан беспокойства огромен* [ВИ.П: 241]; *блаженные океаны будущего* [ВИ.Пр: 98]; *любовь – безбрежный океан* [ИС.П: 29].

Волна. 1. О чем-н. движущемся друг за другом во множестве на некотором расстоянии; появляющаяся или сменяющая одна другую в движении масса. *Расплескалась колосьев волна* [АБ.П: 89]; *в волнах ковыли* [АБ.П: 115]; *береза льет волну своих кудрей* [АБ.П: 322]; *травная волна* [АБ.Пр: 21, 183]. 2. Движение чего-л. (какой-л. массы или тумана, дыма и т. п.), напоминающее движение водяного вала. *Сквозь волны фимиама* [АА: 26]; *холодочка струится волна* [АА: 222]; *в волнах эфира* [АА: 256]; *волна ветра* [АБ.П: 94]; *волна пара* [АБ.П: 211]; *снежная волна* [АБ.П: 210]; *дуновенье струило прохладу волною* [АБ.П: 381]; *волна холода* [ВИ.Пр: 99]; *ветер суетулит плечи тугой волной* [МК: 83]; *волны зноя* [БП.Пр: 115]; *волны зари* [АБ.П: 14]; *волны тьмы* [АБ.П: 99]; *стекает вниз прозрачность теплыми волнами* [МК: 92]; *в желтой волне тумана* [ЗГ: 243]. 3. Неожиданное возникновение, сильное проявление какого-л. чувства или состояния; массовое проявление чего-л. *Волна радости* [ЗГ: 430]; *волны впечатлений* [ВИ.Пр: 454]; *в огромной волне любви, теплоты, прямодушия* [МК: 457]; *горячая волна рвалась из груди* [ИС.Пр: 246]; *волна плача* [БП.Пр: 118].

Брызги. Рассеянные лучи света. *Брызги огней* [АБ.П: 398]; *рассыпались брызги сторожевых огней* [ИС.П: 49].

Брызнуть. Внезапно появиться, показаться (о лучах света, солнца, огня). *Солнце брызнуло первыми лучами* [МК: 195].

Капля. 1. Ничтожно малое количество чего-л. *Серебряная капля звуковая* [ВИ.П: 398]; *ни капли жизни* [ВИ.П: 498]; *капля солнца* [ИС.П: 188]. 2. Что-л., проявляющееся понемногу, постепенно. *Тоску по капле коплю* [ИС.П: 284].

Пучина. Средоточие чего-л. (обычно неприятного). *Пучина бытия* [АБ.П: 47].

Прилив. Нарастание, подъем в проявлении чего-л. *Приливы тоски* [ЗГ: 326]; *прилив отчаяния* [ЗГ: 330]; *прилив радости* [ИС.Пр: 226].

Лить. Испускать, распространять (звук, свет, запах). *Сиянье месяца льет* [АА: 230]; *румянец нежный льет закатный свет* [МК: 42]; *рампа льет свет* [БП.П: 164]; *ландыши запах льют* [БП.П: 87]; *аромат льет десяток роз* [БП.П: 168].

Залить. Наполнить в изобилии. *Прохлада бирюзой заливают рощи* [АБ.Пр: 37]; *все заливал мрак* [АБ.Пр: 326]; *капая солнцем, закартавила труба, заливая уши медью* [ИС.П: 278].

Литься. 1. Раздаваться, нестись (о размеренных, плавных звуках чего-л.). *Исповедь льется немая* [АА: 191]; *солдатская шутка льется* [АА: 246]; *льется звонкое сопрано* [АБ.П: 112]; *трель лилась в эфир* [ВИ.П: 309]; *льется разговор* [ВИ.П: 356]; *песня льется* [МК: 42]; *лился шум* [БП.Пр: 19]; *не льется песня* [ИС.Пр: 9]. 2. Распространяться, струиться (о свете, запахе). *Лилась серость* [ЗГ: 523]; *свет лился* [ЗГ: 391]; *лился голубоватый свет* [МК: 142]; *темнота лилась* [ИС.П: 94]; *ароматы льются из садов* [МК: 228]. 3. Проникать во что-л., куда-л. (в душу, сердце и т. п.). *Страданье лилось в моей груди* [ИС.П: 140].

Влиться. 1. Проникнуть куда-л. (о воздухе, запахе и т. п.). *Ветер в окно вливался влажной струей* [АА: 93]; *запах гари влился в черный бор* [ИС.П: 9]. 2. Дополнить собой, присоединиться; войти, пополнить состав чего-л. *Граждане потоком вливаются в него* [ВИ.П: 274]; *душой вливаюсь во все эпохи* [ИС.Пр: 268]; *я волюсь в океанский сон* [ИС.Пр: 295].

Излиться. 1. Дать выход своим мыслям, чувствам, переживаниям; откровенно высказаться. *Я излился в словах* [АБ.Пр: 318]. 2. Проявиться по отношению к кому-л., обратиться на кого-л. *Излившееся на него горе* [БП.Пр: 13].

Разлиться. Распространиться во все стороны, по всему пространству чего-л. *В мглу разливающейся ночи* [АБ.П: 203]; *разольется над лугами тень* [АБ.П: 226, 318]; *белое море тумана разлилось по низинам* [АБ.Пр: 129]; *в небе разливается закат* [ВИ.П: 404].

Струя. Узкий поток (воздуха, света и т. п.). *Ветер в окно вливался влажной струей* [АА: 93]; *струя сырого воздуха* [ЗГ: 309]; *свежести струя* [БП.П: 169]; *струя прохлады* [БП.Пр: 58]; *вьюжные струи* [ИС.П: 128]; *солнечные струи* [АБ.П: 27, 28, 245]; *струи солнца* [АБ.П: 381]; *текла струя ромашки* [ИС.П: 142].

Струиться. Распространяться струями, потоком (о воздухе, свете, запахе и т. п.). *Холодочка струится волна* [АА: 222]; *струится*

дым [ЗГ: 158]; *теплый воздух струится* [ЗГ: 307]; *весенний воздух струится* [ЗГ: 508]; *звезда, дрожат – струясь – ее края* [ЗГ: 238]; *струится звездный ток* [ВИ.П: 55].

Течь. 1. Плавно и непрерывно звучать (о размеренной, неторопливой речи; звуках, издаваемых чем-л.). *С колокольни звуки текли* [АА: 58]; *беседа плавно течет, округло обтекая предметы и чувства* [ВИ.Пр: 110]; *текут родимые слова* [МК: 97]; *мелодии текут* [БП.Пр: 145]. 2. Идти, двигаться сплошным непрерывным потоком, массой. *Потекли людские толпы* [ВИ.П: 120]; *улица текла свежим потоком* [ВИ.Пр: 87]; *течет толпа ало-желто-лилова* [ИС.П: 151]; *текут облака* [АБ.Пр: 117, 117]; *текут седые солнца и планеты* [ВИ.П: 449]. 3. Идти, проходить (о времени, состоянии). *День течет с восхода до заката* [АБ.П: 97, 244]; *время медленно текло* [АБ.П: 101]; *текут века* [АБ.П: 105, 106, 208]; *текут года* [АБ.П: 295]; *текут мгновения* [ЗГ: 235]; *текли геологические эры* [ВИ.П: 53]; *время медленно течет* [ВИ.П: 404]; *текущее время* [ИС.Пр: 345]; *минуты, протекающие за двадцать лет* [ИС.П: 33]. 4. Следовать друг за другом непрерывно (о мыслях, воспоминаниях и т. п.). *Сны текут то явственней, то глуше* [ВИ.П: 57]; *в текучей памяти людской* [ВИ.П: 481].

Протекать. Идти, проходить (о времени, событиях). *Буйная его протекала жизнь* [АБ.Пр: 165]; *протекают дни* [МК: 158]; *череда протекших дней* [БП.П: 144]; *протекала жизнь* [БП.Пр: 52].

Растекаться. Медленно распространяться по чему-л., появляться на чем-л. *Золотые огни растекаются и тают* [ВИ.П: 48]; *растекающиеся фонари* [БП.П: 91]; *растекался закат* [БП.П: 191]; *тени растекались* [БП.Пр: 15].

Поток. 1. Что-л. исходящее от кого-л., чего-л. в большом количестве. *Струится поток доказательств* [АА: 186]; *бурный поток речи* [ВИ.Пр: 424]; *поток томных гамм* [АБ.П: 246]; *поток лучей* [АБ.П: 45]; *сад прольется потоком листьев* [ВИ.П: 294]; *рвался роз заревой поток* [МК: 78]. 2. Непрерывное движение каких-л. масс. *Граждане потоком вливаются в него* [ВИ.П: 274]; *улица текла свежим потоком* [ВИ.Пр: 87]; *поток беженцев* [ИС.Пр: 139]; *песчанистой пыли потоки* [АБ.П: 141].

Хлынуть (нахлынуть). 1. Устремиться, двинуться. *Нахлынуло полчище мух* [БП.П: 193]; *из класса хлынули все* [ИС.Пр: 50]; *Леська хлынул вместе со всеми* [ИС.Пр: 270]; *толпа хлынула за ним* [ИС.Пр: 325]. 2. Внезапно возникнуть, появиться во множестве (о чувствах, мыслях и т. п.). *Нахлынули воспоминанья* [МК: 154]; *жажда жизни хлынула* [ИС.П: 285].

Купаться. Наслаждаться чем-л., с удовольствием отдаваться чему-л. *Он купался в ее интонациях* [ИС.Пр: 227].

Нырять. Исчезать из виду, быстро войдя, въехав куда-л., скрывшись среди кого-л., чего-л. *Перепел ныряет в овес* [АБ.П: 116]; *ныряла и плавала звезда* [БП.П: 39]; *скорая помощь нырнула во мрак* [БП.П: 157]; *Стецюра нырнул в угол* [ИС.П: 325].

Плыть. Плавно двигаться или распространяться. *По небу луна плыла* [ЗГ: 248]; *паутина плавала в воздухе* [ЗГ: 357]; *в воздухе плывет самолет* [ВИ.П: 457]; *плывут млечные буруны* [ВИ.П: 453]; *плывет звезда* [МК: 133]; *ныряла и плавала звезда* [БП.П: 39]; *плывут сады и электрички* [БП.П: 33]; *по Каме сумрак плыл* [БП.П: 39]; *плывут облака* [БП.Пр: 179]; *дым плывет по жнивью* [ИС.П: 178]; *плывут холода* [ИС.Пр: 189]; *снеговые тучи плывут* [ИС.Пр: 283]; *сокол плывет* [ИС.П: 291].

Проплывать. Представиться в воображении и постепенно исчезнуть. *Проплывает тень Вергилия* [МК: 126]; *сны проплывают пред глазами* [МЦ: 105].

Наплывать. Плавно передвигаясь, надвинуться на что-л., закрыть, покрыть собой что-л. *Наплывали сумерки* [ЗГ: 226].

Тонуть. Становиться почти незаметным в массе чего-н., едва различимым. *Ласточки в эфире тонут* [АБ.П: 56]; *касатки тонут в небе* [АБ.П: 57]; *в космах белых тонет ель* [АБ.П: 205]; *дом тонет в полосах тумана* [АБ.П: 112]; *кровли в мареве тонули* [ВИ.П: 395]; *в них тонет и луна, и береза, и огород* [ВИ.П: 37]; *в синеватосером свете тонет марево равнин* [МК: 127]; *дворы тонули в тумане* [БП.П: 19]; *как невод, тонет небосвод* [БП.П: 146]; *я потонул в толпе* [БП.Пр: 86]; *город тонул в тумане* [ИС.Пр: 295]; *зал потонул в черноте* [ИС.Пр: 54].

Дождь. О чем-л. падающем, сыплющемся в большом количестве. *Дожди летящих метеоров* [АБ.П: 98, 278]; *падал дождь соломин* [БП.П: 20].

Ливень. Большое количество чего-н. *Над ливнем лет* [АБ.П: 458]; *ливни, хлещущие на страницах его книг* [АА: 348]; *огненные ливни* [ИС.П: 64].

Град. Поток чего-н.; множество, обилие чего-н. *После града телеграмм* [АА: 354]; *под градом пуль* [ВИ.П: 264]; *посылался град вопросов и замечаний* [ВИ.Пр: 80].

Таять. Становиться незаметным, постепенно исчезать. *Она прошла, меж алых сосен тая* [ЗГ: 238]; *пар небес растаял* [ЗГ: 158]; *золотые огни растекаются и тают* [ВИ.П: 48]; *краски таяли* [ИС.П: 135]; *вечерняя звезда растаяла ко дню* [ИС.П: 94].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Океан. Обширное пространство чего-л., занятое, заполненное кем-л., чем-л. *Колышется океан колосьев* [ВИ.П: 245].

Озеро. Большое количество, обилие чего-л. *Озера грусти* [ЗГ: 253]; *озеро печали* [МЦ: 162].

Пруд. Что-л. цвета прудовой воды, синевато-серое. *Пруд очей моих отверст прямо в небеса* [МК: 43].

Река. 1. Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. *Река земного бытия* [ЗГ: 215]; *река наших дней* [МЦ: 141]. 2. Что-л. напоминающее своим видом реку. *Млечный Путь – застывшая река* [ЗГ: 233].

Ручей. Что-л. в большом количестве. *Песен ручей* [АБ.П: 31]; *ручьи моих псалмов* [АБ.П: 104].

Водопад. 1. Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. *Веков струевой водопад* [АБ.П: 35]. 2. Что-л. в большом количестве. *Водопады од* [МЦ: 225]. 3. Что-л. напоминающее своим видом водопад. *Водопады занавеса* [МЦ: 137].

Волна. 1. Внезапно появляющиеся громкие звуки, издаваемые кем-л., чем-л. *Волна звуков* [АБ.Пр: 111]; *к веселой волне звуков* [ЗГ: 388]; *волна звуков* [ЗГ: 544]; *с волнами дальней музыки* [ЗГ: 545]; *волны песни* [ЗГ: 549]; *прошла волна овации по залу* [ВИ.П: 436]. 2. Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. *Времени волна* [АБ.П: 69]; *к волне дней* [БП.П: 39]. 3. Что-л. имеющее волнистые очертания, напоминающее своим видом волны. *Волны гривы* [АА: 27]; *волны кудрей* [АБ.Пр: 38].

Прибой. 1. Громкие звуки, издаваемые кем-л., чем-л., напоминающие шум прибоя. *Под гул артиллерийского прибоя* [ВИ.П: 264]; *прибой платформ* [БП.П: 92]. 2. Нарастание, усиление чего-л., сильное проявление какого-л. чувства. *Ласк бурный прибой* [МЦ: 243].

Всплеск. 1. Изменение звучания, производимого кем-л., чем-л., напоминающее всплески воды. *Всплески жесткой беседы* [АА: 305]. 2. Периодически усиливающееся проявление чего-л. *Всплеск огня* [ЗГ: 202]. 3. Периодическое проявление какого-л. чувства, состояния и т. п. *Среди всплесков тоски* [АБ.П: 26, 38]. 4. Усиление какого-л. качества, свойства (насыщенности цвета и т. п.). *Глаз бирюзовый всплеск* [АБ.П: 189].

Плеск. 1. Звуки, производимые кем-л., напоминающие плеск воды. *Плеск ладоней* [БП.П: 131]; *плеск пощечины* [ИС.Пр: 417]. 2. Продолжительность ч.-л., последовательная смена событий. *Над плеском века* [МЦ: 140].

Пена. Что-л. легкое, воздушное, напоминающее своим видом пену; цвета пены. *В снежной пене звезд* [АБ.П: 250]; *пена звезд* [АБ.П: 314]; *пена платья* [ИС.П: 208].

Пучина. О чем-л. малопонятном, трудном для восприятия. *В пучинах речи* [ИС.Пр: 194].

Разбрызгать. Расположить что-л. в разных местах, направлениях. *Коридор разбрызгал толпы наглых гимназеров* [ИС.П: 20]; *снаряды разбрызгивали камни* [ИС.Пр: 236].

Капать. Проявляться понемногу. *Мысли капают* [ЗГ: 194]; *капая солнцем, закартавила труба, заливая уши медью* [ИС.П: 278].

Лить. Что-л., напоминающее своим видом льющуюся воду. *Листья льет лоза* [АБ.П: 189]; *береза льет волну кудрей* [АБ.П: 322].

Залить. 1. Заполнить собой, покрыть что-л. в значительной степени. *Лицо заливали глаза* [АБ.Пр: 150]. 2. Закрыть собой, сделать незаметным что-л. другое. *Не зальет потоками лет* [АБ.П: 53].

Разлить. То же, что *залить* (оказ.) в 1 знач. *Разлило солнце по земле* [БП.П: 150].

Литься. Медленно протекать, длиться (о времени). *По капелькам льется апрель* [АА: 291].

Пролиться. 1. Проникнуть куда-л. (о воздухе, свете, запахе). *Свет прольется* [ЗГ: 79]. 2. Раздаться, стать слышным. *Прольется звук* [ВИ.П: 452]. 3. Появиться во множестве. *Сад прольется потоком листьев* [ВИ.П: 294]. 4. Проявиться каким-л. образом, обнаружиться. *Прольемся в небе зарею* [ЗГ: 132]; *душа в чужое тело пролилась* [ЗГ: 149].

Разлиться. 1. Проявиться в большой мере (о чувстве, состоянии). *Гордость разлилась по сердцу* [МК: 277]; *немыслимо разлиться моей тоске* [ИС.П: 228]. 2. То же, что *излиться* в 1 знач. *Я разливался в словах* [АБ.Пр: 418].

Разлив. 1. Состояние подъема, воодушевления. *На разливе души* [БП.П: 85]. 2. Появление чего-л. в большом количестве. *Разливы лиственные* [МЦ: 121].

Струя. 1. Плавные, размеренные звуки, издаваемые чем-л., кем-л. *Благодатных слов струи живые* [МК: 215]; *рояльная струя* [ИС.П: 209]. 2. Слабое проявление чего-л. (о чувстве, переживании, состоянии). *Холодная струя пробиралась в сердце* [ЗГ: 290]; *струя страданья* [БП.П: 141]; *струя тоски* [ИС.П: 162]. 3. Что-л. напоминающее своим видом струи воды. *Пурпурные струи облак* [АБ.П: 82]; *платья шелковые струи* [МЦ: 59].

Струиться. 1. Производить плавные, размеренные звуки. *Речь струится* [АА: 25]; *плач струился* [АА: 84]; *струится пенья па-*

нихидное [АА: 163]; *струится* поток доказательств [АА: 186]. 2. Медленно проходить, длиться (о времени). *Струилась* тихо день [БП.Пр: 4]. 3. Быть похожим своим видом на струящуюся воду; плавно ниспадать. *Струлилась* завитки кудрей [АБ.П: 67]. 4. Медленно, плавно двигаться. *По сцене заструилась* Муся [ИС.Пр: 441].

Течь. 1. Распространяться в одном направлении, потоком (о воздухе, свете, запахе и т. п.). *Текла* лазурь [АБ.П: 58]; *свет фонаря течет* [ВИ.П: 141]; *текла* струя ромашки [ИС.П: 142]. 2. Проходить спокойно, размеренно. *Жизнь медленно текла* [МК: 74, 276]; *жизнь текла без изменений* [МК: 163]; *жизнь текла, исполненная смысла* [ВИ.П: 473]. 3. Быть насыщенного голубого цвета. *Из глаз ее текла* голубизна [ИС.П: 213].

Течение. Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. *Течение* годов [АА: 232]; *течение* быстрое годин [АБ.П: 295].

Поток. То же, что *течение*. *Не зальет потоками* лет [АБ.П: 53]; *поток* столетий [АБ.П: 57]; *поток* времен [ЗГ: 177]; *быстро-бегающий* времени *поток* [ВИ.П: 432]; *поток* событий [ВИ.Пр: 357].

Ток. 1. То же, что *течение*. *Жизни ток* [АБ.П: 391]. 2. То же, что *поток* (узвал.) в 2 знач. *Ток* стрижей [АБ.Пр: 46]; *ток* тумана [БП.Пр: 148].

Купаться. Становиться влажным, насыщенным влагой. *Ветер пошел купаться* в залив [ИС.П: 50].

Плыть. 1. Размеренно звучать. *Плыла* музыка [БП.Пр: 164]. 2. Находиться в приподнятом состоянии, воодушевлении. *Любовь, ты надо мной плыла* [БП.П: 20].

Вплыть. 1. Появиться, стать видимым, слышимым. *Концертный инструмент* *вплывает* [ИС.Пр: 169]; *вплыл* ее голос [БП.Пр: 133]. 2. Войти в какое-л. состояние. *Вплывает* в бездну сновидений душа [ВИ.П: 55].

Выплыть. То же, что *вплыть* в 1 знач. *Орудия, выплывшие* из тумана [ИС.П: 239].

Проплывать. Идти, проходить (о времени, состоянии). *Лениво проплывает* день [МК: 110].

Тонуть. Исчезать, становиться неясным, смутным. *Воспоминания* *тонули* [БП.Пр: 10].

Дождь. 1. То же, что *море* в 1 знач. *Дождь* лепестков [ВИ.П: 402]; *дождь* ландышей [БП.П: 86]. 2. Что-л. непрерывно появляющееся в большом количестве. *Непрекращающийся дождь* его стихов [АА: 351]; *дождь* симфоний [АБ.П: 278]; *косые дожди* единицы [ВИ.Пр: 80].

Таять. 1. Становиться все меньше. *Толпа стала таять* [ИС.П: 94]. 2. Исчезать, проходить (о чувстве, состоянии). *Тоска истает* [МК: 33]; *чувство таяло в душе* [МЦ: 62]. 3. Постепенно проходить, заканчиваться. *Тает ночь* [БП.П: 153]; *таяли запасы шпал* [БП.П: 179].

Наибольшая частотность присуща метафорам **волна, море, поток, струя, течь, литься, струиться, плыть, тонуть**; метафоры **океан, дождь, лить, влиться, пролиться, разлиться, таять, хлынуть** используются в меньшей степени, остальные – редко.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Динамика:

1) движение: ‘движущаяся масса’ (*снежная волна*); ‘сменяющий один другого в движении’ (*в волнах ковыли*); ‘непрерывно движущийся друг за другом’ (*поток беженцев; ток стрижей; текут облака; нахлынули орды; толпа хлынула за ним*); ‘движущийся в одном направлении’ (*струится дым; текла лазурь; по небу луна плыла*); ‘распространяющийся, движущийся в разных направлениях’ (*снаряды разбрызгивали камни*);

2) развитие: ‘размеренно проходящий, спокойно развивающийся’ (*жизнь текла; протекала жизнь*).

2. Проявления объекта:

1) обнаружение: ‘испускающий, распространяющий’ (*сиянье месяца льет; ландыши запахом льют*); ‘внезапно появляющийся’ (*солнце брызнуло лучами; всплеск огня*); ‘появляющийся, становящийся видимым’ (*инструмент вливает; орудия, выплывшие из тумана*); ‘становящийся незаметным, исчезающий из виду’ (*перепел ныряет в овес; ласточки в эфире тонут; краски таяли; звезда растаяла*); ‘становящийся неясным, смутным; исчезающий’ (*воспоминания тоннули; чувство таяло в душе; тоска истает*); ‘проникающий куда-л.’ (*ветер вливался в окно; поток лучей; струи солнца; свет лился; свет прольется*); ‘проявляющийся по отношению к кому-л.’ (*излившееся на него горе; душа в чужое тело пролилась*);

2) интенсивность: ‘сильно проявляющийся’ (*волна радости; ласк бурный прибой; гордость разлилась по сердцу*); ‘периодически усиливающийся’ (*приливы отчаяния; всплески тоски*); ‘слабо проявляющийся’ (*струя страдания; мысли каплют*); ‘прекращающийся, заканчивающийся’ (*тает ночь*).

3. Количество:

1) множество: ‘обильный, в большом количестве’ (*море слез; океан лжи, равнодушия; озеро печали; ливень лет; разливы листовенные; дождь лепестков*); ‘непрерывно появляющийся в большом

количестве' (*поток слов; ручей песен; водопады од; дождь стихов; град замечаний; излиться в словах; разлиться в словах*); 'падающий в большом количестве' (*дожди метеоров*).

2) малое количество: 'маленький, в небольшом количестве' (*капля солнца*); 'уменьшающийся в количестве' (*таяли запасы шпала*);

3) совокупность: 'присоединяющийся к составу кого-л., чего-л.' (*граждане потоком вливаются в него*).

4. Звук:

1) темп: 'медленный, плавный' (*поток речи; льется разговор; прольется звук; плыла музыка; речь струится; мелодии текут*).

2) ритм: 'равномерный, ритмичный' (*плеск ладоней*).

3) сила звука: 'громкий' (*волна звуков; гул артиллерийского приboя*).

5. Время:

1) последовательность: 'продолжительный, сменяющий один другого' (*водопад веков; река дней; плеск веков; поток времен; течение годов*);

2) длительность: 'долгий, медленно длящийся' (*проплывает день; по капелькам льется апрель; струился день*);

6. Мера (размер): 'обширный, больших размеров' (*в зеленом море вершин; колышется океан колосьев*); 'заполняющий собой' (*все заливал мрак; разлито солнце по земле; дым разлился; растекался закат; наплывали сумерки*).

7. Форма (очертания): 'волнистый, похожий на поток воды' (*водопады занавеса; волны гривы; река платья; струи облак; струились завитки кудрей*).

8. Цвет (оттенок): 'сине-зеленой гаммы' (*пруд очей; глаз бирюзовый всплеск; из глаз стекла лазурь*).

9. Состояние (вид): 'воодушевленный, приподнятый' (*на разливе души*); 'удовлетворенный, довольный' (*я купался в ее интонациях*).

10. Корреляция (расположение): 'расположенные в разных местах' (*брызги огней*).

В содержание метафорического концепта «Вода» входят следующие репрезентанты и ассоциаты, определяющие его структуру (см. табл. 3.3):

1. Семантический уровень:

1) узуально-метафорический подуровень: *море, океан, волна, брызги, брызнуть, капля, пучина, прилив, лить, залить, литься, влиться, излиться, струя, струиться, течь, протекать, растекаться, поток, хлынуть, купаться, нырять, плыть, тонуть, дождь, ливень, град, таять*;

2) окказионально-метафорический подуровень: *океан, озеро, пруд, река, ручей, водопад, волна, прибой, всплеск, плеск, пена, пучина, дождь, разбрызгать, капать, лить, залить, разлить, литься, пролиться, разлиться, разлив, струя, струиться, течь, течение, поток, ток, купаться, плыть, вплыть, выплыть, проплывать, тонуть, таять.*

Таблица 3.3.

Структура метафорического концепта «Вода»

Квалификатор	Ассоциаты	Репрезентанты	%
Ядерная зона			
<u>Динамика:</u> движение	‘движущаяся масса’; ‘сменяющий один другого в движении’; ‘непрерывно движущийся друг за другом’; ‘движущийся в одном направлении’; ‘распространяющийся, движущийся в разных направлениях’	<i>волна, поток, ток, течь, плыть, струиться, хлынуть, нахлынуть, разбрызгать</i>	25%
<u>Проявления объекта:</u> обнаружение	‘внезапно появляющийся’ ‘появляющийся, становящийся видимым’; ‘становящийся незаметным, исчезающий из виду’; ‘становящийся неясным, смутным; исчезающий’; ‘проникающий куда-л.’; ‘испускающий, распространяющий’; ‘проявляющийся по отношению к к.-л.’	<i>всплеск, поток, струя, лить, литься, влиться, излиться, пролиться, брызнуть, нырять, тонуть, таять, вплыть, выплыть</i>	14%
<u>Количество:</u> множество	‘обильный, в большом количестве’; ‘непрерывно появляющийся в большом количестве’; ‘падающий в большом количестве’	<i>море, океан, озеро, поток, водопад, разлив, ручей, ливень, дождь, град, излиться, разлиться</i>	14%

Приядерная зона			
<u>Проявления</u> <u>объекта:</u> интенсивность	‘сильно проявляющийся’; ‘периодически усиливающийся’; слабо проявляющийся’; ‘прекращающийся, заканчивающийся’	<i>волна, всплеск, прибой, прилив, струя, разлиться, капать, таять</i>	9%
<u>Время:</u> длительн-ть; последов-ть	‘долгий, медленно длящийся’; ‘продолжительный, сменяющий один другого’	<i>водопад, поток, река, плеск, течение, течь, литься, струиться, проплывать</i>	9%
<u>Мера:</u> размер	‘обширный, больших размеров’; ‘заполняющий собой’	<i>море, океан, заливать, разлиться, растекаться, наплывать</i>	8%
<u>Звук:</u> темп	‘медленный, плавный’	<i>поток, литься, пролиться, струиться, течь, плыть</i>	8%
Периферийная зона			
<u>Форма:</u> очертания	‘волнистый, похожий на поток воды’	<i>водопад, волна, река, струя, струиться</i>	3%
<u>Звук:</u> ритм; сила зв.	‘равномерный, ритмичный’; ‘громкий’	<i>волна, плеск, прибой</i>	3%
<u>Динамика:</u> развитие	‘размерно проходящий, спокойно развивающийся’	<i>протекать, течь</i>	2%
<u>Количество:</u> мал. кол-во; совокупн-ть	‘небольшое количество’ ‘количественно уменьшающийся’; ‘присоединяющийся к к.-л., ч.-л.’	<i>капля, таять, влиться</i>	2%
<u>Цвет</u>	‘сине-зеленой гаммы’	<i>всплеск, пруд, течь</i>	1%
<u>Состояние</u>	‘воодушевленный, приподнятый’; ‘удовлетворенный, довольный’	<i>разлив, купаться</i>	1%
<u>Корреляция</u>	‘расположенные в разных местах’	<i>брызги</i>	1%

2. Когнитивный (ассоциативно-метафорический) уровень:

‘внезапно появляющийся’; ‘появляющийся, становящийся видимым’; ‘становящийся незаметным, исчезающий из виду’; ‘становящийся неясным, смутным; исчезающий’; ‘проникающий куда-л.’; ‘проявляющийся по отношению к кому-л.’; ‘сильно проявляющийся’; ‘периодически усиливающийся’; ‘слабо проявляющийся’; ‘испускающий, распространяющий’; ‘прекращающийся, заканчивающийся’; ‘обильный, в большом количестве’; ‘непрерывный, появляющийся в большом количестве’; ‘маленький, в небольшом количестве’; ‘уменьшающийся в количестве’; ‘присоединяющийся к составу кого-л., чего-л.’; ‘обширный, больших размеров’; ‘заполняющий собой’; ‘движущаяся масса’; ‘сменяющий один другого в движении’; ‘непрерывно движущийся друг за другом’; ‘движущийся в одном направлении’; ‘распространяющийся, движущийся в разных направлениях’; ‘падающий, сыплющийся в большом количестве’; ‘воодушевленный, приподнятый’; ‘удовлетворенный, довольный’; ‘медленный, плавный, размеренный’; ‘равномерный, ритмичный’; ‘громкий’; ‘расположенные в разных местах’; ‘волнистый, похожий на поток воды’; ‘сине-зеленой гаммы’; ‘продолжительный, сменяющий один другого’; ‘долгий, медленно длящийся’; ‘единный, относящийся к одному периоду’.

Структуру метафорического концепта «**Вода**» образуют, как видим, ассоциаты, относящиеся к таким основным квалификаторам: «динамика», «проявления объекта», «количество», «звук», «время», «мера», «форма».

Таким образом, в базовых концептах ядерной зоны метафорической концептосферы русской поэзии и прозы первой половины XX в. «**Голос**», «**Птица**» и «**Вода**» сконцентрированы ключевые понятия о движении и развитии мира, единстве и общении человека с живой и неживой природой, духовной и творческой эволюции личности. В образно-художественном мировосприятии русских поэтов-прозаиков данного периода доминируют ассоциаты, квалифицируемые как «проявления объекта», «звук», «динамика».

3.2.2. Приядерная зона метафорической концептосферы

Приядерную зону метафорической концептосферы русской поэзии и прозы первой половины XX в. образуют групповые концепты, характерные для метафорики двух и более поэтов-прозаиков, – «**Тело**», «**Дыхание**», «**Сон**», «**Плач**», «**Характер**», «**Пение**», «**Металл**», «**Огонь**», «**Ткань**».

3.2.2.1. Метафорический концепт «Тело»

В стихотворных и прозаических произведениях А. Белого, А. Ахматовой, Б. Пастернака и В. Инбер эксплицируется метафорический концепт «Тело», в котором заключено авторское представление об окружающем мире как об организме человека в его внешних физических формах.

Данный метафорический концепт вербализуется в метафорах *тело, туловище, торс, грудь, брюхо; голова, лицо (лик), глаза (очи), ресницы, зрачки, лоб (чело), губы, кадык, мочки; руки, палец (перст); бедро.*

Содержание метафорического концепта «Тело»:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Лик. Внешний вид, облик (солнца, луны, земли); внешние очертания, видимая поверхность чего-л. *Вижу лунный лик* [АА: 102]; *помертвелою месяца лик* [АА: 200].

Лицо. То, что составляет характерные, отличительные особенности, сущность чего-л.; индивидуальный облик кого-л., чего-л. *Лицо грозы* [БП.П: 32]; *собор, менявшийся в лице* [БП.Пр: 97].

2. Окказионально-метафорический подуровень

(оказиональные метафорические значения):

Тело. Что-л. большое, выпуклой формы, с округлыми очертаниями. *Тело вспаханных равнин* [АА: 107]; *томится пречистое тело земли* [АА: 200]; *сосен розовое тело в закатный час обнажено* [АА: 256]; *ставшее отныне и до века – телом земли* [АБ.П: 427]; *тела аэроплатов* [ВИ.П: 495].

Туловище. То же, что *тело*. *По туловищу флейты* [ВИ.П: 433]; *к туловищу башни* [ВИ.Пр: 91].

Торс. То же, что *тело*. *Торсы локомотивов* [БП.Пр: 10].

Грудь. То же, что *тело*. *Груды утесов* [АБ.П: 26, 38]; *падешь в крови на груди* [АБ.П: 121].

Брюхо. Средняя выступающая часть чего-л. округлой формы. *Брюхо мостов* [АА: 238].

Голова. Верхняя часть чего-л. округлой формы (верхушки растений и т. п.). *Склонялись головы берез* [ВИ.П: 302]; *головы цветов* [БП.Пр: 213].

Глаз (глаза). Что-л. излучающее свет, просвет где-л. *Глазочками поморгают лампадки* [АБ.П: 355]; *солнца огненный глаз* [ВИ.П: 338]; *в больших глазах берез* [БП.П: 177].

Очи. То же, что *глаза*. *Жестокие, желтые очи безумных кабаков твоих* [АБ.П: 147, 157].

Ресницы. Что-л. колеблющееся, напоминающее моргание. *Мигали ресницами свечи* [БП.Пр: 137].

Зрачки. Что-л. в виде точки внутри чего-л. округлой формы. *Зрачки виноградин* [БП.П: 115].

Лоб. Передняя верхняя выступающая часть чего-л. *Лоб улицы был смугл* [БП.П: 40].

Чело. То же, что *лоб*. *С горного чела* [ВИ.П: 375].

Губы. Что-л. выпуклой и удлинённой формы. *Персидского залива обметанные губы* [ВИ.П: 512].

Кадык. Неровная поверхность с небольшими, резко очерченными выступами. *Выкатив кадык, чернеет грунт* [БП.П: 32].

Мочки. Что-л. небольшое, выпуклой формы, с округлыми очертаниями. *В лиловых мочках яра* [БП.П: 35].

Рука (руки). Вытянутая в сторону (разные стороны) часть чего-л. (о ветвях растений и т. п.). *Елей искаленные руки* [АА: 214]; *мельница руки безумные вскинула* [АБ.П: 285]; *пальцы пальмовой руки* [ВИ.П: 153]; *цветущие руки ветвей* [ВИ.П: 225]; *протянули ветви руки* [ВИ.П: 236].

Палец. Отдельная часть чего-л. небольших размеров вытянутой формы; совокупность таких частей. *Пальцы пальмовой руки* [ВИ.П: 153].

Перст. То же, что *палец*. *Ледяной перст мороза* [ВИ.П: 480].

Бедро. Средняя выступающая часть чего-л. *Бедро башни* [ВИ.Пр: 95].

Наибольшей частотностью обладают метафоры *тело, глаза, руки*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Форма (очертания): 'округло-выпуклый, вытянутый, большой' (*тела азростатов; туловище башни; торсы локомотивов*); 'округлый, небольшой, выделяющийся на фоне ч.-л.' (*солнца огненный глаз*); 'круглый маленький' (*зрачки виноградин; в лиловых мочках яра*); 'удлинённый, выпуклый' (*залива обметанные губы*); 'напоминающий своим видом очертания лица' (*лунный лик*); 'округлый, находящийся сверху ч.-л.' (*головы берез*); 'находящийся в передней верхней части чего-л., выступающий' (*лоб улицы; с горного чела*); 'находящийся в средней части чего-л., выступающий' (*бедро башни*); 'неровный, с выступами' (*кадык грунта*); 'длинный, присоединённый к ч.-л.' (*мельница руки вскинула*); 'короткий, присоединённый к ч.-л.' (*пальцы пальмовой руки; ледяной перст мороза*).

2. Проявления объекта (обнаружение): 'индивидуальный, специфический' (*лицо грозы*).

3. Динамика (движение): 'колеблющийся' (*мигали ресницами свечи*).

Специфика структуры метафорического концепта «Тело» состоит в том, что практически все ассоциаты квалифицируются как «форма» (95 %) и образуют ядро данного концепта. Его приядерная зона не вычленена, а в периферию входят ассоциаты, относящиеся к квалификаторам «проявления объекта» и «динамика» (5 %).

3.2.2.2. Метафорический концепт «Дыхание»

Для поэзии и прозы З. Гиппиус, А. Белого, И. Сельвинского, Б. Пастернака характерен метафорический концепт «Дыхание», выражающий обычно ассоциативное представление о слабом проявлении чего-либо.

Содержание данного метафорического концепта:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень
(узуальные метафорические значения):

Дыхание. Проявление чего-л., веяние, дуновение. *От полевого дыханья* [АБ.Пр: 54]; *дыханье зацветших миндалей* [ЗГ: 169]; *дыханье роз* [БП.П: 145]; *дыханье мяты* [БП.П: 145]; *клубится дыханье помой* [БП.П: 187]; *в дыханьи ветра* [ЗГ: 51]; *дыхание холода* [БП.Пр: 155]; *дыханием тепла* [ИС.П: 122]; *дыхание огня* [ЗГ: 141]; *дыханьем вечера* [АБ.П: 302]; *дыханье стонущей воды* [ЗГ: 357]; *дыханье моря* [ЗГ: 389]; *дыхание волны* [ИС.П: 97]; *в дыханиии вод* [ИС.Пр: 192]; *дыханье океана* [ИС.Пр: 326]; *море дышит, его дышанием наполнен Крым* [ИС.Пр: 436].

Дышать. 1. Веять, обдавать чем-л.; испускать что-л. *Дышит ветерок* [АБ.П: 187, 193; АБ.Пр: 216]; *задышит ветерок* [АБ.П: 177]; *сумерки дышали холодком* [АБ.П: 47]; *дышат тучи грозой* [БП.П: 92]; *озеро дышит теплым туманом* [ЗГ: 109]; *море дышит, его дышанием наполнен Крым* [ИС.Пр: 436]; *море задышало в лицо* [ИС.Пр: 491]; *дышит ночь* [БП.П: 184]; *дышит тихая весна* [ЗГ: 119]; *сопка, чуть дыша, пузырит грязь* [ИС.П: 92]; *цветы шелестят, шевелятся, дышат* [ЗГ: 57]; *цветы дышали* [БП.Пр: 65]; *апрель дышал цветами* [ИС.Пр: 151]; *едко дышит тленье* [ЗГ: 142]; *дышит печь* [АБ.П: 118]; *дышал по чашкам чай* [БП.Пр: 56]; *стал дышать броненосец* [БП.П: 193]; *поезда дышали* [ИС.Пр: 487].
2. Быть проникнутым чем-л., выражать что-л. *Встреча дышит тай-*

ной [ЗГ: 57]; **дышит** скукой ее ответ [ЗГ: 108]; **дышит** скукой наш уголок [ЗГ: 252]; **никогда мои слова не дышали** таким откровенным признанием [ЗГ: 475]; **в поэзии дышит** наивность [ИС.П: 164]; **дышат** комнаты привольем [БП.П: 141]; **предметы дышут** странной жизнью [ИС.П: 19]; **розы радостью дышат** [ЗГ: 239].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Дыхание. 1. Тихое равномерное звучание чего-л., напоминающее дыхание (шум волн и т. п.). *Слышно **дыханье** рек* [ЗГ: 152]; *от музыкального **дыханья*** [ИС.П: 126]; ***дыханье** музыки* [ИС.П: 214]. 2. Слабые колебательные движения чего-л., напоминающие дыхание. *Лодки колебались от **дыханья** волн* [ЗГ: 389].

Дышать. 1. Издавать тихие равномерные звуки, напоминающие дыхание. ***Дышит** гром* [БП.П: 92]; *рояль тихо **дышал*** [ИС.П: 125]. 2. Ритмично двигаться под действием чего-л., пружинить; чуть шевелиться. ***Дышит** почва под ногами* [БП.П: 109]; *огонь под золою **дышал*** [ЗГ: 80].

Вдох. Периодическое веяние, дуновение. ***Вдох** ветров* [АБ.П: 417].

Вздыхать. 1. Периодически веять, обдавать чем-л. (о воздухе, запахе). ***Вздыхающий** лес* [АБ.П: 14]; *комнаты **вздыхали** облегченно* [БП.Пр: 10]. 2. Испытывать чувство умиротворения, покоя. *Душа **вздыхала*** [ИС.П: 29].

Наибольшей частотностью обладают метафоры **дыхание, дышать.**

П. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Динамика:

1) движение: ‘едва колеблющийся’ (*лодки колебались от **дыханья** волн*); ‘чуть пружинящий’ (***дышит** почва под ногами*);

2) перемещение: ‘легко веющий, обдающий’ (***дыханье** ветра; **вдох** ветров; **здышит** ветерок*).

2. Проявления объекта:

1) обнаружение: ‘издающий едва ощутимый запах’ (***дыханье** роз; цветы **дышали**; **вздыхающий** лес*); ‘испускающий пар’ (***дышал** по чашкам чай*);

2) реализация: ‘проникнутый ч.-л.’ (*встреча **дышит** тайной*); ‘выражающий ч.-л.’ (*слова **дышат** признанием*).

3. Звук (сила звука): ‘тихий, едва слышный’ (***дыханье** музыки; рояль **дышал***).

Структура метафорического концепта «Дыхание»:

– ядерная зона включает ассоциаты с такими квалификаторами:

«динамика (перемещение)» – 44 %; «проявления объекта (обнаружение)» – 28 %;

– в приядерную зону входят ассоциаты с квалификатором «проявления объекта (реализация)» – 15 %;

– периферию составляют ассоциаты с квалификаторами: «звук (сила звука)» – 8 %; «динамика (движение)» – 5 %.

3.2.2.3. Метафорический концепт «Сон»

Для поэзии и прозы З. Гиппиус, А. Белого, М. Кузмина, Б. Пастернака и И. Сельвинского характерен метафорический концепт «Сон», который содержит общее авторское представление о мире, пребывающем в состоянии недолговечного покоя.

Данный метафорический концепт объективируется в метафорах *сон, сонный, полусонный, сонливый, бессонный, спать, просыпаться, дремать, пробудиться, будить*.

Содержание метафорического концепта «Сон»:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Сон. 1. Состояние полного покоя и тишины в природе (обычно ночью), а также зимнее оцепенение природы. *Сон трав* [АБ.П: 72]; *ни сова, ни дятел лес не будят ото сна* [БП.П: 151]; *сон земли* [БП.П: 174]; *океанский сон* [ИС.Пр: 295]. 2. Состояние полной бездеятельности кого-л., чего-л. *Сон жизни* [АБ.Пр: 75].

Сонный. 1. Находящийся в состоянии полного покоя, неподвижный. *Сонный шиповник* [АБ.П: 69]; *сонный хмель* [АБ.П: 71]; *сонный куст* [АБ.П: 274]; *травы шепчутся сонные* [ЗГ: 109]; *сонные качались травы* [МК: 141]; *в деревьях сонных* [ИС.П: 220]; *сонный лес* [АБ.П: 261; АБ.Пр: 123]; *сонный сад* [БП.П: 18]; *в глубь сонного парка* [ЗГ: 61]; *сонная природа* [АБ.Пр: 96; БП.Пр: 73]; *лучей отраженья лежат на сонных облаках* [ЗГ: 60]; *в воздухе сонном* [МК: 40]; *на берегу сонного пруда* [ЗГ: 508]; *в сонную воду* [ИС.Пр: 313]; *сонной дорогой* [БП.Пр: 54]; *меж сонных кораблей* [ИС.Пр: 244]; *сонные ложки* [БП.Пр: 18]. 2. Бездеятельный, пассивный. *Будит душу сонную* [ЗГ: 140]; *в сонной душе* [ИС.Пр: 295; БП.Пр: 124].

Спать. Не проявлять себя (о чувствах, уме и т. п.). *Спит дерзновенье* [ЗГ: 87]; *спит душа моя* [ЗГ: 97].

Дремать. Не проявляться, быть, оставаться без применения, без употребления, в бездействии. *Дремлет медленная воля* [МК: 90].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Сонный. 1. Слабо проявляющийся, неинтенсивный (о свете и т. п.). *Солнечные лучи, сонные и радостные* [ЗГ: 401]; *солнце тускло, сонно смотрит из-за розовых завес* [МК: 35]. 2. Невыразительный, неяркий. *Сонному стиху* [БП.П: 88]; *сонная роспись стен* [БП.Пр: 69].

Полусонный. Почти неподвижный. *Полусонные стрелки часов* [БП.П: 171].

Сонливый. Находящийся в состоянии полного покоя, неподвижный. *Сонливые тени глуше* [МК: 124].

Бессонный. 1. Испускающий сильный запах. *Бессонный запах матиол* [БП.П: 101]. 2. Издающий непрерывные звуки. *Ручейки бессонные* [БП.П: 126].

Спать. 1. Быть в состоянии покоя, неподвижности. *Спит река* [АБ.П: 226]; *спящая река* [ЗГ: 379]; *дремала лениво, лениво спала голубая вода* [ЗГ: 87]; *спит сад* [АБ.Пр: 153]; *спит стеной ковыль* [ЗГ: 148]; *дубы спали крепко* [ЗГ: 315]; *спит строй сосновых высот* [БП.П: 36]; *спит сосновый лес* [ИС.П: 9]. 2. Не издавать каких-л. звуков. *В объятьях арфы флейта спит* [МК: 144]; *спит последняя песня* [МК: 228].

Уснуть. Не проявлять себя (о чувствах, уме и т. п.). *Память уснет* [АБ.П: 88]; *усни, мое сердце, усни* [АБ.П: 164].

Проснуться. Начать распускаться, цвести (о растениях). *Лепестки не хотели просыпаться* [ЗГ: 315]; *дух проснувшейся травы* [МК: 65].

Дремать. 1. Находиться в состоянии покоя, иногда нарушаемого чем-л. *Дремала лениво, лениво спала голубая вода* [ЗГ: 87]; *задремывает блеклая вода* [ИС.Пр: 172]; *лодки дремлют над водой* [МК: 126]; *лес тихо дремлет* [МК: 132]; *травы дремали* [МК: 143]; *подосиновик дремал* [ИС.П: 61, 62, 63]; *дремлют скифские курганы* [ИС.П: 150]; *дремлет площадь* [БП.П: 184]; *небо дремлет* [БП.П: 197]. 2. Медленно проходить, длиться (о времени). *Ночь дремала* [МК: 136].

Пробудиться. То же, что *проснуться*. *Пробудились злые цветы* [ЗГ: 57].

Будить. 1. Быть предвестником оживания природы, начала цветения. *Ни сова, ни дятел лес не будят ото сна* [БП.П: 151]. 2. Способствовать проявлению чего-л. (о чувствах и т. п.). *Будит душу сонную* [ЗГ: 140].

Наибольшей частотностью обладает метафора *сонный*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Динамика:

1) движение: 'неподвижный' (*сон трав; сонный сад; сонливые тени; спит река*); 'почти неподвижный' (*лес дремлет*);

2) развитие: 'бездеятельный, неактивный' (*сон жизни*); 'начинающий расти, цвести' (*проснувшиеся травы; пробудились цветы*).

2. Проявления объекта:

1) обнаружение: 'не проявляющийся' (*в сонной душе; спит дерзновенье; дремлет воля; память уснет*);

2) интенсивность: 'сильно проявляющийся, интенсивный, насыщенный' (*бессонный запах матиол*); 'слабый, неинтенсивный' (*сонные лучи*);

3) реализация: 'нев्यразительный' (*сонный стих*).

3. Звук:

1) сила звука: 'беззвучный' (*флейта спит*);

2) темп: 'быстро, непрерывно звучащий' (*ручейки бессонные*).

4. Время (длительность): 'долго длящийся' (*ночь дремала*).

Структура метафорического концепта «Сон»:

– ядерную зону образуют ассоциаты с квалификатором «динамика (движение; неподвижность)» – 70 %;

– приядерную зону составляют ассоциаты с квалификатором «проявления объекта (обнаружение)» – 14 %;

– в периферию данного концепта входят ассоциаты с квалификаторами: «динамика (развитие)» и «проявления объекта (интенсивность)» – по 4 %; «проявления объекта (реализация)» и «звук (сила звука)» – по 3 %; «звук (темп)» и «время (длительность)» – по 1 %.

3.2.2.4. Метафорический концепт «Плач»

В поэзии и прозе З. Гиппиус и А. Белого устойчиво эксплицируется метафорический концепт «Плач», который содержит соответствующие зрительные и звуковые представления.

Данный метафорический концепт вербализуется в метафорах *плакать, плакаться, расплакаться, плаксивый, рыдать, рыдание, всхлипывать, слезы, слезливый*.

В содержание метафорического концепта «Плач» входят следующие репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Плакать. Издавать протяжные, тоскливые звуки. *Плакал сычо-*

нок [АБ.Пр: 315]; **плачет** нежный коростель [ЗГ: 126]; где-то **плачет** коростель [ЗГ: 126]; **плачет** клавиш [АБ.П: 170; АБ.Пр: 147]; **плачущий** рожок [АБ.П: 216]; **плачет** колесо [АБ.Пр: 318].

1. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Плакать. 1. Испытывать какие-л. чувства, переживать о чем-л. **Плачет** от счастья сердце мое [ЗГ: 75]; душа обманутая **плачет** [ЗГ: 108]; сердце **плачет** [ЗГ: 145]; сердце засмеется и **заплачет** [ЗГ: 206]. 2. Быть похожим на текущие слезы (о свете). Ночь слезами звездными **проплачет** [АБ.П: 318]; закатный отсвет **плачет** на иконе [ЗГ: 266]. 3. Ронять капли воды. **Плачет** сирень от утренних рос [ЗГ: 53].

Плакаться. Издавать протяжные, тоскливые звуки. **Поезд плачется** [АБ.П: 158, 162].

Расплакаться. То же, что **плакаться**. **Расплачется** пурга [АБ.П: 212].

Плаксивый. Издающий протяжные, тоскливые звуки. **Плаксивые** чайки [АБ.П: 148, 151].

Рыдать. 1. Издавать громкие протяжные, тоскливые звуки. **Рыдающая** гамма звуков [АБ.П: 110]; **рыдал** рояль [АБ.П: 92, 221]; **рыдает** сонатина [АБ.П: 246]; поток **рыдает** пеной [АБ.П: 373]; **рыдает** черно-желтая вода [ЗГ: 266]. 2. То же, что **плакать** (оказ.) во 2 знач. Ночь слезами звездными **рыдать** не устанет [АБ.П: 203]; **рыдал** закатный свет [ЗГ: 266].

Рыдание. Сильные переживания. **От рыданий** сердца [АБ.Пр: 69].

Всхлипывать. Издавать прерывистые жалобные звуки. **Тихонько всхлипнет** кустик [АБ.П: 21]; **всхлипнули** бубенцы [АБ.П: 106].

Слеза. 1. Что-л. напоминающее своим видом слезы. **Ночь слезами** звездными **проплачет** [АБ.П: 318]; **тяжелые слезы** свечей [ЗГ: 90]. 2. То же, что **рыдание**. **Слезы** тихие души [ЗГ: 233].

Слезливый. Насыщенный влагой. **В слезливом** ветре [АБ.П: 371]; **слезливы** небеса [ЗГ: 124].

Наибольшая частотность присуща метафорам **плакать**, **рыдать**.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Звук:

1) сила звука: 'громкий, отрывистый' (**рыдал** рояль; **всхлипнули** бубенцы);

2) темп: 'протяжно звучащий' (**плачет** коростель; **поезд плачется**; **расплачется** пурга; **плаксивые** чайки).

2. Проявления объекта (интенсивность): ‘сильно проявляющийся’ (*сердце плачет; от рыданий сердца*); ‘слабо проявляющийся’ (*слезы тихие души*).

3. Форма (очертания): ‘похожий на текущие слезы’ (*ночь слезами звездными проплачет; рыдал закатный свет*).

Структура метафорического концепта «Плач»:

– ядерную зону образуют ассоциаты, которые квалифицируются как «звук (сила звука; темп)» – 62 %;

– приядерную зону составляют ассоциаты с квалификаторами: «проявления объекта (интенсивность)» – 20 %; «форма (очертания)» – 18 % (ассоциаты, относящиеся к периферии, не выявлены).

3.2.2.5. Метафорический концепт «Характер»

В стихах и прозе З. Гиппиус, А. Белого и А. Ахматовой обнаруживается метафорический концепт «Характер», содержащий авторские представления о многообразии проявлений окружающего мира (характер человека является мерилем всего сущего).

Этот метафорический концепт эксплицируется в метафорах *ласковый, злой, безрассудный, смелый, несмелый, трусливый, робкий, кроткий, покорный, стыдливый, жадный, жестокий, ленивый, лукавый, упрямый*.

Содержание метафорического концепта «Характер»:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Ласковый. Доставляющий приятное ощущение; нежащий, ласкающий. *Ласковый вечер* [АБ.П: 275]; *ласковое море* [ЗГ: 390]; *падал ласковый снег* [ЗГ: 413]; *солнце такое ласковое* [ЗГ: 517]; *сумерки были особенно ласковые* [ЗГ: 306].

Злой. Причиняющий сильную неприятность, боль, жжение и т. п.; сильный, крайний по степени своего проявления. *Солнце злое* [АБ.П: 86; АБ.Пр: 238]; *дождик злой* [АБ.П: 155, 167]; *ночью злой* [АБ.П: 159, 160, 166]; *злая тьма* [АБ.П: 431]; *злой воздух* [АБ.Пр: 82]; *злой огонь* [АБ.Пр: 187]; *пробудились злые цветы* [ЗГ: 57]; *злая жизнь* [ЗГ: 65]; *злые дни* [ЗГ: 168]; *злая память* [АА: 235]; *избы смотрят злым глазком* [АБ.П: 161]; *злые стрелки* [АБ.П: 159, 165].

Робкий. Проявляющийся не в полную силу, слабо или редко. *Месяц бросил робкий свет* [ЗГ: 300]; *лаской полны робкой весны лучи* [ЗГ: 152]; *пламя робкое* [ЗГ: 82]; *атлас скрипит под робкою иглою* [ЗГ: 94]; *радость ее была робкая* [ЗГ: 438].

Жадный. Очень сильный, требующий немедленного удовлетворения. *Мысли – жадные и злые* [ЗГ: 94]; *сердце мое жадное* [ЗГ: 109]; *жадного сердца живая любовь* [ЗГ: 123].

Жестокий. Очень сильный, превосходящий обычные размеры, степень. *Всходило жестокое светило* [ЗГ: 164].

Ленивый. Медленно движущийся, медленный. *Ветерок ленивый* [АБ.П: 279, 293]; *пруд лениво серебрится* [АА: 35]; *качается лениво овес* [АБ.П: 9, 13]; *время плетется лениво* [АБ.П: 22]; *лениво лязгающий плуг* [АБ.П: 294].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Безрассудный. Сильно проявляющийся, насыщенный (о воздухе, запахе, цвете и т. п.). *Ветер безрассудный* [АА: 91].

Смелый. То же, что *безрассудный*. *Аромат цветов души и смел* [ЗГ: 57]; *краски вокруг становились смелее* [ЗГ: 116].

Несмелый. Слабо проявляющийся (о чувствах, переживаниях, состоянии и т. п.). *Сердце девичье, несмелое* [ЗГ: 120].

Трусливый. То же, что *несмелый*. *У меня трусливое сердце* [ЗГ: 285].

Робкий. Слабо проявляющийся; едва заметный. *Робкие звезды* [АБ.П: 240]; *блеснула в сумерках робкая звезда* [ЗГ: 249]; *робкая хата виднелась вдали* [АБ.Пр: 21, 47]; *пробивались робкие цветы* [ЗГ: 307, 508].

Кроткий. То же, что *несмелый*. *Кроткая душа ее возмутилась* [ЗГ: 406].

Покорный. То же, что *несмелый*. *Живо ли сердце покорное?* [ЗГ: 71]; *душа покорная* [ЗГ: 74].

Стыдливый. 1. Проявляющийся не в полную силу, слабо. *Закат теплится стыдливо* [АБ.П: 279]. 2. То же, что *робкий*. *Меж ветвями стыдливых мимоз* [ЗГ: 249].

Жадный. Очень сильный, проявляющий свои свойства в полной мере. *На распутьях костер ярко-жадный* [ЗГ: 134].

Жестокий. Создающий большие трудности, крайне суровый. *Прими, тайга жестокая, меня* [ЗГ: 168].

Ленивый. Делаящий что-л. медленно. *Лениво каркнула ворона* [АБ.П: 205].

Лукавый. Изогнутый, дугообразный (напоминающий своим видом губы, растянутые в улыбке). *Месяц лукавый* [АА: 272].

Упрямый. Проявляющий постоянство в чем-л.; упорно стремящийся к чему-л. *Идет дождь упрямый* [ЗГ: 110]; *душа упрямая устала* [ЗГ: 150].

Чаще всего встречаются метафоры *злой, ласковый, ленивый, робкий*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Оценочность:

1) позитивная оценка: 'доставляющий приятные ощущения' (*ласковый снег*);

2) негативная оценка: 'доставляющий неприятные ощущения' (*дождик злой; всходило жестокое светило*).

2. Проявления объекта:

1) активность: 'бездеятельный, пассивный' (*кроткая душа; покорная душа; сердце несмелое; трусливое сердце*);

2) интенсивность: 'проявляющийся в полную силу' (*костер ярко-жадный*); 'очень сильно проявляющийся' (*ветер безрассудный*); 'слабо проявляющийся' (*робкий свет; закат теплится стыдливо*); 'постоянный, непрекращающийся' (*дождь упрямый*); 'очень яркий, насыщенный' (*краски становились смелее*);

3) обнаружение: 'слабо проявляющийся, едва заметный' (*робкие звезды; стыдливые мимозы*);

4) реализация: 'требующий немедленного удовлетворения' (*сердце жадное*).

3. Динамика (перемещение): 'медленно перемещающийся' (*ветерок ленивый*).

Структура метафорического концепта «Характер»:

– ядерную зону образуют ассоциаты с квалификаторами: «оценочность (негативная оценка)» – 36 %; «проявления объекта (интенсивность)» – 25 %;

– в приядерную зону входят ассоциаты, квалифицируемые как: «проявления объекта (обнаружение)» – 14 %; «динамика (перемещение)» – 11 %;

– периферию концепта составляют ассоциаты с квалификаторами «оценочность (позитивная оценка)» и «проявления объекта (активность)» – по 5 %; «проявления объекта (реализация)» – 4 %.

3.2.2.6. Метафорический концепт «Пение»

В поэзии и прозе А. Белого, А. Ахматовой, М. Кузмина, В. Инбер и И. Сельвинского выявлен метафорический концепт «Пение», который ассоциативно связан с представлением о разных проявлениях внешнего (окружающего) и внутреннего (духовного) мира.

Данный метафорический концепт эксплицируется в метафорах *петь, пение, песня, напев, мелодия, гамма, хор*.

Содержание метафорического концепта «**Пение**» образуют репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень
(узуальные метафорические значения):

Гамма. Последовательная смена каких-л. явлений, событий.
Дипломатическая гамма [ВИ.П: 328]; *гамма времен* [ВИ.Пр: 414].

2. Оказионально-метафорический подуровень
(оказиональные метафорические значения):

Петь. 1. Издавать приятные мелодичные звуки (о журчании воды, звучании инструментов и т. п.). *Поет вода* [АБ.Пр: 117]; *запели воды* [АБ.П: 371]; *поют водопады* [ВИ.П: 503]; *пело раненое море* [МК: 141]; *пела легкая вода* [ИС.П: 9]; *не пой по горам, вода* [ИС.П: 293]; *поют дожди* [ВИ.П: 73]; *поет, поет бубенец нижегородский* [АА: 102]; *голосом серебряным волынка поет о вечере разлук* [АА: 156]; *поет клавиш* [АБ.П: 170, 172]; *пропел рожок* [АБ.П: 153, 163, 164]; *поют тромбоны* [МК: 133]; *скрипки пели* [МК: 389]; *запела труба* [ИС.Пр: 145]; *рельсы, под речитатив колес, запели* [ВИ.П: 141]; *запели ткацкие станки* [ВИ.П: 116]; *ночь поет* [АА: 161]; *запел вечерний сумрак* [АА: 168]; *запела тишина* [АА: 228]; *стали петь леса* [ИС.П: 95]; *заря петухами пропела* [ИС.П: 148]; *мои собакевичи чинно запели* [ИС.Пр: 268]; *звери пели* [ИС.Пр: 268]; *собаки уже не пели* [ИС.Пр: 288]. 2. Быть проникнутым чувством радости, ликования. *Поет воспоминанье* [МК: 125].

Пение. Приятные мелодичные звуки чего-л. *Под пенье вьюги* [ВИ.П: 408].

Песня. 1. О состоянии взволнованности, радости и т. п. *Песня любви* [АА: 54; МК: 112]; *песня последней встречи* [АА: 32; МК: 316]; *песня нашей разлуки* [АА: 113]; *песня прошлых бед* [МК: 42]. 2. То же, что **пение**. *Песня небосклона* [АБ.П: 201]; *песня метели* [АБ.Пр: 112].

Напев. То же, что **пение**. *В волнах воздушного напева* [АБ.П: 215]; *напевы ветра* [МК: 115]; *напевы метели* [МК: 142]; *под напевы звучных арф* [МК: 49].

Мелодия. То же, что **пение**. *Мелодия воды* [ВИ.Пр: 265].

Хор. 1. Гармоничное звучание чего-л., совокупность звуков. *Хор цикад зазвенел из сада* [АА: 237]; *разлетелся птичий хор* [ВИ.П: 141]; *в ражем хоре моржового рыка* [ИС.Пр: 196]; *собачий хор усиливался* [ИС.Пр: 268]; *зениток отчетливый хор* [ВИ.П: 266]. 2. Совокупность, множество чего-л. *Хор газетных голосов* [ВИ.П: 327]; *далекие хоры созвездий* [АБ.П: 388].

Наибольшей частотностью обладают метафоры *петь, пение, хор*.

П. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Звук (ритм): 'ритмичный, мелодичный' (*поют водопады; пенье вьюги; напевы метели; песня небосклона; мелодия воды*); 'гармонично звучащий' (*птичий хор*).

2. Проявления объекта (интенсивность): 'сильно проявляющийся' (*поет воспоминанье; песня любви*).

3. Динамика (развитие): 'сменяющий один другого' (*гамма времен*).

4. Количество (множество): 'большое количество чего-л.' (*хор газетных голосов*).

Структура метафорического концепта «**Пение**»:

– ядерную зону составляют ассоциаты с квалификатором «звук (ритм)» – 78 %;

– в приядерную зону входят ассоциаты с квалификатором «проявления объекта (интенсивность)» – 14 %;

– периферию концепта образуют ассоциаты, квалифицируемые как «динамика (развитие)» и «количество (множество)» – по 4 %.

3.2.2.7. Метафорический концепт «Огонь»

В стихотворных и прозаических произведениях Б. Пастернака, А. Белого, В. Инбер, И. Сельвинского обнаруживается метафорический концепт «**Огонь**», который ассоциируется, как правило, с сильным или слабым проявлением чего-либо, напоминающим разные стадии процесса горения. Он эксплицируется в метафорах *огонь, огненный, пламя, пламенный, воспламенить, пожар, пожарище, горение, гореть, пылать, жар, обжечь; теплиться, вспыхивать; дым, дымиться; гаснуть, тухнуть; пепел*, но наибольшая частотность присуща метафорам *огонь, пламя, дым* (см. 1.7).

3.2.2.8. Метафорический концепт «Металл»

В поэзии и прозе А. Белого и В. Инбер выявлен общий метафорический концепт «**Металл**», который содержит представления о таких свойствах, как цвет, блеск, яркость. Он объективируется в метафорах *золото (злато), серебро, серебряный, свинец, свинцовый, металл*.

Содержание данного метафорического концепта составляют следующие репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Серебряный. Седой. *Серебряные волосы* [АБ.П: 279].

Свинцовый. Синевато-серый, темный; цвета свинца. *Свинцовая ночь* [АБ.П: 140, 145]; *свинцовые воды* [АБ.П: 118]; *свинцовые тучи* [АБ.П: 151]; *из мглы свинцовой* [АБ.П: 159]; *из туч свинцовых* [АБ.П: 213]; *тяжелый взор свинцовый* [АБ.П: 252].

2. Окказионально-метафорический подуровень

(оказиональные метафорические значения):

Золото (злато). Что-л. напоминающее своим видом золото; блестяще-желтого цвета. *Воздушное нальется злато* [АБ.П: 97, 244]; *закатное злато* [АБ.П: 104]; *в полдневном золоте* [АБ.П: 335]; *золото листвы* [АБ.Пр: 331]; *золото заката* [ВИ.П: 132]; *золото кос* [ВИ.П: 144]; *черное золото сосен* [ВИ.П: 171]; *пушистое золото – хлопок* [ВИ.П: 226]; *по золоту листвы* [ВИ.П: 248]; *золото листьев* [ВИ.Пр: 233]; *на табачном золоте долины* [ВИ.П: 423]; *после мирного золота пашен* [ВИ.П: 460]; *золото кос* [ВИ.Пр: 422]; *солнечное золотце* [ВИ.П: 175].

Серебро. Что-л. напоминающее своим видом серебро; цвета серебра. *В снежном серебре* [АБ.П: 178]; *млечных путей серебро* [АБ.П: 400]; *ночных видений серебро* [ВИ.П: 101]; *в лунном серебре* [ВИ.П: 357]; *серебро воды* [ВИ.П: 481; ВИ.Пр : 213].

Серебряный. Напоминающий своим видом серебро; цвета серебра. *Во серебряных росах* [АБ.П: 127, 128]; *из серебряной лужи* [АБ.П: 144]; *серебряная зима* [АБ.П: 205].

Свинец. Что-л. напоминающее своим видом свинец; цвета свинца. *Свинец облаков* [АБ.П: 147, 157].

Металл. Что-л. напоминающее своим видом металл; цвета металла; серый с металлическим отливом. *В озера литой металл* [АБ.П: 228].

Наиболее частотными являются метафоры *золото (злато), серебро, свинцовый*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

Цвет (оттенок): ‘блестяще-желтый’ (*золото листвы*); ‘блестяще-серый’ (*в снежном серебре; во серебряных росах*); ‘темно-серый, с металлическим отливом’ (*озера металл; свинец облаков; свинцовые воды*).

Особенность структуры метафорического концепта «Металл» заключается в том, что на базе исследуемого материала выявлено только его ядро – цветовые ассоциаты.

3.2.2.9. Метафорический концепт «Ткань»

В стихотворениях и прозе А. Белого, В. Инбер, Б. Пастернака проявляется общий метафорический концепт «Ткань», содержащий представления о таких свойствах, как форма, размер, консистенция и т. п. Он эксплицируется в метафорах *атлас, бархат, вуаль, кисея, кружево, лента, полотнище, сукно, ткань; атласный, бархатный, кружевной*.

Содержание метафорического концепта образуют такие репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Атласный. Мягкий, нежный. *Атласные пряди* [АБ.П: 52].

Кружево. Что-л. узорчатое, сетчатое, напоминающее своим видом кружево. *Пурговым кружевом* [АБ.П: 234]; *вечер кружева выюги плетет* [АБ.П: 280]; *разорванное кружево деревьев* [БП.П: 35]; *кружево листвы* [БП.Прж: 116].

Кружевной. Узорчатый, сетчатый, похожий на кружево. *С пеной кружевной* [АБ.П: 206].

Лента. То, что тянется, простирается узкой длинной полосой. *Узкая лента зари* [АБ.П: 22]; *лента шоссе* [АБ.П: 116].

Ткань. Основа, содержание чего-л.; то, из чего состоит, складывается что-л. *Сюжетная ткань* [ВИ.П: 446]; *музыкальная ткань спектакля* [ВИ.Пр: 459]; *ткань прошлого* [ВИ.Пр: 485].

2. Оказионально-метафорический подуровень

(оказиональные метафорические значения):

Атлас. 1. Что-л. гладкое, мягкое. *Травные атласы* [АБ.П: 187].

2. Что-л. с ровной поверхностью, блестящее. *Туч атласы* [АБ.П: 319].

Бархат. 1. Что-л. приятное по внешнему виду. *Бархат глаз* [БП.П: 135]. 2. Что-л. мягкое, приятное на ощупь. *Над бархатами борозд* [АБ.П: 294]; *бархат земли* [ВИ.П: 164; ВИ.Пр: 136]. 3. Что-л. плотное, густое, насыщенное (о воздухе и т. п.). *Бархат эфира* [АБ.П: 30]; *бархат тьмы* [АБ.П: 304]. 4. Состояние удовольствия, удовлетворения (о чувствах). *В темном бархате чувств* [АБ.Пр: 149]. 5. О чем-л. хорошем, достойном внимания, уважения. *Черный бархат его таланта* [БП.Пр: 114]; *нежный бархат поэзии* [ИС.П: 128].

Бархатный. 1. Приятный по внешнему виду. *Взор бархатных очей* [АБ.Пр: 30]. 2. Мягкий, приятный на ощупь. *На черной бар-*

хатной земле [ВИ.Пр: 263]. 3. Плотный, густой, насыщенный (о воздухе и т. п.). *В темнотах бархатных* [АБ.П: 203].

Вуаль. То, что покрывает, окутывает что-л. (о тумане и т. п.). *Под дымной вуалью* [АБ.П: 104, 118]; *в вуалях темноты* [АБ.П: 295]; *вуали темноты* [БП.П: 123].

Ткань. 1. Что-л. большое, цельное, напоминающее своим видом ткань. *Средь трепещущей солнечной ткани* [АБ.П: 26, 38]; *из солнечной ткани* [АБ.П: 39, 65]; *по черной ткани коридора* [ВИ.Пр: 106]. 2. О волнении, переживаниях. *Трепетная ткань сердца моего* [ВИ.Пр: 83].

Кисея. Что-л. сетчатое, напоминающее кисею. *Прозрачная стальная кисея* [ВИ.П: 481].

Полотнище. То же, что *ткань* во 1 знач. *Полотнища зданий* [БП.П: 29].

Сукно. Что-л. плотное, с шероховатой поверхностью. *Сукно сугробов* [БП.П: 97].

Самой большой частотностью характеризуются метафоры *бархат, вуаль, кружево, ткань*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Консистенция:

1) плотность: 'густой, насыщенный' (*туч атласы; бархат эфира; в темнотах бархатных*); 'плотный, шероховатый' (*сукно сугробов*);

2) прозрачность: 'легкий, полупрозрачный' (*вуаль дымки*);

3) твердость: 'мягкий' (*атласные пряжи; травяные атласы; бархат земли; на бархатной земле*).

2. Форма:

1) очертания: 'длинный' (*лента зари*);

2) структура: 'сетчатый' (*пурговое кружево; пена кружевная; стальная кисея*).

3. Мера (размер): 'заполняющий большое пространство' (*из солнечной ткани*); 'большой, огромный' (*полотнища зданий*).

4. Проявления объекта (реализация): 'основной, целостный' (*сюжетная ткань*).

5. Оценочность (позитивная оценка): 'очень хороший, достойный' (*бархат таланта*); 'приятный на вид' (*бархатные очи*).

Структура метафорического концепта «Ткань»:

– ядерную зону образуют ассоциаты с квалификатором «консистенция (плотность; прозрачность; твердость)» – 48 %;

– приядерную зону составляют ассоциаты с квалификаторами: «форма (очертания; структура)» – 22 %; «мера (размер)» – 18 %;

– в периферию данного концепта входят ассоциаты с квалификаторами «проявления объекта (реализация)» и «оценочность (позитивная оценка)» – по 6 %.

Таким образом, приядерная зона метафорической концептосферы русской поэзии и прозы первой половины XX в. включает ассоциативные представления о различных проявлениях реалий, которые содержат метафорические концепты «Дыхание», «Сон», «Плач», «Характер», «Пение», «Огонь» (практически у всех исследуемых поэтов-прозаиков), а также о динамике – «Дыхание», «Сон» (З. Гиппиус, А. Белый, Б. Пастернак, И. Сельвинский), форме – «Тело», «Ткань» (А. Белый, Б. Пастернак, В. Инбер), звуковых проявлениях мира – «Плач», «Пение» (свойственно большей части писателей), цвете – «Металл», «Огонь», мере проявления свойств реалий – «Огонь», «Ткань», консистенции – «Ткань» (А. Белый, Б. Пастернак, В. Инбер), оценке объектов окружающего мира – «Характер» (З. Гиппиус, А. Белый, А. Ахматова).

3.2.3. Периферия метафорической концептосферы

Периферию метафорической концептосферы русской поэзии и прозы первой половины XX в. составляют индивидуальные метафорические концепты «Жизнь», «Взгляд», «Желание», «Усталость», «Свет» (З. Гиппиус), «Самоцвет» (А. Белый), «Танец» (А. Ахматова), «Болезнь», «Одежда» (Б. Пастернак).

1. Для произведений **З. Гиппиус** характерны индивидуальные метафорические концепты «Жизнь», «Взгляд», «Желание», «Усталость», «Свет».

Метафорический концепт «Жизнь» объективируется в метафорах *живой, жить, погибнуть, родиться, умереть*.

В содержание концепта входят репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узualmente метафорические значения):

Жить. Быть, находиться, иметься. *Душа жила* [ЗГ: 18]; *душа не живет обманом* [ЗГ: 109]; *душа живет в оковах слов* [ЗГ: 144].

Родиться. Появиться, возникнуть. *Бессмертие рожденных слов* [ЗГ: 64]; *слова, рожденные страданьем* [ЗГ: 175].

Погибнуть. Пройти бесплодно, безрезультатно; пропасть, исчезнуть. *В душе погибшей* [ЗГ: 82].

Умереть. Исчезнуть, прекратиться; бесследно пропасть. *Месяц склоняется – и умирает* [ЗГ: 54]; *на бледном небе умирает день*

[ЗГ: 56]; *нет безвинно умерших, невоскресших слов* [ЗГ: 75]; *любовь умирала* [ЗГ: 80]; *душа моя умерла* [ЗГ: 149].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Живой. Существующий, имеющийся. *Душа жива* [ЗГ: 173].

Умереть. Утратить свои характерные признаки (о цвете, звучании и т. п.). *Умирающее небо* [ЗГ: 465]; *небо умирало* [ЗГ: 465]; *вода немая умерла* [ЗГ: 62]; *умер звук* [ЗГ: 103].

Чаще всего встречаются метафоры *жить, умирать*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Проявления объекта:

1) обнаружение: 'проявляющийся, имеющийся' (*душа жива*); 'не проявляющийся, отсутствующий; исчезнувший' (*в душе погибшей; душа умерла*); 'исчезающий из виду, становящийся невидимым' (*месяц умирает*);

2) реализация: 'выражающий что-л.' (*рожденные слова; живут слова; умершие слова*).

2. Цвет (тон): 'утративший яркость, потемневший' (*умирающее небо*).

3. Динамика (движение): 'ставший неподвижным' (*вода умерла*).

Структура метафорического концепта «Жизнь» организована таким образом: 1) ядерную зону образуют ассоциаты с квалификатором «проявления объекта (обнаружение)» – 59 %; 2) приядерную зону составляют ассоциаты с квалификатором «проявления объекта (реализация)» – 25 %; 3) в периферию данного концепта входят ассоциаты с квалификаторами «цвет (тон)» и «динамика (движение)» – по 8 %.

Метафорический концепт «Взгляд» эксплицируется в метафорах *взгляд, взор, глядеть, смотреть*.

Содержание концепта составляют такие репрезентанты и ассоциаты, как:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень (узуальные метафорические значения не выявлены).

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Глядеть. 1. Быть видимым, виднеться, выглядывать. *Осень пустыни очами глядит меж стволами* [ЗГ: 61]; *глянул из-за угла месяца* [ЗГ: 103]; *месяц глядит на меня* [ЗГ: 151, 152]; *деревья глядели на него* [ЗГ: 524]. 2. Приближаться (о скором наступлении чего-л.), наступить. *Глядит холодная весна* [ЗГ: 68].

Смотреть. 1. То же, что *глядеть* в 1 знач. *Смотрело солнце зло* [ЗГ: 212]; *солнце смотрит с высоты* [ЗГ: 233]; *смотрит заря утомленная* [ЗГ: 251]; *смотрит солнце на поля* [ЗГ: 511]. 2. То же, что *глядеть* во 2 знач. *Мне в очи смотрит ночь* [ЗГ: 69].

Взгляд. Направленность в какую-л. сторону, куда-л. *Лучистый солнца взгляд* [ЗГ: 102].

Взор. То же, что *взгляд*. *Взор луны холодит мои волосы* [ЗГ: 253].

Наиболее частотными являются метафоры *глядеть, смотреть*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Проявления объекта (обнаружение): ‘появляющийся, становящийся видимым’ (*месяц глядит на меня; смотрит солнце; взгляд солнца; взор луны*).

2. Время (последовательность): ‘приближающийся, наступающий’ (*глядит весна; смотрит ночь*).

Структура метафорического концепта «Взгляд»: 1) ядерная зона: ассоциаты с квалификатором «проявления объекта (обнаружение)» – 85 %; 2) приядерная зона: ассоциаты с квалификатором «время (последовательность)» – 15 % (ассоциаты, образующие периферийную зону, не обнаружены).

Метафорический концепт «Желание» эксплицируется в метафорах *желанье, ждать, мечтать, просить, хотеть*.

Содержание данного метафорического концепта:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень (узуальные метафорические значения не выявлены).

2. Окказионально-метафорический подуровень
(оказиональные метафорические значения):

Желанье. Внутреннее стремление к чему-л., переживание о чем-л. *Желанье сердца* [ЗГ: 239].

Ждать. Внутренне стремиться к чему-л.; думать, переживать о чем-л. *Заветных сроков ждет душа* [ЗГ: 143].

Мечтать. То же, что *ждать*. *Душа мечтает о снеговом огне* [ЗГ: 144].

Просить. То же, что *ждать*. *Запросит сердце тайны* [ЗГ: 186]; *сердце хочет и просит чуда* [ЗГ: 50].

Хотеть. То же, что *ждать*. *Сердце хочет и просит чуда* [ЗГ: 50]; *душа хотела, чтобы запылали зори* [ЗГ: 188]; *не сердце хочет слез твоих* [ЗГ: 266].

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Проявления объекта (интенсивность): ‘внутренне стремящийся

к чему-л.' (*желанье сердца; душа мечтает о любви*); 'имеющий большую потребность' (*ждет душа; душа хочет и просит чуда*).

Специфика индивидуального метафорического концепта «**Желание**» состоит в том, что он не структурируется, так как все ассоциаты квалифицируются одинаково, как «проявления объекта (интенсивность)».

Метафорический концепт «**Усталость**» эксплицируется в метафорах *устать, усталый, утомленный*.

Содержание данного концепта:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Усталый. Истомленный какими-л. переживаниями, тревогами и т. п. *Душа усталая* [ЗГ: 102, 389].

Устать. Почувствовать душевное утомление от однообразных действий, повторяющихся впечатлений и т. д. *Душа моя устала* [ЗГ: 52]; *душа упрямая устала* [ЗГ: 150].

2. Окказионально-метафорический подуровень

(оказиональные метафорические значения):

Усталый. Утративший свою новизну, свежесть, увядший. *Устальный, талый, старый лед* [ЗГ: 150]; *цветы мои усталые* [ЗГ: 285].

Утомленный. 1. Уставший от каких-л. волнений, переживаний и т. п. *В утомленной, бессильной душе* [ЗГ: 336]. 2. Временно утративший свои характерные признаки, свойства, действия. *Утомленная луна закатилась* [ЗГ: 126].

Наиболее частотной является метафора **усталый**.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Состояние (вид): 'утративший душевные силы' (*душа усталая; душа устала; утомленная душа*); 'утративший свежесть, увядший' (*цветы усталые*); 'утративший свои характерные признаки' (*утомленная луна*).

Метафорический концепт «**Усталость**» также не структурируется: все ассоциаты квалифицируются как «состояние (вид)».

Метафорический концепт «**Свет**» объективируется в метафорах *луч, мгла, ответ, тень, тьма*.

Содержание данного метафорического концепта:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Луч. Быстрое, неожиданное проявление, проблеск чего-л. *В лучах любви* [ЗГ: 91]; *в лучах страданья* [ЗГ: 132].

Тень. Малейший признак, малейшая доля чего-л.; слабое подобие чего-л., намек на что-л. *Отсветы мыслей, тени слов* [ЗГ: 125]; *тени мыслей* [ЗГ: 450]; *в тени влюбленности* [ЗГ: 132]; *тени любви* [ЗГ: 467].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Отсвет. Слабое проявление чего-л. (о чувствах, мыслях и т. п.). *Отсветы мыслей, тени слов* [ЗГ: 125]; *отсветы жизни* [ЗГ: 313].

Мгла. Безотрадность, безнадежность; неотвратимость чего-л. *Смерти мгла* [ЗГ: 82].

Тьма. О чем-л. непонятном, неизвестном. *Тьма души* [ЗГ: 75].

Чаще всего встречается метафора *тьма*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Проявления объекта:

1) интенсивность: ‘слабо проявляющийся’ (*в тени влюбленности; отсветы мыслей*);

2) обнаружение: ‘неожиданно проявляющийся’ (*в лучах любви*).

2. Оценочность (негативная оценка): ‘неприятный, плохой’ (*смерти мгла; тьма души*).

Структура метафорического концепта «Свет»: 1) ядерную зону образуют ассоциаты с квалификатором «проявления объекта (интенсивность)» – 60 %; 2) периферную зону составляют ассоциаты с квалификаторами «проявления объекта (обнаружение)» и «оценочность (позитивная оценка)» – по 20 % (ассоциаты, относящиеся к периферии, не выявлены).

2. В творчестве **А. Белого** эксплицируется индивидуальный метафорический концепт «Самоцвет», который представлен метафорами *алмаз, алмазный, бирюза, бриллиант, жемчуг, коралл, рубин, хрусталь, хрустальный, янтарь, янтарный*.

Данный концепт включает в свое содержание следующие репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень
(узуальные метафорические значения):

Хрустальный. Чистый, прозрачный, сверкающий. *Хрустальные градины* [АБ.П: 237].

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Алмаз. О чем-л. блестящем, сверкающем. *Алмазы слез* [АБ.П: 198]; *звезд размечанный алмаз* [АБ.П: 295]; *сверчки, звезды алмаз* [АБ.П: 316]; *алмазом звезд* [АБ.П: 316].

Алмазный. Блестящий, сверкающий. *Рой алмазных, блестящих стрекоз* [АБ.П.: 204].

Бирюза. Что-л. голубого цвета. *Неба бирюза* [АБ.П.: 189]; *в бирюзу взоров* [АБ.П.: 249].

Бриллиант. То же, что *алмаз*. *Росы бриллиант* [АБ.Пр.: 157].

Жемчуг. Что-л. мелкое, округлой формы. *В жемчугах росы* [АБ.Пр.: 128].

Коралл. Что-л. цвета коралла. *Месяца коралл* [АБ.П.: 50, 228].

Рубин. Что-л. цвета рубина. *Рубин звезд* [АБ.П.: 160, 165].

Хрусталь. Что-л. прозрачное, сверкающее. *Подвески ледяных хрусталей* [АБ.П.: 205].

Янтарь. Что-л. золотисто-желтого цвета. *Фонарь колеблет свой янтарь* [АБ.П.: 173]; *закатный янтарь* [АБ.П.: 243, 357]; *отблеск золотистый закатных янтарей* [АБ.П.: 300]; *по закатным янтарям* [АБ.П.: 237].

Янтарный. Золотисто-желтый, прозрачно-желтый. *Янтарные огонечки* [АБ.Пр.: 354].

Самой большой частотностью характеризуются метафоры *алмаз*, *янтарь*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Цвет:

1) оттенок: 'сине-зеленой гаммы' (*неба бирюза*); 'красно-желтой гаммы' (*месяца коралл*; *закатный янтарь*; *янтарные огонечки*; *рубин звезд*);

2) тон: 'светлый, яркий, блестящий' (*алмаз звезды*; *алмазные стрекозы*; *бриллиант росы*).

2. Консистенция (прозрачность): 'прозрачный, чистый' (*ледяные хрустали*; *хрустальные градины*).

3. Форма (очертания): 'круглый, маленький' (*жемчуга росы*).

Структура метафорического концепта «**Самоцвет**»: 1) ядерную зону образуют цветовые ассоциаты – 88 %; 2) в периферию данного концепта входят ассоциаты с квалификаторами «консистенция» – 7 % и «форма» – 5 % (приядерная зона не вычленена).

3. Стихам и прозе **А. Ахматовой** присущ индивидуальный метафорический концепт «**Танец**», который объективируется в метафорах *бал*, *танец*, *хоровод*.

Содержание данного концепта образуют репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень (узуальные метафорические значения не выявлены).

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Бал. Движение множества чего-л. под действием воздушной струи. *Бал метелей* [АА: 315]; *на балу листопада* [АА: 321].

Танец. То же, что *бал*. *Первыми в танец вступают березы* [АА: 211]; *танец выюги* [АА: 243].

Хоровод. 1. Что-л. движущееся вереницей, друг за другом. *Белых ноченек хоровод* [АА: 32]; *хоровод теней* [АА: 234]. 2. Что-л. расположенное друг за другом по кругу. *Хоровод берез* [АА: 117]; *застывший навек хоровод кипарисов* [АА: 176].

Наибольшей частотностью обладает метафора *хоровод*.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Динамика (движение): 'хаотично движущийся' (*бал метелей*; *танец выюги*); 'движущийся вереницей' (*хоровод теней*).

2. Корреляция (расположение): 'расположенный по кругу' (*хоровод берез*).

Структура метафорического концепта «**Танец**»: 1) ядро составляют ассоциаты с квалификатором «динамика (движение)» – 75 %; 2) приядерную зону образуют ассоциаты с квалификатором «корреляция (расположение)» – 25 % (периферия не вычленена).

4. В творчестве **Б. Пастернака** выявлены такие индивидуальные метафорические концепты, как «Болезнь» и «Одежда».

Метафорический концепт «**Болезнь**» эксплицируется в метафорах *агония, больной, горячечный, кровоподтек, нарыв, отек, порез, царапина, слепнуть, слепой, столбняк, струп, судорога, тошнить, худосочье, шелушиться, шрам*.

Содержание данного метафорического концепта образуют следующие репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень (узуальные метафорические значения не выявлены).

2. Окказионально-метафорический подуровень
(окказиональные метафорические значения):

Агония. О состоянии полного увядания (о растениях). *Агония рябины* [БП.П: 93].

Больной. Утративший свои характерные признаки, свойства. *Больные березы* [БП.П: 177]; *снег болен малокровьем* [БП.П: 126].

Горячечный. Сильно проявляющийся. *В горячечном гаме рубанков* [БП.П: 28].

Кровоподтек. Полосы синевато-красного цвета. *В кровоподтеках заря* [БП.П: 156]; *в кровоподтеках небес* [БП.П: 179].

Нарыв. Неровность поверхности. *Нарыв мостовых расковырен* [БП.П: 23].

Отек. То же, что *нарыв*. *Отеки путей запеклись* [БП.П: 35].

Порез. Полосы, просветы на чем-л., где-л. *Нет счета небесным порезам* [БП.П: 156].

Царапина. То же, что *порез*. *В белых царапинах огоньков* [БП.Пр: 107].

Слепнуть. Становиться едва видимым, утрачивать четкость очертаний. *Рельсы слепли* [БП.П: 175].

Слепой. Неотчетливый, размытый, едва видимый. *Слепые зарницы* [БП.П: 101].

Столбняк. О состоянии неподвижности. *Деревья в столбняке* [БП.П: 149]; *столбняк лощин* [БП.П: 36].

Струп (струнья). Что-л. небольших размеров, являющееся частью чего-л. *Струнья снега* [БП.П: 34]; *струнья расстрелянных гильз* [БП.П: 190].

Судорога. Резкие, отрывистые движения чего-л. *Судорога крана* [БП.Пр: 18]; *форточки сводило судорогой* [БП.Пр: 19].

Тошнить. Находиться длительное время в одном и том же состоянии. *Сады тошнит от верст затишья* [БП.П: 36].

Худосочье. Что-л. тонкое, прозрачное. *Сосулек худосочье* [БП.П: 126].

Шелушиться. Утрачивать, лишаться чего-л. (листвы и т. п.). *Лес шелушится* [БП.П: 36].

Шрам. Что-л. выпуклой, продолговатой формы. *Старый шрам туч* [БП.П: 26].

Чаще всего метафоры, репрезентирующие метафорический концепт «Болезнь», единичны.

II. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Динамика (движение): ‘совершающий резкие колебательные движения’ (*судороги крана*); ‘неподвижный’ (*деревья в столбняке*).

2. Проявления объекта (обнаружение): ‘проявляющийся на фоне чего-л.’ (*небесные порезы; в царапинах огоньков*); ‘едва видимый, исчезающий из виду’ (*рельсы слепли; слепые зарницы*).

3. Состояние (вид): ‘чахнувший, увядающий’ (*агония рябины; больные березы; лес шелушится*).

4. Форма (очертания): ‘выпуклый, продолговатый’ (*шрам туч*); ‘неровный’ (*нарыв мостовых; отеки путей*).

5. Мера:

1) размер: ‘небольшой’ (*струнья снега*);

2) степень ч.-л.: ‘очень сильный’ (*в горячем геме рубанков*).

6. Цвет (оттенок): 'синева-красный' (в *кровенотках небес*).

7. Консистенция (прозрачность): 'прозрачный, тонкий' (*сосулек худосоче*).

Структура метафорического концепта «**Болезнь**»: 1) ядерная зона: ассоциаты с квалификаторами «динамика (движение)» – 22 %; «проявления объекта (обнаружение)»; «состояние (вид)» – по 21 %; 2) приядерная зона: ассоциаты, квалифицируемые как «форма (очертания)» – 15 %; «мера (размер; степень ч.-л.)» – 12 %; 3) периферийная зона: ассоциаты с квалификаторами «цвет (оттенок)» – 6 %; «консистенция» – 3 %.

Метафорический концепт «**Одежда**» представлен такими метафорами: *кокарда, наряд, низка, нить, обруч, платок, плащ, повойник, салон, фата, шапка, шов, одеться*.

Он включает в свое содержание следующие репрезентанты и ассоциаты:

I. Семантический уровень:

1. Узуально-метафорический подуровень

(узуальные метафорические значения):

Нить. Последовательно связанный между собой ряд явлений, событий; о том, что связно развивается, образуя как бы единую линию, цепь. *Нить судеб, событий* [БП.П: 144].

Шапка. Что-л. имеющее форму купола. *Шапка волос* [БП.Прж: 45].

Одеться. Покрываться чем-л. (обычно зеленью, листвой и т.п.; о растительности). *Горы оденутся лесом* [БП.Пр: 74].

2. Окказионально-метафорический подуровень

(окказиональные метафорические значения):

Кокарда. Что-л. небольшое округлой формы. *Черные кокарды фиалок* [БП.Пр: 65].

Наряд. Внешний вид чего-л. *Ненастья наряд* [БП.П: 91].

Низка. Что-л. в виде нитей, полос. *Из низок ливня* [БП.П: 35].

Нить. О внутренней связи кого-л., чего-л. *Нити сочувствия* [БП.Прж: 114].

Обруч. Что-л. широкое округлой формы. *Липы обруч золотой* [БП.П: 152].

Платок (*устар. плат*). 1. То, что покрывает, окутывает что-л. *Платы зари* [БП.П: 123]; *платок зимней ночи* [БП.Пр: 64]. 2. Навес, образуемый переплетением ветвей и листвы деревьев. *Платок ветел* [БП.П: 152].

Плащ. То же, что *платок* во 2 знач. *Плащи тополей* [БП.П: 25, 156].

Повойник. То же, что *платок* во 2 знач. *Ива вдовий свой по-войник клонила* [БП.П: 129].

Салоп. То же, что *платок* во 1 знач. *В заплатанном салопе небосвод* [БП.П: 161].

Фата. Легкая, прозрачная дымка. *Повечерий фата* [БП.П: 20]; *дымки фата* [БП.П: 56].

Шов. Непрерывный след от чего-л. (колеса и т. п.). *Полозьев чернеются швы* [БП.П: 23].

Наиболее частотной является метафора *платок (плат)*, остальные же носят, как правило, единичный характер.

П. Когнитивный уровень (ассоциаты):

1. Форма (очертания): ‘куполообразный’ (*шапка волос*); ‘пирамидальный’ (*платок ветел; плащи тополей; повойник ивы; салон небосвода*); ‘округлый, небольшой’ (*кокарды фиалок*); ‘длинный’ (*из низок ливня*).

2. Корреляция:

1) связь: ‘последовательно связанный’ (*нить событий*); ‘внутренне связанный’ (*нити сочувствия*);

2) расположение: ‘параллельно расположенный’ (*швы полозьев*).

3. Мера (размер): ‘огромный, заполняющий собой’ (*платы загоры оденутся лесом*).

4. Консистенция (прозрачность): ‘прозрачный, легкий’ (*повечерий фата*).

Структура метафорического концепта «Одежда»: 1) ядерную зону образуют ассоциаты с квалификатором «форма (очертания)» – 49 %; 2) приядерную зону составляют ассоциаты с квалификаторами: «корреляция (связь; расположение)» – 23 %; «мера (размер)» – 20 %; 3) в периферию концепта входят ассоциаты с квалификатором «консистенция» – 8 %.

Таким образом, периферийная зона метафорической концептосферы русской поэзии и прозы первой половины XX в. имеет следующие особенности: ассоциативные представления о разных проявлениях объектов действительности содержат метафорические концепты «Жизнь», «Взгляд», «Желание», «Свет» (З. Гиппиус), «Болезнь» (Б. Пастернак), о динамике – «Танец» (А. Ахматова), «Болезнь» (Б. Пастернак), форме – «Болезнь», «Одежда» (Б. Пастернак), цвете – «Самоцвет» (А. Белый), мере проявления свойств реалий – «Болезнь», «Одежда» (Б. Пастернак), корреляции объектов действительности – «Танец» (А. Ахматова), «Одежда» (Б. Пастернак).

Выводы

Базовыми концептами реконструированных индивидуальных метафорических концептосфер известных русских поэтов-прозаиков являются: «Жизнь», «Голос», «Дыхание», «Взгляд», «Плач», «Усталость», «Сон», «Характер», «Желание», «Птица», «Вода», «Свет» (З. Гиппиус); «Голос», «Тело», «Дыхание», «Сон», «Плач», «Характер», «Пение», «Птица», «Вода», «Огонь», «Металл», «Самоцвет», «Ткань» (А. Белый); «Голос», «Тело», «Характер», «Пение», «Танец», «Птица», «Вода» (А. Ахматова); «Голос», «Сон», «Пение», «Птица», «Вода» (М. Кузмин); «Птица», «Вода» (М. Цветаева); «Голос», «Тело», «Дыхание», «Сон», «Болезнь», «Птица», «Вода», «Огонь», «Ткань», «Одежда» (Б. Пастернак); «Голос», «Тело», «Пение», «Птица», «Вода», «Огонь», «Металл», «Ткань» (В. Инбер); «Голос», «Дыхание», «Сон», «Пение», «Птица», «Вода», «Огонь» (И. Сельвинский).

Сопоставительный анализ данных индивидуальных метафорических концептосфер позволил установить, что общая метафорическая концептосфера русской поэзии и прозы первой половины XX в. базируется на концептах «Жизнь», «Дыхание», «Тело», «Голос», «Взгляд», «Сон», «Плач», «Усталость», «Болезнь», «Характер», «Желание», «Пение», «Танец», «Птица», «Огонь», «Вода», «Металл», «Свет», «Самоцвет», «Ткань», «Одежда».

Ядро общей метафорической концептосферы образуют концепты «Голос», «Птица», «Вода», в которых сконцентрированы ключевые понятия о движении и развитии мира, единстве и общении человека с природой, духовной и творческой эволюции личности. В образно-художественном мировосприятии доминируют ассоциаты, квалифицируемые как «проявления объекта», «звук», «динамика».

Приядерную зону составляют групповые концепты, свойственные метафорике двух и более поэтов-прозаиков, – «Тело», «Дыхание», «Сон», «Плач», «Характер», «Пение», «Огонь», «Металл», «Ткань». Некоторые метафорические концепты являются общими для представителей одного литературного направления или течения: З. Гиппиус и А. Белого – «Сон», «Дыхание», «Плач», «Характер»; А. Ахматовой и М. Кузмина – «Пение»; В. Инбер и И. Сельвинского – «Огонь». Ассоциативные представления о разных проявлениях реалий содержат метафорические концепты «Дыхание», «Сон», «Плач», «Характер», «Пение», «Огонь» (З. Гиппиус, А. Белый, А. Ахматова, М. Кузмин, Б. Пастернак, В. Инбер, И. Сельвинский), о характере звучания – «Плач», «Пение» (З. Гиппиус, А. Белый,

А. Ахматова, М. Кузмин, В. Инбер, И. Сельвинский), динамике – «Дыхание», «Сон» (З. Гиппиус, А. Белый, М. Кузмин, Б. Пастернак, И. Сельвинский), форме – «Тело», «Ткань» (А. Белый, А. Ахматова, Б. Пастернак, В. Инбер), цвете – «Огонь», «Металл», мере проявления свойств реалий – «Огонь», «Ткань» (А. Белый, Б. Пастернак, В. Инбер, И. Сельвинский), консистенции – «Ткань» (А. Белый, Б. Пастернак, В. Инбер), оценке объектов окружающего мира – «Характер» (З. Гиппиус, А. Белый, А. Ахматова).

Периферию метафорической концептосферы русской литературы данного периода образуют метафорические концепты «Жизнь», «Взгляд», «Усталость», «Желание», «Свет» (З. Гиппиус), «Самоцвет» (А. Белый), «Танец» (А. Ахматова), «Болезнь», «Одежда» (Б. Пастернак). Ассоциативные представления о разных проявлениях реалий содержат метафорические концепты «Жизнь», «Желание», «Взгляд», «Свет» (З. Гиппиус), «Болезнь» (Б. Пастернак), о динамике – «Танец» (А. Ахматова), «Болезнь» (Б. Пастернак), форме и мере проявления – «Болезнь», «Одежда» (Б. Пастернак), цвете – «Самоцвет» (А. Белый), корреляции объектов действительности – «Танец» (А. Ахматова), «Одежда» (Б. Пастернак).

Результаты реконструкции общей метафорической концептосферы русской поэзии и прозы первой половины XX в., которые коррелируются с результатами семантико-когнитивного метафорического моделирования, свидетельствуют о том, что метафорическая картина мира русской литературы данной эпохи является антропоморфной (базовые концепты ядерной зоны – «Голос», приядерной – «Дыхание», «Тело», «Сон», «Плач», «Характер», «Пение», периферийной – «Жизнь», «Взгляд», «Усталость», «Болезнь», «Желание», «Танец»), зооморфной (базовый метафорический концепт ядерной зоны «Птица»), абиотической (базовые концепты ядерной зоны – «Вода», приядерной – «Огонь», «Металл», периферийной – «Свет», «Самоцвет») и артефактной (базовые метафорические концепты соответственно приядерной и периферийной зон – «Ткань» и «Одежда»), а в центре метафорического пространства художественного текста находится человек (установлено шестьдесят метафорических моделей и тринадцать базовых метафорических концептов, относящихся к мегасфере «Человек»). В основе образно-художественного восприятия окружающей действительности русскими поэтами-прозаиками преобладают ассоциаты, которые квалифицируются как «проявления объекта» (23 %), «звук» (18 %), «динамика» (14 %), «форма» (12 %), «цвет» (11 %), т. е. характерным является зрительное и слуховое мировосприятие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семантико-когнитивное направление современной лингвистики предполагает изучение различных языковых процессов и явлений от семантики языка к моделированию концепта, от языковой картины мира к концептосфере, которая отражает специфику национального мышления. Семантико-когнитивный подход к изучению метафоры, разработанный нами для интегративного ее описания как языкового и ментального явления, состоит в том, что в результате анализа семантики метафорических номинаций и построения метафорических моделей, реконструируемых на том или ином фактическом материале, можно установить типовые модели метафорического мышления этноса или его отдельного представителя, а в целом – основные закономерности метафорической репрезентации и концептуализации мира, характерные для конкретного исторического периода.

Предлагаемый семантико-когнитивный подход к изучению метафоры базируется на следующих принципах: понимание метафоры как ментально-вербального конструкта; синтез идей семантического и когнитивного моделирования метафоризации; осуществление метафорического моделирования на основе реконструкции национальной / индивидуальной метафорической картины мира или ее фрагментов; анализ представительного корпуса метафорических контекстов; параметризация метафорической модели как трехкомпонентной структуры; выявление продуктивных метафорических моделей; структуризация метафорических моделей как составляющих мегамоделей и организующих субмоделей; установление базовых метафорических концептов, описание их содержания и структуры. Семантико-когнитивное исследование метафоры как продукта метафорогенной ментально-вербальной деятельности носителей данной этнокультуры ориентировано на комплексное описание этого уникального явления языка (речи) и мышления.

Все метафорические номинации, образующие метафорическую картину мира этноса, одновременно выступают языковыми и речевыми репрезентантами каких-либо метафорических концептов, в которых заключены релевантные для данного этнокультурного сообщества образные представления, определяющие особенности его национального мышления. Метафорические концепты, характерные для той или иной этнокультуры, в целом составляют метафорическую концептосферу народа. Метафорическая картина мира рассматривается как фрагментарная проекция языковой картины мира, совокупность эксплицируемых в языке образных аналогово-ассоци-

ативных представлений о мире, существующих в национальном сознании носителей определенной лингвокультуры. Она постепенно формируется и периодически модифицируется носителями языка, в ней фиксируются и суммируются метафоры, накапливаемые народом в ходе его исторического развития, обнаруживая некоторую стереотипность национального образного мышления. Метафорическая картина мира в сознании отдельного представителя данного этноса вариативна и обусловлена его личностными особенностями.

Моделирование метафорической картины мира в широком понимании является способом познания, концептуализации и репрезентации действительности на основе образного мышления этноса, отображающим специфику коллективного и индивидуального сознания на том или ином этапе эволюции. В более узком смысле – это средство создания и реконструкции национальной или индивидуальной метафорической картины мира, отражающей соответственно стереотипы аналогового и ассоциативного мышления какого-либо лингвокультурного сообщества или образные представления о мире отдельной языковой личности.

Метафорическая модель понимается как существующая в сознании носителей языка схема вербализации коррелятивных в аналогово-ассоциативном плане понятий. Она представляет собой трехкомпонентную структуру, включающую исходную и новую денотативно-понятийные сферы и семантико-когнитивный формант, который трактуется как понятийно-смысловой элемент, интегрирующий разные сущности, сходные в каком-либо отношении (к примеру, «физические свойства человека → атмосферные явления > звук»). Выявлены основные типы семантико-когнитивных формантов: проявления объекта, звук, динамика, форма, цвет, количество, мера, состояние, время, корреляция, консистенция, функциональность, оценочность. Метафорическая модель структурируется в виде метафорических субмоделей, которые являются средствами ее конкретизации и характеризуются вариативностью исходной и / или новой денотативно-понятийных сфер и / или семантико-когнитивного форманта в пределах данного инварианта («речь → воздушный поток > сила звука»: *голос ветра* (А. Ахматова); *шепот ветра* (А. Белый); *крик ветра* (М. Цветаева) и др.). Совокупность метафорических моделей со сходными денотативно-понятийными сферами образует метафорическую мегамодель, которая указывает на направление метафорической проекции из одной идеографической области в другую, сформулированное в наиболее общем виде (например, «Человек → Неорганический мир»). Установлено более тридцати денота-

тивно-понятийных сфер и около девяноста субсфер в пределах семи мегасфер («Человек», «Социум», «Животный мир», «Растительный мир», «Неорганический мир», «Артефакт», «Время») как источников и целей метафорической проекции. Речевая (окказиональная) метафоризация, как и языковая, является системным и моделируемым объектом.

Метафорическое моделирование предполагает такие этапы, как: 1) анализ и систематизация представительного корпуса метафорических контекстов; 2) построение основных конструкций – метафорических моделей; 3) структуризация метафорических моделей как составляющих определенной мегамодели (систематизация метафорических моделей по направлениям метафорической проекции) и организующих субмодели (детализация метафорических моделей); 4) сопоставление метафорических моделей, выявление закономерностей метафорического моделирования; 5) верификация полученных результатов и их применение с целью установления и описания метафорических концептов. Предлагаемая методика построения метафорических моделей может быть использована как самостоятельный операционный механизм при семантическом анализе метафорических номинаций или обязательный этап семантико-когнитивного исследования метафор, а также при изучении не только корпуса метафор, но и отдельных фактов метафоризации, что делает ее универсальной.

Установление метафорических концептов носителей какой-либо этнокультуры на том или ином языковом материале способствует выявлению компонентов общей концептосферы этноса на определенном этапе его эволюции. В нашем понимании метафорический концепт представляет собой ментальный конструкт, отражающий устойчивые в коллективном и индивидуальном сознании образные аналогово-ассоциативные связи реалий и эксплицируемый в процессе креативной вербальной деятельности человека в виде конкретных метафорических реализаций. Он является неким образно-ментальным инвариантом, проявляющимся в различных языковых и речевых метафорических вариациях. Метафорический концепт как сложное ментальное образование имеет свое содержание и структуру. В содержание данного конструкта входят все его языковые (узусальные метафоры) и речевые (окказиональные метафоры) репрезентанты, а также ассоциаты – вербализованные когнитивные признаки (их языковые реализации), определяющие образные аналогово-ассоциативные связи реалий. Структуризация метафорического концепта осуществляется в зависимости от значимости когнитивных призна-

ков метафорической проекции в данной этнокультуре: ядерную и приядерную зоны метафорического концепта составляют наиболее существенные для носителей языка ассоциаты, что определяется количественным составом репрезентантов данного концепта, а его периферию – индивидуально значимые когнитивные признаки.

Методика исследования метафорического концепта включает несколько этапов: 1) определение национальной специфики метафорической реализации данного концепта на основе анализа визуальных переносных значений; 2) выявление индивидуальных особенностей метафорической реализации данного концепта в результате интерпретации окказиональных метафорических значений; 3) установление когнитивных признаков метафорической проекции на основе компонентно-семантического анализа всех его репрезентантов и когнитивной интерпретации сем; 4) верификация установленных когнитивных признаков путем семантико-когнитивного метафорического моделирования; 5) описание содержания метафорического концепта на семантическом и когнитивном уровнях – его репрезентантов и ассоциатов; 6) ранжирование выявленных ассоциатов по степени частотности и характеру проявления в исследуемых текстах; 7) описание структуры метафорического концепта – ядерной, приядерной и периферийной зон. Предлагаемая методика позволяет устанавливать содержание и структуру метафорического концепта.

Метафорическая концептуализация мира как свойство человеческого мышления отражает образно-творческую интерпретацию окружающей действительности, в основе восприятия которой лежит социальный и личный опыт носителей той или иной этнокультуры. Метафора является вербальным средством формирования метафорического концепта, отображения в языковой / речевой форме образного представления о мире. Метафорическая концептосфера, как и концептосфера этноса в целом, включает в свою структуру ядерную, приядерную и периферийную зоны. Ядро метафорической концептосферы составляют базовые метафорические концепты, характерные для всех или большинства носителей этнокультуры и проявляющиеся в значительном количестве языковых и речевых реализаций. В приядерную зону метафорической концептосферы входят групповые (шире – социальные) концепты, а в ее периферию – индивидуальные метафорические концепты. Совокупность метафорических концептов индивидуума составляет его индивидуальную метафорическую концептосферу, реконструкция которой осуществляется на основе корпусного исследования метафорических контекстов, извлеченных из созданных им текстов. Установление структу-

ры индивидуальной метафорической концептосферы определяется качественными и количественными характеристиками выявленных метафорических концептов. Сопоставительное изучение разных индивидуальных метафорических концептосфер на определенном этапе исторического развития способствует выявлению общих для данного этноса и специфических для конкретного его представителя метафорических концептов, отражающих соответственно национальные стереотипы образного мышления и индивидуально-авторские представления о мире.

Индивидуальная метафорическая картина мира писателя как специфическая форма отражения личностного образного восприятия действительности представляет собой результат его креативной ментально-вербальной деятельности, метафорического моделирования объективной действительности на основе субъективной ее интерпретации. Метафорическая картина мира писателя репрезентирует реальность и объективное знание о ней, закрепленное в языке, через призму авторского творческого мышления, вследствие чего создается неповторимый образ мира. Она характеризуется такими признаками, как: единство объективного и субъективного, репродуктивного и творческого начал образа мира; авторская иерархизация информации об окружающем мире и соответствующая его метафорическая репрезентация; многоаспектность контактов автора с миром и многообразие способов его образно-метафорического воплощения; детерминированность выбора языковых средств для создания метафорических образов спецификой авторского мировосприятия; обусловленность метафорической репрезентации мира этнокультурной и личностной системой ценностей писателя; структурация образно-метафорических представлений автора о мире.

Реконструкция индивидуальной метафорической картины мира писателя-«билингва» (поэта-прозаика) на основе анализа метафоричности его стихотворных и прозаических произведений и выявления продуктивных метафорических моделей позволяет определить устойчивые в его сознании аналогово-ассоциативные связи реалий и базовые метафорические концепты, составляющие сущность личностного образного восприятия окружающей действительности. Однако писатель выступает носителем определенных этнокультурных стереотипов, поэтому метафоры воспроизводят не только субъективные представления языковой личности автора, но и общенациональные образные представления о мире.

Языковая личность поэта-прозаика рассматривается как личность, обладающая высоким уровнем языковой компетенции, име-

ющая способности к литературному творчеству и художественным обобщениям, наделенная особым восприятием окружающей действительности и владеющая двумя формами словесного искусства – стихотворной и прозаической. В структуру модели языковой личности писателя (поэта-прозаика) включаются такие компоненты, как: 1) собственно языковой (речевой); 2) лингвокогнитивный; 3) лингвокультурологический; 4) художественно-эстетический; 5) мотивационный (прагматический). Изучение литературного наследия писателя-«билингва» способствует выявлению различных граней его мастерства, определению общих художественно-эстетических принципов и специфики творческой реализации автора в разных формах словесного искусства, установлению характера взаимосвязи и степени взаимопроникновения образных, в том числе метафорических, средств в его стихах и прозе.

Анализ метафор разных писателей одного исторического периода дает возможность выявить общие закономерности метафорического моделирования мира в художественном тексте. Изучение особенностей метафорического отображения действительности в произведениях русских поэтов-прозаиков первой половины XX в. – А. Ахматовой, А. Белого, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Кузмина, Б. Пастернака, И. Сельвинского, М. Цветаевой – и сопоставительное исследование метафорики каждого из них позволило воссоздать метафорическую картину мира, характерную для художественной литературы данной эпохи, и определить общие закономерности ее моделирования. В качестве источников метафоризации чаще всего выступают понятийные сферы «физические свойства человека», «физиологические свойства человека» (мегасфера «Человек»); «виды животных», «физические свойства животных» (мегасфера «Животный мир»); «водные объекты», «физические явления», «полезные ископаемые» (мегасфера «Неорганический мир»); «здания», «одежда» (мегасфера «Артефакт»). Выявлено сто шестьдесят продуктивных метафорических моделей, более пятидесяти из которых являются общими для писателей данного периода.

Моделирование метафорической картины мира в поэзии и прозе одного автора не имеет принципиальных различий. Способы и характер метафоризации в разных формах словесно-художественного творчества определяется языковой личностью писателя-«билингва». Проза для поэта (на уровне метафорики) является логическим продолжением его поэзии, поэтому при вариативности форм творческого выражения единство языковой личности поэта-прозаика сохраняется, что раскрывает сущность его художественного мышления.

Метафорическую концептосферу русской поэзии и прозы первой половины XX в. образуют базовые метафорические концепты «Жизнь», «Дыхание», «Голос», «Взгляд», «Характер», «Сон», «Тело», «Усталость», «Болезнь», «Желание», «Плач», «Танец», «Пение», «Птица», «Вода», «Огонь», «Свет», «Металл», «Самоцвет», «Ткань», «Одежда». Ядерную зону данной концептосферы составляют базовые метафорические концепты «Вода», «Голос», «Птица», приядерную – «Дыхание», «Тело», «Сон», «Плач», «Пение», «Характер», «Огонь», «Металл», «Ткань»; остальные концепты являются индивидуальными и входят в периферию описываемой метафорической концептосферы. Установлены содержание и структура каждого базового метафорического концепта. В образно-художественном мировосприятии русских поэтов-прозаиков данной эпохи доминируют ассоциаты, квалифицируемые как «проявления объекта», «звук», «динамика», «форма», «цвет».

Результаты реконструкции метафорической картины мира и метафорической концептосферы русской поэзии и прозы данной эпохи свидетельствуют об антропоморфном, зооморфном, абиотическом и артефактном характере репрезентации и концептуализации мира, так как метафорика литературы этого периода отражает действительность сквозь призму свойств, присущих человеку, животному, неорганической природе и «вещному» миру. Но в центре метафорического пространства русской поэзии и прозы находится человек в физическом, физиологическом, духовном и социальном проявлениях.

Метафорическая картина мира и метафорическая концептосфера русской поэзии и прозы первой половины XX в., реконструированные в процессе корпусного исследования метафорики известных писателей-«билингвов» на основе разработанных методик построения метафорических моделей и установления метафорических концептов, являются отражением языковой и концептуальной картин мира этноса на данном этапе его исторического развития.

Новый семантико-когнитивный подход к изучению метафоры, состоящий в анализе семантики метафорических номинаций как средств языка (речи) и способа объективации метафорических концептов, позволяет реализовать идею комплексного рассмотрения метафоры как языкового и ментального явления.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова 1991: Автономова Н. С. Метафорика и понимание / Н. С. Автономова // Загадка человеческого понимания / [сост. В. П. Филатов; отв. ред. А. А. Яковлев]. – М.: Политиздат, 1991. – С. 95–113.
- Агеев 1999: Агеев С. В. О роли фреймов знаний в интерпретации метафорических выражений [Электронный ресурс]: http://www.amursu.ru/8101/vestnik/7/6_7_99.html–1999.
- Алексеев 1996: Алексеев К. И. Метафора как объект исследования в философии и психологии / К. И. Алексеев // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – С. 73–85.
- Алексеев 1998: Алексеев К. И. Эскиз теории метафоры / К. И. Алексеев // Языковое сознание: формирование и функционирование / [ред. Н. В. Уфимцева]. – М.: Наука, 1998. – С. 68–76.
- Алексеева 2002: Алексеева Л. М. Метафоры, которые мы выбираем: (опыт описания индивидуальной концептосферы) / Л. М. Алексеева // С любовью к языку: сб. науч. тр. / [отв. ред. В. А. Виноградов]. – М.–Воронеж: Изд-во ИРЯ РАН, ВГУ, 2002. – С. 38–46.
- Алефиренко 2003: Алефиренко Н. Ф. Проблема вербализации концепта: теоретическое исследование / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 218 с.
- Алефиренко 2006: Алефиренко Н. Ф. Лингвокогнитивное моделирование картины мира / Н. Ф. Алефиренко // Картина мира: язык, литература, культура. – Вып. 2. – Бийск, 2006. – С. 274–281.
- Алешина 1997: Алешина О. Н. О терминах, используемых при изучении метафоризации / О. Н. Алешина // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: [сб. науч. ст.]. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – С. 18–26.
- Античные теории 1996: Античные теории языка и стиля (антология текстов) / [отв. ред. О. М. Фрейденберг]. – СПб.: Алетейя, 1996. – 344 с.
- Апресян 1971: Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности / Ю. Д. Апресян // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. – Т. XXX. – Вып. 6. – М.: Наука, 1971. – С. 509–523.
- Апресян 1974: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 214 с.
- Апресян 1980: Апресян Ю. Д. К формальной модели семантики: правила взаимодействия значений / Ю. Д. Апресян // Представление знаний и моделирование процессов понимания. – Новосибирск: НГУ, 1980. – С. 8–24.
- Апресян 1995: Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 3–11.
- Апресян В. 1993: Апресян В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
- Арутюнова 1987: Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.

- Арутюнова 1990: Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры: сб. ст. / [пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
- Арутюнова 1999: Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Аскольдов 1997: Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
- Ахмадеева 2006: Ахмадеева С. А. Аппликативная метафора в тексте / С. А. Ахмадеева. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006. – 294 с.
- Балашова 1998: Балашова Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI–XX веков / Л. В. Балашова. – Саратов: Изд-во СГУ, 1998. – 216 с.
- Баранов 1991: Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов // Баранов А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Изд-во ИРЯ АН СССР, 1991. – С. 184–193.
- Баранов 2003: Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей / А. Н. Баранов // Труды междунар. конф. «Диалог'2003» [Электронный ресурс]: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.htm>.
- Баранов 2004: Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя / А. Н. Баранов // Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон / [пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой]. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
- Баранов 2006: Баранов А. Н. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафоры / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Е. А. Шипова. – М.: ИНДЕМ, 2006. – 84 с.
- Басилая 1971: Басилая Н. А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний / Н. А. Басилая. – Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1971. – 84 с.
- Берестнев 2001: Берестнев Г. И. Самосознание личности в аспекте языка / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 60–84.
- Берестнев 2005: Берестнев Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте / Г. И. Берестнев. – Калининград: Изд-во КГУ, 2005. – 158 с.
- Бессарабова 1987: Бессарабова Н. Д. Метафора как языковое явление / Н. Д. Бессарабова // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика / [отв. ред. Д. Э. Розенталь]. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 86–94.
- Блэк 1990: Блэк М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры: сб. ст. / [пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–170.
- Бобылев 2004: Бобылев Б. Г. Метафорическое использование грамматических категорий и форм в художественном тексте / Б. Г. Бобылев // Русский язык в школе. – 2004. – № 1. – С. 64–70.
- Богомолов 1998: Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха / Н. А. Богомолов, Дж. Малмстад. – М.: Наука, 1998. – 234 с.

- Боженкова 2000: Боженкова Р. К. Понимание текста как лингвокультурологическая категория / Р. К. Боженкова. – Курск: Изд-во КГТУ, 2000. – 180 с.
- Болдырев 2002: Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 224 с.
- Бродский 1997: Бродский И. А. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе / [сост., вступ. ст. И. Кудровой]. – М.: Независимая газета, 1997. – 208 с.
- Брутян 1973: Брутян Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Философские науки. – 1973. – №1. – С. 108–110.
- Брутян 1976: Брутян Г. А. Языковая картина мира и ее роль в познании / Г. А. Брутян // Методологические проблемы анализа языка. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 1976. – С. 57–63.
- Будаев 2006: Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «ср.-ист., типол. и сопост. языкознание» / Э. В. Будаев. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.
- Бунина 1999: Бунина С. Н. Автобиографическая проза М. И. Цветаевой: поэтика, жанровое своеобразие, мировидение: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.02 «русская литература» / С. Н. Бунина. – Х., 1999. – 17 с.
- Бутакова 2000: Бутакова Л. О. Проблемы структурирования когнитивной реализации авторского сознания в тексте / Л. О. Бутакова // Язык. Человек. Картина мира: материалы Всерос. науч. конф. / [отв. ред. М. П. Одинцова]: в 2 ч. – Ч. 1. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. – С. 51–54.
- Быков 2008: Быков Д. Л. Борис Пастернак / Д. Л. Быков. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 893 с.
- Вайсгербер 1993: Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер / [пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко]. – М.: ЭМО-Пресс, 1993. – 380 с.
- Вардзелашвили 2001: Вардзелашвили Ж. А. Метафорические номинации в русском языке / Ж. А. Вардзелашвили. – Тбилиси: Изд-во ТГПУ им. С. Орбелиани, 2001. – 234 с.
- Васильев 1990: Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
- Вежбицкая 1996: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / [пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой]. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
- Вежбицкая 2001: Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов / [пер. А. Д. Шмелева] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
- Вершинина 2002: Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Т. С. Вершинина. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.
- Виноградов 1959: Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Художественная литература, 1959. – 656 с.

- Виноградов 1963: Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 256 с.
- Виноградов 1976: Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – С. 451–459.
- Виноградов 1980: Виноградов В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
- Винокур 1997: Винокур Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г. О. Винокур. – М.: Русские словари, 1997. – 186 с.
- Вовк 1986: Вовк В. Н. Языковая метафора в художественной речи: природа вторичной номинации / В. Н. Вовк. – К.: Наукова думка, 1986. – 142 с.
- Воркачев 2001: Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
- Воркачев 2002: Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – С. 79–95.
- Воркачев 2007: Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 2. – С. 13–22.
- Воркачев 2011: Воркачев С. Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Т. 70. – № 5. – С. 64–74.
- Воробьев 1997: Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы / В. В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 336 с.
- Воробьева 2013: Воробьева О. П. Концептология в Украине: обзор проблематики / О. П. Воробьева // Лингвоконцептология: перспективные направления / [под. ред. А. Э. Левичко, С. И. Потапенко, И. В. Недайновой]. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. Т. Шевченко, 2013. – С. 10–38.
- Воронский 1982: Воронский А. К. Андрей Белый // Воронский А. К. Избранные статьи о литературе / А. К. Воронский. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 229–253.
- Гажева 2002: Гажева І. Д. Функціонально-семантичне дослідження дієслівної метафори: семасологічний та ономастологічний аспекти (на матеріалі «Симфоній» А.Белого): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «російська мова» / І. Д. Гажева. – Харків, 2002. – 18 с.
- Гак 1988: Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте / [отв. ред. В. Н. Телия]. – М., 1988. – С. 11–26.
- Гак 1998: Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
- Гак 2000: Гак В. Г. Русская динамическая языковая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык сегодня. – Вып. 1. – М.: Наука, 2000. – С. 36–44.
- Гаспаров 2001: Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики / М. Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 136–149.
- Гинзбург 1991: Гинзбург Л. Ахматова / Л. Гинзбург // Воспоминания об Анне Ахматовой. – М.: Художественная литература, 1991. – С. 42–58.

- Глазунова 2000: Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 190 с.
- Голев 1989: Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. – Томск: Изд-во ТГУ, 1989. – 252 с.
- Головенкина 2007: Головенкина Н. В. Метафорическое моделирование действительности в художественной картине мира М. А. Булгакова: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Н. В. Головенкина. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.
- Григорьев 1979: Григорьев В. П. Поэтика слова / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 342 с.
- Гринберг 1961: Гринберг И. Вера Инбер / И. Гринберг. – М.: Советский писатель, 1961. – 286 с.
- Гусев 1993: Гусев В. Искусство прозы / В. Гусев. – М.: Изд-во Лит. ин-та, 1993. – 106 с.
- Даниленко 2002: Даниленко В. П. Основы духовной культуры в картинах мира / В. П. Даниленко. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. – 184 с.
- Дацишин 2005: Дацишин Х. П. Метафора в українському політичному дискурсі (за матеріалами сучасної періодики): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.01.08 «журналістика» / Х. П. Дацишин. – Львів, 2005. – 18 с.
- Дмитриевская 2004: Дмитриевская Л. Н. З. Н. Гиппиус: прозаик и поэт (пейзаж и портрет в стиле рассказов 1890–1900-х гг.): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «русская литература» / Л. Н. Дмитриевская. – М., 2004. – 21 с.
- Жирмунский 1973: Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1973. – 184 с.
- Жирмунский 1975: Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. – Л.: Советский писатель, 1975. – 540 с.
- Жирмунский 1977: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 315 с.
- Жоль 1984: Жоль К. К. Мысль, слово, метафора: проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жоль. – К.: Наукова думка, 1984. – 302 с.
- Залевская 1991: Залевская А. А. Метафора и формирование проекций текста / А. А. Залевская // Текст в коммуникации: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1991. – С. 28–42.
- Зализняк 2005: Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 486 с.
- Зализняк 2006: Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 214 с.
- Илюхина 2010: Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации / Н. А. Илюхина. – М.: Флинта–Наука, 2010. – 322 с.
- Кабаченко 2007: Кабаченко Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Е. Г. Кабаченко. – Екатеринбург, 2007. – 21 с.

- Казарин 1999: Казарин Ю. В. Поэтический текст как система / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – 260 с.
- Карасик 2001: Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.
- Карасик 2004: Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
- Карасик 2007: Карасик В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2007. – Вып. 5. – С. 78–86.
- Караулов 1976: Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
- Караулов 1987: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
- Караулов 1989: Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность: сб. науч. тр. / [ред. Д. Н. Шмелев]. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.
- Керимов 2005: Керимов Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «германские языки» / Р. Д. Керимов. – Барнаул, 2005. – 20 с.
- Кіс 2001: Кіс Т. Е. Еволюція художньої метафори: лінгвокультурологічний аспект: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «українська мова» / Т. Е. Кіс. – К., 2001. – 19 с.
- Кибрик 1992: Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 342 с.
- Кислова 1998: Кислова Е. П. Метафора в поэзии и прозе: семантико-стилистический аспект (на материале лирики и романа «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русская литература» / Е. П. Кислова. – Уфа, 1998. – 18 с.
- Кобозева 2001: Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.
- Кобозева 2007: Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.
- Коваленко 2009: Коваленко С. А. Анна Ахматова / С. А. Коваленко / [отв. ред. А. Н. Николюкин; вступ. ст. Л. С. Калужной]. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 347 с.
- Кожевникова 1986: Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н. А. Кожевникова. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
- Кожевникова 1992: Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого / Н. А. Кожевникова. – М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1992. – 256 с.
- Колесов 1999: Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с.
- Колотнина 2001: Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: автореф. дис.

- на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «сравн.-ист., тип. и сопост. языкознание» / Е. В. Колотнина. – Екатеринбург, 2001. – 20 с.
- Кормилов 1993: Кормилов С. И. Стих и проза в русской литературе / С. И. Кормилов // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 78–82.
- Костомаров 1994: Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 320 с.
- Кравець 2012: Кравець Л. Динаміка метафори в українській поезії ХХ ст. / Л. Кравець. – К.: Академія, 2012. – 416 с.
- Кравцова 1995: Кравцова (Герасимова) Ю. В. Метафора в языке и речи / Ю. В. Герасимова. – Херсон: ХСЗ, 1995. – 38 с.
- Кравцова 2002: Кравцова Ю. В. Явление поэтического «билингвизма» в русской литературе / Ю. В. Кравцова // Південний архів. Філологічні науки: зб. наук. праць / [ред. Ю. І. Беляєв та ін.]. – Вип. XV. – Херсон: Вид-во ХДПУ, 2002. – С. 194–197.
- Кравцова 2011: Кравцова Ю. В. Метафорическое моделирование мира: поэзия и проза / Ю. В. Кравцова. – К.: Изд-во НПУ им. М. П. Драгоманова, 2011. – 360 с.
- Кравцова 2013: Кравцова Ю. В. Метафорическое моделирование мира в художественном тексте (на материале произведений русских поэтов-прозаиков первой половины ХХ в.): дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.02 «русский язык» / Ю. В. Кравцова. – К., 2013. – 543 с.
- Красильникова 2005: Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории «свои – чужие» в экологическом дискурсе США, России и Англии: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «ср.-ист., типолог. и сопост. языкознание» / Н. А. Красильникова. – Екатеринбург, 2005. – 21 с.
- Красных 2002: Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
- Крюкова 1999: Крюкова Н. Ф. Средства метафоризации и понимание текста / Н. Ф. Крюкова. – Тверь: Изд-во ТГУ, 1999. – 236 с.
- Крюкова 2000: Крюкова Н. Ф. Метафорика и смысловая организация текста / Н. Ф. Крюкова. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2000. – 212 с.
- Кубрякова 1988: Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: сб. науч. ст. / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. – М.: Наука, 1988. – С. 141–173.
- Кубрякова 1991: Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи: сб. науч. ст. / [Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный]. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
- Кубрякова 1996: Кубрякова Е. С. Концепт. Концептуализация / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – С. 90–94.
- Кубрякова 2003: Кубрякова Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / Е. С. Кубрякова // Вест-

- ник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. – 2003. – № 4 (38). – С. 3–12.
- Кудрявцева 1993: Кудрявцева Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. – К.: ИСДОУ, 1993. – 280 с.
- Кузьмина 2000: Кузьмина Н. А. Интертекстуальный компонент в структуре языковой личности / Н. А. Кузьмина // Язык. Человек. Картина мира: материалы Всерос. науч. конф. / [ред. М. П. Одинцова и др.]: в 2 ч. – Ч. 1. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. – С. 56–64.
- Кукса 2007: Кукса Т. А. Метафорические модели как компонент идеографического поля (на материале слов, определяющих физическое состояние человека): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Т. А. Кукса. – Ростов н/Д, 2007. – 24 с.
- Кулиев 1987: Кулиев Г. Г. Метафора и научное познание / Г. Г. Кулиев. – Баку: ЭЛМ, 1987. – 156 с.
- Кустова 2004: Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
- Кутугина 2005: Кутугина Е. С. Моделирование / Е. С. Кутугина. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – 80 с.
- Лавров 1989: Лавров А. В. Проза поэта / А. В. Лавров // Брюсов В. Я. Избранная проза. – М.: Современник, 1989. – С. 5–20.
- Лагута 2003а: Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 1. Метафорология: проникновение в реальность / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – 114 с.
- Лагута 2003б: Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2. Лингвометафорология: основные подходы / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – 208 с.
- Лагута 2004: Лагута О. Н. Метафорическое «мировидение» русскоговорящих (ассоциативно-когнитивный подход) / О. Н. Лагута // Мир человека и мир языка / [отв. ред. М. В. Пименова]. – Кемерово, 2004. – С. 114–161.
- Лазебник 1995: Лазебник Ю. С. Модель мира: поэзия / Ю. С. Лазебник. – К.: ГВЦ Минстата Украины, 1995. – 332 с.
- Лакофф 1990: Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / [пер. Н. В. Перцова] / Дж. Лакофф, М. Джонсон / Теория метафоры: сб. ст. / [вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
- Лакофф 1996: Лакофф Дж. Когнитивное моделирование / Дж. Лакофф // Язык и интеллект: сб. науч. тр. – М.: Прогресс, 1996. – С. 350–368.
- Лакофф 2004: Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / [пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Лапшина 1996: Лапшина М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале английского языка): автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.04 «германские языки», 10.02.19 «общее языкознание» / М. Н. Лапшина. – СПб, 1996. – 38 с.
- Липгарт 2007: Липгарт А. А. Основы лингвопоэтики / А. А. Липгарт. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 168 с.

- Лихачев 1993: Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
- Лукиянова 1986: Лукиянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукиянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 156 с.
- Лыков 1999: Лыков А. Г. Опыт модели языка / А. Г. Лыков. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1999. – 240 с.
- Маслова 2001: Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
- Маслова 2004: Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта, 2004. – 296 с.
- Маслова 2005: Маслова В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Мн.: Тетра-Системс, 2005. – 256 с.
- Маслова 2013: Маслова В. А. Принципы и приемы исследования концепта / В. А. Маслова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65). – № 1. – С. 249–253.
- Межкультурная коммуникация 2001: Межкультурная коммуникация / [отв. ред. В. Г. Зусман]. – Н. Новгород, 2001. – 314 с.
- Миллер 2003: Миллер Л. В. Художественная картина мира и мир художественных текстов / Л. В. Миллер. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 156 с.
- Минералова 2008: Минералова И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма / И. Г. Минералова. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 270 с.
- Никитин 1997: Никитин М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб.: Наука, 1997. – 236 с.
- Никитин 2002: Никитин М. В. Метафора: уподобление vs. Интеграция концептов / М. В. Никитин // С любовью к языку: сб. науч. тр. / [отв. ред. В. А. Виноградов]. – М.–Воронеж: Изд-во ИРЯ РАН, ВГУ, 2002. – С. 68–76.
- Никитина 1989: Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С. Е. Никитина // Язык и личность: сб. ст. / [отв. ред. Д. Н. Шмелев]. – М.: Наука, 1989. – С. 32–39.
- Новиков 1982: Новиков Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
- Новиков 1990: Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого / Л. А. Новиков. – М.: Наука, 1990. – 238 с.
- Образцова 1992: Образцова В. В. Генитивная метафора в поэзии / В. В. Образцова // Проблемы экспрессивной стилистики / [отв. ред. Т. Г. Хазакгерев]. – Вып. 2. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. – С. 98–103.
- Орлицкий 1991: Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М.: Изд-во РГГУ, 1991. – 688 с.
- Ортега-и-Гассет 1990: Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / [пер. Н. Д. Арутюновой] / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры: сб. ст. / [пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой]. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
- Павиленис 1983: Павиленис Р. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. Павиленис. – М.: Наука, 1983. – 218 с.

- Павлова 1998: Павлова М. Г. Метафоры и когнитивные науки [Электронный ресурс]: <http://www.nlpcenter.ru/magazine/3/pavlova.htm>. – 1998.
- Павлович 1995: Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. – М.: Наука, 1995. – 490 с.
- Падучева 2004: Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
- Перескокова 2006: Перескокова А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «ср.-ист., типолог. и сопост. языкознание» / А. Ю. Перескокова. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.
- Песина 2005: Песина С. А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики / С. А. Песина // Вестник Омского государственного университета. – 2005. – № 2. – С. 57–63.
- Петров 1990: Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–145.
- Петрова 1989: Петрова З. Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры / З. Ю. Петрова // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Прогресс, 1989. – С. 120–133.
- Петрова Л. 2006: Петрова Л. А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира / Л. А. Петрова. – Симферополь: СГТ, 2006. – 284 с.
- Пименова 2003: Пименова М. В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира / М. В. Пименова // Мир человека и мир языка: [ред. М. В. Пименова]. – Кемерово, 2003. – С. 58–120.
- Пименова 2004: Пименова М. В. Душа и дух: способы концептуализации / М. В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2004. – 216 с.
- Пименова 2012: Пименова М. В. Эквивалентные концепты / М. В. Пименова // Філологічні трактати. – Суми, 2012. – Т. 4. – № 1. – С. 93–99.
- Платонова 1993: Платонова О. В. Особенности употребления метафоры в поэтическом языке М. Цветаевой / О. В. Платонова // Творческий путь Марины Цветаевой: тезисы докл. Междунар. науч. конф. / [отв. ред. О. Г. Ревзина]. – М.: ДМЦ, 1993. – С. 62–64.
- Плисецкая 2003: Плисецкая А. Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности / А. Д. Плисецкая // Когнитивное моделирование в лингвистике: сб. науч. ст. – Варна, 2003. – С. 64–70.
- Пономарева 2002: Пономарева О. Б. Метафора и символ как два вида семантической деривации / О. Б. Пономарева // Язык и литература. – 2002. – № 16. – С. 36–48.
- Пономарева 2005: Пономарева О. Б. Когнитивные и прагматистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким языками) / О. Б. Пономарева. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – 262 с.
- Попова 2000: Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2000. – 130 с.

- Попова 2005: Попова З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов / [ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин]. – Т. 1. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 7–10.
- Попова 2006: Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
- Попова 2007: Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ, Восток–Запад, 2007. – 316 с.
- Постовалова 1988: Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: сб. науч. ст. / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
- Потебня 1976: Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
- Прохоров 2004: Прохоров Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М.: Икар, 2004. – 204 с.
- Прохорова 1996: Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) / В. Н. Прохорова. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 186 с.
- Радзіевська 2010: Радзіевська Т. В. Нариси з концептуального аналізу та лінгвістики тексту. Текст – соціум – культура – мовна особистість / [відп. ред. В. М. Бріцин] / Т. В. Радзіевська. – К.: ІАА, 2010. – 492 с.
- Растье 2001: Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Ф. Растье. – Н. Новгород: Деком, 2001. – 218 с.
- Рахилина 2000: Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
- Ревзина 1998: Ревзина О. Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: дис. в форме науч. докл. на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / О. Г. Ревзина. – М., 1998. – 85 с.
- Резанова 2003: Резанова З. И. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, А. Д. Кагунин // Вестник ТГУ. Сер. «Философия. Культурология. Филология». – 2003. – № 277. – С. 164–171.
- Рыбальченко 2002: Рыбальченко Т. Л. Поиск картины мира в современной прозе / Т. Л. Рыбальченко // Картина мира: модели, методы, концепты: [сб. науч. ст. / гл. ред. З. И. Резанова]. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 261–266.
- Рыков 2003: Рыков В. В. Корпус текстов как новый тип словесного единства / В. В. Рыков // Труды Междунар. семинара «Диалог–2003». – М.: Наука, 2003. – С. 86–92.
- Рыков 2004: Рыков В. В. Корпус текстов как онтология речевой деятельности / В. В. Рыков // Труды Междунар. семинара «Диалог–2004». – М.: Наука, 2004. – С. 78–84.
- Рябых 2006: Рябых Е. Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «теория языка» / Е. Б. Рябых. – Тамбов, 2006. – 25 с.

- Ряпосова 2002: Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы»: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / А. Б. Ряпосова. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.
- Серебренников 1988: Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б. А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: сб. науч. ст. / [ред. Б. А. Серебренников]. – М.: Наука, 1988. – С. 82–96.
- Синица 2006: Синица И. А. Языковая личность ученого-гуманитария XIX в. / И. А. Синица. – К.: Изд. дом Д. Бураго, 2006. – 350 с.
- Скляревская 1991: Скляревская Г. Н. Языковая метафора как категория лексикологии (к вопросу о семантических границах языковой метафоры) / Г. Н. Скляревская // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд. НГУ, 1991. – С. 33–37.
- Скляревская 1993: Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб.: Наука, 1993. – 256 с.
- Слышкин 2004: Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 280 с.
- Способы номинации 1982: Способы номинации в современном русском языке / [отв. ред. Д. Н. Шмелев]. – М.: Наука, 1982. – 294 с.
- Степанов 2001: Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 312 с.
- Стернин 1985: Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 170 с.
- Стернин 2004: Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И. А. Стернин // Введение в когнитивную лингвистику / [отв. ред. М. В. Пименова]. – Кемерово: Графика, 2004. – С. 44–51.
- Тараненко 1980: Тараненко О. О. Полісемічний паралелізм і явище семантичної аналогії / О. О. Тараненко. – К.: Наукова думка, 1980. – 116 с.
- Тараненко 1989: Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах: основные семантические процессы / А. А. Тараненко. – К.: Наукова думка, 1989. – 256 с.
- Телия 1977: Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (виды наименований) / [отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева]. – М.: Наука, 1977. – С. 129–222.
- Телия 1981: Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
- Телия 1988а: Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте : сб. науч. ст. / [отв. ред. В. Н. Телия]. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.
- Телия 1988б: Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: сб. ст. / [ред. Б. А. Серебренников]. – М., 1988. – С. 173–204.
- Толочин 1996: Толочин И. В. Метафора и интертекст в англоязычной поэзии: лингвостилистический аспект / И. В. Толочин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 96 с.

- Томашевский 1959: Томашевский Б. В. Стих и язык / Б. В. Томашевский. – М.: Гослитиздат, 1959. – 472 с.
- Трифорова 2005: Трифорова Н. С. Метафора в ранней лирике Анны Ахматовой: «Вечер», «Белая стая», «Анно Доміні»: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «русская литература» / Н. С. Трифорова. – Екатеринбург, 2005. – 22 с.
- Тропина 2003: Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование / Н. П. Тропина. – Херсон: Изд-во ХГУ, 2003. – 336 с.
- Усминский 1996: Усминский О. И. Сенсорные тропы: классификация, значения, функции / О. И. Усминский. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1996. – 150 с.
- Уткина 2006: Уткина Т. И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «теория языка» / Т. И. Уткина. – Пермь, 2006. – 24 с.
- Уфимцева 1986: Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семантического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
- Уфимцева Н. 1998: Уфимцева Н. П. Метафоризм поэтического сборника М. Цветаевой «После России» / Н. П. Уфимцева // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX в.: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – Иваново: Изд-во ИГУ, 1998. – С. 226–228.
- Фатеева 1995: Фатеева Н. А. Семантические преобразования в прозе и поэзии одного автора и в системе поэтического языка / Н. А. Фатеева // Очерки истории языка русской поэзии XX в. Образные средства поэтического языка и их трансформации / [отв. ред. В. П. Григорьев]. – М.: Наука, 1995. – С. 225–238.
- Фатеева 1996: Фатеева Н. А. Стих и проза как две формы существования поэтического идиостиля: автореф. дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Н. А. Фатеева. – М., 1996. – 36 с.
- Фатеева 2003: Фатеева Н. А. Поэт и проза: книга о Пастернаке / Н. А. Фатеева. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 400 с.
- Філатенко 2003: Філатенко І. О. Сучасна політична метафора в російсько-мовній газетній комунікації України: когнітивно-прагматичний опис: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «російська мова» / І. О. Філатенко. – К., 2003. – 19 с.
- Фрумкина 1992: Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 28–43.
- Ходасевич 1991: Ходасевич В. Колблемый треножник: Избранное / [отв. ред. Н. А. Богомолов] / В. Ходасевич. – М.: Советский писатель, 1991. – 688 с.
- Цивьян 2006: Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М.: УРСС, 2006. – 280 с.
- Чадюк 2005: Чадюк О. М. Метафора у сфері сучасної української політичної комунікації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «українська мова» / О. М. Чадюк. – К., 2005. – 20 с.

- Ченки 1997: Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики* / [отв. ред. А. А. Кибрик]. – М.: Наука, 1997. – С. 340–369.
- Чудинов 2001: Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. – 238 с.
- Чудинов 2003: Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. – 248 с.
- Шабалина 2007: Шабалина Н. Ю. Когнитивные модели субстандартной семантической деривации (на материале тематической группы субстандартных глаголов умственной деятельности современного английского и русского языков): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «сравн.-ист., типол. и сопост. языкознание» / Н. Ю. Шабалина. – Тюмень, 2007. – 24 с.
- Шайкевич 2005: Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику / А. Я. Шайкевич. – М.: Academia, 2005. – 394 с.
- Шестак 2003: Шестак Л. А. Русская языковая личность (коды образной вербализации тезауруса): автореф. дис. на соискание уч. степени докт. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / Л. А. Шестак. – Волгоград, 2003. – 38 с.
- Шинкаренкова 2005: Шинкаренкова М. Б. Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «русский язык» / М. Б. Шинкаренкова. – Екатеринбург, 2005. – 24 с.
- Шмелев 1964: Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1964. – 244 с.
- Шмелев 1973: Шмелев Д. Н. Проблема семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
- Шмелев А. 2002: Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 256 с.
- Шмелев А. 2003: Шмелев А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира / А. Д. Шмелев // *Русское слово в мировой культуре*: сб. науч. тр. – СПб.: Наука, 2003. – С. 12–27.
- Шрамм 1979: Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А. Н. Шрамм. – Л.: Наука, 1979. – 182 с.
- Эйнштейн 1965: Эйнштейн А. Принципы научного исследования // Эйнштейн А. *Физика и реальность*. – М.: Наука, 1965. – С. 5–10.
- Эйхенбаум 2001: Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова / Б. М. Эйхенбаум // А. А. Ахматова: pro et contra. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 202–224.
- Юнггрен 1999: Юнггрен А. Поэзия Тютчева на фоне салонной речи / А. Юнггрен // *Тютчевский сборник. Т. 2* / [ред. Л. Киселева и др.]. – Тарту, 1999. – С. 18–30.
- Юрьева 1980: Юрьева З. Одежда и материя в цикле симфоний Андрея Белого / З. Юрьева // *Andrey Bely. Centenary papers. By Boris Christa*. – Amsterdam, 1980. – P. 118–134.

- Якобсон 1987: Якобсон Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – 380 с.
- Britton 1996: Britton B. Models of understanding text / B. Britton, A. Graesser. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996. – 186 p.
- Fauconnier 1998: Fauconnier G. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Science*. – 1998. – Vol. 22. – № 2. – P. 133–187.
- Fauconnier 2002: Fauconnier G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books, 2002. – 400 p.
- Gibbs 1994: Gibbs R. The Poetics of Mind: Figurative Thought, Language, and Understanding / R. Gibbs. – New York: CU Press, 1994. – 214 p.
- Gibbs 2002: Gibbs R. Bodily action and metaphorical meaning / R. Gibbs, N. Wilson // *Style*. – 2002. – Vol. 36. – № 3. – P. 533–554.
- Grady 1999: Grady J. Conceptual Blending and Metaphor / J. Grady, T. Oakley, S. Coulson // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / [ed. R. Gibbs, G. Steen]. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. – P. 101–124.
- Hardy 2003: Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: a Thesis for the degree of Master of Arts / V. Hardy. – Washington: Georgetown University, 2003. – 116 p.
- Lakoff 1980: Lakoff G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 237 p.
- Lakoff 1993: Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // *Metaphor and Thought* / [ed. A. Ortony]. – Cambridge: CU Press, 1993. – P. 202–251.
- Musolff 2004: Musolff A. Metaphor and conceptual evolution / A. Musolff // *Metaphorik*. – 2004. – № 7. – P. 55–75.
- Ritchie 2004: Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation / D. Ritchie // *Metaphor and Symbol*. – 2004. – Vol. 19. – № 3. – P. 233–244.
- Turner 1995: Turner M. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10. – № 3. – P. 183–203.
- Turner 2000: Turner M. Metaphor, Metonymy, and Binding / M. Turner, G. Fauconnier // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / [ed. A. Barcelona]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133–148.
- Zinken 2004: Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin / J. Zinken // *Metaphorik*. – 2004. – № 7. – P. 115–136.

Словари

- Баранов 1994: Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1994. – 352 с.
- Баранов О. 2002: Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. – М.: Русский язык, 2002. – 1200 с.
- БАС: Словарь современного русского литературного языка / [под ред. В. И. Чернышева]: в 17-ти т. – М.: Советская энциклопедия, 1948–1965.

- БЭС: Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. А. М. Прохоров; изд. 2-е, перераб., доп.]. – М.–СПб.: БРЭ; Норинт, 2004. – 1456 с.
- БЭС.Я: Большой энциклопедический словарь. Языкознание / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: БРЭ, 1998. – 685 с.
- Караулов 1976: Караулов Ю. Н. Минимальный идеографический словарь / Ю. Н. Караулов. – М.: Русский язык, 1976. – 368 с.
- Кожевникова 1994: Кожевникова Н. А. Словарь метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – Т. 53. – 1994. – № 4. – С. 71–85.
- Кожевникова 2000: Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. – Вып. 1. Птицы / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова / [отв. ред. М. Л. Гаспаров, В. П. Григорьев]. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 476 с.
- Кожевникова 2010: Кожевникова Н. А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. – Вып. 2. Звери, насекомые, рыбы, змеи / Н. А. Кожевникова, З. Ю. Петрова. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 512 с.
- КСКТ 1996: Краткий словарь когнитивных терминов / [Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина]. – М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
- ЛЭС 1990: Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
- МАС: Словарь русского языка: в 4-х т. / [отв. ред. А. П. Евгеньева]. – М.: Русский язык, 1985–1988.
- НФС 2003: Новейший философский словарь / [гл. ред. А. А. Грицанов]. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
- Павлович 1999: Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: в 2-х т. / Н. В. Павлович. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- РЯ.Э 2003: Русский язык: энциклопедия / [отв. ред. Ю. Н. Караулов]. – М.: Большая российская энциклопедия, 2003. – 704 с.
- САС 2004: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / [Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов]. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 792 с.
- Селіванова 2010: Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2010. – 844 с.
- СлРЯ: Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1949. – 712 с.
- СлРЯ.1: Ожегов С. И. Словарь русского языка / [изд. 4-е, испр., доп.] / С. И. Ожегов. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – 720 с.
- СлРЯ.2: Ожегов С. И. Словарь русского языка / [изд. 20-е, испр., доп.] / С. И. Ожегов / [ред. Н. Ю. Шведова]. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
- Степанов 1997: Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры (Опыт исследования) / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 340 с.
- СлЯРП: Словарь языка русской поэзии XX в.: в 3-х т. / [отв. ред. В. П. Григорьев]. – М.: Языки славянской культуры, 2001–2008.

- ТСРЯ: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- ТСРЯ.У: Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / [ред. Д. Н. Ушаков]. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
- ФЭС 2003: Философский энциклопедический словарь / [Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко]. – М.: Инфра-М, 2003. – 576 с.

Источники

- АА: Ахматова А. А. Узнают голос мой...: Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / [сост. Н. Н. Глен, Л. А. Озеров; вступ. ст. Л. А. Озерова] / А. А. Ахматова. – М.: Педагогика, 1989. – 608 с.
- АБ.П: Белый А. Избранное / А. Белый. – Ростов-на/Д: Феникс, 1996. – 446 с.
- АБ.Пр: Белый А. Избранная проза / [сост., вступ. ст. Л. А. Смирновой] / А. Белый. – М.: Советская Россия, 1988. – 464 с.
- ЗГ: Гиппиус З. Н. Сочинения: Стихотворения. Проза / [сост., вступ. ст. К. Азадовского, А. Лаврова] / З. Н. Гиппиус. – Л.: Художественная литература, 1991. – 672 с.
- ВИ.П: Инбер В. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / В. Инбер. – М.: Художественная литература, 1965. – 574 с.
- ВИ.Пр: Инбер В. Избранная проза / В. Инбер. – М.: Художественная литература, 1971. – 512 с.
- МК: Кузмин М. А. Стихи и проза / [сост., вступ. ст. Е. В. Ермиловой] / М. А. Кузмин. – М.: Современник, 1989. – 431 с.
- БП.П: Пастернак Б. Избранное: в 2-х кн. Кн. 1. Стихотворения и поэмы / Б. Пастернак. – М.: Просвещение, 1991. – 254 с.
- БП.Пр: Пастернак Б. Избранное: в 2-х кн. Кн. 2. Проза / Б. Пастернак. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
- БП.Прж: Пастернак Б. Доктор Живаго / [вступ. ст. Е. Б. Пастернака] / Б. Пастернак. – М.: Книжная палата, 1989. – 430 с.
- ИС.П: Сельвинский И. Л. Стихотворения. Царевна-Лебедь / И. Л. Сельвинский. – М.: Художественная литература, 1984. – 383 с.
- ИС.ППр: Сельвинский И. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Путешествие по Камчатке. Арктика / И. Сельвинский. – М.: Художественная литература, 1973. – 414 с.
- ИС.Пр: Сельвинский И. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 6. О, юность моя! / И. Сельвинский. – М.: Художественная литература, 1974. – 510 с.
- МЦ: Цветаева М. И. Избранное / М. И. Цветаева. – М.: Просвещение, 1990. – 366 с.
- МЦ.Пр: Цветаева М. И. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. Проза. Письма / [сост. А. Саакянц] / М. И. Цветаева. – М.: Художественная литература, 1988. – 639 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ МЕТАФОР РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Агония. *оказ.* * Состояние полного увядания (о растениях). *Агония рябины* (Б. Пастернак).

Алмаз. *оказ.* Что-л. блестящее, сверкающее, похожее на алмаз. *Алмазы слез. Звезд разметанный алмаз. Сверкни, звезды алмаз. Алмазы звезд* (А. Белый).

Алмазный. *оказ.* Блестящий, сверкающий. *Рой алмазных, блестящих стрекоз* (А. Белый).

Атлас. 1. *оказ.* Что-л. гладкое, мягкое. *Травные атласы* (А. Белый). 2. *оказ.* Что-л. с ровной блестящей поверхностью. *Туч атласы* (А. Белый).

Атласный. 1. Гладкий, мягкий. *Атласные пряди* (А. Белый). 2. Ровный, с блестящей поверхностью, похожий на атлас. *Атласный снег* (А. Белый).

Бал. *оказ.* Движение множества чего-л. под действием воздушной струи. *Бал метелей на Марсовом поле. Бал листопада* (А. Ахматова).

Бархат. 1. *оказ.* О чем-л. приятном по внешнему виду. *Бархат глаз* (Б. Пастернак). 2. *оказ.* Что-л. мягкое, приятное на ощупь. *Над бархатами борозд* (А. Белый). *Бархат земли* (В. Инбер, Б. Пастернак). 3. *оказ.* Что-л. плотное, густое, насыщенное (о воздухе и т. п.). *Бархат эфира. Бархат тьмы* (А. Белый). 4. *оказ.* Состояние удовольствия, удовлетворения (о чувствах). *В темном бархате чувств* (А. Белый). 5. *оказ.* О чем-л. достойном внимания, заслуживающем признания. *Черный бархат таланта* (Б. Пастернак). *Нежный бархат поэзии* (И. Сельвинский).

Бархатный. 1. *оказ.* Приятный по внешнему виду. *Взгляд бархатных очей* (А. Белый). 2. *оказ.* Мягкий, приятный на ощупь. *На черной бархатной земле* (В. Инбер). 3. *оказ.* Плотный, густой, насыщенный (о воздухе и т. п.). *В темнотах бархатных* (А. Белый).

Бедро. *оказ.* Средняя выступающая часть чего-л. *Бедро башни* (В. Инбер).

Безглагольный. *оказ.* Внешне не проявляющийся, скрытый. *С душою безглагольной. Луч безглагольного взора* (А. Белый).

Безгласный. *оказ.* Не производящий каких-л. звуков, тихий. *Осиновый лист безгласен* (Б. Пастернак).

Безмолвный. 1. Не нарушаемый звуками, тихий. *Леса безмолвны зимней тишиной. Безмолвна гладь* (М. Кузмин). *Безмолвна песня, музыка нема* (А. Ахматова). *Безмолвный ветер. Ночь безмолвна. Безмолвные тополи. Деревья безмолвно принимают солнечные лучи* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* То же, что *безглагольный*. *Душа безмолвно звала* (И. Сельвинский).

* Пометой *оказ.* обозначены окказиональные (речевые) метафоры, толкования которых даны в интерпретации автора монографии; значения узуальных (языковых) метафор представлены в соответствии с толковыми словарями.

Безмолвствовать. *оказ.* Не нарушать тишины, не производить каких-л. звуков. *Башины и ворота безмолвствовали* (М. Кузмин).

Безрассудный. *оказ.* Сильно проявляющийся, интенсивный; порывистый (о ветре). *Ветер безрассудный* (А. Белый).

Бескрылый. Лишенный творческой фантазии, силы. *Бескрылым словом его ужасно сладко* (В. Инбер).

Бессонный. 1. *оказ.* Сильно проявляющийся, насыщенный (о запахе). *Бессонный запах матиол* (Б. Пастернак). 2. *оказ.* Издающий непрерывные звуки. *Ручейков бессонных болтовня* (Б. Пастернак).

Бирюза. *оказ.* Что-л. голубого или голубовато-зеленого цвета. *Неба бирюза. Бирюза взоров* (А. Белый).

Болтливый. *оказ.* Непрерывно журчащий (о воде). *Болтливая струя* (И. Сельвинский). *Хочу бежать болтливymi ручьями* (З. Гиппиус).

Болтовня. *оказ.* Непрерывное журчание воды. *Ручейков бессонных болтовня* (Б. Пастернак).

Больной. *оказ.* Утративший свои характерные признаки, свойства; увядающий. *Глядел и вызывал вопрос в больших глазах больных берез. Чахнет снег и болен малокровьем* (Б. Пастернак).

Бормотание. *оказ.* Быстрые тихие невнятные звуки. *Бормотание сонной гагары* (В. Инбер).

Бормотать. *оказ.* Издавать быстрые тихие невнятные звуки. *Тихо свое бормотали арыки* (А. Ахматова). *Воды бормотали* (З. Гиппиус).

Бриллиант. *оказ.* То же, что *алмаз*. *Росы бриллианты* (А. Белый).

Брызги. Рассеянные лучи света. *Брызги огней* (А. Белый). *Брызги сторожевых огней* (И. Сельвинский).

Брызнуть. Внезапно появиться, показаться (о лучах света, солнца, огня). *Солнце брызнуло первыми лучами* (М. Кузмин).

Брюхо. *оказ.* Средняя выступающая часть чего-л. округлой формы. *Брюхо мостов* (А. Ахматова).

Будить. 1. *оказ.* Быть предвестником оживания природы. *Ни сова, ни дятел лес не будят ото сна* (Б. Пастернак). 2. *оказ.* Способствовать проявлению чего-л. (о чувствах и т. п.). *Будит душу сонную* (З. Гиппиус).

Вещать. *оказ.* Издавать отрывистые звуки. *Квакша вещала* (Б. Пастернак).

Взгляд. *оказ.* Направленность в какую-л. сторону, куда-л. *Лучистый солнца взгляд* (З. Гиппиус).

Вздых. *оказ.* Периодическое веяние, дуновение. *Вздых ветров* (А. Белый).

Вздыхать. 1. *оказ.* Периодически веять, обдавать чем-л. (о воздухе, запахе). *Комнаты вздыхали облегченно* (Б. Пастернак). *Вздыхающий лес* (А. Белый). 2. *оказ.* Испытывать чувство умиротворения, спокойствия. *Душа вздыхала* (И. Сельвинский).

Взлетать. *оказ.* Стремиться к чему-л. (о мечтах, желаниях и т. п.). *Душа, как раненая птица, рвалась взлететь* (З. Гиппиус).

Влиться. 1. Проникнуть куда-л. (о воздухе, запахе и т. п.). *Ветер в окно вливался влажною струею* (А. Ахматова). *Запах гари влился в черный*

бор (И. Сельвинский). 2. Дополнить собой, присоединиться; войти, пополнить состав чего-л. *Граждане потоком вливаются в него* (В. Инбер). *Душой вливаюсь во все эпохи. Я вольюсь в океанский сон* (И. Сельвинский).

Водопад. 1. *оказ.* Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. *Веков струевой водопад* (А. Белый). 2. *оказ.* Что-л. в большом количестве. *Водопады од* (М. Цветаева). 3. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом водопад. *Водопады занавеса* (М. Цветаева).

Возглас. *оказ.* Громкий отрывистый звук. *Стрижей витийственный возглас* (Б. Пастернак).

Волна. 1. О чем-н. движущемся друг за другом во множестве на некотором расстоянии; появляющаяся или сменяющаяся одна другую в движении масса. *Расплескалась колосьев волна. Береза льет волну своих кудрей. Волны ковыли. Травная волна* (А. Белый). 2. Движение чего-л. (какой-л. массы или тумана, дыма и т. п.), напоминающее движение водяного вала. *Холодочка струится волна. Волны фимиама. В волнах эфира* (А. Ахматова). *Дуновенье струило прохладу волною. Волна ветра. Волна пара. Снежная волна. Волны тьмы* (А. Белый). *Волна холода* (В. Инбер). *Стекает вниз прозрачность теплыми волнами. Ветер сушит плечи тугой волной* (М. Кузмин). *Волны зноя* (Б. Пастернак). *В желтой волне тумана* (З. Гиппиус). 3. Неожиданное возникновение, сильное проявление какого-л. чувства или состояния; массовое проявление чего-л. *Волна радости* (З. Гиппиус). *Смерти черная волна. Волны впечатлений* (В. Инбер). *Волна возжелений. В огромной волне любви, теплоты, прямотушия* (М. Кузмин). *Горячая волна рвалась из груди* (И. Сельвинский). *Волна плача* (Б. Пастернак). 4. *оказ.* Внезапно появляющиеся громкие звуки, издаваемые кем-л., чем-л. *Волна звуков* (А. Белый). *В веселой волне звуков. Волны дальней музыки. Волны песни* (З. Гиппиус). *Прошла волна овации по залу* (В. Инбер). 5. *оказ.* Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. *Времени волна* (А. Белый). *Волна дней* (Б. Пастернак). 6. *оказ.* Что-л. имеющее волнистые очертания, напоминающее своим видом волны. *Волны гривы* (А. Ахматова). *Волны кудрей* (А. Белый).

Вопль. 1. *оказ.* Громкий резкий звук. *Вопль паровоза* (А. Ахматова). 2. *оказ.* Сильное проявление чего-л. *Дикий вопль судьбы* (А. Ахматова).

Вопить. *оказ.* Издавать громкие пронзительные звуки. *Вопил телефонный нерв* (И. Сельвинский).

Ворковать. *оказ.* Издавать приятные переливчатые звуки. *Барабаны воркуют дробно* (М. Кузмин). *Королев засмеялся тихим воркующим смехом* (И. Сельвинский).

Ворчание. *оказ.* Короткие низкие звуки. *Басовое ворчание грома* (И. Сельвинский).

Ворчать. *оказ.* Издавать короткие низкие звуки. *Ворчит, будто выстрелы, тишина* (З. Гиппиус).

Воспламенить. Заставить возбудиться, увлечься какой-л. мыслью, чувством и т. п. *С 1905 года пятна восприятий вскричали, воспаляя сознание* (А. Белый). *Откровенья, бури и щедроты души воспламенной чьейнибудь* (Б. Пастернак).

Вплыть. 1. *окказ.* Появиться, стать видимым, слышимым. *Концертный инструмент wpłyвает* (И. Сельвинский). *Вплыл ее голос* (Б. Пастернак). 2. *окказ.* Войти в какое-л. состояние. *Вплывает в бездну сновидений душа* (В. Инбер).

Всплеск. 1. *окказ.* Изменение звучания, производимого кем-л., чем-л., напоминающее всплески воды. *Всплески жесткой беседы* (А. Ахматова). 2. *окказ.* Периодически усиливающееся проявление чего-л. *Всплеск огня* (З. Гиппиус). 3. *окказ.* Периодическое проявление какого-л. чувства, состояния и т. п. *Всюду отблеск червонца среди всплесков тоски* (А. Белый). 4. *окказ.* Внезапное усиление какого-л. качества, свойства (о цвете, запахе). *Глаз бирюзовый всплеск* (А. Белый).

Вспыхнуть. 1. Внезапно возникнуть (о чувствах, потрясениях). *Внезапно вспыхнула идея* (М. Кузмин). 2. *окказ.* Вновь возникнуть, возобновиться с новой силой. *Вспыхивают угасшие споры* (В. Инбер). 3. *окказ.* Внезапно стать незабываемым событием, вызвать яркое впечатление. *Какая-нибудь из бумажек, выйдя из лотерейного колеса, вспыхнула бы у выхода пожаром выгрыша, победы* (Б. Пастернак).

Всхлипывать. *окказ.* Издавать прерывистые жалобные звуки. *Всхлипнет кустик. Всхлипнули бубенцы* (А. Белый).

Вуаль. *окказ.* То, что покрывает, окутывает что-л. (о тумане, дыме и т. п.). *Под дымной вуалью. В вуалях темноты* (А. Белый). *Вуали темноты* (Б. Пастернак).

Выплыть. *окказ.* То же, что *вплыть* в 1 знач. *Орудие, выплывшее из тумана, не участвовало в бою* (И. Сельвинский).

Гамма. Последовательная смена каких-л. явлений, событий. *Дипломатическая гамма. Гамма времен* (В. Инбер).

Гаснуть. Ослабевать, исчезать. *На миг погаснет голос. Вновь вспыхивают угасшие споры* (В. Инбер).

Глаз. *окказ.* Что-л. излучающее свет, просвет где-л. *Солнца огненный глаз* (В. Инбер). *Глазочками поморгают лампадки* (А. Белый). *Глядел и вызывал вопрос в больших глазах больных берез* (Б. Пастернак).

Глядеть. 1. *окказ.* Быть видимым, виднеться, выглядывать. *Осень пустыни очами глядит меж стволами. Деревья глядели на него. Глянул из-за угла месяц. Месяц глядит на меня* (З. Гиппиус). 2. *окказ.* Приближаться (о времени, поре), наступить. *Глядит холодная весна* (З. Гиппиус).

Гнездиться. 1. Тесниться (о мыслях, чувствах и т. п.); прочно держаться в ком-л., чем-л., корениться. *В душе гнездилась радость* (М. Цветаева). 2. *окказ.* Находиться, располагаться где-л. *Здесь гнездилась кордонная батарея* (И. Сельвинский).

Гнездо. 1. Притон, тайное пристанище. *Разбойничье гнездо* (И. Сельвинский). 2. Семья, род. *Улетели дети из гнезда* (И. Сельвинский). 3. *окказ.* Совокупность, скопление чего-л. *Гнезда огней* (В. Инбер). *Гнезда квартир* (И. Сельвинский). 4. *окказ.* Средоточие чего-л. (о переживаниях, состоянии и т. п.). *Отчаянный гнездо* (М. Цветаева).

Говор. 1. Прерывистый шум, гул (щебетание птиц, журчание воды и т. п.). *Говор моря* (З. Гиппиус). *Над говорами струй* (А. Белый). *В говоре*

птичьим (М. Кузмин). **Говор** дул. **Говорок** частушки. **Говор** дворов (Б. Пастернак). 2. *окказ*. Изложение, повествование о чем-л. **Говор** событий (А. Белый).

Говорить. 1. Внушать, вызывать какие-л. чувства, мысли. *Небо говорило мне. Небо не заговорило со мною* (З. Гиппиус). 2. Свидетельствовать о чем-л. *Седые камни говорят* (В. Инбер). 3. *окказ*. Выражать, изображать что-л. *Поэзия заговорила* (Б. Пастернак). *Карта говорила четырехцветным языком* (И. Сельвинский). 4. *окказ*. Издавать размеренные, прерывистые звуки (о явлениях природы, инструментах и т. п.). *С каплей говорит апрель* (Б. Пастернак). *Ивы что-то говорят. Колокол заговорил не набатным, грозным голосом* (А. Ахматова). **Говорят** скворцы. **Зенитки говорят** (В. Инбер). **Выговаривала** шарманка ясно (З. Гиппиус). **Рожок говорит** (М. Кузмин).

Говорливый. 1. Безумолчно журчащий (о ручье, воде). **Говорливые** ручейки (А. Ахматова). 2. *окказ*. Непрерывно шумящий (о шелесте листвы, травы и т. п.). *Деревья говорливые* (Б. Пастернак).

Голова. *окказ*. Верхняя часть чего-л. округлой формы (верхушки растений и т. п.). *Склонялись головы берез* (В. Инбер). **Головы** цветов (Б. Пастернак).

Голос. 1. Веление, зов какого-л. внутреннего чувства, инстинкта, убеждения. **Голос** радости могучей. **Голос** памяти. *В голосе грозном софийского звона мне слышится голос тревоги твоей* (А. Ахматова). **Голос** любви безрассудный (А. Белый). **Голоса** рассудка (В. Инбер). *В сердце голос ярок и победен* (М. Кузмин). **Голос** силы (Б. Пастернак). 2. Мнение, высказывание. **Голос** молвы (А. Ахматова). *И голос новых поколений* (И. Сельвинский). 3. *окказ*. Звуки, производимые чем-л. (о явлениях природы, инструментах и т. п.). **Голос** ветра. *Скорбных скрипок голоса. Голосом серебряным волынка поет. Голос колокольный. Колокол заговорил не набатным, грозным голосом. Голоса органа грянут. В голосе грозном софийского звона мне слышится голос тревоги твоей* (А. Ахматова). *Ветра дальний глас. Голос ветра замирает* (А. Белый). *Шепотливы дождевые голоса* (З. Гиппиус). *Виолончель притаила голос. Спасской башии голос важный. Резкий голос сирены. Не умолкают пушек голоса. Громовый голос пушек. Рокочет пропеллер голосом высот* (В. Инбер). *Зазвучала человеческим голосом гитара. Голос картечи* (И. Сельвинский). 4. *окказ*. Что-л. характерное (явление, событие и т. п.) для какого-л. исторического периода. **Голос** времени (В. Инбер). **Голоса** эпох (И. Сельвинский).

Голосистый. *окказ*. Издающий громкие звуки. *На бревнах – голосистая пила опять свои частушки завела* (В. Инбер).

Голубь. *окказ*. О проявлениях психики человека (о мыслях, чувствах, переживаниях и т. п.). *Мелькнул души молочный голубь. Голубь моей печали* (М. Кузмин).

Горение. 1. *окказ*. Пыл, воодушевление. **Горение** его страстной души (В. Инбер). *Ей предшествует вечер крушений, горенья души* (Б. Пастернак). 2. *окказ*. Активная деятельность (физическая, интеллектуальная, творческая и т. п.). *Весь Бунин был словно высушен неустанным, безрадостным горе-*

нием ума (В. Инбер). 3. *окказ*. О ком-л. отличающемся горячим, пылким нравом, порывистостью и т. п. *Недотрога, тихоня в быту, ты сейчас вся огонь, вся горенье* (Б. Пастернак).

Гореть. 1. Быть охваченным каким-л. сильным чувством. *Сердце горит, указывает обороняться* (А. Белый). 2. *окказ*. Напоминать своим видом огонь, пламя; быть цвета пламени. *Огни зари горят* (А. Белый). *И вы прошли в имбирно-красный лес, горевший, как печатный пряник. Жаром горел дикий виноград* (Б. Пастернак). 3. *окказ*. Быть, становиться незабываемым, памятным. *Горело пламя древних эр* (В. Инбер). 4. *окказ*. Быстро заканчиваться, идти на убыль. *И февраль горит, как хлопок, захлебнувшийся в спирту* (Б. Пастернак).

Горланить. *окказ*. Издавать очень громкие звуки. *Петух свой окрик прогорланит* (Б. Пастернак).

Гортанный. *окказ*. Издающий глухие отрывистые звуки. *Я полюбил твои гортанные ручьи* (И. Сельвинский).

Горячечный. *окказ*. Очень сильный, сильно проявляющийся (о звучании чего-л.). *В горячечном гаме рубанков* (Б. Пастернак).

Грассировать. *окказ*. Издавать громкие раскатистые звуки. *Грассируют ручьи* (И. Сельвинский).

Град. Поток чего-н.; множество, обилие чего-н. *Посыпался град замечаний. Под градом пуль она бесстрашно вынесет из боя* (В. Инбер). *После града телеграмм и телефонных звонков я приехала* (А. Ахматова).

Грудь. *окказ*. Что-л. большое, выпуклой формы, с округлыми очертаниями. *Падешь в крови на груди земли. Грудь утесов* (А. Белый).

Губы. *окказ*. Что-л. выпуклой удлинённой формы. *Персидского залива обметанные губы* (В. Инбер).

Дождь. 1. О чем-л. падающем, сыплющемся в большом количестве. *Дожди летящих метеоров* (А. Белый). *Падал дождь соломин* (Б. Пастернак). 2. *окказ*. Что-л. непрерывно появляющееся, в большом количестве. *Непрекращающийся дождь его стихов* (А. Ахматова). *Дождь симфоний* (А. Белый). *Косые дожди единиц* (В. Инбер). 3. *окказ*. Огромное количество, обилие чего-л. *Дождь лепестков* (В. Инбер). *Дождь ландышей* (Б. Пастернак).

Дремать. 1. *окказ*. Не проявляться (о чувствах, мыслях и т. п.). *Дремлет медленная воля* (М. Кузмин). 2. *окказ*. Находиться в состоянии покоя, быть почти неподвижным. *Дремала лениво голубая вода* (З. Гиппиус). *Лодки дремлют над водой. Лес тихо дремлет. Травы дремали* (М. Кузмин). *Подосиновик дремал. Дремлют скифские курганы* (И. Сельвинский). *Дремлет площадь. Небо дремлет* (Б. Пастернак). 3. *окказ*. Медленно проходить, длиться (о времени). *Ночь дремала* (М. Кузмин).

Дым. 1. *окказ*. Легкая или густая пелена. *Сквозь незанавешенное окно – лгчайший дым луны. В дыму пурги и звездной тишине проходит Пояс Ночи по стране* (В. Инбер). 2. *окказ*. Что-л. похожее на клубы дыма, подобное дыму. *Сметнула с своего плеча волос сквозных пепельный дым. Разметался по подушке пепельный дым ее волос. Кате локонов дым процекотал руку. Кудри слились в один прядяющий в ветре дым* (А. Белый).

Дымиться. 1. Распространяться в виде дымки. *Дымился полумрак комнат* (Б. Пастернак). 2. *оказ.* Напомянуть своим видом, быть похожим на клубы дыма. *Всем переулком дымилась весна* (Б. Пастернак).

Дыхание. 1. Проявление чего-л., веяние, дуновение. *Полевое дыханье. Дыханье вечера* (А. Белый). *Дыханье зацветших миндалей. Дыханье ветра. Дыхание огня. Дыханье стонущей воды. Дыханье моря* (З. Гиппиус). *В стихи я б внес дыханье роз, дыханье мяты. Клубится дыханье помой. Дыхание холода* (Б. Пастернак). *Море тихо дышит, его дыханием наполнен Крым. Дыхание тепла. Дыхание волны. В дыхании вод* (И. Сельвинский). 2. *оказ.* Тихое равномерное звучание чего-л., напоминающее дыхание (шум волн и т. п.). *Слышно дыханье рек* (З. Гиппиус). *Музыкальное дыханье* (И. Сельвинский). 3. *оказ.* Слабые колебательные движения чего-л., напоминающие дыхание. *Лодки колебались от дыханья волн* (З. Гиппиус).

Дышать. 1. Веять, обдавать чем-л.; испускать что-л. *Дышит ветерок. Сумерки дышали холодком. Дышит печь* (А. Белый). *Озеро дышит теплым туманом. Дышит тихая весна. Цветы дышат. Едко дышит тленье* (З. Гиппиус). *Море тихо дышит, его дыханием наполнен Крым. Апрель дышал цветами. Поезда дышали* (И. Сельвинский). *Дышат тучи грозой. Дышит ночь. Цветы дышали. Дышал по чашкам чай. Стал дышать броненосец* (Б. Пастернак). 2. Быть проникнутым чем-л., выражать что-л. *Встреча дышит тайной. Дышит скукой наш уголок. Никогда мои слова не дышали таким откровенным признанием. Розы радостью дышат* (З. Гиппиус). *В поэзии дышит наивность. Предметы дышат странной жизнью* (И. Сельвинский). *Дышат комнаты привольем* (Б. Пастернак). 3. *оказ.* Издавать тихие равномерные звуки, напоминающие дыхание. *Дышит гром* (Б. Пастернак). *Рояль дышал* (И. Сельвинский). 4. *оказ.* Ритмично двигаться под действием чего-л., пружинить; чуть шевелиться. *Дышит почва под ногами* (Б. Пастернак). *Огонь под золою дышал* (З. Гиппиус).

Жадный. 1. Очень сильный, требующий немедленного удовлетворения. *Мысли – жадные и злые. Сердце мое жадное. Жадного сердца живая любовь* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* Очень сильный, проявляющий свои свойства в полной мере. *На распутьях костер ярко-жадный* (З. Гиппиус).

Жар. 1. *оказ.* Чувство, с силой овладевшее кем-л., охватившее кого-л. *Творения великого англичанина наполнились жаром и блеском страстей, пеплом раскаянья* (В. Инбер). 2. *оказ.* О сильных переживаниях, пережитых испытаниях. *Жаром испытанного было обожжено и вычернено его лицо* (Б. Пастернак). 3. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом пламя, цвета пламени. *Жаром горел дикий виноград* (Б. Пастернак).

Ждать. *оказ.* Внутренне стремиться к чему-л.; думать, переживать о чем-л. *Заветных сроков ждет душа* (З. Гиппиус).

Жемчуг. *оказ.* Что-л. мелкое, округлой формы. *Отцветали любки в сырых жемчугах росы* (А. Белый).

Желание. *оказ.* Внутреннее стремление к чему-л., переживание о чем-л. *Желанье сердца моего* (З. Гиппиус).

Жестокый. 1. Очень сильный, превосходящий обычные размеры, степень. *Всходило жестокое светило* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* Создающий боль-

шие трудности, крайне суровый. *Прими, прими, тайга жестокая, меня, горючего людьми* (З. Гиппиус).

Жить. Быть, находиться, иметься. *Живут слова, пока душа жива. Душа живет в оковах слов. В душе живет обман. Душа моя жила* (З. Гиппиус).

Залить. 1. Наполнить в избытке. *Прохлада бирюзой заливают роции. Все заливал мрак* (А. Белый). *Капая солнцем, закартавила труба, заливая уши медью* (И. Сельвинский). 2. *оказ.* Заполнить собой что-л. в значительной степени; преобладать на фоне чего-л. *Лицо заливали глаза* (А. Белый). 3. *оказ.* Заполнив собой, сделать незаметным, незначительным что-л. другое. *Не зальет потоками лет* (А. Белый).

Звать. *оказ.* Неожиданно возникать, появляться (о чувствах, воспоминаниях и т. п.). *Зовут тебя воспоминанья* (М. Кузмин).

Злой. Причиняющий сильную неприятность, боль и т. п.; сильный, крайний по степени своего проявления. *Солнце злое. Дождик злой. Ночь злая. Злая тьма. Злой огонь. Родина злая. Злой день. Избы смотрят злым глазком* (А. Белый). *Пробудились злые цветы. Злая жизнь. Злые дни. Злы пеньковые узлы* (З. Гиппиус). *Злая память* (А. Ахматова).

Зов. *оказ.* То же, что *голос* в 4 знач. *Уже я чую зов эпохи молодой* (И. Сельвинский).

Золото (*устар.* *злато*). *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом золото, блестяще-желтого цвета. *Воздушное нальется злато. Закатное злато. В полдневном золоте. Золото листвы* (А. Белый). *Золото заката. Золото кос. Черное золото сосен. Пушистое золото – хлопок. Золото листвы. Табачное золото долины. Золото пашен. Солнечное золотце* (В. Инбер).

Зрачок. *оказ.* Что-л. в виде точки внутри чего-л. округлой формы. *И жерди палисаден моргают зрачками виноградин* (Б. Пастернак).

Излиться. 1. Дать выход своим мыслям, чувствам, переживаниям; откровенно высказаться. *Я излился в словах* (А. Белый). 2. Проявиться по отношению к кому-л., обратиться на кого-л. *Причитанье было шире горя, в нем излившегося* (Б. Пастернак).

Испытаться. *оказ.* Перестать испытывать какое-л. сильное чувство; тяжело переживать о чем-л. *Но сердце мое испыталось в пепел* (И. Сельвинский).

Истаять. *оказ.* Исчезнуть, пройти (о чувстве, состоянии). *Тоска моя истает* (М. Кузмин).

Кадык. *оказ.* Неровная поверхность с небольшими, резко очерченными выступами. *Выкатив кадык, чернеет грунт* (Б. Пастернак).

Капать. *оказ.* Проявляться понемногу. *Мысли каплют* (З. Гиппиус). *Капая солнцем, закартавила труба, заливая уши медью* (И. Сельвинский).

Капля. 1. Ничтожно малое количество чего-л. *Серебряная капля звуковая. Ни капли жизни* (В. Инбер). *Капля солнца* (И. Сельвинский). 2. Что-л. проявляющееся понемногу, постепенно. *Тоску по капле коплю* (И. Сельвинский).

Картавить. *оказ.* Издавать невнятные звуки. *Картавит чайник. Закартавила труба* (И. Сельвинский).

Кисея. *оказ.* Что-л. сетчатое, напоминающее кисею. *В системе фильтров есть такое сито – прозрачная стальная кисея* (В. Инбер).

Кокарда. *оказ.* Что-л. небольшое округлой формы. *Всю эту бурю ревности побеждали черные кокарды фиалок* (Б. Пастернак).

Коралл. *оказ.* Что-л. цвета коралла. *Вверху розовый месяц коралл* (А. Белый).

Красноречие. *оказ.* Яркое убедительное свидетельство чего-л. (чувства, настроения и т. п.). *Красноречие моей любви* (М. Кузмин).

Крик. 1. Сильное, бурное проявление какого-л. чувства. *Крик сердца* (Б. Пастернак, И. Сельвинский). *Крик моей души* (Б. Пастернак). 2. *оказ.* Громкие звуки, издаваемые чем-л. (о явлениях природы, технике и т. п.). *В крике ветра* (М. Цветаева). *Крик бури* (И. Сельвинский). *Крик паровоза* (В. Инбер).

Кричать. *оказ.* Издавать громкие звуки (о явлениях природы, технике и т. п.). *Сентябрьский вихрь кричит* (А. Ахматова). *Закричал ей слово автомобиль* (З. Гиппиус).

Кровоподтек. *оказ.* Полосы синевато-красного цвета. *Зловещ горизонт и внезапен, и в кровоподтеках заря* (Б. Пастернак).

Кроткий. *оказ.* Не проявляющийся (о чувствах, переживаниях, состоянии). *Кроткая душа ее возмутилась* (З. Гиппиус).

Кружевной. Узорчатый, сетчатый, похожий на кружево. *В моей руке бокал хрустальный играет пеной кружевной* (А. Белый).

Кружево. Что-л. узорчатое, сетчатое, напоминающее своим видом кружево. *Пурговое кружево. Вечер кружева вьюги плетет* (А. Белый). *Разорванное кружево деревьев. Кружево листвы* (Б. Пастернак).

Крылатый. 1. О помыслах: вольный, свободный. *Мысль крылатая. Крылатые мысли. Голос крылатый. Душа крылатая* (М. Кузмин). *Слова мои сегодня не крылаты* (В. Инбер). *Пророкочет голос мой крылатый. Душа родилась крылатой. Душа ее крылата. Сердца крылатый взмах* (М. Цветаева). 2. *оказ.* Быстро перемещающиеся воздушные массы. *Крылатый ветер* (З. Гиппиус). *Сумрак крылатый* (А. Белый). 3. *оказ.* Имеющий форму крыльев (крыла). *Разлет бровей крылатых* (М. Цветаева). *Брови твои крылатые. Рояль крылатый* (И. Сельвинский).

Крыло. 1. *оказ.* О быстром перемещении воздушных масс. *Задев крылами, вдали летит без звука ветер* (З. Гиппиус). *И вскинула ночная мгла свои метельные крыла* (И. Сельвинский). 2. *оказ.* О сильном проявлении чего-л. (чувств, переживаний и т. п.). *Темные крыла счастья. Сломлены крылья святого безумия* (З. Гиппиус). *Крылья сердца глухо взвыли. Крылья сердца моего затрепетали* (М. Кузмин). *Орлиная сущность вдохновения, его широкошумные крылья* (В. Инбер). 3. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом крылья (крыло). *Пароход с крыльями рей. Просушивала оперенье крил рыбацкая шхуна. Большой рояль, подняв крыло, стоял как айберг* (И. Сельвинский). *Под крыльями раскинутых бровей* (М. Цветаева). *Леса черно-бурое крыло* (В. Инбер). 4. *оказ.* О внезапном появлении чего-л. *Черной смерти мелькало крыло* (А. Ахматова). 5. *оказ.* О быстротечности времени. *Крылья острые времен* (З. Гиппиус).

Купаться. 1. Наслаждаться чем-л., с удовольствием отдаваться чему-л. *Он купался в ее интонациях* (И. Сельвинский). 2. *оказ.* Становиться влажным, насыщенным влагой. *Ветер с утра пошел купаться в залив* (И. Сельвинский).

Ласковый. Доставляющий приятное ощущение; нежащий, ласкающий. *Ласковый вечер* (А. Белый). *Ласковое море. Падал ласковый снег. Солнце ласковое.* *Сумерки были особенно ласковые* (З. Гиппиус).

Ленивый. 1. Медленный, медленно движущийся. *Ветерок ленивый. Качается лениво овес. Время плетется лениво. Лениво лязгающий плуг* (А. Белый). *Пруд лениво серебрится* (А. Ахматова). 2. *оказ.* Делаящий что-л. медленно. *Лениво каркнула ворона* (А. Белый).

Лента. То, что тянется, простирается узкой длинной полосой. *Там далеко узкая лента зари. Далекая лента шоссе* (А. Белый).

Лепет. Легкий шум, неясные звуки чего-л. *Зеленых волн извечный лепет. Струит фонтан шипящий в выси лепет. Струй лепет. Лепет льющихся лоз. Легкий тифельный лепет* (А. Белый). *Не слышу я лепета Леты. Падают капли с мирным лепетом. Лепеты дождя* (З. Гиппиус). *Древний лепет римского фонтана. Без лепета вода. Осенний лепет птичьих голосов* (В. Инбер). *Пена в лепете. Лепет легкой зыби* (И. Сельвинский). *Под вещей лепет темных лип* (М. Кузмин).

Лепетать. 1. Издавать тихие, неясные звуки (шум, шелест и т. п.). *Струйка воды лепечет. Осинка лепечет лиственная* (А. Белый). *Про свободу лепечет ей волна. Камыши лепечут о счастье* (З. Гиппиус). *Вода лепечет монотонно. Ручей свое лепечет. Река то журчит скороговоркой, то лепечет, как во сне. Ручья лепечущий хрусталь. Дождь пролетел над садом. Лепечут из последнего степные провода* (В. Инбер). *Лепечет пена* (М. Кузмин). 2. *оказ.* Выражать неясный смысл. *Лепечет это письмо* (И. Сельвинский).

Ливень. Большое количество чего-н. *Он мог увидеть ливни, хлещущие на страницах книг* (А. Ахматова). *Над ливнем лет, над тьмою туч ты – светлый свет* (А. Белый). *В пепле огненных ливней* (И. Сельвинский).

Лик. Внешний вид, облик (солнца, луны, земли); внешние очертания, видимая поверхность чего-л. *Вижу лунный лик. Помертвелого месяца лик* (А. Ахматова).

Лить. 1. Испускать, распространять (звук, свет, запах). *Сиянье месяца льет* (А. Ахматова). *Румянец нежный льет закатный свет* (М. Кузмин). *Рампа льет свет. Ландыши запах льют. Аромат льет десяток роз* (Б. Пастернак). 2. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом льющуюся воду. *Листья льет лоза. Береза льет волну своих кудрей* (А. Белый).

Литься. 1. Раздаваться, нестись (о размеренных, плавных звуках чего-л.). *Льется звонкое сопрано* (А. Белый). *Исповедь льется немая. Солдатская шутка льется* (А. Ахматова). *Трель лилась в эфир. Льется разговор* (В. Инбер). *Песня льется* (М. Кузмин). *Лился шум* (Б. Пастернак). *Уже не льется песня* (И. Сельвинский). 2. Распространяться, струиться (о свете, запахе). *Из мутного отверстия двери лилась серость. Свет лился* (З. Гиппиус). *Лился голубоватый свет. Ароматы льются из садов* (М. Кузмин).

Темнота лилась вокруг (И. Сельвинский). 3. Проникать во что-л., куда-л. (в душу, сердце и т. п.). *Страдание лилось в моей груди* (И. Сельвинский). 4. *оказ.* Медленно протекать, длиться (о времени). *По капелькам льется апрель* (А. Ахматова).

Лицо. То, что составляет характерные, отличительные особенности, сущность чего-л.; индивидуальный облик кого-л., чего-л. *Лицо грозы, с себя сорвавшей маску. Собор, менявшийся в лице* (Б. Пастернак). *Лицо неба понятнее лица земли. Лицо небес горело от стыда* (З. Гиппиус).

Лоб. *оказ.* Передняя верхняя выступающая часть чего-л. *Лоб улицы был смугл* (Б. Пастернак).

Лукавый. *оказ.* Изогнутый, дугообразный, напоминающий своим видом губы, растянутые в улыбке. *Месяц лукавый* (А. Ахматова).

Луч. Слабое проявление, проблеск чего-л. *В лучах любви чуждой я зрею. В лучах страдания мы пойдем* (З. Гиппиус).

Мгла. *оказ.* Безотрадность, безнадежность; неотвратимость чего-л. *В душе погибшей – смерти мгла* (З. Гиппиус).

Мелодия. *оказ.* Приятные мелодичные звуки чего-л. *Звучала тихая мелодия воды* (В. Инбер).

Металл. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом металл; цвета металла; серый с металлическим отливом. *Озера литой металл* (А. Белый).

Мечтать. *оказ.* То же, что *ждать*. *Душа мечтает о снеговом огне* (З. Гиппиус).

Молчаливый. *оказ.* То же, что *безгласный*. *Снег падает молчаливый* (З. Гиппиус).

Молчание. *оказ.* Состояние полной тишины. *Снегов молчанье за окном* (З. Гиппиус).

Молчать. 1. Не проявляться, не давать о себе знать (о чувствах, переживаниях и т. п.). *Душа, молчи. Сердце молчит. Свободный дух молчит. Сердце, отчего молчишь?* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* То же, что *безмолствовать*. *Молчит река. Молчит неверный лес. Небо молчало. Молчит дорога странная. Колокола молчат, молчат соборные* (З. Гиппиус). *Крейсер молчал. Пушки замолчали. Шарманки замолчали* (И. Сельвинский).

Море. 1. Огромное количество, обилие чего-л. *Из моря слез, из моря муки судьба твоя. Моря неизливные слез* (А. Белый). *Море слез. Море толп* (М. Цветаева). *Море бород* (Б. Пастернак). 2. Обширное пространство чего-л., занятое, заполненное кем-л., чем-л. *Море колосьев кипящих. По зеленому морю дубовых крон пробежала волна. Среди бурного моря листьяев. Белое море тумана разлилось по низинам. Зеленое море вершин* (А. Белый). *На лунном море* (З. Гиппиус). *Снасти над морем нив. Над морем свободной стихии – Пушкин свободной стихии* (М. Цветаева).

Мочка. *оказ.* Что-л. небольшое, выпуклой формы, с округлыми очертаниями. *В лиловых мочках яра* (Б. Пастернак).

Напев. *оказ.* То же, что *мелодия*. *В волнах воздушного напева* (А. Белый). *Напевы ветра. Напевы метели. Напевы звучных арф* (М. Кузмин).

Наплывать. Плавно передвигаясь, надвинуться на что-л., закрыть, покрыть собой что-л. *Наплывали сумерки* (З. Гиппиус).

Нарыв. *окказ.* О неровной поверхности. **Нарыв** мостовых расковырен (Б. Пастернак).

Наряд. *окказ.* Внешний вид чего-л. **Ненастья наряд** (Б. Пастернак).

Нахлынуть. 1. Устремиться, двинуться. *На камбуз нахлынуло полчище мух* (Б. Пастернак). **Нахлынули** кочевые орды (И. Сельвинский). 2. Внезапно возникнуть, появиться во множестве (о чувствах, мыслях и т. п.). **Нахлынули** воспоминанья (М. Кузмин).

Нахохлиться. *окказ.* Торчать в разные стороны, иметь взъерошенный вид. *Почки верб нахохлятся зверятами* (И. Сельвинский).

Немой. 1. Исполненный безмолвия, тишины; тихий, безмолвный. **Немые небеса. Леса немо темнеют** (А. Белый). **Вода немая** (З. Гиппиус). **Немая черная вода** (В. Инбер). 2. Не обнаруживаемый, не высказываемый прямо, затаенный. **Немая грусть. Горечь немой любви** (А. Белый). **Мысли немые** (З. Гиппиус). 3. *окказ.* Не содержащий чего-л. существенного, не вызывающий какого-л. отклика. *Безмолвна песня, музыка нема* (А. Ахматова).

Немота. Полное отсутствие звуков, безмолвие, тишина. **Взнесет немоту симфоний** (И. Сельвинский).

Неоперившийся. *окказ.* Еще не сформировавшийся, не сложившийся (о взглядах, позиции и т. п.). *Странная мешанина отжившей метафизики и неоперившегося просвещения* (Б. Пастернак).

Несмелый. *окказ.* Слабо проявляющийся (о чувствах, переживаниях, состоянии). *Сердце девичье, несмелое* (З. Гиппиус).

Низка. *окказ.* Что-л. в виде нитей, полос. *Кокошник нахлобучила из низок ливня парось* (Б. Пастернак).

Нить. 1. Последовательно связанный между собой ряд явлений, событий; о том, что связно развивается, образуя как бы единую линию, цепь. **Нить судеб, событий** (Б. Пастернак). 2. *окказ.* О внутренней связи кого-л., чего-л. **Нити сочувствия** (Б. Пастернак).

Нырять. Исчезать из виду, быстро войдя, въехав куда-л., скрывшись среди кого-л., чего-л. *Перепел ныряет в овес* (А. Белый). **Нырля и светильней** плавала в лампаде камских вод звезда. *Скорая помощь нырнула во мрак* (Б. Пастернак). *Стецюра нырнул в угол* (И. Сельвинский).

Обескрылеть. *окказ.* Утратить способность легко перемещаться в воздухе. **Обескрылев** в мокрой мгле, тяжелый дым ползет (З. Гиппиус).

Обжечь. 1. Внезапно и сильно овладеть кем-л., заставить испытать какое-л. внезапное и острое ощущение; потрясти. *Эта мысль вновь обожгла его* (И. Сельвинский). 2. *окказ.* Нести следы сильных переживаний. *Жаром испытанного было обожжено и вычернено его лицо* (Б. Пастернак).

Обруч. *окказ.* Что-л. широкое округлой формы. **Липы обруч золотой** (Б. Пастернак).

Огненный. 1. Пылкий, живой, страстный. *Его огненная речь вдохновляла многих слушателей* (А. Белый). 2. *окказ.* Имеющий важное, весомое значение. *Толстовские строки приобрели здесь особый, огненный смысл* (В. Инбер).

Огонь (*устар.* **огнь**). 1. Чувство, с силой овладевшее кем-л., охватившее кого-л. *И огнь неистовости был в его душе* (А. Белый). *Обдало ее всю*

огнем, пожаром гнева (В. Инбер). **Огнем страстей** были опалены его губы (Б. Пастернак). 2. Страстность, живость, душевный подъем, пыл. **Огнем души светились его глаза** (Б. Пастернак). 3. О ком-л. отличающемся горячим, пылким нравом, порывистостью и т. п. *Недоτροга, тихоня в быту, ты сей-час вся **огонь**, вся **горенье*** (Б. Пастернак). 4. Выражающий сильное чувство (о глазах, взоре и т. п.). *Потух **огонь** ее очей* (А. Белый). 5. *оказ*. Страстное, сильное стремление к чему-л. *Ты смело кладешь руку в **огонь** познания* (В. Инбер). *Он весь перед миром в **огнях** откровений* (И. Сельвинский). 6. *оказ*. Яркий свет, излучаемый природным явлением (заря, закат и т. п.); что-л. цвета огня, ярко-красное. *Вдали над косарями **огни** зари горят. С тобой – в **огне** ночной зари! Идет спиной перекинутой в воздушный заревой **огонь**. На небе яркий заревой **огонь*** (А. Белый).

Одеться. Пократься чем-л. (обычно зеленою, листвою и т. п.; о растительности). *Горы **оденутся** лесом* (Б. Пастернак).

Озеро. *оказ*. Большое количество, обилие чего-л. **Озера** неизбывной грусти (З. Гиппиус). **Озера** печали (М. Цветаева).

Океан. 1. Неизмеримая масса, громадное количество чего-л. **Океан** грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и глупости (А. Ахматова). **Океан** беспокойства огромен. Блаженные **океаны** будущего (В. Инбер). *Любовь – безбрежный **океан*** (И. Сельвинский). 2. *оказ*. Обширное пространство чего-л., занятое, заполненное кем-л., чем-л. *Она колышет **океан** колосьев* (В. Инбер).

Око (устар.). *оказ*. То же, что **глаз**. *Жестокие, желтые **очи** безумных кабаков твоих* (А. Белый).

Окрик. *оказ*. То же, что **возглас**. *Жителей будил ворчливый **окрик** пароходика* (И. Сельвинский).

Оперенье. *оказ*. Что-л. напоминающее своим видом оперенье птицы. *Луну, с ее лебяжьим **опереньем**, зеркально опрокинула в Неву* (В. Инбер). *Просушивала **оперенье** крыл рыбацкая шхуна* (И. Сельвинский).

Отек. *оказ*. То же, что **нарыв**. *Отеки путей запеклись* (Б. Пастернак).

Отсвет. *оказ*. Слабое проявление чего-л. (о чувствах, мыслях и т. п.). **Отсветы** мыслей, тени слов. *Едва уловимые **отсветы** жизни* (З. Гиппиус).

Охрипнуть. Издавать глуховатые звуки. *Флейты **охрипнет** рулада* (И. Сельвинский). **Охрипшая** галка (А. Белый).

Палец. *оказ*. Отдельная часть чего-л. небольших размеров вытянутой формы; совокупность таких частей. **Пальцы** пальмовой руки (В. Инбер).

Пена. *оказ*. Что-л. легкое, воздушное, напоминающее своим видом пену; цвета пены. *В снежной **пене** звезд. **Пена** звезд* (А. Белый). **Пена** платья (И. Сельвинский).

Пение. *оказ*. Приятные мелодичные звуки чего-л. *В Антарктике **пение** вьюги* (В. Инбер). **Пение** метели (А. Ахматова).

Пепел. *оказ*. О чувстве, утратившем былую силу. *Творения великого англичанина наполнились жаром и блеском страстей, **пеплом** раскаянья* (В. Инбер). *Но сердце мое испыталось в **пепел*** (И. Сельвинский).

Перо. 1. *оказ*. Что-л. напоминающее своим видом перья (перо) птицы. *В облачных **перьях** небеса* (И. Сельвинский). 2. *оказ*. Слабое проявление

чего-л. (о чувствах, воспоминаниях и т. п.). *Родина – это тоже книга, которую мы пишем заветным перышком воспоминаний* (И. Сельвинский).

Перст (устар.). *оказ.* То же, что **палец**. **Персты** ледяные мороза (В. Инбер).

Песня. 1. *оказ.* О состоянии взволнованности, радости и т. п. **Песня** нашей разлуки (А. Ахматова). **Песня** прошлых бед (М. Кузмин). **Песня** любви. **Песня** последней встречи (А. Ахматова, М. Кузмин). 2. *оказ.* То же, что **пение**. **Песня** небосклона (А. Белый).

Петь. 1. *оказ.* Издавать приятные мелодичные звуки (о журчании воды, звучании инструментов и т. п.). **Запели** воды. **Поет** клавиш. **Пропел** рожок (А. Белый). **Поют** водопады. **Поют** дожди. Рельсы, под речитатив колес, **запели**. **Запели** ткацкие станки (В. Инбер). **Пело** раненое море. **Поют** тромбоны. Скрипки **пели** (М. Кузмин). **Пела** легкая вода. *Не пой по горам, вода. Запела труба. Стали петь леса. Заря пелухами пропела. Мои собакевичи чинно запели. Звери пели. Собаки уже не пели* (И. Сельвинский). **Поет, поет** бубенец нижегородский. *Голосом серебряным волюнка поет о вечере разлук. Ночь поет. Запел* вечерний сумрак. *Вкруг тебя запела тишина* (А. Ахматова). 2. *оказ.* Быть проникнутым чувством радости, ликования. **Поет** воспоминанье (М. Кузмин).

Плакать. 1. Издавать протяжные, тоскливые звуки. **Плакал** сычонок. **Плачет** клавиш. **Плачущий** рожок. **Плачет** колесо (А. Белый). **Плачет** нежный коростель. *Где-то плачет коростель* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* Испытывать какие-л. чувства, переживать о чем-л. **Плачет** от счастья сердце мое. *Душа обманутая плачет. Сердце плачет. Сердце засмеется и заплачет* (З. Гиппиус). 3. *оказ.* Быть похожим на текущие слезы (о свете). *Ночь слезами звездными проплачет* (А. Белый). *Закатный отсвет плачет на иконе* (З. Гиппиус). 4. *оказ.* Ронять капли воды. **Плачет** сирень от утренних рос (З. Гиппиус).

Плакаться. *оказ.* То же, что **плакать** в 1 знач. *Поезд тихо плачется* (А. Белый).

Плаксивый. *оказ.* Издающий протяжные, тоскливые звуки. **Плаксивые** чайки (А. Белый).

Пламенный. Очень пылкий, страстный. *Я мечтаю о пламенной дружбе. Он только раскрывал свою душу пламенным признанием. Прислал на адрес девушки пламенное объяснение в любви* (И. Сельвинский).

Пламя. 1. Пыл, воодушевление. *С ними умирает пламя духа* (И. Сельвинский). 2. *оказ.* То же, что **горение** во 2 знач. **Пламя** этой жизни обгорало (В. Инбер). *Петрарка сумел эту фантазию держать в пламени всю жизнь* (И. Сельвинский). 3. *оказ.* Что-л. незабываемое, памятное. *Горело пламя древних эр* (В. Инбер). 4. *оказ.* То же, что **огонь** в 4 знач. *Очей метался пламень жгучий* (А. Белый). 5. *оказ.* То же, что **огонь** в 6 знач. *Сад разукрашен был пламенем роз. Красное, что заря, пламя его одежд* (А. Белый). **Пламя** луны становилось все больше (В. Инбер). *Глаза синие, нос орлиный, губы в пламени* (И. Сельвинский).

Платок (устар. **плат**). 1. *оказ.* То, что покрывает, окутывает что-л. **Платы** вечерней зари. *Земля укрылась платком зимней ночи* (Б. Пастер-

нак). 2. *оказ*. Навес, образуемый переплетением ветвей и листвы растений (деревьев, кустарников). **Платок ветел** (Б. Пастернак).

Плащ. *оказ*. То же, что **платок** во 2 знач. **Плащи тополей** (Б. Пастернак). **Под плащом плюща** (М. Цветаева).

Плеск. 1. *оказ*. Звук, производимые кем-л., чем-л., напоминающие плеск воды. **Плеск ладоней** (Б. Пастернак). **Плеск пощечины** (И. Сельвинский). 2. *оказ*. Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. **Бледнолицый страж над плеском века** (М. Цветаева).

Плыть. 1. Плавно двигаться или распространяться. **По небу луна плыла**. **Паутина плавала в воздухе** (З. Гиппиус). **В воздухе плывет самолет**. **Плывут млечные буруны** (В. Инбер). **Плывет звезда** (М. Кузмин). **Нырляла и плавала звезда**. **Плывут сады и электрички**. **По Каме сумрак плыл**. **Плывут облака** (Б. Пастернак). **Дым плывет по живью**. **Плывут холода**. **Снеговые тучи плывут**. **Сокол плывет** (И. Сельвинский). 2. *оказ*. Размеренно звучать. **Плыла музыка** (Б. Пастернак). 3. *оказ*. Находиться в приподнятом состоянии, воодушевлении. **Любовь, ты надо мной плыла** (Б. Пастернак).

Поварчивать. *оказ*. То же, что **ворчать**. **Гром поварчивает глухо** (А. Белый).

Повойник. *оказ*. То же, что **платок** во 2 знач. **Ива вдовий свой повойник клонила** (Б. Пастернак).

Погибать. Проходить бесплодно, безрезультатно; пропадать, исчезать. **В душе погибшей – смерти мгла** (З. Гиппиус).

Подпархивать. *оказ*. Легко, быстро перемещаться куда-л. **К ним подпархивает пара пристяжных** (Б. Пастернак).

Пожар. 1. Бурное проявление чего-л., протекающее с сокрушительной силой. **То было лето, охваченное пожаром крестьянских волнений** (А. Белый). 2. *оказ*. То же, что **огонь** в 1 знач. **Обдало всю огнем, пожаром гнева** (В. Инбер). 3. *оказ*. То же, что **огонь** в 6 знач. **И пожар заката не остыл** (Б. Пастернак). 4. *оказ*. Что-л., вызывающее чувство удовлетворения, радости. **Какая-нибудь из бумажек, выйдя из лотерейного колеса, вспыхнула бы у выхода пожаром выигрыша, победы** (Б. Пастернак).

Пожарище. *оказ*. То же, что **огонь** в 6 знач. **А на пожарище заката неистовствовал соловей**. **Затухающее небо вдруг осветилось пожарищем заката** (Б. Пастернак).

Покорный. *оказ*. То же, что **несмелый**. **Живо ли сердце покорное? Душа покорная** (З. Гиппиус).

Полет. *оказ*. О быстротечности времени. **Над головой полет столетий быстрый**. **Говори о полете столетий** (А. Белый).

Полусонный. *оказ*. Почти неподвижный, медленно движущийся. **И полусонным стрелкам лень ворочаться на циферблате** (Б. Пастернак).

Полотнище. *оказ*. Что-л. большое, цельное, напоминающее своим видом полотнище. **Распущены по ветру полотнища зданий** (Б. Пастернак).

Порез. *оказ*. Полосы, просветы на чем-л., где-л. **Нет счета небесным порезам** (Б. Пастернак).

Порхание. *оказ*. О быстром перемещении чего-л. **Порхание пурги**. **Вьюги порханье** (Б. Пастернак).

Порхать. Легко, быстро двигаться, шевелиться. *Смычок порхает по струнам* (В. Инбер). *Девичьи руки порхали по телу* (И. Сельвинский).

Поток. 1. Что-л. исходящее от кого-л., чего-л. в большом количестве. *Струится поток доказательств* (А. Ахматова). **Поток солнечных лучей.** **Поток томных гамм** (А. Белый). *Бурный поток речи* (В. Инбер). *Сад прольется потоком листьев* (В. Инбер). *Рвался роз заревой поток* (М. Кузмин). 2. Непрерывное движение каких-л. масс. *Граждане потоком вливаются в него. Улица текла свежим потоком* (В. Инбер). **Поток беженцев** (И. Сельвинский). *Песчанистой пыли потоки* (А. Белый). 3. окказ. Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. *Не зальет нас потоками лет. Поток столетий* (А. Белый). **Поток времен** (З. Гиппиус). *Быстробегущий времени поток. Поток событий* (В. Инбер).

Прибой. 1. окказ. Громкие звуки, издаваемые кем-л., чем-л., напоминающие шум прибоя. *Под гул артиллерийского прибоя* (В. Инбер). **Прибой платформ** (Б. Пастернак). 2. окказ. Нарастание, усиление чего-л.; сильное проявление чего-л. (о чувствах и т. п.). *Ласк бурный прибой* (М. Цветаева).

Прилив. Нарастание, подъем в проявлении чего-л. **Приливы тоски.** *Прилив отчаяния* (З. Гиппиус). **Прилив радости** (И. Сельвинский).

Пробудиться. окказ. Начать распускаться, цвести (о растениях). **Пробудились злые цветы** (З. Гиппиус).

Пролететь. Мелькнуть, пронестись. *Птица-часы, как безвидная стая, не пролетают* (З. Гиппиус). *Мысли быстро пролетали* (М. Цветаева).

Пролиться. 1. окказ. Проникнуть куда-л. (о воздухе, свете, запахе). *Свет прольется* (З. Гиппиус). 2. окказ. Раздаться, стать слышным. **Прольется звук** (В. Инбер). 3. окказ. Появиться во множестве. *Сад прольется потоком листьев* (В. Инбер). 4. окказ. Проявиться каким-л. образом, обнаружиться. **Прольемся в небе зарею. Душа в чужое тело пролилась** (З. Гиппиус).

Проплывать. 1. Представляться в воображении и постепенно исчезать. *Сны проплывают пред глазами* (М. Цветаева). **Проплывает тень Вергилия** (М. Кузмин). 2. окказ. Медленно идти, проходить (о времени). *Лениво проплывает день* (М. Кузмин).

Просить. окказ. То же, что *ждать*. **Запросит сердце тайны. Сердце хочет и просит чуда** (З. Гиппиус).

Проснуться. окказ. То же, что *пробудиться*. *Лепестки не хотели просыпаться* (З. Гиппиус). *Дух проснувшейся травы* (М. Кузмин).

Протекать. Идти, проходить (о времени, событиях). *Буйная его протекала жизнь* (А. Белый). **Протекают дни** (М. Кузмин). *Сущность протекающих дней. Протекала жизнь размеренно* (Б. Пастернак).

Пруд. окказ. Что-л. цвета прудовой воды, синевато-серое. **Пруд очей моих отверст прямо в небеса** (М. Кузмин).

Птица. 1. окказ. О различных проявлениях психики человека (о мыслях, чувствах, переживаниях и т. п.). *Темные мысли – серые птицы* (З. Гиппиус). *Мысли – птицы ручные: журавли да аисты. Мыслей-птиц высокое стремленье. Сердце – пойманная птица. Рвалась на волю птица-сердце* (М. Кузмин). *Выпустить птицу – мою тоску* (А. Ахматова). *Нужно кор-*

мать из рук своенравную **птицу** вдохновения (В. Инбер). 2. *оказ.* О внезапном появлении чего-л. **Птицы** смерти в зените *стоят* (А. Ахматова). 3. *оказ.* О быстротечности времени. **Птица**-часы, как беззвездная *стая*, не пролетают (З. Гиппиус).

Пучина. 1. Средоточие чего-л. (обычно неприятного). **Пучина** бытия (А. Белый). 2. *оказ.* О чем-л. малопонятном, трудном для восприятия. **В пучинах** речи *затерялся я* (И. Сельвинский).

Пылать. Быть охваченным каким-л. сильным чувством; сильно переживать что-л. **В каждом человеке пылает** лиризм (И. Сельвинский).

Разбрызгать. *оказ.* Расположить что-л. в разных местах, направлениях. **Коридор разбрызгал** толпы *наглых гимназеров*. **Снаряды разбрызгивали** камни (И. Сельвинский).

Разговор. *оказ.* То же, что **говор** в 1 знач. **Раздался разговор** балок (Б. Пастернак).

Разлив. 1. *оказ.* Состояние подъема, воодушевления. **Призрак с ружьем на разливе** души (Б. Пастернак). 2. *оказ.* Появление чего-л. в большом количестве. **Разливы** *лиственные* (М. Цветаева).

Разлить. *оказ.* То же, что **залить** в 1 знач. **Разлило** солнце по земле (Б. Пастернак).

Разлиться. 1. Распространиться во все стороны, по всему пространству чего-л. **И вечно будешь ты глядеть в мглу разливающейся** *ночи*. **Разольется** над лугами *тьень*. **Белое море тумана разлилось** по низинам (А. Белый). **Дым разлился** в воздухе (И. Сельвинский). **В небе разливается** *закат* (В. Инбер). 2. *оказ.* Проявиться в большой мере (о чувстве, состоянии). **Гордость разлилась** по сердцу (М. Кузмин). **Немыслимо разлиться** *моей тоске* (И. Сельвинский).

Раскричаться. *оказ.* Издать резкие звуки. **Льды раскричались**, *таючи* (Б. Пастернак).

Расплакаться. *оказ.* То же, что **плакать** в 1 знач. **Расплачется** *пурга* (А. Белый).

Растаять. Стать незаметным, постепенно исчезнуть. **Пар небес растаял** (З. Гиппиус). **Вечерняя звезда растаяла** *ко дню* (И. Сельвинский).

Растекаться. Медленно распространяться по чему-л., появляться на чем-л. **Золотые огни растекаются и тают** (В. Инбер). **Медленно растекался** *закат*. **Огневой солончак растекающихся** по стеклу *фонарей*. **Тени растекались** по земле (Б. Пастернак).

Река. 1. *оказ.* Продолжительность чего-л., последовательная смена событий. **Река** *земного бытия* (З. Гиппиус). **Река** *дней* (М. Цветаева). 2. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом реку. **Млечный Путь – застывшая река** (З. Гиппиус).

Ресницы. *оказ.* Что-л. колеблющееся, напоминающее моргание. **Мигали ресницами** *свечи* (Б. Пастернак).

Речь. 1. *оказ.* Размеренные звуки, издаваемые чем-л. **Ветер начатую обрывает** *речь* *свою* (А. Ахматова). **Звучала полюса** *речь* (И. Сельвинский). 2. *оказ.* Проявление чего-л. (о чувствах, переживаниях и т. п.). **Сердца** *речь* *невнятная* (З. Гиппиус).

Реять. 1. *оказ.* Находиться в пространстве, ощущаться (о звуках, запахе и т. п.). *Звуки реяли в воздухе* (А. Белый). 2. *оказ.* Быть в мыслях, воображении. *Реет воспоминание* (А. Белый).

Робкий. 1. Проявляющийся не в полную силу, слабо или редко. *Месяц бросил робкий свет. Лаской полны робкой весны лучи. Пламя робкое. Атлас скрипит под робкою иглою. Радость ее была робкая* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* Едва видимый, почти незаметный. *Робкие звезды. Робкая хата виднелась вдали* (А. Белый). *Блеснула в сумерках робкая звезда. Пробивались робкие цветы* (З. Гиппиус).

Рождаться. Появляться, возникать. *Бессмертие рожденных слов. Слова, рожденные страданьем* (З. Гиппиус).

Рубин. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом рубин, цвета рубина. *Ярко горели рубины звезд* (А. Белый).

Рука. *оказ.* Вытянутая часть чего-л. (о ветвях растений и т. п.). *Елей искаленные руки* (А. Ахматова). *Протянули ветви руки. Пальцы пальмовой руки. Цветущие руки ветвей* (В. Инбер). *Руки плюща* (М. Цветаева). *Мельница руки безумные вскинула* (А. Белый).

Ручей. *оказ.* О чем-л. непрерывно, размеренно звучащем. *Лился песен ручей. Ручьи моих псалмов* (А. Белый).

Рыдание. *оказ.* Сильные переживания. *От рыданий сердца больно* (А. Белый).

Рыдать. 1. *оказ.* Издавать громкие протяжные, тоскливые звуки. *Рыдающая гамма звуков. Рыдал рояль. Рыдает сонатина. Поток рыдает пеной* (А. Белый). *Рыдает черно-желтая вода* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* То же, что *плакать* в 3 знач. *Ночь слезами звездными рыдать не устанет* (А. Белый). *Рыдал закатный свет* (З. Гиппиус).

Салоп. *оказ.* То же, что *платок* во 1 знач. *В заплатанном салопе небосвод* (Б. Пастернак).

Свинец. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом свинец; цвета свинца. *Косматый свинец облаков* (А. Белый).

Свинцовый. Синевато-серый, темный; цвета свинца. *Свинцовая ночь. Свинцовые воды. Свинцовые тучи. Молнии из мглы свинцовой. Тень туч свинцовых. Взор мой свинцовый* (А. Белый).

Серебро. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом серебро; цвета серебра. *Деревья в снежном серебре. Млечных путей серебро* (А. Белый). *Ночных видений серебро. Все в лунном серебре. Серебро воды* (В. Инбер).

Серебряный. 1. Седой. *Серебряные волосы* (А. Белый). 2. *оказ.* Напоминающий своим видом серебро; цвета серебра. *Серебряные росы. Из серебряной лужи воду пьет грач. Грусть серебряной зимы* (А. Белый).

Слеза. 1. *оказ.* Что-л. напоминающее своим видом слезы. *Ночь слезами звездными проплачет* (А. Белый). *Тяжелые слезы свечей* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* То же, что *рыдание*. *Слезы тихие души* (З. Гиппиус).

Слезливый. *оказ.* Насыщенный влагой. *Слезливый ветер* (А. Белый). *Слезливы небеса* (З. Гиппиус).

Слепнуть. *оказ.* Становиться едва видимым, утрачивать четкость очертаний. *Рельсы слепли и чесались, с пургой соприкасались* (Б. Пастернак).

Слепой. *оказ.* Неотчетливый, размытый, едва видимый. *Слепых зарниц бурлит котел* (Б. Пастернак).

Смелый. *оказ.* То же, что *безрассудный*. *Аромат цветов душен и смел. Краски вокруг становились смелее* (З. Гиппиус).

Смотреть. 1. *оказ.* То же, что *глядеть* в 1 знач. *Смотрело солнце зло. Солнце смотрит с высоты. Смотрит заря утомленная. Смотрит солнце на поля* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* То же, что *глядеть* во 2 знач. *Мне в очи смотрит ночь* (З. Гиппиус).

Сон. 1. Состояние полного покоя и тишины в природе (обычно ночью), а также зимнее оцепенение природы. *Ни сова, ни дятел лес не будят ото сна. Сон уставшей земли* (Б. Пастернак). *Сон трав* (А. Белый). *Океанский сон* (И. Сельвинский). 2. Состояние полной бездеятельности кого-л., чего-л. *Сон жизни наступил* (А. Белый).

Сонный. 1. Находящийся в состоянии полного покоя, неподвижный. *Сонный шиповник. Сонный хмель. Сонный куст. Сонный лес. Сонная природа* (А. Белый). *Травы шепчутся сонные. Сонный парк. Лучей отраженья лежат на сонных облаках. Берег сонного пруда* (З. Гиппиус). *Сонные качались травы. Воздух сонный* (М. Кузмин). *Деревья сонные. Сонная вода. Сонные корабли* (И. Сельвинский). *Сонный сад. Сонная природа. Дорогой сонной я бреду. Сонные ложки* (Б. Пастернак). 2. Бездеятельный, пассивный. *Будит душу сонную* (З. Гиппиус). *Сонная душа* (И. Сельвинский). 3. *оказ.* Слабо проявляющийся, неинтенсивный (о свете и т. п.). *Солнечные лучи, сонные и радостные* (З. Гиппиус). *Солнце сонно смотрит из-за розовых завес* (М. Кузмин). 4. *оказ.* Невыразительный, неяркий (по свойствам, характеру проявления). *Сонному гражданскому стиху Вы первый настуж в город дверь открыли. Сонная роспись стен* (Б. Пастернак).

Сонливый. *оказ.* То же, что *сонный* в 1 знач. *Сонливые тени глуше* (М. Кузмин).

Спать. 1. Не проявлять себя (о чувствах, уме и т. п.). *Спит дерзновенье. Спит душа моя* (З. Гиппиус). 2. *оказ.* Быть в состоянии покоя, неподвижности. *Спит река. Спит сад* (А. Белый). *Спящая река. Дремала лениво, лениво спала голубая вода. Спит степной ковыль. Дубы спали крепко* (З. Гиппиус). *Спит строй сосновых высот* (Б. Пастернак). *Спит сосновый лес* (И. Сельвинский). 3. *оказ.* Не издавать каких-л. звуков. *В объятьях арфы флейта спит. Спит последняя песня* (М. Кузмин).

Стая. 1. Большая группа людей. *Стаи людей. Музыкантов стая. Старушечья стая* (А. Белый). *Стая отважных народов в полет поднялась. Стая девушек* (И. Сельвинский). 2. Масса, скопление, множество чего-н. *Облачная стая. Стая зеленых дубов. Стаи огней. Стаи избенок. Стаи смертей* (А. Белый). *Стаи хлопьев снежных. Стаи листьев* (Б. Пастернак). *Стая звуков* (А. Белый, Б. Пастернак). *Стихов сожженных стая. Стихов моих белая стая* (А. Ахматова). *Последних сновидений стая* (З. Гиппиус).

Столбняк. *оказ.* О состоянии неподвижности. *Деревья в столбняке. Столбняк лоцин страшней, чем ураган* (Б. Пастернак).

Струиться. 1. Распространяться струями, потоком (о воздухе, свете, запахе и т. п.). *Холодочка струится волна* (А. Ахматова). *Струится дым.*

Теплый воздух **струится**. Весенний воздух **струится**. Звезда, дрожат – **струясь** – ее края (З. Гиппиус). **Струится** звездный ток (В. Инбер). 2. окказ. Производить плавные, размеренные звуки. Речь **струится**. Плач **струился**. **Струилось** пенье. **Струится** поток доказательств (А. Ахматова). 3. окказ. Медленно проходить, длиться (о времени). **Струился** день (Б. Пастернак). 4. окказ. Напоминать своим видом струящуюся воду; плавно ниспадать. **Струились** завитки кудрей (А. Белый). 5. окказ. Медленно, плавно двигаться. По сцене плавно **заструилась** Муся (И. Сельвинский).

Струп. окказ. Что-л. небольших размеров, являющееся частью чего-л. **Струнья** снега. **Струнья** расстрелянных гильз (Б. Пастернак).

Струя. 1. Узкий поток (воздуха, света и т. п.). Ветер в окно вливался влажною **струею** (А. Ахматова). **Струя** сырого воздуха (З. Гиппиус). Свежести **струи**. **Струя** прохлады (Б. Пастернак). Текла **струя** ромашки. Вьюжные **струи** (И. Сельвинский). Солнечные **струи**. **Струи** солнца (А. Белый). 2. окказ. Плавные, размеренные звуки, издаваемые чем-л., кем-л. **Благодатных слов струи живые** (М. Кузмин). **Рояльная струя** (И. Сельвинский). 3. окказ. О неожиданном, внезапном появлении чего-л. (о чувствах, переживаниях и т. п.). Холодная **струя** пробиралась в сердце (З. Гиппиус). Тоски застарелой **струи** (И. Сельвинский). **Струя** страданья (Б. Пастернак). 4. окказ. Что-л. напоминающее своим видом струи воды. **Пурпурные струи** облак (А. Белый). **Платья шелковые струи** (М. Цветаева).

Стыдливый. 1. окказ. То же, что **робкий** в 1 знач. **Закат теплится стыдливо** (А. Белый). 2. окказ. То же, что **робкий** во 2 знач. **Меж ветвями стыдливых мимоз море видно** (З. Гиппиус).

Судорога. окказ. Резкие, отрывистые движения чего-л. **Красная судорога** крана. **Форточки сводило судорогой** (Б. Пастернак).

Сукно. окказ. Что-л. плотное, с шероховатой поверхностью. **Опять укроет к утру вихрь сукном сугробов снеговых** (Б. Пастернак).

Танец. 1. окказ. То же, что **бал**. **Танец** вьюги (А. Ахматова). 2. окказ. Что-л. расположенное определенным образом, напоминающее танец. **Первыми в танец вступают березы** (А. Ахматова).

Таять. 1. То же, что **растаять**. Она прошла, меж алых сосен **тая** (З. Гиппиус). **Золотые огни растекаются и тают** (В. Инбер). **Краски таяли** (И. Сельвинский). 2. окказ. Становиться все меньше. **Толпа стала таять** (И. Сельвинский). 3. окказ. Исчезать, проходить (о чувстве, состоянии). **Чувство таяло в душе** (М. Цветаева). 4. окказ. Постепенно проходить, заканчиваться. **Тает** ночь. **Таяли** запасы шпал (Б. Пастернак).

Твердить. окказ. Издавать однообразные, повторяющиеся звуки. **Ручей твердит то тише, то звончей** (Б. Пастернак).

Тело. окказ. Что-л. большое, выпуклой формы, с округлыми очертаниями. **Тело** вспаханных равнин. **Томится пречистое тело** земли. **Сосен розовое тело** в закатный час обнажено (А. Ахматова). **Ставшее отныне и до века – телом** земли (А. Белый). **Тела** аэропланов (В. Инбер).

Тень. Малейший признак, малейшая доля чего-л.; слабое подобие чего-л., намек на что-л. **Отсветы мыслей, тени** слов. **Тени** мыслей. **Тень** влюбленности. **Тени** любви (З. Гиппиус).

Теплиться. Слабо, еле заметно проявляться. *Моя идея теплится едва* (И. Сельвинский). *Робкая надежда затеплилась в его душе* (З. Гиппиус).

Течение. *оказ.* То же, что **поток** в 3 знач. *Течение годов* (А. Ахматова). *Течение быстрое годин* (А. Белый).

Течь. 1. Плавно и непрерывно звучать (о размеренной, неторопливой речи; звуках, издаваемых чем-л.). *С колокольни звуки текли* (А. Ахматова). *Беседа плавно течет, округло обтекая предметы и чувства* (В. Инбер). *Текут родимые слова* (М. Кузмин). *Мелодии текут* (Б. Пастернак). 2. Идти, двигаться сплошным непрерывным потоком, массой. *Потекли людские толпы. Улица текла свежим потоком. Текут седые солнца и планеты* (В. Инбер). *Течет толпа ало-желто-лилова* (И. Сельвинский). *Текут облака* (А. Белый). 3. Идти, проходить, протекать (о времени, состоянии). *День течет с восхода до заката. Время медленно текло. Текут века. Текут года* (А. Белый). *Текут мгновения* (З. Гиппиус). *Текли геологические эры. Время медленно течет* (В. Инбер). *Текучее время. Минуты, протекиие за двадцать лет* (И. Сельвинский). 4. Следовать друг за другом непрерывно (о мыслях, воспоминаниях и т. п.). *Сны текут то явственней, то глуше. В текучей памяти людской* (В. Инбер). 5. *оказ.* Распространяться струей, потоком (о воздухе, свете, запахе и т. п.). *Текла небесная лазурь* (А. Белый). *Свет фонаря течет* (В. Инбер). *Текла струя ромашки* (И. Сельвинский). 6. *оказ.* Проходить спокойно, размеренно. *Жизнь текла, исполненная смысла* (В. Инбер). *Жизнь медленно текла. Жизнь моя текла без изменений* (М. Кузмин). 7. *оказ.* Быть насыщенного голубого цвета. *Из глаз ее текла голубизна* (И. Сельвинский).

Ткань. 1. Основа, содержание чего-л.; то, из чего состоит, складывается что-л. *Сюжетная ткань. Музыкальная ткань спектакля. Ткань прошлого* (В. Инбер). 2. *оказ.* Что-л. большое, цельное, напоминающее своим видом ткань. *Встали груди утесов средь трепещущей солнечной ткани* (А. Белый). *По черной ткани коридора шла* (В. Инбер). 3. *оказ.* О волнении, переживаниях. *Трепетная ткань сердца* (В. Инбер).

Ток. 1. *оказ.* То же, что **поток** во 2 знач. *Ток стрижей* (А. Белый). *Ток пыли и тумана* (Б. Пастернак). 2. *оказ.* То же, что **поток** в 3 знач. *Благословенный жизни ток* (А. Белый).

Тонуть. 1. Становиться почти незаметным в массе чего-н., едва различимым. *Ласточки в эфире тонут. Касатки тонут в небе. В космах белых тонет ель. Дом тонет в полосах тумана* (А. Белый). *Кровли в мареве тонули. В них тонет и луна, и береза, и огород* (В. Инбер). *В синевато-сером свете тонет марево равнин* (М. Кузмин). *Дворы тонули в скверне. Как невод, тонет небосвод. Я потонул в толпе* (Б. Пастернак). *Город тонул в тумане. Зал потонул в черноте* (И. Сельвинский). 2. *оказ.* Исчезать, становиться неясным, смутным. *Воспоминания тонули* (Б. Пастернак).

Торс. *оказ.* То же, что **тело**. *Торсы локомотивов* (Б. Пастернак).

Тошнить. *оказ.* Находиться длительное время в одном и том же состоянии. *Сады тошнит от верст затишья* (Б. Пастернак).

Трусливый. *оказ.* То же, что **неспелый**. *У меня трусливое сердце* (З. Гиппиус).

Туловище. *окказ.* То же, что **тело**. **Туловище флейты**. **Туловище башни** (В. Инбер).

Тухнуть. 1. Переставать блестеть, стать тусклым, безжизненным (о глазах). **Потух огонь ее очей** (А. Белый). *Во взоре потухшем волнение немое* (Б. Пастернак). 2. *окказ.* Становиться неярким, тусклым; темнеть. **Затухающее небо вдруг осветилось пожарщиком заката** (Б. Пастернак).

Умирать. 1. Исчезать, прекращаться; бесследно пропадать. *На бледном небе умирает день. Месяц склоняется – и умирает. Нет безвинно умерших, невоскресших слов. Любовь умирала. Душа моя в чужое тело пролилась – и умерла* (З. Гиппиус). 2. *окказ.* Утрачивать свои характерные признаки (о цвете, звучании и т. п.). *Небо медленно умирало. Вода немая умерла. Ничто не изменилось с тех пор, как умер звук* (З. Гиппиус).

Упрямый. 1. *окказ.* Проявляющий постоянство в чем-л.; упорно стремящийся к чему-л. *Душа упрямая устала* (З. Гиппиус). 2. *окказ.* Непрерывающийся, непрерывный. *Идет дождь упрямый* (З. Гиппиус).

Уснуть. *окказ.* То же, что **спать** в 1 знач. *Память моя уснет. Усни, мое сердце, усни* (А. Белый).

Усталый. 1. Истомленный какими-л. переживаниями, тревогами и т. п. *Душа усталая тиха. Тихая жизнь успокаивала усталую душу* (З. Гиппиус). 2. *окказ.* Утративший свою новизну, свежесть, увядший. **Усталый, талый, старый лед. Цветы мои усталые** (З. Гиппиус).

Устать. Почувствовать душевное утомление от однообразных действий, повторяющихся впечатлений и т. д. *Душа моя устала. Душа упрямая устала* (З. Гиппиус).

Утомленный. 1. *окказ.* То же, что **усталый** в 1 знач. **Утомленная душа** (З. Гиппиус). 2. *окказ.* Временно утративший свои характерные признаки, свойства, действия. **Утомленная луна закатилась** (З. Гиппиус).

Фата. *окказ.* О чем-л. легком, прозрачном. *И повечерий тканых меня фата обволокла. Дымки полупрозрачная фата* (Б. Пастернак).

Хлынуть. 1. *окказ.* То же, что **нахлынуть** в 1 знач. *Из класса хлынули все. Леська хлынул вместе со всеми. Толпа хлынула за ним* (И. Сельвинский). 2. *окказ.* То же, что **нахлынуть** во 2 знач. **Жажда жизни хлынула** (И. Сельвинский).

Хор. 1. *окказ.* Гармоничное звучание чего-л., совокупность звуков. **Хор цикад зазвенел из сада** (А. Ахматова). **Разлетелся птичий хор. Зениток отчепливый хор** (В. Инбер). **Хор моржового рыка. Собачий хор** усиливался (И. Сельвинский). 2. *окказ.* Совокупность, множество чего-л. **Хор газетных голосов** (В. Инбер). **Далекие хоры созвездий** (А. Белый).

Хоровод. 1. *окказ.* Что-л. движущееся вереницей, друг за другом. **Белых ноченек хоровод. Хоровод теней** (А. Ахматова). 2. *окказ.* Что-л. расположенное друг за другом по кругу. **Хоровод берез. Застывший навек хоровод кипарисов** (А. Ахматова).

Хриплый. *окказ.* Издающий глуховатые звуки. **Но хриплы пастушьи трубы** (М. Кузмин).

Хрусталь. *окказ.* Что-л. прозрачное, сверкающее. **Ветер ломает хрустальные подвески ледяных, звонких хрусталей** (А. Белый).

Хрустальный. Чистый, прозрачный, сверкающий. *Хрустальные стрекозчат градины* (А. Белый).

Худосочье. окказ. О чем-л. тонком, прозрачном. *Кровельных сосулек худосочье* (Б. Пастернак).

Царапина. окказ. То же, что *порез*. *Белые царапины огоньков* (Б. Пастернак).

Чело (устар.). окказ. То же, что *лоб*. *Бело горное чело* (В. Инбер).

Чирикать. 1. окказ. Издавать высокие отрывистые звуки. *Ручей чирикал по камушкам. Маленький офицерик что-то чирикнул* (И. Сельвинский). 2. окказ. Повествовать, сообщать о чем-л. незначительном. «*Вечерка*» *чирикает о весне* (И. Сельвинский).

Шапка. Что-л. имеющее форму купола. *Шапка ее волос* (А. Белый, Б. Пастернак).

Шепот. 1. Слабый, едва слышимый шум, шелест, журчание и т. п. *Шепот алмазных фонтанов* (А. Белый). *Шепот пены* (И. Сельвинский). *Полунеслышимый шепот шагов. Шепот летней ночи* (З. Гиппиус). 2. окказ. Слабое проявление чего-л. (о чувствах, переживаниях и т. п.). *Шепот любви* (И. Сельвинский). *Черный шепоток беды* (А. Ахматова).

Шепотливый. окказ. Тихий, невнятный. *Шепотливы дождевые голоса* (З. Гиппиус).

Шептать. 1. Издавать какие-л. тихие звуки (слабый шум, шелест и т. п.). *Шепчет струйка воды* (А. Белый). *Море не шептало. Шепчущая вода. Шепчет тишина о тайнах красоты* (З. Гиппиус). *Шепчет мраморная Терпсихора* (В. Инбер). *Шепчет яблони прибой. Орешник шепчет* (Б. Пастернак). 2. окказ. Слабо проявляться (о чувствах, переживаниях и т. п.). *Здравый смысл шепнул ей* (З. Гиппиус). *Память шепчет внятно признания* (М. Кузмин).

Шептаться. Слабо, едва слышно шуметь, шелестеть, журчать и т. п. *Шепчется ветер с листвою. Озеро шепчется с осокой* (А. Белый). *Воды тихо шептались. Все вокруг зашепталося. Травы шепчутся сонные. Листва шептались несмело* (З. Гиппиус). *Шепчутся белые ночи* (А. Ахматова). *Шепчутся зеленые колосья. Дерево продолжало шептаться с ветром* (В. Инбер).

Щебетание. 1. окказ. Непрерывная быстрая звонкая речь. *Женщины с щебетанием преследовали мимо меня* (М. Кузмин). 2. окказ. Непрерывные высокие быстрые звуки. *Щебетание дождевых капель* (В. Инбер).

Щебетать. 1. Говорить быстро, без умолку, звонко (о детях, женщинах). *Барышни пробовали с ним щебетать* (А. Белый). 2. окказ. Непрерывно издавать высокие быстрые звуки. *Дождь проливной щебетал. Нежно, словно, неопытный соловей, защебетал маленький кран* (В. Инбер). *Отзвук щебечущей улицы* (Б. Пастернак). *Не щебечут деревья* (И. Сельвинский).

Янтарный. окказ. Золотисто-желтый, прозрачно-желтый. *Янтарные огни зари. Янтарные огонечки* (А. Белый).

Янтарь. окказ. Что-л. золотисто-желтого цвета. *Фонарь колеблет свой янтарь. Закатный янтарь. Отблеск золотистый закатных янтарей. Закатные янтари* (А. Белый).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Семантико-когнитивный подход к изучению метафоры	10
1.1. Метафорическая картина мира как специфическая форма отражения действительности.....	11
1.2. Особенности индивидуальной метафорической картины мира.....	19
1.3. Моделирование как метод лингвометафорологических исследований.....	23
1.3.1. Семантическое моделирование метафоризации.....	26
1.3.2. Когнитивное моделирование метафоризации.....	35
1.4. Принципы семантико-когнитивного метафорического моделирования.....	44
1.5. Параметризация метафорической модели.....	57
1.5.1. Денотативно-понятийные сферы как составляющие метафорической модели.....	58
1.5.2. Понятие семантико-когнитивного форманта.....	77
1.5.3. Мегамодель и субмодель как операционные единицы при описании метафорической модели.....	82
1.5.4. Свойства метафорической модели.....	86
1.6. Метафорический концепт как образно-ментальный конструкт.....	91
1.7. Методика анализа метафорического концепта.....	102
1.8. Метафорическая концептосфера и принципы ее описания.....	121
Выводы.....	128
Глава 2. Метафорическое моделирование мира в русской поэзии и прозе первой половины XX века	131
2.1. Поэзия и проза в творчестве одного автора.....	131
2.1.1. Понятие литературного «билингвизма».....	131
2.1.2. Языковая личность писателя-«билингва».....	136
2.2. Метафорическая картина мира русской поэзии и прозы первой половины XX века.....	144
2.3. Метафорическое моделирование мира в русской литературе первой половины XX века: общие закономерности.....	153
2.4. Моделирование метафорической картины мира как отражение языковой личности писателя: индивидуальные особенности.....	167
2.4.1. Метафорическое моделирование действительности в поэзии и прозе З. Гиппиус.....	167

2.4.2. Моделирование метафорической картины мира в стихотворных и прозаических текстах А. Белого.....	173
2.4.3. Формирование метафорической картины мира в произведениях А. Ахматовой.....	182
2.4.4. Моделирование метафорического пространства в стихах и прозе М. Кузмина.....	186
2.4.5. Метафорическое моделирование действительности в поэзии и прозе М. Цветаевой.....	190
2.4.6. Моделирование метафорической картины мира в произведениях Б. Пастернака.....	195
2.4.7. Формирование метафорического пространства в стихотворных и прозаических текстах В. Инбер.....	199
2.4.8. Метафорическое моделирование мира в стихах и прозе И. Сельвинского.....	204
Выводы.....	209
Глава 3. Метафорическая концептосфера русской поэзии и прозы первой половины XX века.....	212
3.1. Базовые концепты индивидуальных метафорических концептосфер русских поэтов-прозаиков.....	212
3.2. Метафорическая концептосфера русской литературы первой половины XX века.....	215
3.2.1. Ядро метафорической концептосферы.....	215
3.2.1.1. Метафорический концепт «Голос».....	215
3.2.1.2. Метафорический концепт «Птица».....	224
3.2.1.3. Метафорический концепт «Вода».....	230
3.2.2. Приядерная зона метафорической концептосферы.....	242
3.2.2.1. Метафорический концепт «Тело».....	243
3.2.2.2. Метафорический концепт «Дыхание».....	245
3.2.2.3. Метафорический концепт «Сон».....	247
3.2.2.4. Метафорический концепт «Плач».....	249
3.2.2.5. Метафорический концепт «Характер».....	251
3.2.2.6. Метафорический концепт «Пение».....	253
3.2.2.7. Метафорический концепт «Огонь».....	255
3.2.2.8. Метафорический концепт «Металл».....	255
3.2.2.9. Метафорический концепт «Ткань».....	257
3.2.3. Периферия метафорической концептосферы.....	259
Выводы.....	269
Заключение.....	271
Литература.....	278
Приложение «Материалы для словаря метафор русской поэзии и прозы первой половины XX века».....	295

Научное издание

Юлия Валентиновна Кравцова

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Монография

Підписано до друку 25.08.2014 р. Формат 60x84/16.
Папір офсетний. Гарнітура Таймс.
Умов. друк. арк. 18,6. Облік. видав. арк. 18,75.
Наклад 300 прим. Заказ № 599.
Віддруковано з оригіналів.

Видавництво Національного педагогічного університету
імені М. П. Драгоманова. 01601, м. Київ-30, вул. Пирогова, 9.
Свідоцтво про реєстрацію № 1101 від 29.10.2002.
(044) 239-30-26